БАЙКИ и БЫЛИ НИИГА - ВНИИОкеангеология 3

(1948 – 2012)

В ЦВЕТНОЙ КОМПОЗИЦИИ, ПРИВЕДЕННОЙ НА ОБЛОЖКЕ ПО МОТИВАМ ИЗВЕСТНОЙ КАРТИНЫ ИЛЬИ РЕПИНА «ЗАПОРОЖСКИЕ КАЗАКИ ПИШУТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ» (1880 Г.) (СЛЕВА НАПРАВО):

ВЕРХНИЙ РЯД

Е.Г.ЕРЕМИНА, А.В.ГОНЧАРОВ, О.И.СУПРУНЕНКО, Л.Я.ХАРИТОНОВА, Б.И.КИМ, М.К.КОСЬКО, С.Ф.СТОЯНОВ, Д.В.ЛАЗУРКИН, В.И.УСТРИЦКИЙ

ЗА СТОЛОМ

В.А.ЛИТИНСКИЙ, П.В.РЕКАНТ, Г.П.АВЕТИСОВ, Н.М.СТОЛБОВ, Е.А.КОРАГО, А.И.ТРУХАЛЕВ, В.Д.КАМИНСКИЙ (ДИРЕКТОР), Е.А.ГУСЕВ, Т.Ю.МЕДВЕДЕВА* И *БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Посвящается ***90-летию***
со дня рождения ***И.С.Грамберга***

БАЙКИ и БЫЛИ НИИГА - ВНИИОКЕАНГЕОЛОГИЯ *3*

(1948 – 2012)

Редактор: Супруненко О.И.

Компьютерная обработка:

Медведева Т.Ю.
Ерёмина Е.Г.

© Отдел нефтегазоносности Арктики и Мирового океана
E-mail: onaimo@centurion.vniio.nw.ru

Санкт-Петербург
2012

Грамберг Игорь Сергеевич

От редактора

Кажется, совсем недавно мы отмечали ***60***-летие НИИГА-ВНИИОкеангеологии (1948-2008) и посвятили ему «Байки» (2008) и «Байки и были-2» (2009). Но вот наступил 2012 год – год ***90***-летия *Игоря Сергеевича Грамберга*, и мы решили в честь этого юбилея подготовить третий выпуск «Баек и былей…». Представляется, что он, в целом, продолжает линию, намеченную в предыдущих выпусках, – Арктика, её суровая природа и люди, постигавшие арктическую геологию в этих условиях. Однако есть и отличия.

Во-первых, при сохранении костяка главных авторов первых выпусков, появились и новые «писатели»: как ветераны арктической геологии и геофизики (*В.Э.Волк, Г.А.Генко, В.А.Литинский, Л.В.Нехорошева, Н.К.Шануренко*), так и, что особенно радует, молодые – до 40 и чуть больше – *Е.А.Гусев, П.В.Рекант*. Наконец-то в авторский коллектив энергично ворвалась *Л.Я.Харитонова*, пришедшая в НИИГА в 1969 году сразу же по окончании средней школы, но до сих пор скрывавшая наболевшее.

Во-вторых, часть авторов рискнула (и, похоже, успешно) вспомнить не только коллег-геологов, но и тех, кто помогал геологам в полевой работе и окружал их в камеральный период (рабочие, в том числе «бичи», жители геологических поселков типа магаданского Сеймчана и др.). Как и ранее, воздали должное асам-авиаторам. Некоторые коллеги уделили внимание совсем недавним событиям, прямо или косвенно связанным с ВНИИОкеангеологией и ее сотрудниками (организация сбора бочкотары на архипелаге Земля Франца-Иосифа, участие в конференциях, контакты с TV и др.). Рискну заметить, что, по-моему, от первых выпусков к этому, третьему, вырос писательский талант (или, скромнее, дар рассказчика) *К.Н.Белоусова, Е.А.Кораго, В.Ф.Непомилуева, А.Н.Сироткина* и др. Особо хочется отметить вклад нашего постоянного и старейшего соавтора – *Виталия Ивановича Устрицкого*, ветерана Великой Отечественной войны. Думаю, что никого не оставят равнодушными его воспоминания о бое на Курской дуге («Последний бой (записки солдата)»). Что особо впечатляет: этот эпизод одной из решающих битв Великой Отечественной войны воспринимался его непосредственными участниками как будничное, ничем не примечательное событие!

В-третьих, в связи с недавним 50-летием Полярной морской геологоразведочной экспедиции (ПМГРЭ) в этот выпуск включен доклад б.главного геолога ПМГРЭ *В.А.Виноградова* на юбилейных торжествах в 1987 году о первых 25-ти годах жизни экспедиции.

В прежних выпусках авторы баек и былей старались быть «толерантными» к персонажам своих воспоминаний. В этом сборнике часть авторов достаточно резко (и не всегда, на наш взгляд, оправданно) высказывается в адрес своих коллег и современников. Что ж, как говорил Воланд, «люди есть люди…». Оставим эти оценки на совести авторов, сохранив свои собственные впечатления о тех людях, которым, как нам кажется, брошены не вполне или

вовсе не заслуженные ими упреки, тем более, что другие современники совсем по-иному оценивают тех же людей.

Еще одно обстоятельство: два ветерана НИИГА-ВНИИОкеангеологии – *В.И.Устрицкий* и *В.Н.Ушаков* – свои воспоминания в большей или меньшей степени посвящают геологам НИИГА «первой-второй волн» – тем, кто работал в институте с первых лет его существования или немногим (выпуск ЛГИ 1953 года) позднее и кто закладывал фундамент его дальнейшего существования и процветания. Фундамент этот, как показала жизнь, оказался исключительно добротным и выстоял даже в «лихие 90-е», о которых напоминают письма академиков и др. в конце книги. Посему и эти наши «Байки и были-3» – знак памяти и благодарности нашим предшественникам и современникам – геологам и геофизикам НИИГА-ВНИИОкеангеологии, которые в жизни своей, не декларируя этого, следовали девизу: «Раньше думай о Родине, а потом – о себе…» Первым из них сегодня мы вспоминаем и благодарим *Игоря Сергеевича Грамберга*.

О.И.Супруненко

Содержание

АВЕТИСОВ Г.П. 12

Создание геологических реперов на арктических островах – дело опасное

То хорошо, что хорошо кончается

БЕЛОУСОВ К.Н. 19

А без воды и не туды и не сюды...

Дик

Затянувшийся полет

Механик

Отрез

Султан и Шурик

Рисунки Белоусова К.Н.

Биректинская экспедиция

Восточно-Сибирская партия

Шпицбергенская партия

ВИНОГРАДОВ В.А. 40

От НИИГА к НПО «Севморгео» и ПГО «Севморгеология»

ВОЛК В.Э. 48

Зигзаги судьбы

ГЕНКО Г.А. 56

Мир тесен (от Таймыра до Памира)

ГУСЕВ Е.А. 60

Здоров. Годен

Гусеев. Мусаев

Уволен без выходного пособия

Стихи

КОРАГО Е.А. 63

Сеймчанские типы

БЫВШИЕ З/К старшего возраста. Иван Емельянович Гриценко

Рудаков

Николай Иванович

Клим Михайлович

Дядя Миша

Сектант

БЫВШИЕ З/К среднего возраста Саша Пожарский (*Абажурский*)

Каюры Валька Меркулов и Нетудыхатка
Чомбе
Студент Пахомов
Сеймчанские страшилки. Люда, Мургаб и Лазарь
Полпальца и Долли
Враг промедлений, сокрушитель препятствий
Про «жмуриков»
Мерин Серый
Немного про кликухи-погонялы

ЛАЙБА А.А. *107*

На Земле Семена Челюскина

ЛИТИНСКИЙ В.А. *144*

Отважные дрейфуньи

НЕПОМИЛУЕВ В.Ф. *179*

О геологах и их песнях
Песни геологов Шпицбергена
«Караоке» по-Шпицбергенски
Отче наш против Хорста Васселя
Шумел камыш, деревья гнулись!
Экспромт Семевского
Песнь о Свальбарде
Песни над архипелагом Новосибирские острова
Чокурдах – Острова (о. Котельный, 1973 год)
Гори, гори, моя звезда
Песни геологов Новой Земли
Алкогольно-песенный конфликт
Случай на точке
Песня варягов
Песня «Перелетные ангелы» - гимн Новоземельской партии
Роковая песня геолога Орга
Кризис жанра
Из фотоархива Непомилуева В.Ф.

НЕХОРОШЕВА Л.В. *238*

Заморочало
Спор

РЕКАНТ П.В. *240*

Как я перезимовал этим летом...
О том, как один почти кандидат наук с телефоном разговаривал
А водка, а как же наша водка? (*Е.Е. Мусатов*)

Где мой пароход? (*Е.Е. Мусатов*)
… Это нам рано! (*Е.Е. Мусатов*)
… Ну, рыжий, ну подставил! (*Е.Е. Мусатов*)

СИРОТКИН А.Н. 258

Вспоминая Чукотку
Ночные прогулки
Рассказ о надёжном человеке
Холодное лето 1987 года

СОБОЛЕВСКАЯ Р.Ф. 273

Чудесное спасение
Из фотоархива Соболевской Р.Ф.

СУПРУНЕНКО О.И. 322

«Пятый канал» просит об интервью

УСТРИЦКИЙ В.И. 324

Как начиналась геологическая съёмка в Арктике
Что такое Пай-Хой
База экспедиции
Транспорт
Смерть геолога
Страшная находка
Наш «Ледовый поход»
Осень на Пай-Хое
Бывает и такое! Несостоявшееся открытие
Как я «закрыл» альпийскую складчатость на Пай-Хое
Необычная находка
Первые барды НИИГА
Н.Н.Самсонов
В.И.Захаров
И.С.Грамберг
Последний бой (записки солдата)

УШАКОВ В.И. 359

Воспоминания об институте в начале его пути

ХАРИТОНОВА Л.Я. 379

Письмо в прошлое

ШАНУРЕНКО Н.К. 389

Северные полигоны
Былое и думы

ЭРЛИХ Э.Н. *394*

Легенды Томтора (к истории открытия)

ИЗ ФОТОАРХИВА ОТДЕЛА НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИКИ И МИРОВОГО ОКЕАНА – ОНАИМО *400*

К 75-летию *О.И.Супруненко*

Письма академиков и др.

Газета «Ленинские искры» 17 мая 1947 г. Статья *М.Г.Равича*, главного геолога Таймырской экспедиции к.г.-м.н. «Осуществленная мечта» (из архива семьи *Л.А.Чайки*)

И.С.Грамберг на международном форуме «Топливно-энергетический форум России» г. Санкт-Петербург, Михайловский манеж 1-5 апреля 2002 г.

АВЕТИСОВ Г.П.

Создание геологических реперов на арктических островах – дело опасное

С начала 1970-х годов в стране началось бурное развитие морских сейсмических исследований. Пришло это и в Арктику, но для успешного и эффективного использования морских наблюдений нужно было иметь надежные геологические данные по прилегающей к акваториям суше. В связи с этим Министерством геологии СССР перед НИИГА была поставлена задача создания геологического репера на Новосибирских островах, разделяющих моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. В институте была создана Восточно-Сибирская комплексная партия (ВСКП), начальником которой стал *Владимир Леонидович Иванов*. Партия должна была в течение 1972-1976 гг. провести геолого-геофизические исследования на всех островах Новосибирского архипелага (исключая острова Де-Лонга). Во главе геофизической части ВСКП встал *Алексей Лазаревич Пискарев*, занявший должность главного геофизика партии.

Геологические задачи, стоявшие перед ВСКП, были успешно решены, но здесь разговор о другом. Не обошлось без чрезвычайных ситуаций, которые, к счастью, не завершились трагедиями.

Часть I. Спасение утопающих – дело их товарищей

Все виды работ партии осуществлялись на старых изношенных вездеходах, и лишь наш, сейсмический, вездеход был единственным из всех вездеходов партии, который имел герметичную коробку и мог плавать. Поэтому его периодически отвлекали от наших работ и подключали к вытаскиванию из многочисленных водоемов Котельного вездеходов других отрядов. Тонули в основном гравиразведчики, которые должны были работать по сетке профилей и постоянно встречали какие-нибудь лужи и озерца. Не желая нарушать прямолинейность профиля, они перлись в воду и застревали там. Из-за этих их постоянных ЧП с легкой руки начальника партии слово «геофизики» не произносилось геологами ВСКП без сочетания с эпитетом, начинавшимся на букву «ё». Геофизики, естественно, отвечали геологам тем же.

В начале сентября гравиразведчики добрались до лагеря сейсмического отряда, разбитого на берегу речки Драгоценной. В их задачу входила отработка трех гравиметрических профилей через Землю Бунге: один центральный вдоль сейсмического профиля и два боковых, параллельных центральному. Они выехали двумя вездеходами, одним из которых командовал *Вадим Арпадович Литинский* (ныне гражданин США), а на второй сел *Пискарев* с оператором *Василием Алексеевичем Рахиным*. Договорились о встрече через два дня.

Прошло два дня, гравиразведчиков не было, а мы продолжали свою работу. Утром выехали на профиль и обнаружили на нем вездеход *Литинского*. Экипаж мирно почивал, а на мой вопрос о том, где *Пискарев*, и почему они его

не ищут, *Литинский* сказал что-то успокоительное и продолжил отдых. Мы уехали, и весь день плодотворно трудились. Где-то к концу поступило сообщение от нашего рабочего *Володи* по прозвищу *Редиска*, который находился на пункте взрыва в 4-5 км от вездехода. По его словам, он видел сигнальную ракету. Завершив работу, мы двинулись в указанную *Редиской* сторону. Было начало сентября, полярный день заканчивался, к вечеру сгущались сумерки. Новых сигналов не поступало, и я уже решил дать команду на возвращение, как вдруг совсем недалеко от нас взлетела ракета. Поехали в ее сторону, и вскоре я обнаружил, что едем по воде, хотя на карте в этом месте никаких водоемов не было. Попробовал воду и к своему удивлению обнаружил, что она соленая. И тут же в 200-300 м от нас мы увидели стоящий по крышу в воде вездеход, на котором сверху сидели *Пискарев, Рахин* и вездеходчик *Женя.* Потихоньку сдали назад на сухое место, выгрузили аппаратуру и людей и двинулись к утопленнику. Вблизи него наш вездеход всплыл, и мы боком подошли к несчастным, окоченевшим нашим товарищам. Очень осторожно они перешли к нам, мы двинулись назад, забрали все выгруженное, напялили на ребят все, что могли, и на всех парах понеслись в лагерь. Очень кстати в лагере «у нас было», так как вечером мы собирались отмечать день рождения *Марова*.

Очередное затопление гравиразведчиков. Не выдержавший испытаний *Литинский* удирает в Америку

Что же произошло? Шли южным гравиметрическим профилем от Фаддеевского. Пикетажная разбивка на профиле отсутствовала, поэтому *Пискарев* периодически вылезал из вездехода и по компасу определял азимут движения. Другого способа не было, так как на Земле Бунге ориентиров практически нет. Вездеход этот имел одну особенность – его левая гусеница

была немного короче правой, поэтому его все время заносило на юг к берегу залива Геденштрома. Когда обнаружили воду, *Пискарев* очень удивился, но продолжал движение. Видимость была плохая, казалось, что это какой-то небольшой водоемчик, другого здесь вроде и не должно было быть. Но когда глубина воды стала сантиметров шестьдесят, *Пискарев* забеспокоился, потом разглядел, что впереди по воде идут волны, и понял, что они попали в обширный водоем. Приказ немедленно остановиться водитель не выполнил, сказав, что заглохнет двигатель, сдавать назад он тоже не захотел, мотивируя это боязнью потерять гусеницу. Пока они препирались, вездеход продолжал движение вперед, глубина увеличивалась, и машина всплыла, а потом, естественно, дырявая коробка стала наполняться водой, и вездеход начал погружаться с креном на тяжелый передок. Находящийся в кузове *Рахин* среагировал мгновенно и выбросил на крышу вездехода спальные мешки, большой брезентовый плащ, сумки с ракетами, спичками, записями. Когда вездеход встал на грунт, крыша его выступала над поверхностью воды сантиметров на тридцать. Последним на нее выбрался уже совершенно мокрый водитель. Ярким воспоминанием *Пискарева* осталось зрелище выплывающих из вездехода и уносимых течением буханок хлеба.

Положение ребят было, мягко говоря, незавидное. Вариант идти вброд до сухого места отбросили. Температура воздуха и воды была в районе нуля, до лагеря оставалось порядка 50 км, и неизвестно, смогли бы они их преодолеть. Решили ждать внешней помощи, но и сами не бездействовали. Конечно, спасло наличие у них сухих спальных мешков, в которые ребята и залезли. Из брезента соорудили своеобразный экран от набегающих волн, вода подмерзала, образуя ледяной защитный валик. Особенно страдал от холода промокший водитель. Чтобы его как-то согреть, *Пискарев* в своем мешке навалился на него и мял, и массировал. На вопрос: «Как дела, *Женька*?» тот отвечал: «Х…во, *Лазаревич*!», но часа через два ему все-таки полегчало. Стали думать, как подать о себе сигнал. У них было 6 ракет, но … не было ракетницы. Забыли. Однако советские люди всегда отличались тем, что, попав в безвыходную ситуацию, часто во многом по своей вине, ухитрялись из нее выкрутиться. Брали ракету, в боку у нее ножом делали дырку, вставляли в нее спичку, поджигали и, используя руку *Пискарева* в качестве ракетодрома, запускали. Все это кажется невероятным, но это было. Ракета могла не полететь, могла полететь в лицо *Пискареву*. Обошлось и сработало. Из шести ракет взлетело пять, эту пятую и увидел *Редиска*. Шестую, несработавшую, с раздолбанной дыркой не выбросили, и она пригодилась. Когда им показалось, что мы их не видим и собираемся уезжать, сделали еще попытку запустить последнюю ракету, и попытка удалась. Ракета полетела как-то вбок, низко и упала метрах в двухстах, но этого оказалось достаточно. Мы ее увидели. К моменту спасения ребята просидели на крыше вездехода, которая уже возвышалась над поверхностью воды не более чем на пять сантиметров, 18 часов.

Вот такая была история, имевшая, к счастью, благоприятный конец. Примечательно, что ни один из наших робинзонов не получил даже насморка. Это при том, что в Ленинграде *Пискарев* частенько простужался.

Позднее мы узнали, что в те дни имел место сизигийный прилив, который привел к тому, что северная граница залива Геденштрома резко передвинулась на север.

Судьба же нашего славного вездехода-спасителя оказалась трагической. Но это уже совсем другая история.

Часть II. Редиска – «нехороший человек» или кому суждено сгореть, тот не утонет и не замерзнет

Закончив сейсмические работы, мы должны были на своем вездеходе возвращаться на базу. Бензина было в обрез, только до бочки, оставленной для нас *Львом Липковым*. Первая наша ошибка состояла в том, что мы свернули лагерь, не удостоверившись в исправности вездехода. Мы не могли его завести в течение нескольких часов, а когда это удалось, приближался вечер. Если бы палатки не были сняты, мы отложили бы отъезд на следующий день. Снова же разворачивать лагерь не хотелось, да и очень надоело нам это место. Поехали, стемнело. Куда-то мы в темноте поворачивали, преодолевали какие-то возвышенности и речки и, наконец, решили остановиться и дождаться рассвета. Пробуждение было ошеломляющим. Мы поняли, что двигались в темноте практически по кругу – в нескольких сотнях метров от себя мы увидели наш покинутый лагерь. Горючего оставалось только для того, чтобы доехать до него.

Снова развернули палатки и ждали несколько дней, пока нам доставят бензин. Вторая поездка тоже проходила с приключениями. Мы вышли к западному берегу Котельного значительно южнее Темпа в лагуну Нерпалах, где в 1902/1903 гг. провела вторую зимовку русская полярная экспедиция *Э.В.Толля*. Оттуда мы поднялись вдоль берега на север и, наконец-то, измученные прибыли на базу. Я вытащил из вездехода только вьючный ящик с сейсмограммами и журналами, отложив дальнейшую разгрузку на завтра, о чем потом очень пожалел. Все разошлись по палаткам и, естественно, стали отмечать окончание такого сложного и нервного сезона. Где-то часов в десять вечера, когда было уже совсем темно, услышали крики: «Вездеход горит!». Выскочили, надеясь, что горит не наш вездеход, и среди кромешной тьмы увидели зарево. Ошибиться было нельзя – горел именно наш вездеход, имевший характерный силуэт благодаря стоявшей на нем антенне. Тушить уже было бесполезно, успели только другим вездеходом оттащить нашего бедолагу в сторону на безопасное для палаток и остальной техники место. Вот так в огне закончила свою жизнь наша славная машина, весь сезон спасавшая другие вездеходы от затопления. Вместе с ней сгорела сейсмическая станция, мой карабин, притороченный к потолку кабины, топографические карты. Какое счастье, что я вытащил из нее материалы всей нашей работы.

Останки нашего героического вездехода

Когда наступило утро, выяснилось, что главным действующим лицом в этой истории оказался наш замечательный *Редиска*. Его нашли в палатке с прогоревшими ватными штанами и обожженными ногами. Вечером, выпив, он решил покурить в кабине вездехода и заснул там с горящей сигаретой. Пепел упал на его штаны, которые стали тлеть. Проснулся он только, когда стало горячо ногам, и огонь уже перекинулся на сиденье и брезент, но не поднял тревогу, а убежал в палатку и залез под кровать. Время было упущено, и, когда пожар обнаружили, сделать было ничего нельзя. *Редиску* санрейсом отправили в Чокурдах, где он месяца полтора пролежал в больнице. С этим *Редиской* была история в самом начале экспедиции. Вся наша техника своим ходом прошла из Чокурдаха через проливы на базу в Темпе. Возглавлял этот выдающийся переход замечательный арктический геолог *Дмитрий Александрович Вольнов*. Так вот *Редиска*, находясь в нетрезвом состоянии, вывалился из кузова вездехода и, конечно, должен был замерзнуть. Но его все-таки вовремя хватились, вернулись и подобрали. Не судьба ему была замерзнуть, ему надо было обгореть. Именно после того первого случая он и получил свое прозвище – *Редиска*, что на жаргоне означает «нехороший человек». Вообще-то парень он был хороший, весь сезон отработал самоотверженно. Из-за холода у него страшно болели все зубы, но никогда мы не слышали от него жалоб. Да и не заметь он ракету, неизвестно, что было бы с командой *Пискарева*. Эх, если бы не проклятый алкоголь, скольких замечательных русских людей он сгубил!

После этой истории обозначение геофизиков указанным выше эпитетом стало просто обязательным.

Прошли годы, все плохие эпитеты забылись, и остающиеся в строю ё-геологи и ё-геофизики ВСКП поддерживают друг с другом теплые и даже дружеские отношения.

То хорошо, что хорошо кончается

Был май 1973 года. Я пребывал в хорошем расположении духа, потому что удалось добиться продолжения сейсмологических наблюдений на Новосибирских островах, причем не только продолжения, но и расширения. Планировалось вести регистрацию одновременно в двух пунктах архипелага.

До выезда на полевые работы оставалось выполнить простую формальность – пройти медкомиссию. Никаких проблем не ожидалось, но…

Реакция Манту оказалась положительной. Врач сказал, что такое бывает и у здоровых людей, но, на всякий случай, предписал сделать снимки в двух проекциях – анфас и профиль. Выполняя это указание, я отправился на Гапсальскую, получил картонную бирку с номером и встал в очередь. Все шло по хорошо отработанной системе, но, когда передо мной оказался один человек, произошла какая-то заминка. Как выяснилось, закончилась пленка. Через некоторое время процесс возобновился, я прошел процедуру и отправился домой.

На следующий день я пришел в поликлинику, чтобы взять снимки и получить окончательное «Здоров. Годен для работы в Арктике» от терапевта. Все остальные врачи были успешно пройдены. Взял снимки и заключение, на котором вдруг вместо обычного и без всяких сомнений ожидаемого штампика «Органы грудной полости без изменений» увидел написанную от руки более пространную запись. Я запомнил ее дословно на всю жизнь: «Интенсивные очаги ТБЦ, обизвествленные лимфатические узлы. Сердце и аорта без изменений».

Слегка смущенный, но до конца еще не понявший ситуацию, я отправился к терапевту. Усталая, немолодая женщина-терапевт, особо не разглядывая мои бумаги, уже начала писать «Здор….», как я сказал ей: «Доктор, а что это написано в заключении рентгенолога?». Она посмотрела, потом побелела, потом покраснела, схватилась за сердце. Дальше состоялся такой короткий диалог:

«Как, да у вас же туберкулез, какая Арктика!»

«Доктор, да не может этого быть, я всю жизнь обтираюсь холодной водой, вообще даже не простужаюсь никогда! У меня отправка на работы через три дня»

«Какие три дня, вы что, с ума сошли?! У вас открытая форма туберкулеза. Я кладу вас в стационар. Завтра придете к 15 часам. Никаких разговоров»

Убитый горем, не оттого, что у меня туберкулез, это как-то не укладывалось в моей голове, а оттого, что срываются работы, которых я так трудно добивался и с которыми связывал свое научное будущее, я отправился домой.

Дома мое сообщение было воспринято как удар грома среди ясного неба. Отойдя от шока, жена, рыдая, тем не менее, железной рукой выделила мне

отдельное полотенце, ложку, чашку, миску и изолировала от детей. Жизнь началась совсем другая.

Ночью сна, конечно, не было. Я лежал и перемалывал в голове все произошедшее. И вдруг на меня нашло озарение. Я вспомнил, что на картонной бирке в очереди стоял номер 610, а на снимках, которые сейчас были у меня, номер был 609. Надо сказать, что у меня, еще когда я первый раз взглянул на эти снимки, особенно на тот, который был в профиль, мелькнуло какое-то неосознанное сомнение, мелькнуло и исчезло. Мне было не до анализа.

Теперь же, обнаружив несовпадение номеров, я уже не сомневался: снимки не мои. Стал разглядывать их внимательнее и получил новое доказательство: силуэт был, конечно, женский, причем настолько явно, что не понятно, как врач могла этого не заметить. Вот насколько она была деморализована мыслью о том, что едва не выпустила в Арктику человека с открытой формой туберкулеза. Потом пришло еще одно воспоминание: в очереди на рентген передо мной стояла здоровенная грудастая тетка, сейчас можно сказать, мало уступавшая Анне Семенович. Она была из плавсостава, не то буфетчица, не то повар. Когда произошел сбой с пленкой, рентгенологи и перепутали снимки.

Утром, не дожидаясь 15 часов, я рванул в поликлинику. Врач, увидев меня, рассвирепела: «Я же сказала вам придти к 15 часам». Тут уже рассвирепел я: «Доктор, вы в состоянии отличить женский снимок от мужского ?». Она схватила снимки, убежала с ними в ординаторскую, и через полминуты я услышал дружный хохот. Потом вышел мужчина-врач и, утирая выступившие от хохота слезы, с трудом произнес: «Хорошую же мы вам грудь привесили».

Ничего я ему на это не сказал… Только говорю: «Что же вы, мастера липовые, делаете? А если бы впереди меня стояла не женщина, а мужчина! Вы бы меня отправили в стационар к туберкулезникам, обследовали, черт знает, сколько времени и сорвали бы мне полевой сезон. Хоть бы извинились».

В одну минуту все мои документы подписали, ругаться желания, конечно, уже не было. В прекрасном настроении я вернулся домой, и моя *Александра Федоровна*, всегда резко отрицательно относящаяся к выпивке, приняла участие в праздновании по поводу моего счастливого избавления от тяжелого недуга. Я думаю, что у той женщины, которая стояла в очереди передо мной, события развивались по обратному сценарию. А впрочем, может быть, и нет. Может быть, получив снимки моих здоровых легких, она продолжила награждать окружающих «палочками Коха». У нас все может быть.

Уже через три дня я был на базе партии в Чокурдахе, а еще через десять дней сейсмологические станции начали регистрацию землетрясений в двух точках: в аэропорту «Темп» на о. Котельный и на полуострове Кигилях о. Большой Ляховский.

Вот такая была счастливо завершившаяся история.

БЕЛОУСОВ К.Н.

А без воды и не туды и не сюды...

В нашу нечастую снежно-морозную и солнечную погоду нет-нет и вспомнится мартовский Шпицберген с еще холодным солнцем, резко бьющим в глаза. В чистейшем воздухе поскрипывает снег под лыжами, а какая тишина... Такие мгновения составляют истинную радость и можно благодарить за это еще не совсем увядшую память.

Мои первые годы на архипелаге связаны с геологической съемкой в центральной и северной частях Шпицбергена. Работа сезонно-летняя, проходящая с июля по сентябрь в обычных маршрутах с редкими перерывами. Со словами «умный в гору не пойдет...» совершаются постоянные восхождения от 0 до 800-1000 метров. Молотки врубаются в скалы, в уголь, чтобы с набитыми образцами рюкзаками вернуться в лагерь. Нелегок путь к вершинам, но зато какая с них открывается красота.

Три года прошли в угольной группе *А.И. Панова*, ветерана войны и НИИГА (светлая ему память). Позже я перешел под дружеское крыло руководителя гидрогеологического отряда, *И.С. Постнова*. Жизнь и работа резко изменились.

В январе 1982 года, в разгар полярной ночи, я в одиночестве вылетел на остров. Предстояло обеспечить гидрогеологические наблюдения при бурении разведочных скважин в районе рудника Пирамида, а также ведение режимных наблюдений на источниках водоснабжения обоих рудников (ледник Бертиль, озера Голубое и Стемме). Периодически вменялось посещение Баренцбурга для проведения термометрических замеров на участке замораживающих колонн в районе запасного искусственного водоема с прозаическим названием «Копань».

Именно с этого объекта и начиналась моя работа. В более десятка труб промораживания, заполненных керосином (они создают на глубине нескольких метров ледяную завесу в местах предполагаемого протаивания), высотой 10-14 метров, надо было опускать датчик термоаппарата через каждый метр. На каждый отсчет уходило 15-20 минут. Все это приходилось выполнять, стоя на лестнице у устья колонны в кромешной тьме и при хорошем морозце.

На архипелаге пресной воды в избытке, но на рудниках и особенно на Пирамиде она всегда была дефицитом. Поэтому изучение и наблюдение за имеющимися объектами водоснабжения, и особенно перспективными, являлось насущной задачей. И именно ее выполняли члены гидрогеологической группы по утвержденным программам руководства рудников.

На руднике Пирамида источниками пресной воды (в зимнее время) являлись озеро Голубое (на высоте 165 м и в 5 км от поселка) и ледник Бертиль (высота около 80 м, в 1,5 км от рудника). Последний объект был уникальным – внутриледниковые воды с августа по май составляли треть потребления Пирамиды. В теле ледника Бертиль пробивался тоннель протяженностью около

100 метров и диаметром более 2 м, в конце которого находился водозабор. Летом и осенью дебит был приличный, зимой он уменьшался, но был постоянным. Краткий перебой возникал лишь весной, когда талые воды забивали тоннель осадками. Его требовалось чистить, заново прокладывать трубопровод и оборудовать водозабор. Ценность этих вод заключалась в их минерализации (все другие воды были пресными). Поэтому, несмотря на трудности при использовании вод ледника в связи с изменением направления стока, каждые 3-5 лет пробивался новый туннель, вплоть до закрытия и консервации рудника Пирамида в 2000 году.

Наша задача состояла в отслеживании водозаборов, в измерении дебита, температуры и состояния существующих объектов и оценке перспектив новых, в конце концов, в бесперебойности водоснабжения рудников. Смысл же режимных наблюдений сводится к получению статистических данных, т.к. они проводились в определенные дни с определенной чистотой. И ни пурга, ни мороз не могли являться помехами для их осуществления.

Летом, в составе небольшого отряда, мы проводили инженерно-геологические исследования в районе Нью-Алесунна, научного центра Норвежского Полярного института. Он вошел в историю начала XX века, как отправной пункт дирижабля «Италия» (экспедиция Нобиле) к Северному полюсу, о чем свидетельствует сохранившаяся и поныне причальная мачта дирижабля. Здесь же находятся памятник погибшим в этой экспедиции, а также обелиск в честь полета *Р. Амундсена* к Северному полюсу.

Ныне это сборный пункт исследователей из разных стран и стоянка туристических лайнеров. В свободное от работы время происходит многочисленные, несанкционированные в те времена, встречи. Наиболее тесные контакты возникли у нас с французскими геологами и гляциологами. Мое пребывание на острове закончилось в сентябре, и 1982 год ознаменовался самым долгим полевым сезоном – 8 месяцев.

В следующем году к уже имеющимся объектам добавились озера Гусиные (р-он Пирамиды) и Конгресс с прилегающими к последнему минеральными источниками (район Баренцбурга). Водоснабжение рудника Баренцбург осуществляется из оз. Стемме, расположенного на противоположном берегу Грен-фиорда (в 4 км от поселка). Водозабор соединен с рудником водоводом длиной 1340 м, проложенным по дну фиорда. В те времена обслуживание и контроль за этими объектами осуществляла бригада из трех человек, обосновавшаяся в доме на берегу оз. Стемме. Всех помню до сих пор, но особенно *Ивана Чеснокова*, мастера на все руки. Именно он возглавил наш снегоходный рейд в декабре к минеральным источникам.

Для осуществления этого рейда руководителю гидрогеологического отряда *И.С.Постнову* и мне предстояло привести в полную готовность два снегохода, а главное – получить «добро» от руководства рудника. Разрешение было получено и все действия скоординированы, в том числе и радиосвязь. Были назначены контрольные сроки завершения маршрута и дана заявка на вертолет.

Наконец, мы, в полной зимней экипировке, прибыли на вертолетную площадку. Летчики распахнули задние створки МИ-8 и нам предстояло по трапу завести снегоходы на борт. *Игорю Степановичу*, как автомобилисту, это было просто. Я же, заведя движок, двинулся в салон с дрожью в коленках. Все обошлось, и вскоре мы приземлились у оз. Стемме, где нас уже ждал *Иван Чесноков* на своем снегоходе.

Погода выдалась по-настоящему полярная. Темно до ломоты в глазах. Ни луны, ни северного сияния при минус пятнадцати градусах. До мыса Старостина с одноименным охотничьим домиком проскочили хорошо. Попив чаю в домике, отправились дальше. Обогнув мыс, проскользили по озеру Линне, а далее пошли на перевал (~800 м). Без *Чеснокова*, отлично знающего окрестные пути, нам бы перевал не одолеть. Тем не менее, высоту осилили и начали спуск к минеральным источникам.

Их мы смогли определить лишь после того, как два снегохода осели в снежно-водяной каше по самые сидения. Несколько часов мы вытаскивали машины из талика, находясь в этой каше выше колен. Ватные штаны хорошо впитали влагу, в валенках хлюпала вода. В конце концов из проталины мы выбрались, водные пробы отобрали. Но к контрольному времени запаздывали.

А завершающий отрезок пути оказался очень сложным. Несколько оврагов мы проскочили благополучно. Последний, высвеченный светом фар, показался прямо-таки «ущельем». Мы не решались его форсировать. Выручил *Ваня Чесноков*. Он лихо перебросил все три снегохода по почти вертикальным склонам. Дальше пошла наезженная дорога, и мы в конце концов завершили этот рейд.

С удовольствием вспоминаю Шпицберген, его острые пики, снега, солнце, полярное сияние, но мне дороже всего память о людях, работниках рудников, которые приходили на выручку. Это, прежде всего, зам. начальника стройучастка Баренцбурга *Л.Е.Левицкий* с супругой, вся группа геологов рудника Пирамида (особенно *О.Н.Тарасенко*), зимовщики на озере Стемме и многие другие.

Дик

Дика привезли на остров Большой Ляховский месячным щенком. Грустно ему было расставаться с матерью Чернухой, многочисленными братьями и сестрами, обжитым лазом под деревянным срубом на материке, но легкий характер не позволил ему долго тосковать.

Дорога была тяжелой – свистела пурга, равномерно гудели двигатели вездеходов, но он ее помнил смутно. Зато в памяти осталась нежная забота людей. Они кормили его вкусной молочной кашей, закутывали в теплую оленью шкуру и играли с ним, отвлекая от грустных мыслей о покинутых близких. Да, все эти громадные, одетые в лохматые полушубки люди с простуженно-хриплыми голосами были такими хорошими.

С тех пор доброжелательность к людям стала для Дика постоянной привычкой. На новом месте тоже был снег и деревянный дом, и теплое собачье место под крышей, и ему здесь понравилось.

Я прилетел на остров, когда Дик уже твердо стоял на своих толстых мягких лапах. Лобастый, с карими, не по-собачьему лукавыми глазами, красивой серой с подпалинами шерстью, он у всех вызывал симпатию, не оставив и меня равнодушным. И даже короткий, случайно обрубленный хвост удивительно соответствовал характеру Дика – доброму и веселому. А веселиться ему было с кем. Все шестнадцать, преимущественно бородатых и лишенных сентиментальности, мужчин самозабвенно играли с ним, превращаясь на время в больших детей.

У Дика чесались зубы и все, что плохо лежало, становилось его добычей. Но разве можно было на него сердиться, когда ветер сдувал постиранные трусы, портянки, и они попадали в зубы Дику.

Особенно интересной жизнь Дика стала после того, как стаял снег. Открылись норы леммингов и появились незнакомые быстроногие зверьки с таким волнующим запахом. Собачий инстинкт толкал Дика в погоню за ними, но неизвестность и страх не позволяли ему следовать закону природы и праву сильного – побеждать. Он подолгу крутился у норок, пытаясь раскапывать их еще не совсем окрепшими лапами, и, конечно, совал туда свой черный нос, но тут же в испуге отпрыгивал. Не менее интересны были пуночки, свившие гнездо прямо над дверью дома. Они все время куда-то летали, а Дик недоуменно крутил головой, провожая их взглядом. А как хотелось поймать птичку и поиграть с ней! Но стоило только броситься в погоню, как пуночка улетала.

Так и носился Дик целыми днями по пробудившейся тундре, осваивая все ее мудрёные запахи и знакомясь с открывшимся ему прекрасным миром. Мы были спокойны, опасностей на пути Дика в округе нашего жилья не было.

К лету Дик подрос и окреп. Теперь уже лемминги не вызывали у него страха и часто попадали на его острые зубы. С первого же маршрута Дик неизменно следовал за нами. Многие километры, роняя с розового языка слюну, бежал за вездеходом, а когда уставал, мы сажали его в кузов. Шло время, закончилось безоблачное собачье детство. Вскоре пришло и первое жизненное испытание.

Мы отправились в многодневный маршрут. Дик, как всегда, бежал позади, временами задерживаясь по своим собачьим делам. Путь преградила широкая река, которую мы удачно форсировали, а опоздавший к переправе Дик не решился ее переплыть. Он побежал вверх по течению и мы, уверенные, что он найдет брод, двинулись дальше. Но вечером Дик не появился, не пришел и на следующее утро. Ребята заволновались. Я убедил всех, что он либо догонит нас, либо вернется в лагерь, где пищи ему должно хватить до нашего возвращения. Тем не менее, все мы за него беспокоились.

Обратно возвращались через десять дней. На подходе к лагерю все вглядывались вперед, ожидая появления Дика. Километра за три до дома разглядели приближающуюся точку – это был Дик! Какая встреча! Дик прыгал и скулил, норовил каждого лизнуть своим длинным языком, мы же все радостно ласкали соскучившегося пса. Что ж, экзамен на зрелость Дик выдержал и выглядел хоть и похудевшим, но «возмужавшим».

Теперь, почувствовав себя большим и сильным, он стал чаще убегать далеко в тундру и не всегда сопровождал нас в маршрутах. К осени Дик еще больше повзрослел – грудь стала широкой, мускулистой, однако игривый его характер не изменился. Только играть с ним стало сложнее, в прыжке он мог и с ног сбить.

В том же домике, который его приютил совсем маленького, остался Дик на зимовку вместе с двумя нашими ребятами, а мы улетели в город.

Встреча состоялась следующей весной. Дик нас узнал и обрадовался, но в его обхождении уже не проявлялась щенячья восторженность. Пес стал «солиднее» да и интересы его изменились. Зимой он работал в упряжке и не кем-нибудь, а вожаком. Сейчас к нему пришла вторая весна, но не только лемминги и весенние запахи занимали его внимание. У него появилась подруга, белая остроносая сучка Гавка. И все-таки что-то осталось в нем прежнее, хотя бы тот же лукавый взгляд и, конечно, неизменная привязанность к людям, от которых он видел только хорошее. Да, у Дика оказалась завидная собачья судьба. Он «хозяин» острова и даже нет у него конкурента, с которым можно было бы бороться за подругу. Мелькнула мысль, а, может быть, это плохо, может быть, Дик, такой сильный и здоровый, не способен к борьбе.

Вскоре случай убедил нас в обратном. Неожиданно в лагерь прибыл соседний отряд. У них, конечно, тоже был пес – черный, злой и сильный. Сначала Дик с чужаком осторожно принюхивались друг к другу, но, как только поблизости появилась Гавка, они с рычанием вступили в собачий бой. Мы не успели разнять сцепившихся в клубок собак, как пришелец пустился наутек.

У нас у всех к чувству любви к старому другу прибавилось и чувство уважения, без которого дружба, вероятно, не может быть полноценной даже между человеком и собакой. И тем грустнее было расставаться с Диком осенью, теперь уж навсегда.

Мы покинули остров, который стал для Дика домом и где скоро появится его потомство. Что ж, в нашей помощи он больше не нуждается. Он вожак в упряжке и собачий хозяин острова. Но в любви человеческой он всегда будет испытывать необходимость и хочется, чтобы он никогда в ней не разочаровался.

Затянувшийся полет

Было это в те далекие послевоенные годы, когда по северным воздушным трассам летали еще старые ПО-2, ласково прозванные «уточками» и «кукурузниками». Сейчас эти легкие двух-трехместные самолетики с перкалевыми крыльями, скрепленными тонко переплетавшимися тросами, стали музейной редкостью и даже в кино их можно увидеть только в документальных лентах.

Экспедиция наша работала в районе реки Хатанги и базировалась в безлюдной редколесной тайге, в нескольких сотнях километров от ближайшего поселка. На весновку мы прилетели ранней весной, тайга стояла безжизненная, занесенная снегом. Лагерную базу еще только начали строить и первое время всем пришлось тесниться в нескольких больших палатках, получивших прозвище «индий». В них были сооружены нары, а посередине круглые сутки потрескивали печки, изготовленные из железных бочек. Народу собралось много и лагерь начал быстро расти. Почти все выходили на заготовку леса, тесали бревна и заготавливали срубы для палаток. Скоро и мы переселились в новый «дом», сделанный собственными руками. После «индии» в нем было просторно. По краям размещались три топчана, а посередине стол. От сруба и тесанного пола остро пахло лиственничной смолой.

Теперь главным рабочим местом стал стол, на котором мы дешифрировали аэрофотоснимки и намечали будущие маршруты. Особенно интересным было дешифрирование. Когда берешь пару снимков, сфотографированных с самолета и смотришь в стереоскоп (приспособление простейшее - несколько зеркал и две линзы), изображение невыразительное и плоское постепенно становится объемным. Различаются выпуклости гор и холмов, впадины озер и речных долин, пласты и обнажения горных пород. Чтобы обследовать всю намеченную площадь, приходилось просматривать многие сотни снимков, так что работы хватало.

Неожиданно пришлось ее прервать. Заболел наш повар *Иван Иванович*, немолодой, но еще крепкий с виду мужчина. Надо было срочно доставить его в больницу. Начальник экспедиции вызвал меня к себе. *Эдуард Янович* был весьма колоритной фигурой – сухощавый, высокого роста, с маленькой головой, большими выразительными глазами и крупным носом. Эмоции и энергия били из него ключом. Работал *Эдуард Янович* в Арктике давно. Все его уважали, любили и одновременно немного побаивались за крутой характер.

Наш разговор был коротким. *Эдуард Янович* сказал: «Придется тебе на время оторваться от геологических дел и проводить *Ивана Ивановича*. Будешь старшим. С вами полетит механик, а второго сопровождающего подбери сам».

В лагере постоянно базировались два ПО-2, летавших только попарно, т. к. рации на них не было. Рано утром все были готовы к полету. Мы с механиком *Вадимом Петровичем* разместились в самолете командира звена, в другом - поместили больного и коллектора *Мишу*. Пилоты, молодые ребята *Костя* и *Федор*, недавно окончившие училище, нетерпеливо поторапливали пассажиров.

Рейс предстоял простой - несколько часов полета по известной трассе, да и погода стояла хорошая.

Наконец *Костя* крикнул: «От винта!» Затарахтел мотор и после небольшого разбега самолет поднялся в воздух. Вслед за нами взлетел и *Федор* с больным на борту. Летели невысоко. Земля сливалась в белую бескрайнюю равнину, уходящую за горизонт. Многочисленные озера и реки едва улавливались под снегом, ориентироваться было сложно. Через час впереди стало темнеть, небо закрыла громадная туча, усилился ветер, самолет попал в болтанку. *Костя* показал жестом, что придется садиться. Выбрав подходящее место, начали снижаться.

Самолет заскользил по снегу и почти уже остановился, как вдруг раздался треск, крыло накренилось и зарылось в снег. Выбравшись из кабины, увидели, что поломалась стойка, к которой крепится лыжа. Крыло, к счастью, уцелело. Второй самолет приземлился благополучно. Собрали срочный совет. Механик сказал: «если есть дрель, заштопаем, как в мастерских». Дрель нашлась. *Вадим Петрович* с пилотами занялся ремонтом, а я, прихватив мелкокалиберную винтовку, отправился на промысел - продуктов-то с собой не взяли. Пока я охотился на куропаток, туча со шквальным ветром достигла места нашей неудачной посадки. Все бросились крепить самолеты. Пурга неистовствовала часа два, потом посветлело и ветер стих. На костре из куропаток сварили суп. А за это время *Вадим Петрович* успел закончить ремонт. Скоро мы без всяких приключений снова были в воздухе. Через час полета горючее оказалось на исходе, а поселка все еще не было видно. По-видимому, мы отклонились от курса.

Когда впереди показалось несколько домиков, пришлось еще раз идти на посадку. Все думали об одном - выдержит ли стойка? Но иного выхода не было, с пустыми баками не полетишь. После удачной посадки побежали обнимать механика. В это время кто-то вышел из домика. Вблизи незнакомец оказался громадным широкоплечим мужчиной, невозмутимо спросившим: «Пошто сели?» Мы объяснили, что кончился бензин, и спросили, далеко ли до поселка. «Однако, верст пятьдесят», ответил таежник. Летчики стали узнавать, нельзя ли у него разжиться бензином. Ответ обнадеживал: «Года два тут три бочки стоят, пошли покажу!» В конце концов, нам повезло, бензин оказался авиационным. Полет продолжился. Скоро показался поселок, где нас уже с нетерпением ждали. *Ивана Ивановича* отвезли в больницу, а мы отправились ночевать.

Годы спустя, пролетая на современном лайнере над Хатангой, вспомнил о давнем затянувшемся полете. Трудно поверить, что устранить поломку самолета можно было с помощью обычной дрели. В те годы мы все летали не без риска. Однако нынешнее время стало гораздо более опасным во время полетов. И если в рейсах на ПО-2 или АН-2 жизнью рисковали максимум десятки людей, то сейчас – это многие сотни. И никакая сверхуниверсальная дрель помочь не в силах.

Механик

Механик *Иван Иванович* был приметной фигурой в нашей экспедиции. Уже весьма немолодой, за пятьдесят, с легкой сединой в волосах, но еще очень крепкий и подвижный. Ростом его бог тоже не обидел, в молодости слыл он неплохим спортсменом. Работал *Иван Иванович* на Севере давно, более трех десятков лет, и за это время успел много повидать и Заполярье знал, как свои пальцы, пальцы умельца и механика. Поэтому, когда вечером в столовой слышался его спокойный густой голос, многие оставались послушать. Особенно молодежь, которой интересно было узнать из уст очевидца о зимовках в довоенные еще годы, о ледовых походах на тракторах и первых советских вездеходах по северным трассам.

Иван Иванович умел не только интересно рассказывать. Механиком он был опытнейшим, что называется, мастером золотые руки. Много времени проводил в гараже, умея вдохнуть в мертвый металл новую жизнь. Частенько брался и за рычаги трактора или вездехода.

Однажды осенью довелось увидеть мне *Иван Ивановича* в настоящем деле. В конце навигации, когда на причалах порта нашего поселка скапливаются суда с грузами из многих уголков страны, для экспедиции прибыл новый трактор. Надо было его получить, и мы отправились в порт.

С высокого берега открывалась широкая панорама на извилистую ленту Индигирки с баржами, буксирами, лихтерами на рейде и у причала. Наш трактор находился на борту лихтера, покачивающегося на воде у самого берега. Борта его высоко возвышались над низкой прибрежной отмелью. Как преодолеть это короткое расстояние и поскорее выгрузить трактор? Обратились к крановщикам большого «Ганца», но за операцию по переброске трактора на берег краном цену заломили немалую, а, главное, ждать надо было долго. *Иван Иванович* наморщил свои великолепные брови, очень густые и разлетающиеся в стороны, как кончики гусарских усов, и сказал: «Будем снимать сами».

Дело не простое. Вчера с этого же лихтера уже пытались согнать трактор, но он рухнул в воду. Для того, чтобы согнать трактор по сходням на берег, нужен не только большой опыт, твердые руки, глазомер, но и смелость. Сходни, состоящие из двух попарно сколоченных бревен, круто спускаются с борта на берег. Они покачиваются в такт волне, то приподнимаясь, то опускаясь. К тому же из кабины трактора их не видно.

После недолгой дискуссии притащили сходни. На берегу собралась толпа, доносились реплики: «Утопит старик трактор». Подошли какие-то разбитные парни и, ссылаясь на опыт, предложили свои услуги. Но *Иван Иванович* отмахнулся от них, сказав: «Утоплю, так хоть сам!»

Взглянув на механика, подумалось, вряд ли прогнозы зевак оправдаются. *Иван Иванович* был невозмутим и собран. Спокойно и уверенно забрался в кабину, накрыв своими большими руками рычаги. Задрожал двигатель и трактор сдвинулся с места. Долго не удавалось закусить гусеницами концы

сходен. В конце концов *Иван Иванович* загнал трактор почти к противоположному борту, лихтер наклонился и концы сходен высоко задрались. А когда трактор пошел на них, ушли вниз и попали под гусеницы. Теперь предстояло «свалиться» с борта на сходни. Трактор замер, затихли и все любопытные. *Иван Иванович* напряженно следил за сигнальщиком на берегу, который руками показывал, куда надо подворачивать. Вдруг задранный нос трактора резко опустился и все облегченно вздохнули - гусеницы точно попали на бревна.

Выходящему из кабины трактора *Иван Ивановичу* жали руки, кто-то настойчиво просил согнать трактор с соседнего лихтера. Механик покачал головой и твердыми шагами человека, сделавшего нужную, но обычную работу, двинулся в поселок.

Отрез

Конец войны застал капитана *Моторина* в небольшом румынском городишке. Как и повсюду, той замечательной майской ночью уже давно мирное небо городка озарилось пулевыми трассами и вспышками ракет. Перепуганные жители быстро догадались, что этих выстрелов бояться не надо, что многолетний страх за свою и жизнь близких людей остался позади.

Моторин, двадцатишестилетний кадровый военный, через месяц после Победы получил с нетерпением ожидавшееся им предписание. Его отзывали на Родину для завершения прерванного войной учения в одной из академий. На сборы времени оставалось немного, а неотложных служебных дел хватало с избытком. Кое-что надо было сделать и для себя, в частности, приобрести подарки оставшимся в живых родным. Одним из вечеров капитан отправился по магазинчикам, которых сразу же после удаления линии фронта от городка развелось здесь великое множество. «Господина» офицера встречали в них с великой радостью как перспективного покупателя, и он довольно быстро приобрел необходимое для мамы, сестер и брата. Подарок для отца подобрать было труднее. В конце концов выбор пал на большой отрез серого в елочку материала – на два костюма с запасом.

Возвращение *Моторина* было большим праздником для близких, не видевших его долгих и страшных четыре года. Вернулся первенец, старший сын и брат. Ордена и медали на гимнастерке магнитом притягивали младших, не отходивших от *Матвея* ни на шаг. Мать всплакнула счастливыми слезами, и даже отец, невозмутимо спокойный внешне, не мог скрыть радости.

Об отце, *Иване Ивановиче Моторине*, следует рассказать подробнее, личностью он был любопытной. В свой пятьдесят с небольшим лет не выглядел моложаво, но от него веяло силой и здоровьем. Среднего роста с грубо вырубленным природой лицом, рассеченным морщинами, он производил впечатление человека с твердым и, пожалуй, даже своевольным характером. Видно было, что жизнь его не баловала, но и сломить не смогла. Примечательны были руки *Ивана Ивановича* - крупные, тяжелые с большими

заскорузлыми пальцами, руки земледельца и труженика. По природе своей это был ярко выраженный крестьянин, попавший в большой город, который физически отторг его от земли, но не смог полностью изменить на свой лад психологию бывшего земледельца. Его глубокое крестьянское первородство угадывалось не только в облике, но и в разговоре.

Грамота *Ивана Ивановича* ограничивалась первыми классами деревенской школы. В городе было не до ученья, надо было кормить семью. И начал он «вкалывать» не за страх, а за совесть, к тому же на тяжелых строительных работах. Природная смекалка помогла ему стать мастером на все руки. Он мог и дом построить, и сапоги стачать, и столяра заменить. А его ум, не перегруженный теоретическими знаниями, отличался остротой, которая в иных условиях могла бы найти совсем иное применение. К нарядам *Иван Иванович* относился равнодушно, было бы чем тело прикрыть. Независимо от возможностей ходил в полотняной рубахе, ватнике и рабочих брюках, заправленных в сапоги.

Когда *Матвей* вручил отцу отрез серого шерстяного в елочку материала, тот пощупал его своими твердыми пальцами и сказав: «Добрый материал», тут же уложил отрез в комод.

В качестве зятя я вошел в семью *Ивана Ивановича* двенадцать лет спустя после возвращения сына-фронтовика. К тому времени *Матвей Иванович* служил уже в столице в звании подполковника. А несколько постаревший *Иван Иванович* работал дворником в детском саду. Там он пользовался большим авторитетом как незаменимый во всех делах работник.

Жили мы тесно, вшестером в небольшой двухкомнатной квартире, друг у друга на виду. Мой характер, мой образ мышления никак не вписывались в те жизненные нормы, которых придерживался *Иван Иванович*. Тем не менее, относился он ко мне, типичному городскому жителю и интеллигенту во-втором поколении, неплохо. Прощал и практическую неумелость, и желание организовать свой быт иначе, чем привык сам. Не обходилось, конечно, без шероховатостей, да когда их не бывает.

В день моего тридцатилетия *Иван Иванович* достал из комода заветный отрез и оказал: «Бери сынок, мне это все равно не сгодится». Подарок обрадовал, но, пересилив себя, я от него отказался, так как знал, что *Ивану Ивановичу* трудно с ним расстаться. И не только потому, что по характеру он был прижимистым и мог потом пожалеть. Я понимал и не осуждал первопричину такой прижимистости. *Иван Иванович* все зарабатывал тяжелым трудом и вещи ценил по иным меркам, чем молодые. Главное же было в том, что это был памятный подарок сына.

Прошло еще несколько лет. Как-то в разговоре мы вспомнили об отрезе, который по-прежнему лежал в комоде. Теперь жена настояла, чтобы я его забрал - материал ведь и истлеть может. Наконец-то я стал обладателем знаменитого отреза, но, как потом выяснилось, не совсем счастливым.

Отрез был большим, и первой на него посягнула жена. Я был искренне рад, когда она пришла в только что сшитом, элегантном сером костюме в елочку. Оставшейся части мне с лихвой хватало на будущую обновку. Но тут подросла дочка, и мы решили, что часть отреза отдадим ей, а мне оставим на брюки. Когда я решился их шить, оказалось, что на самом неподходящем месте моль проела дырку. Вернулся я из ателье и уложил свой остаток отреза в шкаф.

В какой-то момент все мои брюки поизносились, а в магазинах как назло ничего подходящего не попадалось. Тогда я вспомнил об отрезе и снова вытащил его на свет божий. К тому времени возраст материала достиг уже тридцати лет, т.е. вполне критического. Проверив, нет ли на нем новых изъянов, понес его в ремонтную мастерскую, где дырочку затянули художественной штопкой. Вероятно, такую штопку я мог бы сделать и сам, к этому времени кое-чему научился. Но, так или иначе, а дело было сделано. Оставалось вручить портному отличный серый отрез в елочку, что я и осуществил.

Через две недели пришел домой в новых брюках. Вместо того, чтобы одобрить модный покрой, дражайшая половина обрушилась на меня с упреками. Как я посмел взять отрез и потихоньку вытащить то, что предназначалось на юбку! В общем, скандал получился грандиозный. Семейные отношения недели на две застыли на уровне холодной войны. Брюки отличного покроя были не в радость, и я злился на ни в чем не повинную серую шерсть в елочку. И она мне вскоре отомстила. Как-то, будучи в гостях, пытался танцевать модный танец, требовавший, как и все современные пляски, быстрых и резких движений. Во время одного из «пируэтов» с ужасом услышал треск разрывающейся сзади материи! Прикрываясь ладошкой, выбыл из танцевального круга и сбежал домой. И тогда мне подумалось, что жена, как всегда, была права. Не надо было мне связываться с этим знаменитым отрезом! Пусть бы он лежал до тех пор, пока жена не сшила бы из него юбку.

Султан и Шурик

Той весенней порой мы отправились с экспедиционной базы к месту работ необычной компанией. Кроме нас, троих геологов, сопровождающими оказались молодой эрдель по кличке Султан и котенок Шурик. Так уж повелось, что всех котов на острове называли Шуриками, а кошек Соньками. Мы отдали предпочтение Шурику, все-таки «мужчина»!

Котенок, кстати, был обычный, серо-полосатый, а нрав имел задиристый и веселый – этими качествами он не отличался от Султана. Поначалу представители вечно враждующих кланов относились друг к другу настороженно, но скоро между ними установились отличные дружеские отношения. В роли старшего и опекающего оказался Султан. В свободное от работы время все мы с удовольствием развлекались играми двух четвероногих шалунов. Но, чтобы спокойно спать после утомительных маршрутов, пришлось

нам на ночь друзей расселять. Котенка оставляли в жилой палатке, а Султана помещали в наш брезентовый склад.

Перед сном плотно зашнуровывали дверь, чтобы помешать Шурику и Султану воссоединиться. Котенок укладывался спать вместе с нами, не проявляя никакого желания удрать из палатки. Но часа в два-три ночи всех нас будила громкая возня, лай и мяуканье в соседней палатке. Приходилось вставать и водворять проказника Шурика на место. Как мы потом подглядели, он все-таки находил щелку в двери и оправлялся к другу. Сперва он спокойно пристраивался к Султану и засыпал. Но вскоре просыпался и начинал будить эрделя. Заканчивалось это шумными играми, которые повторялись еженощно. Сердиться на проказников долго мы не смогли, уж больно они забавные. Днем они затевали своеобразную игру в «пятнашки». Шурик убегал, а Султан, догнав его несколькими прыжками и осторожно схватив за шкирку, приносил на прежнее место. Игра, водимо, нравилась обоим участникам и продолжалась долго. Наблюдая беготню наших воспитанников, кто-нибудь не выдерживал и бросался вдогонку Султану. Вот радости-то было!

Да, необычный это был сезон! Наши четвероногие друзья здорово разнообразили полевые будни.

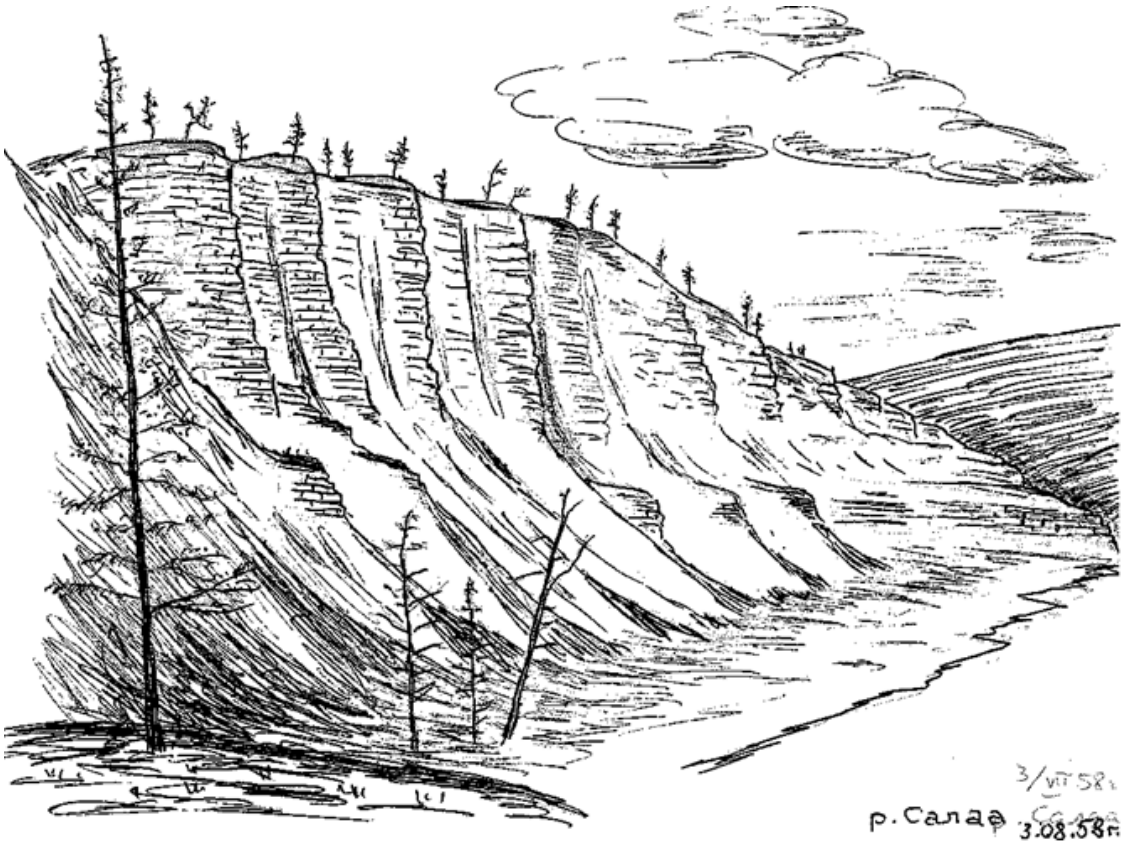
В конце лета мы невольно стали виновниками и свидетелями почти смертельного испуга Шурика. Однажды охота на нерпу закончилась успешно, и мы вытащили тяжело раненого зверя на берег. Внезапно умирающая нерпа глубоко вздохнула. Мы думали, она убита и вздрогнули от неожиданности. А каково было Шурику, который до этого отважно забрался на нерпу. Спина его выгнулась, шерсть от ужаса буквально встала дыбом. В ту же секунду его ветром сдуло с нерпы. Котенок долго прятался, а появившись, опасливо посматривал на нерпу.

Осенью наша веселая и дружная компания распалась. Шурика мы подарили островным ребятам, а несчастный Султан трагически погиб, попав под единственную машину в поселке.

С тех пор прошло много лет, но, собираясь вместе, мы с удовольствием вспоминаем о сезоне, который нам скрасили четвероногие друзья, которых давно уже нет на свете.

Рисунки Белоусова К.Н.

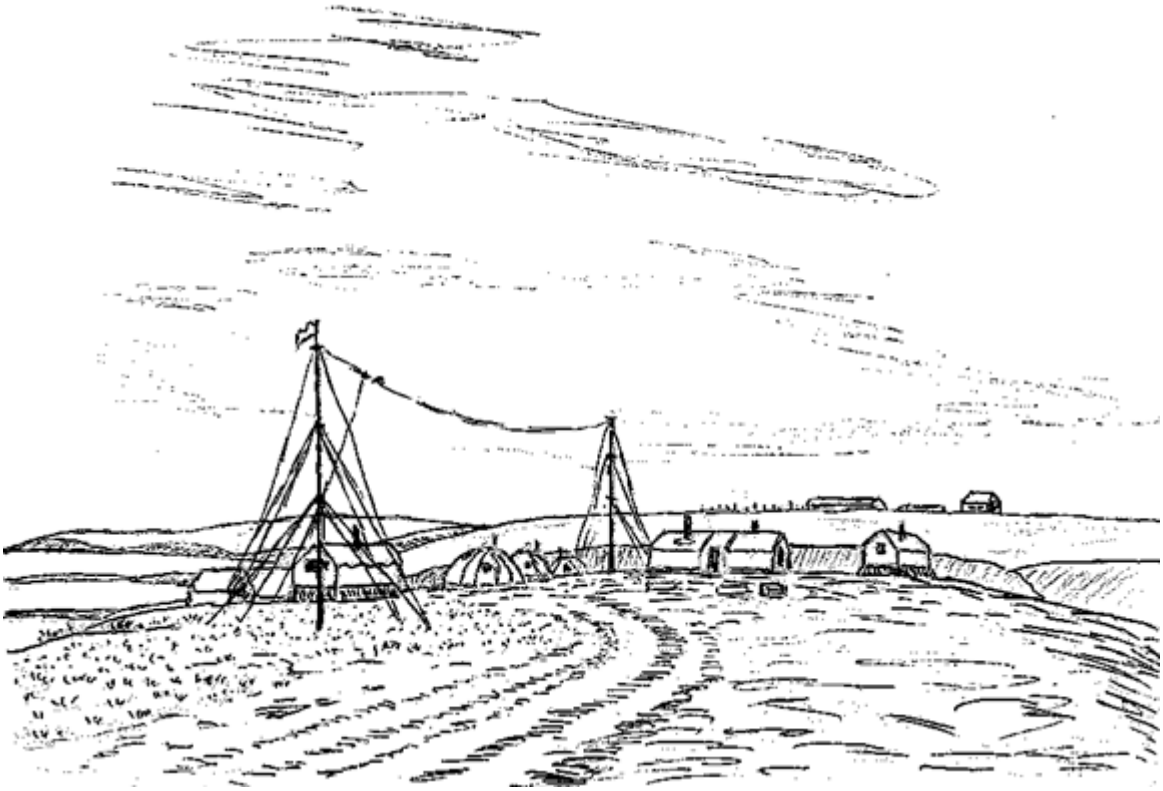
Биректинская экспедиция

р. Салаа. 1958 г.

Тордох (якутский охотничий домик) на р. Омоноос. 1958.

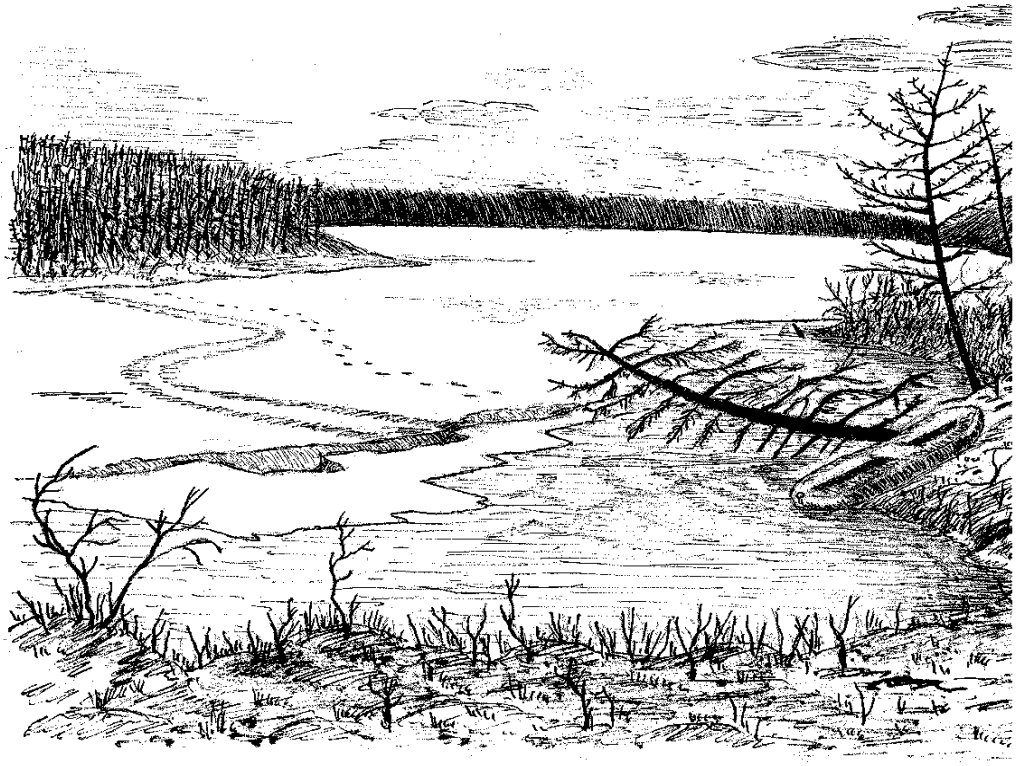
Чокурдах – база партии. 1966 г.

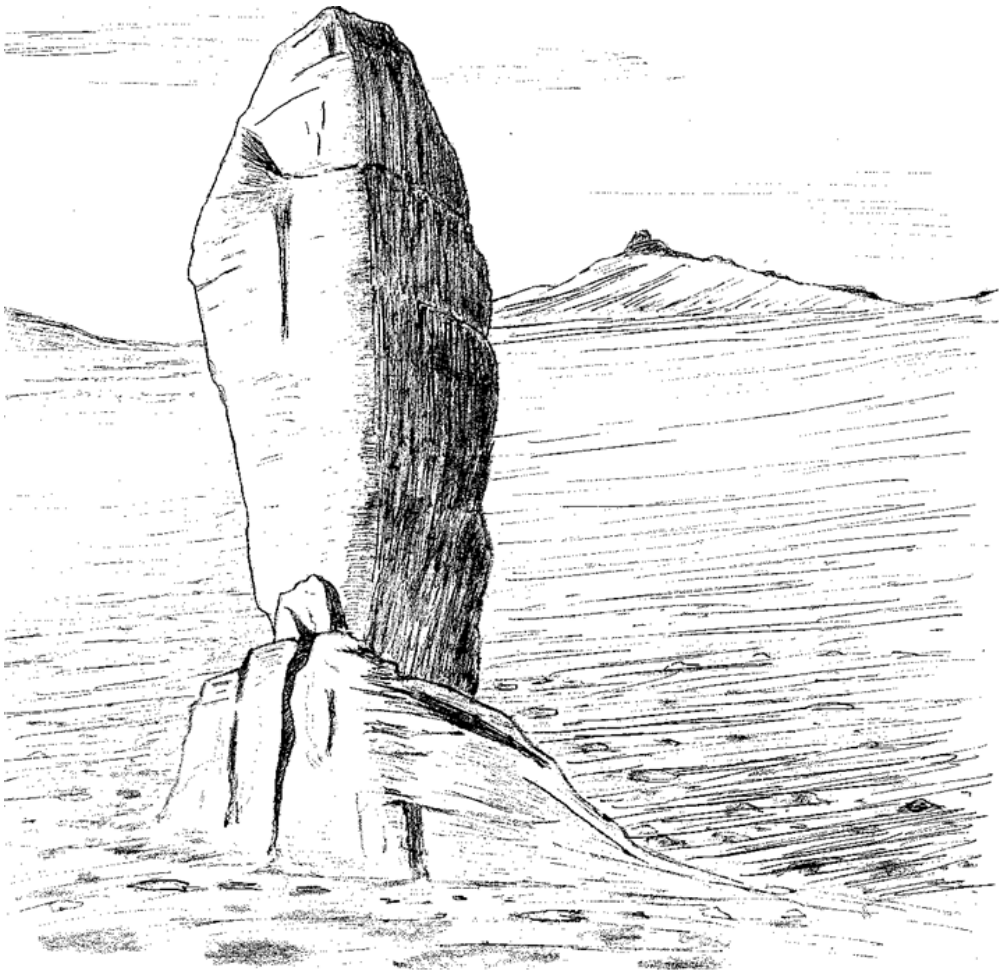
Таежный радист. 1967.

Хребет Полоусный. 1967.

Озеро, низовья Индигирки. 1968.

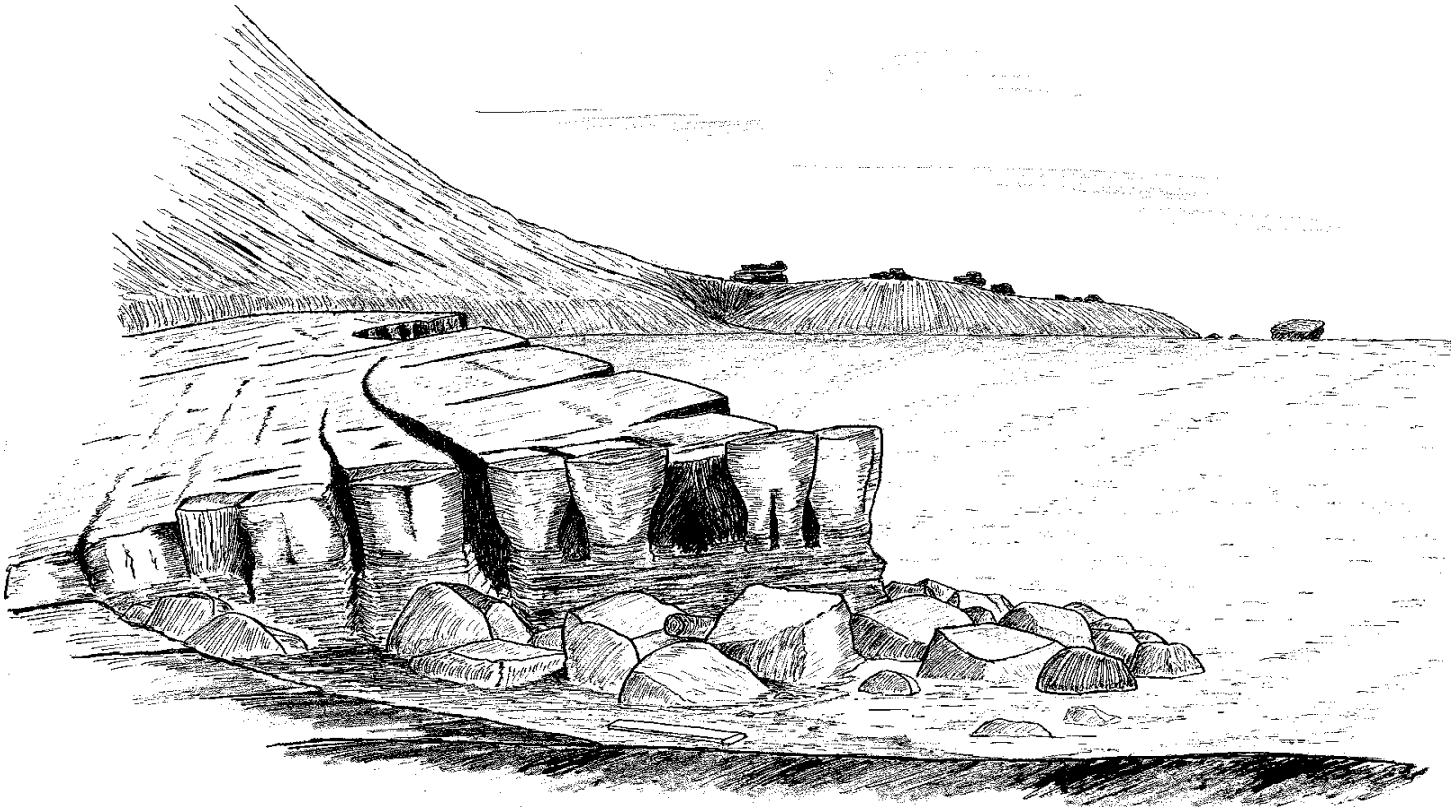

о. Б. Ляховский, кигиляхи. 1973.

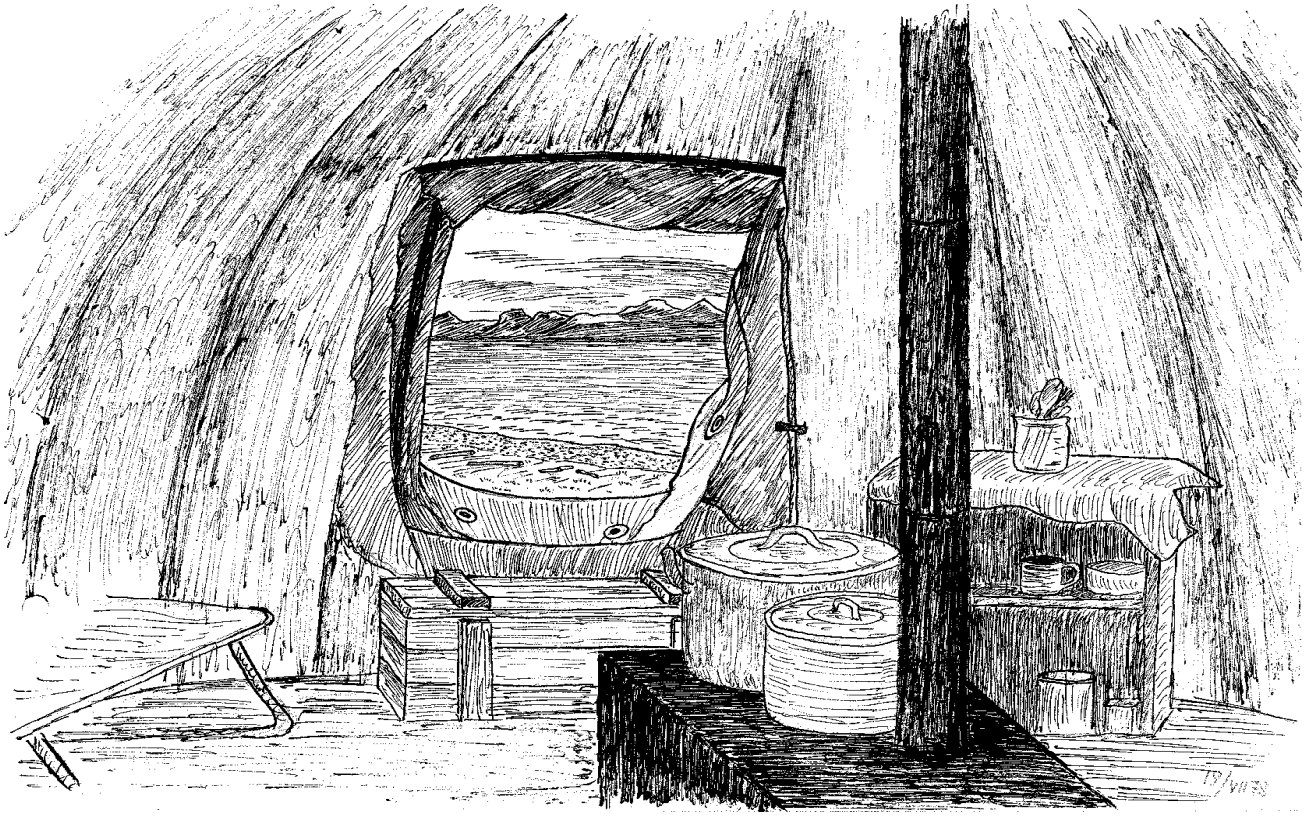
Шпицбергенкая партия

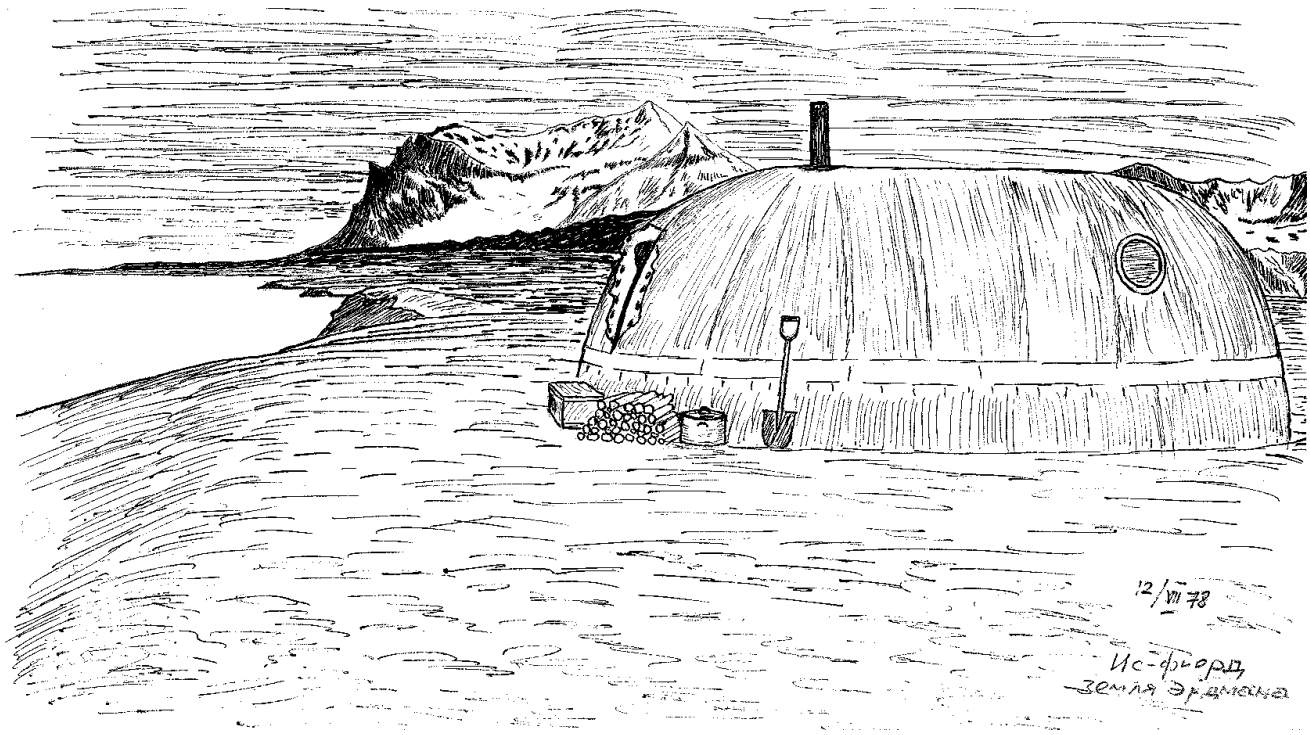
о. Шпицберген, «Сияющий рыцарь». 1978.

о. Шпицберген, бухта Квалвоген. 1978.

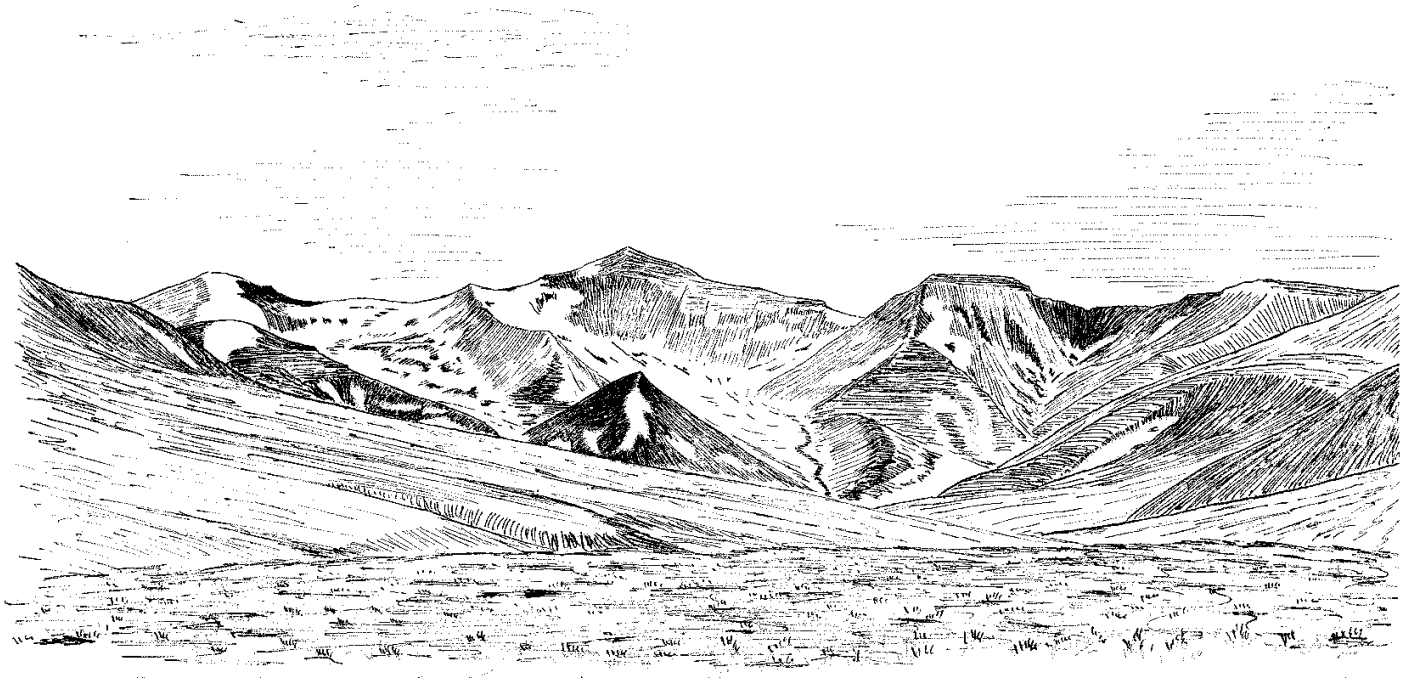
о. Шпицберген. Вид из КАПШ$_а$.

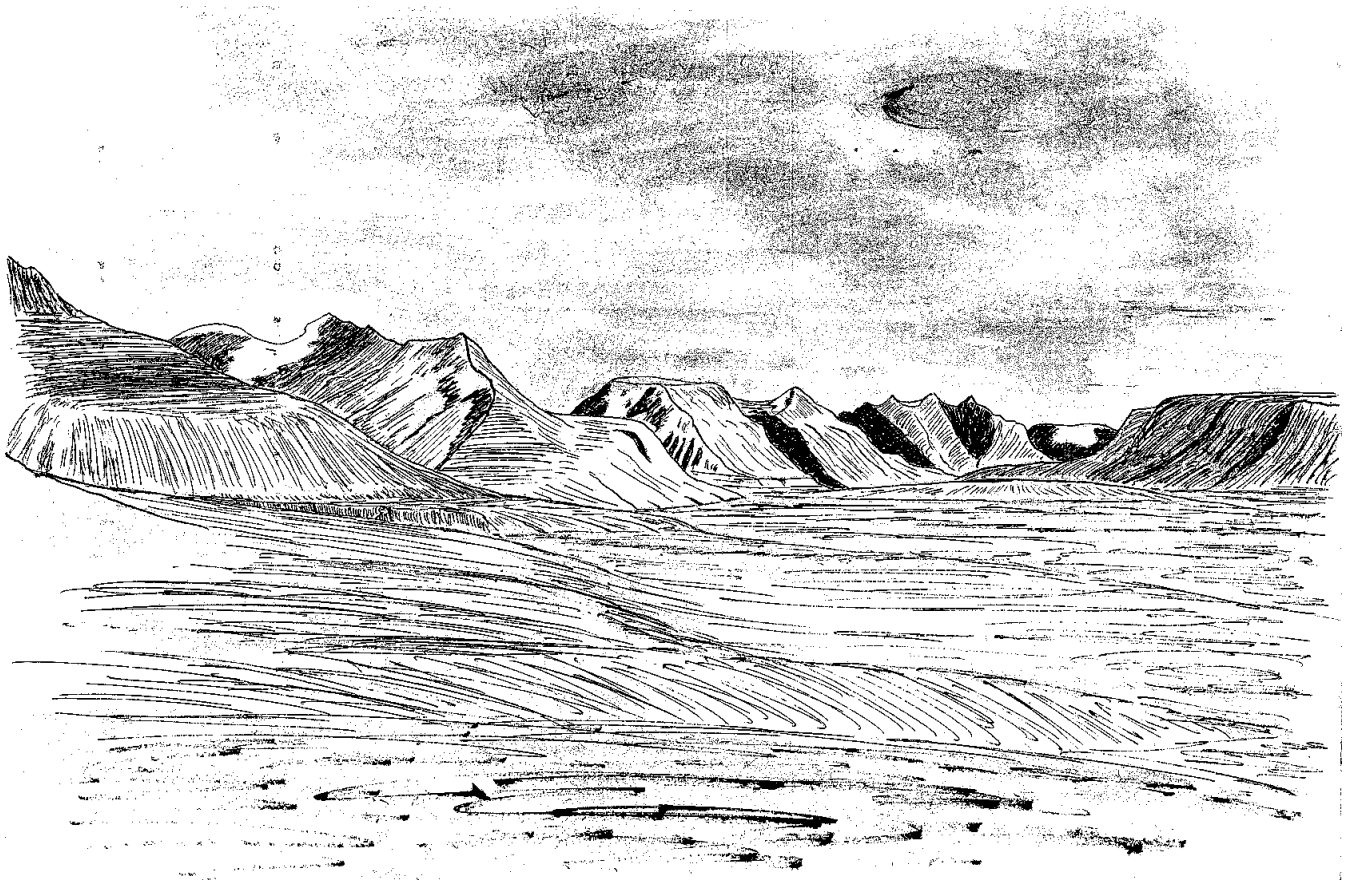
о. Шпицберген. Земля Эрдмана. 1978.

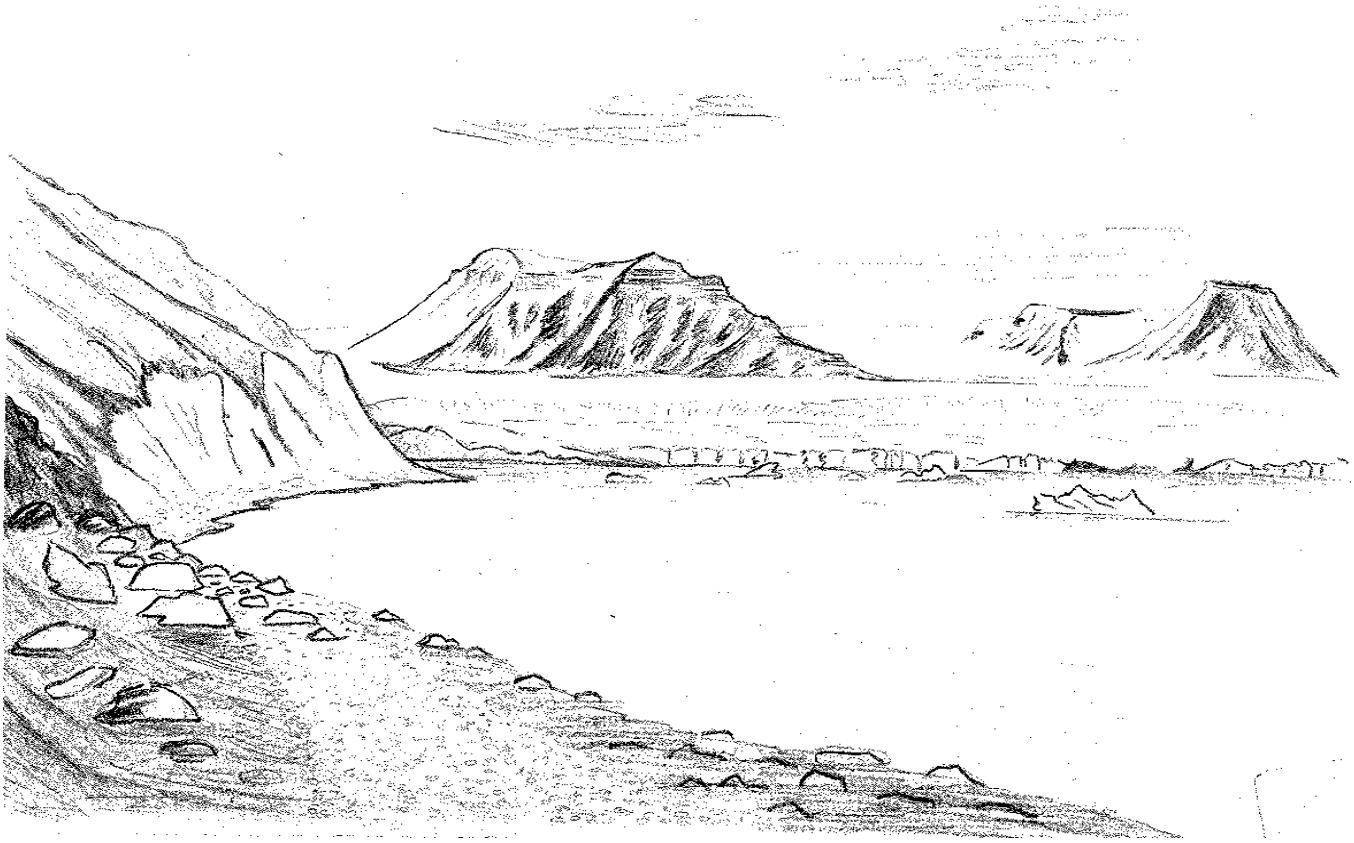
о. Шпицберген. Земля Диксона.

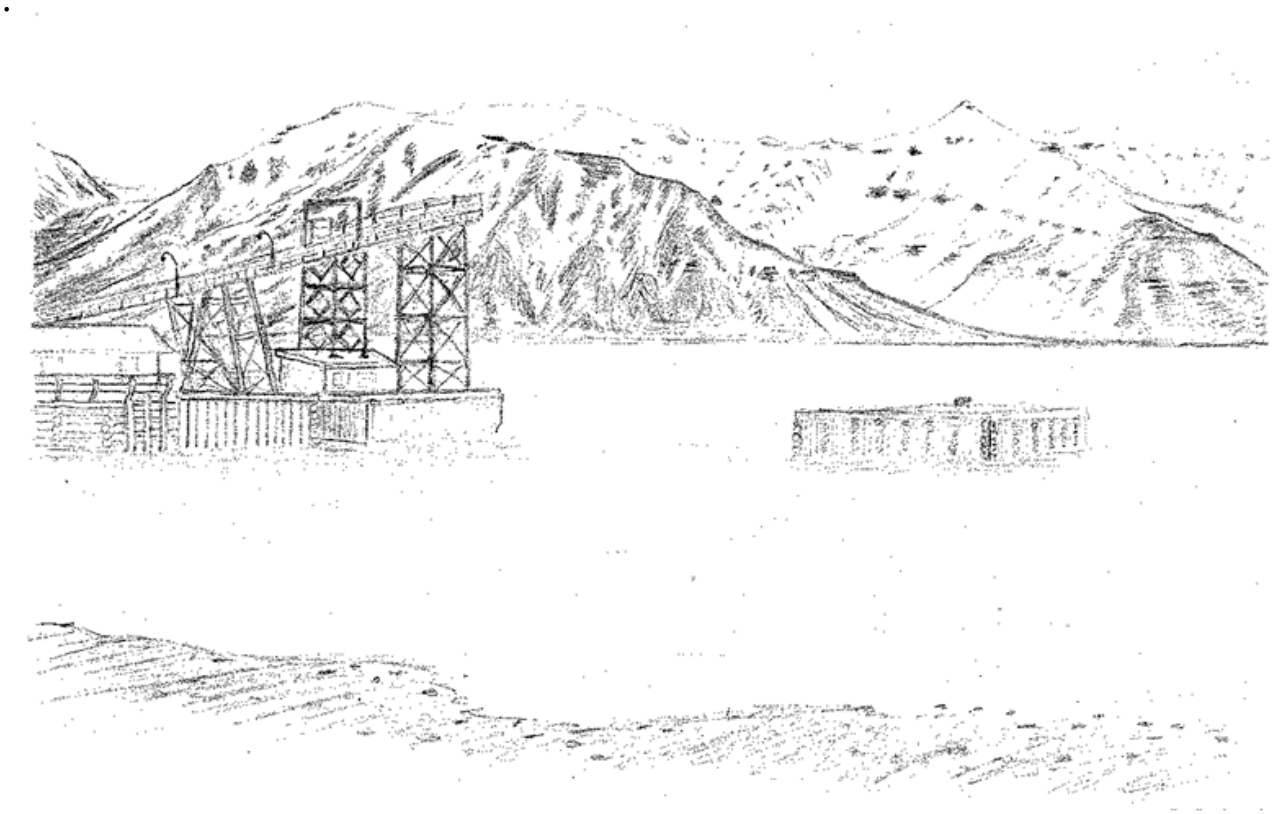
о. Шпицберген. Долина Калвдален. 1979.

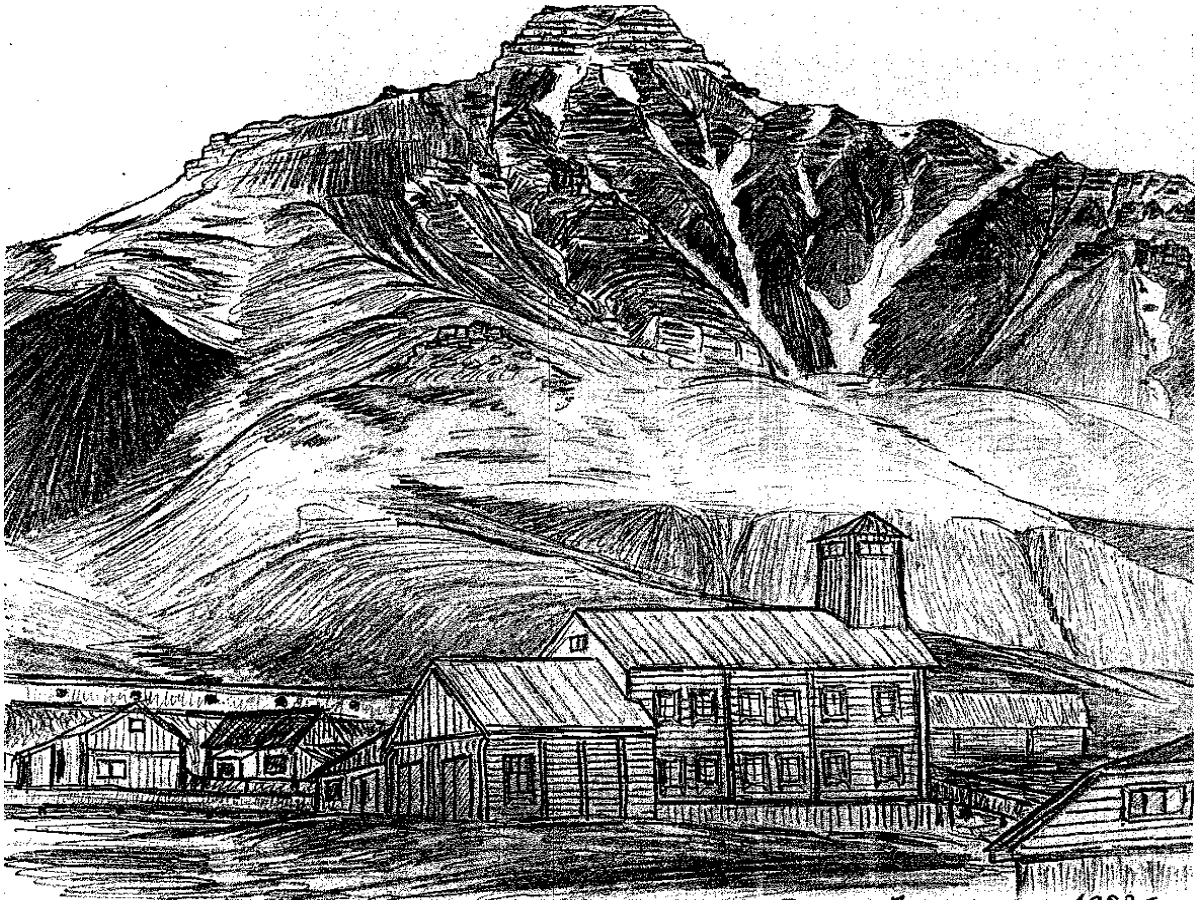
о. Шпицберген. Рейндален. 1980.

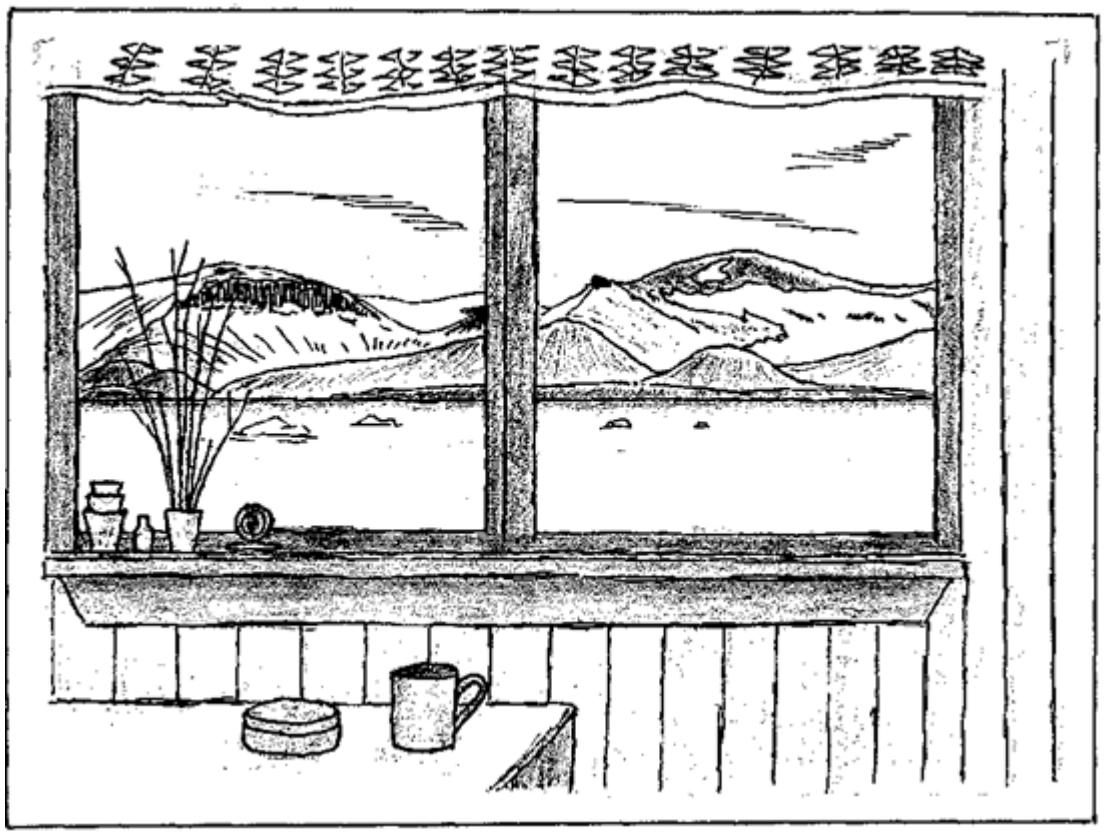
о. Шпицберген. Бухта Петуния. 1984.

о. Шпицберген. Рудник Пирамида, угольный транспортер. 1984.

о. Шпицберген. Гора и рудник Пирамида. 1986.

о. Шпицберген. Агард-бухта. 1990.

ВИНОГРАДОВ В.А.

От НИИГА к НПО «Севморгео» и ПГО «Севморгеология»

В октябре 2012 г. Полярная морская геологоразведочная экспедиция отметила свой 50-летний юбилей, который прошел на очень высоком уровне. Особенно впечатляюще был освещен последний 25-летний период работы экспедиции, тогда как первые 25 лет её деятельности оказались недостаточно раскрытыми, прежде всего, в результирующей части. Автору этих строк выпала честь выступать с докладом на 25-летнем юбилее ПМГРЭ в 1987 г., в котором, как мне представляется, итоги работ экспедиции освещены достаточно полно. Предлагаю вниманию читателей текст того доклада, сделанного 25 лет назад.

Осенью 1962 года в Научно-исследовательском институте геологии Арктики произошло знаменательное событие, значение и последствия которого проявились в полной мере значительно позже. Министерством геологии и охраны недр СССР институту поручено было выполнение планомерной гравиметрической съемки с припайного и дрейфующего льда всего арктического шельфа СССР. Предстояло организовать и широко развернуть новые виды работ, опыта проведения которых не было не только в НИИГА, но и в других геологических организациях нашей страны, да и за рубежом тоже.

В отделе геофизики НИИГА, возглавляемом в то время *Р.М.Деменицкой*, была создана инициативная группа под руководством *В.А.Литинского*, которая явилась ядром вначале Полярной опытно-методической высокоширотной воздушной геофизической партии, а позже - Полярной геофизической экспедиции.

Много внимания организации данных работ и Полярной экспедиции - их исполнителю было уделено в то время руководством НИИГА: директором института *Б.В.Ткаченко* и его заместителем по научной работе *М.Г.Равичем*.

Но особая роль во всем этом, начиная от получения заказа на съемку шельфа и создания Полярной экспедиции, безусловно, принадлежит *Р.М.Деменицкой*. Благодаря ее неустанной энергии и широте кругозора работы экспедиции с самого начала были поставлены на высоком техническом и методическом уровне и приобрели характер комплексных геофизических исследований, что и обеспечило в конечном итоге их высокую геологическую эффективность.

В те годы Полярная экспедиция постоянно ощущала поддержку и чуткое внимательное отношение со стороны Управления геофизических работ Министерства геологии СССР, возглавляемого член-корреспондентом АН СССР *Всеволодом Владимировичем Федынским*.

С появлением Полярной экспедиции институт геологии Арктики стал обладателем крупного производственного подразделения, приступившего с 1963 года к планомерным геофизическим съемкам шельфа арктических морей

СССР. Тем самым в недрах института был заложен надежный производственный фундамент, что и сыграло через 10 лет решающую роль при образовании научно-производственного объединения «Севморгео» на базе Научно-исследовательского института геологии Арктики и Полярной геофизической экспедиции.

В 25-летней жизни Полярной экспедиции вполне определенно вырисовываются три этапа, которые отличаются районами работ, кругом решаемых задач и комплексом методов исследований.

Первый этап охватывает период времени с 1963 года по 1971 год и с полным основанием может быть назван Арктическим. В течение этого этапа центр тяжести работ экспедиции был сосредоточен в арктических и северо-восточных морях СССР. Работы носили в целом рекогносцировочно-региональный характер и только на отдельных площадях масштаб съемок увеличивался в несколько раз. В сжатые сроки был отлажен комплекс авиадесантных и воздушных гравимагнитных измерений, сопровождавшихся в глубоководных частях сейсмозондированиями МОВ.

В условиях акваторий остро встала проблема плановой привязки геофизических наблюдений. Использовавшийся в первое время астрономический метод привязки очень быстро был заменен радиогеодезическим путем внедрения различных модификаций РГС «Поиск».

Уже на первом этапе своей деятельности Полярная экспедиция уделяла самое серьезное внимание расширению спектра применявшихся методов исследований. К ним относятся гидромагнитные и набортные гравиметрические измерения, отбор проб отложений морского дна попутно с геофизическими съемками, измерение теплового потока. Последний метод, к сожалению, не получил дальнейшего развития и внедрения в производственные работы экспедиции. Что же касается гравимагнитных измерений с морских судов, то они были освоены к концу первого этапа и обеспечили экспедиции широкий выход в просторы Мирового океана на следующем этапе.

В те годы поднимались и частично решались методические вопросы перспективного характера. Именно тогда был получен первый опыт проведения набортных гравиметрических измерений на ледоколе в условиях дрейфующих льдов, который полностью вписывается в сегодняшние проблемы. В 197I году выполнена высотная аэромагнитная съемка на самолете ИЛ-18 и поставлен вопрос о создании комплексной летающей геофизической лаборатории на базе этого самолета.

Наряду с основными работами в Арктике, сфера деятельности экспедиции охватывала и другие регионы. Так, в середине 60-х годов выполнена среднемасштабная аэромагнитная съемка на акватории Балтийского моря, а с конца 60-х годов экспедиция приступила к регулярным мелкомасштабным гидромагнитным съемкам в Атлантическом океане. На рубеже 60-х-70-х годов были начаты опытно-методические, а затем и производственные работы в Антарктиде, включавшие, помимо отработанного в Арктике комплекса

гравимагнитных измерений и сейсмозондирований МОВ, первые в истории изучения Антарктиды сейсморазведочные работы ГСЗ.

Но работы в Атлантике и в Антарктиде, выражаясь терминологией сейсморазведочников, представляли собой лишь первые вступления последующего этапа. Основные же результаты деятельности экспедиции рассматриваемого этапа связаны с исследованиями в Арктике, что и определяет его название как Арктического.

Что же это за результаты и как их оценивать?

Первый и основной результат деятельности экспедиции состоит в том, что благодаря ее работам познание геологического строения акватории морей Советской Арктики, а также глубоководной части Северного Ледовитого океана было поставлено на твердую фактологическую основу. Вместо бытовавших до этого широких экстраполяций геологических структур суши в бескрайние просторы морей или еще более грандиозных трансокеанических интерполяций морская геология стала опираться на вполне надежные геофизические карты. Дальнейшее решение задачи свелось к достижению высокого качества интерпретации полученного материала.

И здесь мы подходим ко второму результату работы Полярной экспедиции, полученному в тесном сотрудничестве с научно-отраслевыми отделами института геологии Арктики.

Совместными усилиями геофизиков с геологами экспедиции и института была выполнена углубленная интерпретация полученного экспедицией фактического материала. Итогом этой интерпретации явилось выделение на шельфе арктических и северо-восточных морей крупных седиментационных бассейнов с мощным осадочным чехлом. Главные элементы структуры складчатого фундамента и осадочного чехла бассейнов нашли отражение на серии структурно-тектонических карт и геолого-геофизических разрезов.

Третий результат арктического этапа деятельности экспедиции состоит в генерировании достаточно мощного импульса научно-исследовательских разработок Института геологии Арктики. Полученные экспедицией материалы послужили основой для составления первого атласа геолого-геофизических карт шельфа Центральной Сибири, первых карт перспектив нефтегазоносности и прогноза на твердые полезные ископаемые арктического и северо-восточного шельфа СССР.

И, наконец, четвертый результат рассматриваемого этапа состоит в том, что на общесоюзных геофизических картах арктический и северо-восточный шельф СССР перестал быть «белым» пятном.

Эти результаты были достигнуты благодаря самоотверженному труду всего коллектива Полярной экспедиции тех лет.

Большой вклад в успешную работу экспедиции внесли ее руководители: *А.П.Витязев, Г.И.Гапоненко, В.А.Литинский*, а также такие наиболее активные

ее сотрудники, как: *М.А.Агафонова, А.А.Андреев, Л.М.Бочковский, М.Л.Верба, В.К.Волков, Ю.Г.Гладыш, В.Б.Голубенцев, Ю.В.Горячев, Б.М.Громов, Н.В.Гущин, Е.Г.Донец, В.А.Ефимов, Ю.А.Жиров, Е.Н.Зацепин, С.И.Земсков, В.В.Зубжицкий, О.М.Зябликов, С.С.Иванов, Ю.И.Кануткин, Ф.Н.Ковров, А.Л.Коган, О.В.Кожевников, С.К.Константинов, М.Д.Кравец, Э.М.Кузмина, Г.В.Курицин, В.М.Ласточкин, Н.Н.Ласточкина, Д.В.Левин, А.М.Малявкин, В.Н.Масолов, Ю.И.Матвеев, А.Н.Орлов, В.С.Поздеев, Ю.В.Рощин, К.П.Самсонов, М.М.Серяков, П.А.Стерлигов, Н.Б.Стожаров, Б.Н.Сюрис, В.А.Талашова, Н.Д.Третьяков, Е.В.Третьякова, В.В.Уткин, Л.Г.Фишман, Б.А.Фрейдкин, О.М.Фролов, Б.С.Хаит, Ю.Ф.Черненков, В.Г.Щелованов, В.Н.Шимараев, А.Е.Эзрохи*.

Второй этап деятельности экспедиции приходится на период времени с 1972 года по 1980 год. В это время наряду с продолжением работ в Арктике в полной мере разворачиваются геолого-геофизические исследования в другой полярной области Земли - Антарктиде, где организуется сезонная база Дружная-1.

На рассматриваемый период приходится и основной объем геофизических съемок в Атлантическом океане.

Во втором этапе были выполнены два рейса в Тихий океан с целью предварительного исследования полей ЖМК. Однако, эти работы носили своего рода пристрелочный характер для последующего третьего этапа. Второй этап, исходя из географии работ экспедиции, можно назвать Атлантическо-биполярным.

Однако, отличия второго этапа не являются только внешними, но затрагивают и его внутреннее содержание.

В чем это выражается?

Прежде всего, в Арктике масштаб съемок увеличился в несколько раз, нередко на порядок, и рекогносцировочно-региональные исследования экстенсивного характера по принципу наращивания площадей сменились работами на конкретных объектах по целевым программам. При этом экспедиция нередко стала выступать как один из исполнителей по реализации таких программ, включающих достаточно широкий комплекс методов исследований.

Следующая существенная особенность второго этапа заключается в широком внедрении в работы экспедиции различных модификаций сейсморазведки (ГСЗ, КМПВ, МОВ и сейсмоакустики) как с морских судов, так и в наледном варианте.

Характерной чертой рассматриваемого этапа является также комплексирование гидромагнитных, набортных гравиметрических и сейсмоакустических измерений при производстве морских геофизических работ.

Весьма важная черта второго этапа заключается в организации в недрах экспедиции партии машинной обработки с собственным вычислительным центром и переход на машинную обработку многократно возросшего объема геофизической информации.

Во втором этапе экспедицией разработан и внедрен в производство ряд новых важных геофизических методов исследований, таких как:

- аэрогравиметрические измерения с борта самолета ИЛ-14 в комплексе с аэромагнитными измерениями;

- морские работы КМПВ с невзрывными источниками возбуждения сейсмических волн с судов и в наледном авиадесантном варианте; последние не имеют аналогов в мировой практике;

- измерение глубины моря с поверхности шельфовых ледников в Антарктиде, базирующееся на использовании продольных и поперечных сейсмических волн в комплексе с радиолокацией.

В течение второго этапа в экспедиции освоен целый ряд новых методов привязки геофизических наблюдений в Арктике, Антарктике и Мировом океане, основанных на последних технических достижениях в этой области.

Нетрудно видеть во всех изменениях характера выполняемых экспедицией работ придание им большей геологической направленности в результате организации в 1972 году научно-производственного геолого-геофизического объединения «Севморгео».

В итоге второго этапа работ экспедиции получены следующие результаты:

1. Установлены многие элементы регионального структурного плана и мощность осадочного чехла в седиментационных бассейнах морей Баренцева, Лаптевых, Чукотского и Берингова. В Беринговом море вдоль континентального склона выявлены и оконтурены глубокие линейные прогибы, выполненные мощными кайнозойскими отложениями. Эти прогибы по своим чертам аналогичны одновозрастным прогибам периферии Тихого океана с их многочисленными нефтяными месторождениями.

2. Выявлен ряд локальных структур в осадочных комплексах наиболее перспективных на нефть и газ седиментационных бассейнов, в том числе структура «Севморгео» в Баренцевом море, неосмотрительно переименованная в «Мурманскую» и структура «Юбилейная» на Хатырском шельфе Берингова моря.

3. Выполнены аэромагнитные съемки м-ба 1:200 000 ряда островных архипелагов Арктического шельфа под обеспечение групповой геологический съемки того же масштаба. Результаты этих аэромагнитных съемок имеют большое значение в расшифровке геологического строения островных пространств, как реперов для понимания геологической структуры окружающего шельфа.

4. Составлены сводные интерпретационные карты Арктического шельфа СССР, на основе которых в институте геологии Арктики с участием сотрудников экспедиции составлялись тектоническая и геологическая карты шельфа.

5. Составлены сводные карты аномального магнитного поля Северной Атлантики.

6. На основании интерпретации мелкомасштабных геофизических съемок, редких профилей ГСЗ и геологических исследований получены первые представления о подледном рельефе и геологическом строении обширных районов Восточной и Западной Антарктиды и, в первую очередь, неисследованного района моря Уэдделла, где намечен крупнейший седиментационный бассейн.

7. В Восточной Антарктиде выявлена крупнейшая рифтовая зона Ледника Ламберта и железорудная провинция в горах Принс Чарльз.

На втором этапе экспедиция работала под руководством *В.Н.Шимараева, И.И.Скачкова, В.А.Виноградова, Ю.И.Матвеева, Е.Г.Донца, Н.Н.Ржевского*. К активному труду многих ветеранов первого этапа подключились новые сотрудники: *С.В.Алявдин, А.Н.Бакунова, А.П.Банщиков, И.В.Беляев, Е.А.Бондаренко, В.Т.Бородулин, В.С.Волнухин, Б.Л.Генин, Г.А.Глушко, Д.Б.Грядин, А.П.Губернов, Ю.Б.Гусева, В.Н.Зенков, Б.С.Ипатов, И.Н.Кадмина, Е.Н.Каменев, С.М.Кац, В.А.Кацев, В.И.Киркилевский, Ш.З.Крымский, Ю.Я.Лившиц, И.А.Мурашов, В.Н.Невмывак, М.М.Пойманов, С.Л.Полещук, В.А.Поселов, Л.Б.Ромашко, В.Н.Смирнов, А.А.Тарханов, В.И.Тимофеев, Н.М.Тимофеев, Н.И.Хлюпин, В.И.Хрисанфов, Ю.Н.Шахов, Ф.А.Шелестов*.

Третий этап в жизни экспедиции начинается с 1981 года.

Его характерные черты следующие:

1. Резко усиливаются работы в Мировом океане, прежде всего на твердые полезные ископаемые, вначале на арендованных, а затем и собственных океанских судах, которыми экспедиция оснащается с 1984 года.

2. В Антарктиде исследования с материка распространяются на окраинные моря, где начинаются сейсмические работы с судов, а также с дрейфующих льдов в авиадесантном варианте. Происходит концентрация различных видов исследований в определенных регионах для решения конкретных геологических задач.

3. В традиционной области арктических и северо-восточных морей работы приобретают более целенаправленный и детальный характер, группируясь, в основном, в центральном секторе Арктики и в Беринговом море.

4. Сфера работ экспедиции третьего этапа распространилась на внутренние водоемы северо-запада СССР.

В целом же третий этап по сочетанию районов деятельности экспедиции и их значимости можно назвать Биполярно-океаническим.

Сущность выполняемых экспедицией работ нашла отражение и в изменении ее названия в 1981 г., когда Полярная геофизическая экспедиция была переименована в Полярную морскую геологоразведочную экспедицию. Это произошло одновременно с преобразованием и всего НПО «Севморгео» в «Северное производственное геолого-геофизическое объединение» (ПГО «Севморгеология»). ПМГРЭ в этом объединении получила статус самостоятельного предприятия, что, несомненно, явилось признанием её достижений в геолого-геофизических исследованиях, как полярных областей Земли, так и Мирового океана.

Третий этап работ экспедиции четко обособляется и в методическом отношении:

- отработан комплекс методов исследования железо-марганцевых конкреций, начиная от региональной стадии и кончая достаточно детальными работами на отдельных полигонах;

- освоена и внедрена в производство современная сложная аппаратура комплексных исследований глубоководных полиметаллических сульфидов (ГПС);

- создана собственная лабораторная служба экспресс-аналитических исследований, обеспечивающая полевые работы в океане и в Антарктиде;

- выполнен ряд методических и технических разработок по повышению эффективности сейсмических работ в Антарктиде (ГСЗ, авиадесантных наледных МПВ, контейнерных лабораторий для работ МОГТ и сейсмоакустических на грузовых судах);

- при морских работах в Антарктиде достигнуто комплексирование нескольких модификаций сейсморазведки с гравимагнитными измерениями;

- в Антарктиде внедряются гравимагнитные и радиолокационные работы на самолете ИЛ-18 для исследования внутриконтинентальных районов;

- в Арктике освоена и внедрена в производство аэромагнитная съемка м-ба 1:50000.

Основные геологические результаты третьего этапа работ экспедиции следующие:

1. Исследованы на региональном этапе поля развития ЖМК в Тихом и Индийском океанах и оценены их перспективы.

2. Выполнено крупнообъемное опробование ЖМК.

3. Осваивается методика исследований ГПС, выявлены новые участки сульфидной минерализации в рифтовых зонах океана и получены многочисленные образцы сульфидных руд.

4. В Западной Антарктиде составлен комплект геолого-геофизических карт моря Уэдделла и выполнена оценка перспектив нефтегазоносности этого бассейна.

5. В Восточной Антарктиде выявлена региональная структура и мощность осадочного чехла в заливе Прюдс моря Содружества, а в горах Принс-Чарльз установлены перспективные проявления редкометальной минерализации.

6. Совместно с ВНИИОкеангеологией составлен атлас геолого-геофизических карт Берингова моря.

7. В море Лаптевых у дельты Лены доказан крупный рифтогенный прогиб с мощным мезо-кайнозойским осадочным выполнением и очень высокими перспективами нефтегазоносности.

8. В юго-западной части шельфа Баренцева моря по профилю КМПВ протяженностью 800 км установлена региональная структура и мощность осадочного чехла.

9. По результатам детальной аэромагнитной съемки выявлены существенные особенности геологического строения ряда районов Арктики.

10. Составлен комплект интерпретационных карт Ладожского озера, внедренный в ПО «Севзапгеология».

На третьем этапе руководящее ядро экспедиция составляли или составляют в настоящее время *В.Н.Шимарев, Н.Н.Ржевский, В.А.Поселов, В.Д.Крюков, М.С.Белоусов, В.А. Виноградов, А.Л.Коган, В.К.Масолов, Ю.П.Семенов, Ю.М.Чагин.*

В число наиболее активных сотрудников третьего этапа наряду со многими ветеранами включились: *Г.И.Акулов, А.П.Алакин, А.А.Андреев, С.А.Астекалов, В.Я.Афонин, Л.С.Бакланова, В.Н.Бедняков, А.В.Верещагин, В.В.Захаров, Е.А.Зырянов, А.Ю.Казанков, Д.Д.Колобов, И.И.Крейтер, И.Л.Крылов, А.А.Кузнецов, Г.А.Кудрявцев, Н.В.Николаев, Л.И.Лазарева, В.М.Макаров, Б.В.Малин, М.Н.Маслов, Г.П.Оборнев, Б.И.Осадченко, М.И.Палтерович, М.М.Поляков, О.Б.Соболева, А.Г.Старк, А.Б.Троицкий, И.П.Федоров, Л.В.Федоров, Г.С.Филюшкин, С.А.Фридман, В.А.Шумилов*.

С первых дней создания нашего объединения экспедиция служит базой квалифицированных кадров как для объединения, так и для ВНИИОкеангеологии.

Многие бывшие сотрудники экспедиции занимают руководящие посты в аппарате объединения и трудятся в научных отделах института.

В 1987 году в состав экспедиции были включены Арктическая комплексная геологоразведочная экспедиция, выполняющая геологосъемочные и поисковые работы на твердые полезные ископаемые на шельфе и островах арктических морей, и вычислительный центр ВНИИОкеангеологии. Численность экспедиции достигла 1000 человек, а ассигнования превысили 24 млн. рублей.

ВОЛК В.Э.

Зигзаги судьбы

Этот вариант записок-воспоминаний я написал для своих друзей и коллег по НИИГА-ВНИИОкеангеология и ПМГРЭ. Конечно, это только для тех, кому было небезынтересно в течение многих лет работать и общаться с *Вячеславом Волком*. Человек рождается и умирает, и его жизнь складывается из периодов событий и даже эмоций. Мне почти полжизни посчастливилось проработать в замечательном и талантливом коллективе Института. Ну, а до этого были военное детство, юношество, учеба в Ленинградском Горном институте, работа в Казахстане в аэрогеофизической партии по поискам урана и, наконец, поступление с 1 февраля 1960 года в НИИГА. Удивительная наука – наша память. Это ничто иное, как доказательство векторной природы времени (по профессору *В.Козыреву*). Мой однокашник – известный геофизик и знаменитый бард – *Александр Городницкий* обладает поразительной памятью на все свои стихи и песни. Я же помню лишь эпизоды моей жизни, все по линии своей специальности и по шахматам, а вот свои многочисленные стишки и Оды и эпиграммы для друзей и родных я, как мне кажется, пишу под диктовку из … Космоса, и очень мало здесь мне западает в память. Однако с возрастом все чаще вспоминаешь молодость, друзей и свои первые шаги по выбранному пути.

Новый 1960 год вместе с *Сашей Малявкиным* встретили в любимом Ленинграде. У нас сработала бронь на проживание в городе-герое, а уже к февралю 1960-го сначала я, *Вячеслав Волк*, а затем *Александр Малявкин* были приняты на работу в НИИГА. Позже по указанию *Р.М.Деменицкой* к нам присоединились *Евгений Зацепин* и *Владимир Щелованов*. Мы все составили важное звено аэромагнитной партии, которая нацеливалась на поиски на севере месторождений радиактивных карбонатитов. Когда мы проходили собеседование в НИИГА, а затем были приняты на работу, мы еще не сознавали, как нам повезло и с работой, и с коллективом, и с начальством. Директор НИИГА заслуженный полярный геолог *Борис Васильевич Ткаченко* согласился с доводами начальника отдела геофизики профессора *Раисы Михайловны Деменицкой* и главного геофизика аэрогаммамагнитной партии *Аркадия Михайловича Карасика*. Мы подошли к будущей работе по всем статьям. *Женя Зацепин, Саша Малявкин и Володя Щелованов* стали инженерами-бортоператорами, а я – геофизиком-интерпретатором аэрогаммамагнитных данных. Уже летом 1960 года мы, базируясь в пос. Хатанга и на полуострове Таймыр, участвовали в аэрогеофизических исследованиях. Начальником партии был заслуженный ветеран-геофизик *Дмитрий Владимирович Левин*, а магнитологом - *Сергей Михайлович Крюков*. Кроме этого, в состав партии входили заслуженные полярники-геофизики, которые занимались наблюдениями магнито-вариационного состояния в дни вылетов. Фотопривязка осуществлялась московской группой, а начальником фотолаборатории был замечательный фотограф *Владимир Кузьмич Мищенко*. Все объемы работ были выполнены, а результаты приняты в Ленинграде с

высокой оценкой. Основная работа аж по трем отчетам (Маймеча-Котуйский район, Таймыр, Уджа) легла на плечи камеральной группы, на 70% состоящей из совершенно замечательных женщин-техников-картографов. Ну, а подбор материалов и написание текста к отчетам доверили нам с *Володей Щелованым*. Мы трудились с 10 часов утра до 10 часов вечера. А начальство улетело на опытно-методическую съемку арктического шельфа СССР. В День Рождения *Карасик*а мы послали ему такую телеграмму:

Неспокойно магнитное поле,
А *Аркадий Михайлович* в нем.
С Днем Рождения его поздравляем,
Много счастья, здоровья желаем.
Если Вы не приедете – Жалко!
Шлем приветы свои – Камералка.

Аркадий Михайлович приехал к защите. Рецензентами у нас были геофизики: *Вадим Литинский и Нина Ласточкина*. Они написали едкую рецензию, где одна из представленных карт была охарактеризована как творчество «хвоста непокорного мула». Тем не менее, мы получили за два отчета «отлично», а за один «хорошо». Начальство признало нас как специалистов-геофизиков и в дальнейшем всю текстовую часть поручали нам. Профессор *Раиса Михайловна Деменицкая* приняла нас четверых в свою «конюшню». Мы хорошо сработались с коллективом и взаимно полюбили и уважали друг друга. В дальнейшем *Е.Зацепин и В.Щелованов* работали в Антарктиде, а затем вернулись к аэромагнитной съемке Арктического бассейна. *Я* и *А.Малявкин* все время занимались территорией северо-запада Красноярского края, а позднее переключились в составе аэромагнитных партий на аэромагнитную съемку Баренцева и Карского морей. В 1967 году, в 10-летие окончания нами ЛГИ, *Саша Городницкий* на вечеринке у *Леры и Володи Титовых* зачитал замечательную ОДУ, фрагменты которой привожу ниже:

За десять лет в Неве и Мойке
Воды немало утекло.
Забыты сессии и двойки,
Морщины теребят чело.
И, хоть нам это непривычно,
Настала трудная пора –
Чтоб нынче выглядеть отлично,
Нам степень получать пора!
Женаты, холосты, рогаты -
Мы все стремимся в кандидаты.
И первым высохшим над книжкой,
В учености познавший толк,
С женой-красавицей подмышкой
Выходит на дорогу *Волк*…

Да! В это время я уже представил к защите кандидатскую диссертацию и еще, что не менее важно, влюбился и нашел взаимность у прелестной первокурсницы *Эмилии,* впоследствии *Волк*. Мудрая *Раиса Михайловна Деменицкая* чуть ли не в приказном порядке заставила своих «мальчиков» *В.Волка, А.Малявкина, Е.Зацепина, А.Городницкого, Э.Литвинова* сдать кандидатский минимум. То же самое еще раньше сделали заслуженные геофизики *А.Карасик, Ю.Киселев и Б.Гусев*. Ну, а перспективы сладкой жизни в науке *Саша Городницкий* отметил в конце своей Оды:

На столе моем – селектор,
Телефонов белых ряд.
За столом моим – коллектор,
Ну и баба, говорят!
Не страшна теперь плещина,
У меня своя машина.
Мне в постели страха нету –
Не боюсь усталости.
Член Ученого Совета –
Это член до старости!
Мы осилим эту штуку
Лбами твердыми, как сталь.
Жаль, конечно, нам науку,
Но себя нам больше жаль!

Жаль, что многие остроумные стихи *А.Городницкого*, адресованные друзьям, так и не были опубликованы. Ну, а мне, например, он написал на День рождения такой опус:

Ликует зоопарк: у *Волка* День Рождения!
За сто других зверей при жизни преуспел,
Он в шахматах, как Тигр, не знает пораженья.
В работе он, как Волк, в научной прозе – Лев.
Немало воплотил в себе он прочих данных,
В отцовских чувствах он наседку превзошел.
Старается Котом казаться он при дамах,
Но дамы говорят, что в деле он – Осел!

Вот так, помимо науки, мы стихотворно резвились в НИИГА. Кстати, и другие сотрудники удачно творили на совместных поэтических капустниках, например, НИИГА – ВСЕГЕИ. На предложенные рифмы: НИИГА – НОГА, ГАИ – ВСЕГЕИ победителем экспромта оказался «ниигашник» палеонтолог *Юра Михайлов*:

На тормозе нога,
Права берет ГАИ,
Я скрою, что из НИИГА,
Скажу – из ВСЕГЕИ.

Но главным застрельщиком прекрасных стихов и песен остался для нас всех теперь новоявленный москвич *А.Городницкий*. Кстати, *Саша*, наезжая в Питер, очень любил вспоминать пародии, написанные на него разными авторами. Среди них прекрасные рифмы блестящего геолога и художника *Михаила Константиновича Иванова*, написанные на мотив «Над Канадой»:

Под канадкой профиль синий,
Брови черные, густые,
Хоть похож ты на Россию,
Только все же не Россия!

А москвичом *Саша* стал вследствие переезда на работу в институт Океанологии АН СССР. Его переманил в Москву академик *Монин.* Позже *А.Городницкого* вновь пытались переманить в Питер, но Ученый Совет его не простил и забаллотировал. А тут подошел новый юбилей НИИГА. *Саша* на Юбилей, конечно, не приехал - обиделся, и мы с другим *Сашей* - *Александром Малявкиным* – исполнили под замечательную гитару пародию на *А.Городницкого*. Мне приделали густые черные брови, нацепили нос и канадку на голову. Вот некоторые строки из «*Сашиного* поздравления» (слова *В.Волка*):

У Геркулесовых столбов
Лежит моя дорога.
У Геркулесовых столбов,
Где плавал Одиссей.
По праву старых моряков
Я сходен с ним немного,
Но только в области стихов –
Значительно сильней!
Итак, послушайте, друзья,
Вам изливаю душу,
Мне с вами ссориться нельзя,
Да и не по плечу.
Свою научную струю
Я начинал на суше,
Судьбу печальную свою
Поведать Вам хочу.

Все перекаты, да перекаты
Послал бы их по адресу.
Решил, что стану я кандидатом,
Уже защита на носу….
Меня, я знаю, ругает кто-то,
Но я не буду мучиться:
Люблю НИИГА я до поворота,
А дальше - как получится!

Распростившись с Ленинградом,
Начал я в Москве трудиться.
Мне бы Вас поздравить надо,
Может, кончите сердиться.
Поступил я к вам зеленый,
Отбыл тоже не опавший:
Я при *Монине* - ученый,
Менестрелем личным ставший.

В «Севморгео» нынче мне не светит.
Я пока что выбыл из игры,
На Большом Ученом на Совете
Мне метнули «черные шары».
Только это все, друзья, без толку,
Мне иной в науке жребий дан:
Пусть ваш Шельф грызут *Карасик* с *Волком*,
Я себе оставлю Океан.

По французки я не понимаю,
Да и по английски – ни фига!
Как умею, так и поздравляю
С Юбилеем, славный НИИГА!
К вам приду, вернусь, как в этот вечер,
Снова буду в курсе разных дел.
Очень жду я с вами нежной встречи,
Лишь бы Генеральный захотел!

Ода и наше выступление имели успех, ну а *Саша* вскоре успешно защитил кандидатскую диссертацию в МГУ на кафедре профессора *В.В.Федынского.*

Жизнь и работа продолжались… Начиная с 1975 года, я целиком переключился на тематические исследования, занимался интерпретацией аэромагнитных и других геофизических данных при изучении глубинного строения Арктического шельфа. В работе мне помогал замечательный коллектив геологов и картографов, среди которых я хотел бы особо благодарно отметить *Юрия Николаевича Кулакова, Якова Ивановича Полькина, Александра Аркадьевича Красильщикова, Юрия Петровича Ершова*, а также картографа *Аиду Ивановну Завьялову* и других. Отмечу, что первый опыт работ по теме Баренцевского шельфа я приобрел под руководством блестящего геолога (и буремиста) *Юрия Яковлевича Лившица*. Главные геологические выводы о глубинном строении Баренцевского шельфа были сделаны по результатам выполненных к тому времени гравимагнитных и сейсмических исследований. Я много работал в контакте с геофизиками Полярной морской геолого-геофизической экспедиции (ПМГРЭ) – с однокашниками *Е.Н.Зацепиным и А.М.Малявкиным, с В.Н.Шимараевым*, с которым еще сдружился по Охотскому морю. Совместно с *С.С.Ивановым и В.Н.Шимараевым* мы разработали и

широко внедрили в практику работ метод интерпретации аэромагнитных данных для изучения земной коры на всю ее мощность. Эта методика «ВИШ» успешно с модификацией была применена талантливым ученым Ириной Кадминой для изучения глубинного строения региона моря Уэдделла в Антарктиде. Своей ученицей в интерпретации аэромагнитных данных по нашей методике, наряду с *Любой Харитоновой*, считаю и *Олю Соболеву*.

Жизнь продолжалась. На очереди встала проблема определения Внешней границы континентального шельфа СССР. У истоков ее стоял *Юрий Николаевич Кулаков*. Затем руководство института доверило мне продолжить эти исследования, а уже в дальнейшем по этой проблеме плодотворно трудился союз геофизиков и геологов в составе *Ю.Е.Погребицкого, В.А.Поселова, В.Д.Каминского* и других.

В заключение своих кратких воспоминаний хочется сказать о удивительных женщинах НИИГА! Я относился к ним восхищенно, влюбленно и одновременно уважительно. На работу меня приняла удивительная и проницательная женщина- профессор *Раиса Михайловна Деменицкая*. Когда я наивно спросил начальника Аэромагнитной партии *Дмитрия Владимировича Левина*, нужен ли ему магнитолог, то поступил крайне нетактично. Разумеется, мне сказали, – нет, так как магнитолог этой замечательной партии *Сергей Михайлович Крюков* сидел рядом и был свидетелем этого диалога. Я в расстроенных чувствах пошел к площади Труда и оттуда из вежливости позвонил *Раисе Михайловне*, ранее порекомендовавшей мне обратиться к *Д.В.Левину*. Она рассердилась и категорически приказала мне вернуться. На работу меня взял *Борис Александрович Александров* и, хотя по опыту работ я подходил к должности инженера-интерпретатора аэрогаммамагнитных данных, меня тут же посадил чертить рабочие планшеты в комнате 31, где размещался коллектив Аэромагнитной партии. А кругом, кроме *Д.В.Левина и С.М.Крюкова*, сидели очаровательные женщины – славный коллектив камеральной группы. Это *Вера Георгиевна Акимова, Вера Ниловна Лунева, Нина Александровна Чикирова, Антонина Георгиевна Казарина, Евгения Васильевна Киреева, Мария Александровна Агафонова*, а также *Дина Шамиевна Будаева* и *Нина Никитична Ласточкина*. Они отнеслись ко мне с симпатией и помогли в амплуа начинающего чертежника-топографа. Букет женщин был великолепен, но больше всего меня обаяла *Мария Александровна Агафонова*, и я чуть не свернул себе шею, глядя на нее. Все это заметили и понимающе улыбались. Через месяц в эту же партию приняли на *работу Сашу Малявкина*, и мои терзания закончились, так как *Муся* сразу же влюбилась в нашего гитариста, сердцееда и весельчака. Когда же в НИИГА поступили еще *Женя Зацепин* и *Володя Щелованов* – все молодые и холостые, *Евгения Васильевна Киреева* начала сватать нам самых красивых девочек Института. Но влюбленность и очарование – это еще не женитьба, и мы все устояли и в первую очередь мечтали о предстоящей экспедиции в незнакомое нам Заполярье. В дальнейшем камеральная группа была усилена радиогеодезистами – картографами во главе с очаровательной и остроумной *Эльвирой Михайловной Кузьминой*.

Характеризуя меня, она лукаво дала мне такое определение: «*Слава Волк* прежде, чем разрабатывать пути подхода к женщине, отрабатывает и обдумывает пути отхода». Это было верно.

Несмотря на свою эмоциональность и любовь к красоте, я ни в кого не влюблялся и был верен лишь работе и, конечно же, шахматам. В дальнейшем я оценил ту доброту и взаимопомощь, которые на протяжении всех 37 лет работы в Институте я чувствовал со стороны *Галины Николаевны Карцевой, Анастасии Михайловны Ивановой, Натальи Степановны Бондаренко, Нины Михайловны Васильевой, Серафимы Яковлевны Ефимовой, Тамары Петровны Портновой, Клавдии Антоновны Демковой, Аллы Николаевны Соломатиной* и других. Моим добрым другом была *Люся Стасевская* – гроссмейстер машинописи. Обе мои диссертации напечатаны ею безукоризненно. Ну, а в свою комнату после расформирования отдела геофизики меня приняли *Зинаида Зиновьевна Ронкина и Лида Ильченко* (моя совесть). *Зинаида Зиновьевна* была женой нашего Генерального директора *Игоря Сергеевича Грамберга*, но никогда не акцентировала своего особого положения. Она была блестящим геологом-профессионалом и тактичным интеллигентным человеком. Но больше всего я благодарен *Раисе Михайловне Деменицкой*, по сути создавшей в НИИГА-ВНИИОкеангеология школу морской геофизики, а точнее – геофизиков, специализирующихся на изучении труднодоступных акваторий шельфов арктических морей и глубоководья Мирового океана. *Раиса Михайловна* все время давала нам новые идеи, а также чуть ли не принудительно заставила нас подготовить и сдать кандидатский минимум. Более глубокое использование аэромагнитных данных для изучения земной коры – это воплощение ее замысла, успешное осуществление ее идеи. Она всегда стояла горой за своих геофизиков, а мы гордились, что входим в «конюшню *Деменицкой*». Когда *Александр Городницкий* уехал в Москву, то я по этому поводу написал небольшую рифму:

И из «конюшни *Деменицкой*» -
Нам эта марка дорога –
В Москву уехал *Городницкий*
Со знаком качества – «НИИГА»

А еще я вспоминаю «Ласточкино гнездо»– коллектив камеральщиц ПМГРЭ под руководством *Нины Ласточкиной* и славный картографический отдел института!

В дальнейшем меня судьба столкнула, а точнее объединила в одной рабочей комнате с новым поколением геофизиков и геологов прекрасного пола: *Любой Харитоновой, Валей Верба и Надей Евдокимовой*. Впоследствии им дали имя «Девочки *Волка*». Ну, а в Полярной экспедиции я работал с *Юлей Гусевой и Олей Соболевой*. Сейчас, прожив 8 лет в эмиграции, я могу еще раз сказать, что российские женщины – самые лучшие в мире. Тому пример и славный женский коллектив НИИГА-ВНИИОкеангеологии. Спасибо вам за все, дорогие! Если

влюбляться в женщин – это просто, то дружить и обожать их при этом, ценить их профессионализм – это незабываемо никогда!

Волк В.Э.

ГЕНКО Г.А.

Мир тесен

(от Таймыра до Памира)

В 1952 году я и трое моих сокурсников с геофизического факультета ЛГИ – *Дима Литинский, Лёва Цывьян* и *Гена Тузиков* проходили дипломную практику в гравимагнитной экспедиции НИИГА, возглавлявшейся *Н.Н.Самсоновым* (начальник) и *Ю.А.Риссом* (гл. инженер). Работы проводились на западе Таймырской низменности с базы Усть-Тарея, расположенной при впадении р.Тарея в р.Пясину. Деятельность экспедиции ознаменовалась многочисленными организационными неполадками, начавшимися с задержки прибытия вертолёта МИ-1 (первого в СССР, выделенного на геологоразведочные работы) и завершившимися его крушением. В связи с этим собрать материалы для дипломных проектов не удалось и, не желая усугублять ситуацию с сорвавшейся практикой ещё и опозданием к началу занятий, мы заторопили начальство с отправкой нас в Ленинград.

Денег в экспедиции не было, транспорта тоже. Но тут внезапно на песчаную косу Пясины приземлился самолет АН-2, направлявшийся через Диксон в Москву и нуждавшийся в дозаправке. *Ю.А.Рисс* сказал: «Есть возможность улететь на халяву до Москвы». Я, *Литинский* и двое студентов-метеорологов изъявили готовность. По прибытии на Диксон нам сообщили, что этот борт дальше не полетит, и высадили.

В связи с нелётной погодой аэропорт был перегружен желающими отбыть на запад. Мы расчистили на полу скромное пространство и свернулись клубочками.

У нас не было ни денег, ни еды. Мы всем рассказывали о нашем бедственном положении, но сочувствие вызвали лишь у радистов, которые три дня кряду высылали в Усть-Тарею наши слёзные радиограммы. Экспедиция молчала.

Сильно оголодав, мы украдкой таскали с пилотских столиков хлеб и соль. Но потом персонал стал гонять нас полотенцами и ругать худыми словами. Тут вдруг среди ночи с неба донесся шум мотора. Все вскочили. Выяснилось, что к нам летит знаменитый полярный асс *И.Мазурук*, которому в порядке исключения разрешена посадка. А отсюда он вроде бы держит путь на Москву. Посовещавшись, мы решили действовать без промедления. Узнав, в какой комнате асс ночует, мы с *Литинским* робко постучались в дверь. Приятный баритон ответил: «Войдите». Улыбчивый мужчина в синем свитере с белыми оленями (была такая мода!) сделал нам шаг навстречу. Я затараторила без задержки: «Мы студенты из Ленинграда…». Он меня с улыбкой перебил: «Знаю, всё знаю. Утром полетим». Благодаря и кланяясь, мы выскочили в коридор. Вбежав в зал ожидания, завопили: «Сам *Мазурук* про нас знает. Он обещал нас взять!» Зал взорвался от хохота: «Он всем так говорит», - кричали

нам со всех сторон. Так и оказалось. К утру *Мазурук* улетел, не взяв с собой никого.

С рассветом прошёл слух, что с востока к Диксону идёт грузо-пассажирский пароход «Прончищев», собирающий по побережью демобилизованных солдат. Оказалось, что на него можно купить билет.

Среди народа, ожидавшего оказию, выделялся интеллигентного вида пожилой мужчина, частенько выходивший на улицу подышать, где я с ним и познакомилась. Радист по специальности, начальник зимовки *Евгений Николаевич Сперанский* ехал домой в Москву в отпуск. В ожидании рейса жил в пилотской гостинице. О нашем печальном положении был уже проинформирован. Поэтому не очень удивился, когда я обратилась к нему с просьбой о деньгах. Осознав, что речь идёт о четырёх билетах, он слегка призадумался, но потом, засунув руку в нагрудный карман и отсчитав необходимую сумму, спросил: «Как вы собираетесь вернуть деньги?». Я ответила: «Сейчас я запишу Ваш адрес и кто-нибудь привезёт».

Мы плыли около восьми дней в зловонном твиндеке в обществе примерно 300 солдатиков. К сожалению все, кроме меня, т.е. солдаты и мои товарищи-студенты, чувствовали себя в связи с качкой очень плохо со всеми вытекающими последствиями. Ко мне проникся расположением повар и кормил до отвала, т.к. больше желающих поесть не было. А я помогала ему по хозяйству. По прибытии в Архангельск мы подошли к *Евгению Николаевичу* попрощаться. Он сказал: «Ну, надеюсь, вы меня не надуете?» Я ответила: «Исключено!»

Прибыв в Ленинград, собрав деньги, мы купили серебряный подстаканник, на котором выгравировали: «Разве мы могли надуть!». *Дима Литинский* поехал в Москву и вручил *Е.Н.* долг и презент. Вскоре я получила от нашего благодетеля трогательное письмо, откуда узнала, какие мы хорошие ребята. Я поздравила его с Новым 1953 годом, пригласила в гости, но переписка почему-то прервалась.

О нашем злоключении и чудесном спасении мы рассказали в НИИГА. Оказалось, что многие старые полярники знавали *Сперанского* и по разным поводам выражали восхищение этим человеком.

Прошло пять лет. Я уже перебралась из НИИГА в спецсектор ВИРГ'а. В летний полевой сезон 1958 г. нас направили работать в Мургабский район Памира, где в пади Кызында на высоте 4300 м годом ранее таджикское геолуправление выявило хилое рудопроявление урана. На пути из г. Ош в г. Мургаб по Большому Памирскому тракту им. *И.В.Сталина*, не доходя примерно 50 км до Мургаба, расположилась временная база экспедиции Академии Наук СССР, занимавшаяся поисками снежного человека. Мы заскочили к ним мимоходом. Работавшая там журналист *В.Л.Бианки* обратилась к нам с просьбой отвезти в Мургаб двух человек, заехавших к ним с какой-то попуткой. Мы согласились. На крыльцо щитового домика вышли два джентельмена преклонного возраста и облика, плохо вязавшегося с

окружающей обстановкой: в чёрных костюмах, белоснежных сорочках и при галстуках; в руках у них было что-то типа саквояжей, на плечах – зачехленные карабины. Одного из них мы посадили на переднее сиденье, второй вместе со мной расположился на заднем. Своего соседа я сразу же попыталась разговорить, что давалось с трудом, т.к. он плохо слышал. Но сам говорил вполне внятно. Удалось узнать. Что оба они врачи, много лет работали на Севере на разных зимовках. Уже лет десять на пенсии. Каждый год совершают поездки по южным районам страны. На Памир забрались впервые. Хотят посмотреть горы, а потом поохотиться на кабанов в Алайской долине. Обоим уже около 80-ти, но возраст им не мешает. Их третий компаньон ждёт их в Мургабе в гостинице.

Я громко кричала, чтобы быть услышанной. Наконец, мне удалось сообщить собеседнику, что я тоже когда-то работала на Севере. Назвала места, где я бывала, назвала несколько известных имён геологов и вспомнила о *Сперанском*. Мой сосед очень оживился и воскликнул: «*Евгений Николаевич* – мой старинный друг». Далее к моему изумлению он стал рассказывать мне историю нашего со *Сперанским* знакомства: «*Несколько лет тому назад Е.Н. познакомился на Диксоне с чудесными ребятами – студентами-геофизиками из Ленинграда. Они попали в сложную ситуацию и Е.Н. смог им помочь: дал всем четверым деньги на билеты от Диксона до дома. Потом они привезли деньги в Москву и подарили ему серебряный подстаканник с надписью «Разве мы могли надуть?». Е.Н. этот подстаканник держит у себя на камине и всем показывает, говоря, что среди нашей молодёжи всё-таки есть хорошие люди. А среди студентов была девушка, с которой он потом переписывался*».

Тут я в полном восторге закричала: «Так это была я!» И вдруг милейший доктор, помрачнев лицом, стал не очень явно, но вполне отчётливо отодвигаться от меня. Я закричала снова «Этой девушкой была я!». То была моя ошибка: хриплый крик звучал как-то неестественно и неубедительно.

Тут мы въехали в Мургаб и затормозили у гостиницы. Я выскочила из машины и протянула руку, чтобы помочь доктору вынуть вещи. Резким движением он отказался от моих услуг. Не глядя на меня, сказав водителю «благодарствуем», оба доктора бодренько вознеслись на крыльцо, где их уже ждал третий. Я постояла минуту как оплеванная и мы уехали.

До конца сезона я мысленно писала письмо *Е.Н.*, а, вернувшись в Ленинград, осуществила (увы, не сразу) своё намерение. Вскоре послала и новогоднее поздравление. Ответа не было. Позвонив по телефону в Москву, узнала, что *Е.Н.* незадолго до того скончался. Часто вспоминая эту эпопею, я давно поняла, что *мир тесен*, однако пока не все готовы это признать.

Вертолёт прилетел!

Вертолёт разбился

Большой Памирский тракт. Могила геолога.

ГУСЕВ Е.А.

Здоров. Годен.

В прошлых выпусках «Баек…» описаны забавные случаи, связанные с прохождением сотрудниками института медицинской комиссии. Не могу не поделиться рассказом об одном подобном курьезе, приключившимся с *Евгением Евгеньевичем Мусатовым*. Дело было в известной многим Чудновской поликлинике. Медкомиссию проходили мы втроем – *Евгений Евгеньевич, Саша Рудой* и я. Поскольку в плавсостав входят и женщины, в медицинских книжках предусмотрена графа «гинеколог». Мужчинам поверх этой надписи ставилась печать «дерматолог», а пустые графы заполнялись диагнозом и решением относительно пригодности пациента для участия в морской экспедиции. Такое заключение обычно выглядит так: «Здоров. Годен.». Иногда добавлялось «Жалоб нет». Весь этот набор фраз врач-дерматолог старательно прописал в наши медкнижки. Но у *Евгения Евгеньевича* он забыл поставить печать дерматолога в упомянутую графу. Удовлетворенный прохождением почти всех врачей, *Евгений Евгеньевич* по выходе из кабинета решил удостовериться, все ли в порядке, и… о, ужас! «Нет, вы посмотрите! Нет, ну как это так…?» - *Евгений Евгеньевич* задыхался от негодования. И было отчего. Получалось, что он только что благополучно прошел гинеколога. Вызывающе оскорбительным, по мнению *Евгения Евгеньевича*, было заключение врача: «Здоров. Годен…» - «Это для чего годен-то?» - начинал раздражаться *Евгений Евгеньевич*. Но окончательно его раскипятило последнее: «Жалоб нет» - «Ах, еще и не жалуется, получается!». Возмущенный *Евгений Евгеньевич* кинулся обратно в кабинет. Разумеется, ошибка было тотчас легко исправлена, искомая печать явилась на законное место, но этот случай еще долго был поводом для наших ехидных замечаний.

Гусеев. Мусаев.

Ездили мы как-то с *Евгением Евгеньевичем Мусатовым* на тектоническую конференцию в Москву. Место проведения – МГУ, участников расселяли в гостинице, находящейся прямо в здании университета. Время было неспокойное, как раз накануне в московском метро был совершен теракт, всюду на улицах можно было видеть наряды милиции, проверяющие лиц кавказской наружности. Расселением в гостиницу занималась не в меру болтливая особа, не прекратившая своего активного общения с подругой и при заполнении наших пропусков в гостиницу МГУ. В моем паспорте гражданина СССР фамилия была написана размашистым почерком, видимо, количество букв «е» можно было трактовать по-разному. Место рождения – город Аргун Чечено-Ингушской АССР. Таким образом, я из *Гусева* превратился в *Гусеева*. Но и *Евгения Евгеньевича* постигла та же участь, несмотря на то, что он был уроженцем Ленинграда. Он тоже стал именоваться на чеченский манер – *Мусаев*. Выписав пропуска, барышня, не прекращая цицеронить, выдала нам ключи и документы.

Ошибочное написание своих фамилий в пропусках мы заметили позже, уже в номере, под дружный хохот наших друзей-москвичей. Они так и зубоскалили в наш адрес во все время проведения конференции. Слышалось: «А, вон *Гусеев с Мусаевым* идут…»

Уволен без выходного пособия

Однажды сотрудник отдела геологического картирования *Александр Станиславович Рудой* был приглашен в Германию на обработку проб и последующий микрофаунистический анализ. На время отсутствия необходимо было оформить отпуск за свой счет. Проезд, пребывание и работа за рубежом оплачивались немецкой стороной. Саша оформлением отпуска пренебрег и по прошествии определенного срока был в сердцах уволен заведующим отделом за «систематические прогулы». Мы в отделе прознали об этом и написали Александру письмо по электронной почте, рассказав об этом инциденте и прибавив, что неплохо бы для восстановления позиции в институте написать объяснительную на имя директора института, в которой извиниться за произошедшее недоразумение. Через некоторое время получаем от уволенного проект письма, начинавшийся словами:

«Уважаемый *Игорь Сергеевич*, с прискорбием узнал о своем увольнении из института. Конечно, в случившемся есть доля и моей вины…». После чего Саша дописал уже для нас – «ребята, закончите за меня, я не знаю, чего еще можно прибавить…».

По возвращении из Германии *Александр* был благополучно восстановлен в институте, но эту фразу мы всегда используем, когда хотим отвертеться от ответственности.

Стихи

Отдел геологического картирования всегда славился талантами. Стихосложением занимаются многие в институте. Хочется привести пару шутливых произведений *Александра Станиславовича Рудого* в мой адрес. Одно из них – краткое, написано под впечатлением защиты отчета, ответственным исполнителем которого я был, второе – на мой день рождения.

* * *

На секции нашей не струсив,
И на Редсовете не струсь,
Открой им всю истину, *Гусев*!
И клюнь их, как истинный гусь!

* * *

Письмо товарищу *Гусеву*, навеянное его очередным днём рождения и продуктами жизнедеятельности музы

Костяшка к костяшке ты сложишь в года
Бусины чёток вечности.
Хлыстом подгоняя жизнь свою,
Несёшься по бесконечности.

Науку движешь, наукой живёшь,
Порой и дышишь наукою.
Работаешь не абы как,
Не для борьбы со скукою.

Нет денег? И пусть! Плевать хотел
Ты на бордовопиджачников,
Перебирающих «зелень» свою,
Убогих страстей подбашмачников.

Богаты чехлы для стопки мозгов,
В тугую кожу оправлены.
В довеске «тачка», валюта и СРОК
Модной девицей приправлены.

Не знают они, что значит жить
К познанью страстью питаемым.
Стирая зубы, грызть гранит
Знаний неиссякаемых.

Не знают они, что значит не спать
От мыслей, в башке копошащихся,
С бессонных постелей срываться в ночь
И на дисплей таращиться.

Слово за словом, за мыслью мысль -
Тезис, статья, монография...
Капля за каплей - вода о гранит...
Вытачивается биография.

С Востока на Запад ты мог бы закрыть
Госгеолкартой всю Арктику.
Да что там... уже половину закрыл,
Создав этих карт грамматику.

И карты эти не просто так
В бумагу чернилами въедены.
На этих картах стаи собак
Все до единой съедены.

Абстрактом пли, статьёй коли
Противника именитого!
Блестя интеллектом, с плеч сноси
Череп лгуна неприкрытого!

Идея к идее, за шагом шаг
Двигай науку россейскую!
Ядрёна Матрёна, мать ети!
Не мелко ли? Да ВСЮ ЕВРОПЕЙСКУЮ!!!

Я мог бы и дальше рубить строку,
Позвольте закончить всё же:
Разлита водка, гости ждут
И именинник тоже...

А.С.Рудой

КОРАГО Е.А.

СЕЙМЧАНСКИЕ ТИПЫ

Вместо предисловия

Посёлок Сеймчан – центр Среднеканского района Магаданской области. Он возник на месте стойбища юкагиров и был основан в XVII веке казаками. Именно отсюда после работ легендарной экспедиции *Ю.А.Билибина*, высадившегося в 1928 году со своими сотрудниками с корабля в бухте Нагаева и открывшего богатые россыпные месторождения, началась «Золотая Колыма». Почти сразу после открытий золотоносных россыпей это место стало одной из баз геологоразведчиков Дальстроя, с конца 30-ых годов в качестве основной рабочей силы использовавшей труд осуждённых по различным статьям уголовного кодекса. Значительный процент из них составляли заключённые по пунктам знаменитой статьи 58 – враги Советского народа. В районе Сеймчана было несколько лагерей, где помимо золота добывали оловянные руды и уголь для местных нужд, - фабрика Лазо, Каньон, Эльген и другие. После смерти вождя к 1954 году все лагеря были ликвидированы, а в посёлке продолжало базироваться Сеймчанское ГРУ (геологоразведочное управление) Дальстроя, преобразованное в дальнейшем в Сеймчанскую КГРЭ (комплексную геологоразведочную экспедицию) СВГУ (Северо-Восточного Геологического Управления) с центром в городе Магадане. В конце 50-ых и 60-ых годах прошлого века СВГУ (затем СВТГУ – та же аббревиатура, но с добавлением слова «Территориальное») развернуло в центральных районах р. Колымы и на Западной Чукотке широкий объём геологоразведочных работ, включавших геологическое картирование мелкого, среднего и, в меньшей степени, крупного масштабов, а также предварительную геологическую разведку с попутной добычей руды. Благодаря работам сотрудников Сеймчанской КГРЭ (СКГРЭ) были открыты новые богатые россыпи на Западной Чукотке в районе р. Мал. Анюй, где в конце 50-ых годов возник новый посёлок, названный в честь упомянутого выше легендарного геолога, безвременно ушедшего в другие миры и измерения в 1952 году. В начале 60-ых годов значительная часть геологов СКГРЭ переехала в пос. Билибино, который через несколько лет заслуженно приобрёл статус города.

Приведённая выше, может быть, несколько излишняя информация даёт некоторое представление об истории этого небольшого ПГТ, уютно расположившегося на северной границе обширной Сеймчано-Буюндинской впадины в 7 км от р.Колымы среди сопок и горных хребтов. Следует ещё добавить, что во время войны в посёлке начал действовать аэропорт, через который по ленд-лизу в более западные районы страны в обмен на наше золото американские самолёты-бомбардировщики «Дуглас» (впоследствии купленные СССР по лицензии и известные затем как самолёты Ли-2, обслуживавшие местные северные авиалинии вплоть до конца 70-ых годов прошлого века) поставляли продовольствие, так называемого «Второго фронта». Широкая долина в приустьевой части левобережья реки Сеймчан при её впадении в р.

Колыму представляет собой прекрасный природный аэродром, где он и был построен зэками. Ими же по проекту одного из заключённых, на воле работавшего архитектором, был возведён (точнее сказать, «срублен») двухэтажный красавец-аэропорт из лиственницы – просто чудо среди колымской тайги и кособоких бараков. К середине 60-ых годов Сеймчан стал важным грузовым и пассажирским аэропортом, через который осуществлялась связь Магадана с Западной (Билибино, Певек) и, в меньшей степени, Восточной (Мыс Шмидта, Анадырь) Чукоткой.

Предвоенная, военная и послевоенная история Сеймчана послужила причиной того, что здесь к 60-ым годам прошлого века возник достаточно благоустроенный (по северным меркам того времени) посёлок («Северная Пальмира» - говорили про Сеймчан люди с Чукотки), где была прекрасная библиотека, неплохой клуб, музыкальная школа, свой совхоз с замечательной молочной продукцией, работавший без перебоев круглый год, несмотря на морозы до –50ºС и ниже, и т.д., а главное, - интересные люди, среди которых было немало с высшим образованием из разных городов страны (прежде всего, конечно, геологическим, а также инженеры-строители, учителя; однако, были специалисты подчас высокого класса и других самых разных, иногда редких специальностей, не по собственной воле попавшие в эти места и оставшиеся здесь после ликвидации лагерей по разным причинам: кто-то потому, что некуда и не к кому было возвращаться на «материк», а кто-то потому, что после отсидки был без права выезда в районы западнее Урала вплоть до начала 70-ых годов). Особую категорию составляли лётчики полярной авиации и, в первую очередь, те, кто летал на вертолётах и самолётах АН-2 во все времена года. Конечно, интересны и весьма разнообразны были бичи (аббревиатуры «бомж»– без определённого места жительства – в русском языке тогда ещё не существовало; зато англоязычное «бич», перекочевавшее к нам в сибирские просторы неведомым образом, прочно прижилось и шуточно расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек» или ещё как «бедный интеллигентный человек»). Среди них, помимо полностью опустившихся людей с уголовным и без оного прошлым, были и очень любопытные типажи – флибустьеры и авантюристы, романтики «больших дорог» со своей философией и необычным взглядом на жизнь. Некоторые из них, что совсем уж дико и нетрадиционно для нашего менталитета, даже не употребляли спиртные напитки! Относительное обилие бичей в Сеймчане, помимо «лагерного» фактора, объяснялось ещё и тем, что во второй половине 60-ых годов вся территория Чукотки стала погранзоной, и туда был закрыт путь деклассированным элементам, которые и оседали в Сеймчане. Ниже попытаюсь, хоть это непростая задача, описать наиболее запомнившиеся типажи тех мест и того времени.

БЫВШИЕ З/К старшего возраста. Иван Емельянович Гриценко

Когда я появился в посёлочке среди сопок невдалеке от легендарной реки и впервые увидел *Ивана Емельяновича*, он мне, мягко говоря, не очень-то понравился и, если обратил на себя внимание, то только длинной белой

бородой «а ля Хоттабыч» и шляпой, лихо сдвинутой набекрень. Чуть выше среднего роста, слегка сгорбленный, довольно-таки запущенный и неряшливый, весьма потрёпанный и пьяный (тогда он крепко поддавал) худощавый старик. Примерно так охарактеризовал бы я его. Между прочим, как раз в тот момент, когда я увидел *Ивана Емельяновича* первый раз, его выбрасывали из нашего так называемого «Вечернего ресторана». Это была та же дневная «столовка», но столы покрывались скатертями и появлялись две официантки (одна – худая, другая - с пышными формами и пышущая здоровьем), разносившие алкоголь и закуску. Появлялся, конечно, и *дядя Миша* (метрдотель!) – очень колоритная личность, осколок империи, но о нём речь позже.

Я поинтересовался у коллег-геологов о *Гриценко*, и мне рассказали, что *Иван Емельянович*, или, как тут все его звали и за глаза, и в глаза, *Дед* (либо *Емельянович*), родом из Малороссии (Харьковщины), 1906 года рождения, т.е., в первую мою встречу с ним ему было чуть за шестьдесят. *Иван Емельянович* в конце 20-ых годов окончил Харьковский полиграфический институт и подвизался оформителем в каком-то книжном издательстве. Но это было так - не для души, для существования. Он был художником; прежде всего графиком, но писал и маслом, и темперой, и, что особенно сложно, акварелью. В 1938 году его и ряд его друзей, которые организовали какой-то кружок-объединение, после участия в одной из художественных выставок, осудили по статье 58 с формулировкой что-то вроде «за преклонение перед упадочным искусством Запада» и т.д. Вероятно, продолжительность срока усугубилась, во-первых, групповщиной (кружок), во-вторых, острым языком *Деда*, т.к. отбахал он в общем итоге 16 лет – до 1954 года; правда, по крайней мере, последние годы отсидки был бесконвойным и в Сеймчане состоял при сыне уважаемых геологов Сеймчанского ГРУ. Дело в том, что с конца 40-ых – начале 50-ых годов тихих з/к, даже и политических (если, точнее, то политические как раз резко и превалировали), разрешили брать в семьи местных ИТР (инженерно-технических работников) в качестве «учителей-нянек» (вариант денщиков в царской России для дитятей дворян XVIII-XIX веков). Кажется, их официально называли дневальными. Наибольшим спросом пользовались музыканты, учителя иностранных языков, математики, физики, литературы; до некоторой степени - художники или, на худой конец, учителя рисования, иногда спортсмены для физического развития ребёнка и т.п. В их обязанности входило приглядывать за дитятей, учить тому, что умеешь и знаешь, готовить, колоть дрова и исполнять другую домашнюю работу. Брали в дневальные и просто умельцев, поваров и т.д.. После освобождения *Дед* остался в Сеймчане прежде всего потому, что был, не знаю по каким уж соображениям властей, без права выезда до конца 60-ых годов. И это несмотря на то, что в начале 1964 года, ещё при Н.С.Хрущёве (напомню, что в октябре этого же года он был снят с поста Генсека ЦК КПСС), в Москве состоялась выставка картин *Емельяновича*. Её сумел каким-то образом организовать его бывший сеймчанский воспитанник, – ведь для политики партии тогда было важно обличать пороки тоталитарного

сталинского режима! Достигнув пенсионного возраста, *Дед* получил какую-то мизерную пенсию и едва сводил, что называется, концы с концами ещё и потому, что злоупотреблял крепкими напитками, а также тратил деньги на книги.

Года три-четыре после моего приезда в Сеймчан мы официально знакомы не были. Нередко я видел *Деда* в столовой во время обеда или в магазине. Мы кивали друг другу. Несмотря на то, что *Дед* тогда постоянно пил, он, по слухам, продолжал много работать. Его гравюры украшали стены почти всех домов посёлка. Затем *Емельянович* как-то очень резко порвал с бутылкой; никто вначале не верил, что он завязал навсегда. Не знаю, что послужило причиной; это ведь редчайшие случаи среди алкашей. Вероятно, сильно испугался после какого-нибудь сердечного приступа. Вскоре я через моего друга познакомился с *Дедом* поближе. Мне было около тридцати, ему – на 36 лет больше (!), но мы стали друзьями. К тому времени *Емельяновичу* дали однокомнатную квартиру, до этого он жил в небольшом бараке с печным отоплением и удобствами на улице. Раза два с друзьями-геологами я, ещё мало зная *Деда*, пилил и колол для него дрова, ведь на зиму на отопление уходило до 10 и более кубов. Конечно, сейчас городскому человеку, тем более столичному, невозможно представить радость неизбалованного «квартирными излишествами» индивидуума, более трёх десятков лет прожившего на Колыме (из них 16 в лагерях, но не пионерских), и вдруг («Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!») ставшего обладателем отдельной квартиры на втором этаже 2-х-этажного 8-квартирного дома с кухонькой и тёплым туалетом с канализацией! Что там 4-х этажные коттеджи с башенками, плавательными бассейнами, тренажёрными залами и множеством ванн и туалетов на Рублёвке для нынешних олигархов по сравнению с этой квартиркой с видом из окна на р. Сеймчан и сопки на правом берегу р. Колымы для *Деда*. Он был безмерно счастлив.

После того, как *Дед* перестал быть поклонником Зелёного Змия, он стал следить за собой и подчинил оставшиеся годы своей жизни чёткому графику. Вставал не позднее 7-ми утра, слушал радио, делал что-то вроде физзарядки, умывался и сразу же после очень лёгкого завтрака (а ел он очень мало по веским причинам – экономии денежных средств, проблем с пищеварением, а ещё и многолетней привычке) работал до самого обеда. Он делал карандашные наброски к будущим гравюрам, картинам маслом либо акварелям, реже писал маслом, а иногда и печатал гравюры. Однако обычно он оставлял это последнее занятие на вечер. К тому же с некоторых пор ему стало делать это затруднительно, а молодые геологи с удовольствием помогали ему. К обеду, то есть примерно к часу дня, *Дед* надевал зимнее пальто, поднимал воротник, напяливал глубоко на уши неизменную шляпу, которую носил и в пятидесятиградусные морозы, одевал войлочные боты «Прощай, молодость» и шёл гулять, помахивая сучковатой, но изящной, до блеска отполированной его рукой палкой из даурской лиственницы.

Первым местом, где *Дед* тормозил, был книжный магазин, занимавший старый деревянный барак. Он был неказист снаружи и внутри, зато зимой в нём

было всегда тепло, а летом – прохладно. Если был очередной привоз литературы, то *Дед* обзаводился новыми книгами. Преимущественно он покупал книги по искусству, иллюстрированные альбомы отечественных и зарубежных художников, но также поэтические сборники и прозу. Бóльшую часть своей мизерной пенсии и тех денег, которые удавалось выручить за счёт продажи гравюр и иногда картин, *Емельянович* оставлял именно здесь. Молодые продавщицы любили *Деда* и откладывали ему лучшие книги сразу же, как только их привозили. Потолкавшись минут пятнадцать у прилавка, рассказав какую-нибудь смешную историю из своей богатой жизни или анекдот, *Дед* двигался дальше. Заходил в промтоварный магазин-универмаг, чтобы просто поболтать с продавщицами, среди которых была милая татарочка по имени *Венера* и кореянка по фамилии *Ким* (примерно то же, что Иванова для русских). Вообще, откуда в Сеймчане взялись корейцы, до сих пор ума не приложу. Например, Сеймчанским УРСом (Управлением ресторанов и столовых) заведовал *Тин Юй Джен*, отбывший на Колыме тоже какой-то срок (поговаривали, что за шпионаж в пользу японских «самураев»). Всегда по-восточному невозмутимый, безукоризненно одетый и элегантный не по-колымски, он очень смешно говорил по-русски, путая падежи, местоимения, окончания слов и мягко произнося сочетания согласных и гласных. Рассказывали, что как-то раз у себя в кабинете *Тин Юй Джен* кричал по телефону: «Давай машина подлюка!», что на самом деле означало: «Пришлите, пожалуйста, машину для перевозки лука (под лук)» и т.д.

После промтоварного магазина *Дед*, помахивая палочкой и раскланиваясь со всеми встречными, продолжал свою прогулку. Как-то раз, оказавшись на улице в предобеденное время, я стал свидетелем забавной сценки. Навстречу *Деду* по заснеженной, с метровыми сугробами, дороге шёл второй секретарь Среднеканского Райкома партии по фамилии *Дрозд*. Несмотря на птичью фамилию, это был степенный и солидный мужчина, недавно появившейся в нашем посёлочке. Узрев его, *Емельянович* снял шляпу и в пояс поклонился, как крепостные крестьяне при приближении коляски барина на полотнах художников-передвижников. *Дрозд* поморщился, но деваться было некуда, и он приветливо кивнул *Деду*, сделав вид, что не заметил его проделки. Друзья рассказали мне потом, что это обычная манера *Деда* здороваться с людьми из Райкома партии (Parteigenossen), почему они, завидев его издалека, спешили перейти на другую сторону улицы.

[Здесь, позволю себе отойти в сторону от основной темы и рассказать «байку в байке» о *Дрозде*. В целом, мужик он был не вредный, но дело не в этом, а в том, что года через два после его приезда в отделе перевозок аэропорта появился новый начальник по фамилии *Сыч*. В это время *Дрозда* в посёлке не было – то ли он был в отпуске, то ли в командировке. Но вот он опять в Сеймчане и вскоре ему понадобилось куда-то лететь. Естественно, он, как большой начальник (местный «бугор»), снял с рычага телефонную трубку и позвонил в отдел перевозок, чтобы заказать билет. Трубку в аэропорту подняли и произошёл такой разговор:

- ***Дрозд*** (вальяжно, заранее зная, что это произведёт впечатление): «Говорит *Дрозд*».

- **Незнакомый голос** на том конце провода: «*Сыч* слушает».

- **Опешивший *Дрозд***, думая, что кто-то решил его разыграть: «Но это говорит *Дрозд*».

- **Из аэропорта**: «А *Сыч* слушает»…….. И т.д.

Как выяснилось, *Сыч* ещё не знал о существовании в Райкоме человека по фамилии *Дрозд*, поскольку принадлежал к блоку беспартийных, а аэропорт находился в 2-х км от посёлка и зимой люди из посёлка и люди, жившие в районе аэропорта, где и жил *Сыч*, могли месяцами не видеть друг друга. *Сыч*, говорят, тоже решил, что его разыгрывают, но он был флегматик и пофигист. А вот *Дрозд*, человек обидчивый и без особого чувства юмора, был взбешён.]

Перед тем, как пойти в столовую, *Емельянович* заходил в клуб, расположенный в самом центре посёлка, и, в зависимости от полученной информации о фильме, который будут показывать вечером, обзаводился (по блату, без очереди!) или не обзаводился билетом на вечерний сеанс. Билеты продавала *Ксения Семёновна Модилова*, весьма экстравагантная дама, по слухам, родственница *Бунина*, когда-то жившая в граде на Неве, но затем сменившая его по каким-то причинам на лагерные бараки 3-ей фабрики и свежий воздух колымской тайги. Обычно после обеда *Дед* заходил к нам в экспедицию и минут по 10-15 проводил время в беседах с геологами на различные темы. Нас, молодых ребят, *Емельянович* привлекал прежде всего своим неиссякаемым оптимизмом и философским взглядом на жизнь. Он был на удивление расположен к людям и умел внимательно слушать других, всем своим видом демонстрируя живой интерес, что является редким даром истинных мудрецов. В его обществе было как-то удивительно легко и комфортно; сразу становилось легче на душе и думалось о себе лучше. В то же время с теми, кого *Дед* не любил, особенно по прежним временам, он был язвителен и подчас резок.

После общения с геологами *Иван Емельянович* возвращался домой, неся в руке авоську с продуктами, купленными в магазине около столовой. И опять рисовал, либо писал картины часов до семи вечера. Затем следовало вечернее чаепитие, чтение книг и просмотр приобретённой литературы. Ложился спать *Дед* довольно поздно. Мы любили заходить к нему вечером, тем более, что он всегда был рад гостям. Обстановка в квартирке приближалась к спартанской, но было аккуратно и чисто; вдоль стен стояли стеллажи с книгами, а в одном из углов помещался стол с самодельным приспособлением (станком) для производства линогравюр. Коллекция альбомов у *Емельяновича* была замечательная: тут тебе и скульптура Древней Эллады, и этруски, и мастера эпохи Возрождения, и классицизм, и барбизонцы, и передвижники, и импрессионисты, и т.д., и т.п. Впервые у *Деда* узнали мы о *Сальвадоре Дали* и посмотрели первый альбом *Глазунова*, выпущенный, если мне память не изменяет, в 1972 году. Помимо книг и альбомов по искусству, которые *Дед*

приобретал в магазине, он пользовался услугами службы «Книга – почтой». За окном синел вечер, розовели вдали на другом берегу реки покрытые снегом сопки, а мой друг *Олег* и я садились прямо на пол или на истёртый коврик и с удовольствием рассматривали альбомы. *Дед*, сидя сзади нас на ветхом кресле, время от времени выдавал свои комментарии по тому или иному поводу. Они были интересны, а подчас весьма забавны. Нам льстило, что *Емельянович* прислушивался к нашему мнению относительно его работ. Временами *Олег* любил подразнить *Деда*: «Ну, где это Вы видели такое освещение? Здесь, по крайней мере, три источника света». *Дед* моментально заводился, терял всякое чувство юмора и своё обычное красноречие. Он сдвигал свои седые, косматые брови и бубнил: «Так и було́!». *Олег*, переходя на «ты» (чему *Емельянович* совсем не противился), в таких случаях продолжал: «Ну, *Дед*, ты даёшь! Ты – художник или фотограф?».

Как это ни покажется странным столичным жителям, но далеко к востоку от Урала говорят в целом значительно чище, чем во многих областях центральной России. Однако *Дед* за все свои долгие годы проживания на колымской земле от своего малоросского произношения не избавился. Вместе с тем, говорил он очень образно, сочно, пользуясь яркими метафорами и поразительной мимикой, так что слушать его было интересно.

В харьковской губернии жил он в районе станицы Лозовой, где в лихие годы гражданской войны гуляли и красные, и зелёные, и золотопогонные, и, конечно же, отчаянные ребята батьки *Махно*. *Емельянович* рассказывал, как, будучи пятнадцатилетним парнем, году в двадцатом ехал он на паровозе, который был остановлен махновцами, и как сам длинноволосый батька, сидя на тачанке с пулемётами, вершил судьбы богатеньких (купцов и т.д.), экспроприируя «награбленное у народа для народа» и деля его затем среди голодранцев, а купцов на потеху голытьбе заставлял при этом играть на гармошке и танцевать вприсядку. Такой вот местный Робин-Гуд первых десятилетий XX века. На наш вопрос: «Какое же было отношение к *Махно* у простого народа?», *Дед*, ухмыляясь, ответил: «Разное» и расшифровывать не стал.

Дед никогда не был женат, но случилось так, что когда бесконвойным он находился на службе в семье геологов, занимавший ответственный пост в Сеймчанском ГРУ отец мальчика, за которым присматривал *Емельянович*, был репрессирован и расстрелян. Это произошло в начале 50-ых годов. Мать мальчика оказалась (или была в это время) в Ленинграде. В деталях не знаю, но мальчика стал воспитывать *Дед*. Мальчик, *Игорь Шабарин*, закончив школу, уехал в Ленинград, поступил в Горный институт и получил диплом гидрогеолога – инженерного геолога. Затем он вернулся в Магадан и стал там работать. *Игорь* очень любил *Ивана Емельяновича*, считая его своим вторым отцом. *Дед* отвечал ему взаимной любовью. Когда *Емельянович* был помоложе, *Игорь* иногда брал его с собой на полевые исследования. Среди работ *Деда* этого времени превалируют гравюры и картины маслом с быстрыми речками и обычно грудами замшелых валунов на переднем плане. *Игорь*, по-видимому,

пошёл в геологию из-за любви к природе. Он любил путешествовать; особенно на плавсредствах. Среди хороших друзей *Игоря* был и *Олег Куваев*. Летом 1975 года они собирались сплавиться на байдарках по рекам Седедеме и Алазее, на косах которых в то время было множество красивых агатов. Предварительно *Шабарин* и *Куваев* планировали посетить в Сеймчане *Деда*, который также был знаком с *Куваевым* и встречался с ним и в Магадане, и на «материке». Они переписывались. *Дед* зачитывал *Олегу Леонидову* и мне некоторые из этих писем. *Куваев* жил в пригородном доме под Москвой и работал над новым большим романом. В одном из последних писем он писал: «Сейчас пишу роман про бичей. Мне кажется, будет интересно. Надеюсь, что это будет лучшее из того, что я до сих пор написал. Не исключены трудности при его опубликовании». Вскоре его не стало.

Про лагерную жизнь *Дед*, естественно, не очень-то любил рассказывать, хотя иногда его «пробивало». Однако такой безысходности и ужасов, которыми пропитаны рассказы *Шаламова*, прочитанные мною много позже, в его повествованиях не было. Вероятно, всё-таки очень много зависит от восприятия конкретного индивидуума, хотя иногда *Дед*, вспоминая прожитое, вдруг замолкал, а потом говорил тихо: «Да, разное бывало». Конечно; ведь одно то, что *Емельяновичу* перед тем, как оказаться в колымских бараках, пришлось проделать, помимо всего прочего, длинный путь в спецвагонах через всю страну с не одним пересыльным пунктом до Владивостока и Находки, а потом морским путём при сильной качке, когда все зеки в трюмах лежали вповалку в блевотине, от порта Ванино до бухты Нагаева в Магадане, далее этапом по Колымскому тракту до Стрелки с дальнейшим отворотом на Среднекан и т.д. (всего от Магадана более 500км), немыслимо даже представить. Лагерная тематика в творчестве *Деда* представлена небольшим числом работ. Наиболее известна среди них гравюра «Этап», выставлявшаяся на упомянутой выше выставке в Москве в период «хрущёвской оттепели».

Из его редких серьёзных воспоминаний о лагерной жизни (обычно же это были всякие курьёзности да хохмочки), мне запомнился почему-то рассказ о том, как при получении переводов с воли (уж не помню, в связи с чем и как), зеки выявляли и затем жестоко лупили тех, кто «стучит» и получает за это деньги из какого-то номерного источника. Тогда мне этот рассказ показался неинтересным или, если и заинтересовал, то только потому, что в нём в качестве пострадавшего фигурировал один из старейших работников нашей экспедиции (не геолог). Позднее о совершенно аналогичной ситуации я прочитал у *Солженицына* в его книге про «шарашку» («В круге первом»).

Кстати, Колымская трасса и путь от Сеймчана вверх по одноименной речке до наиболее страшного по рассказам многих лагеря «Каньон», крепко врезались в память *Деда* и стали темой многих его линогравюр, акварелей и картин маслом со звучными названиями: «Озеро Джека Лондона», «Озеро Танцующих хариусов», «Оротук» и т.д. Почти непременным атрибутом всех его колымских пейзажей является крест (или кресты) вдоль дороги, петляющей среди сопок и излучин рек; причём нередко этот крест находится на переднем плане. Надо

сказать, что это очень не нравилось местным и областным начальникам, когда заходила речь об организации какой-нибудь персональной выставки любого масштаба - скажем, даже в Красном уголке экспедиции или, тем более, в нашем поселковом клубе, не говоря уж о Магадане. Вердикт их не отличался оригинальностью: «Упадочническое искусство. Надо воспевать героический труд энтузиастов Советского Севера. Где это он столько крестов взял? Их в этом месте никогда и не было. Да и вообще…» и т.п.

Как-то раз геологи экспедиции, чтобы помочь финансовым проблемам *Деда*, развесили его гравюры и несколько картин маслом в Красном уголке, куда был свободный доступ всем желающим. Гравюры, хоть и по мизерной цене, неплохо раскупались. Но об этом стало известно в райкоме, тем более, что из Магадана прилетело какое-то начальство. Получился скандал, хотя до магаданских ушей он не дошёл. Все зачинщики были вызваны в райком, где помимо партработников присутствовал и Глава поселкового Совета *Дягилев*. В райкоме развесили и разложили на столах гравюры, а Глава Поссовета, естественно, стал главным художественным критиком. Одна из новых линогравюр *Деда* называлась «Колымская Венера»: на траве на крутом берегу бурной реки в неглиже, поджав под себя крепкие ноги и выпятив грудь, сидела якутская девушка и смотрела вдаль. Всем нам сразу стало ясно, что *Дягилева*, якута по национальности, более всего возмутила именно эта гравюра, но для начала он, конечно, прошёлся по крестам. Затем, закрыв ладонью обнажённую фигуру и оставив лицо, он промолвил: «Что за пёсья морда; пёсья и есть» и т.д. Никто, впрочем, особенно не пострадал – не те уже времена были; семидесятые годы – не начало пятидесятых, но двое молодых геологов (муж и жена), собиравшиеся после полевого сезона в отпуске посетить по туристическим путёвкам братскую Венгрию, не смогли в Магаданском обкоме партии получить разрешение на выезд. Между прочим, гравюра «Колымская Венера» в середине 80-ых годов теперь уже прошлого века висела в кабинете №42 на Мойке, 120, где тогда размещался Геологический отдел, возглавляемый *Школой*.

Кстати, о женщинах. Женщины были у *Деда* одним из пунктиков. Он их всех обожал и превозносил – сказались годы лагерной изоляции. В один из тёмных зимних вечеров *Дед* поведал нам о своей горячей плотской любви к какой-то даме (кажется, «вольняшке») в свой послелагерный период. Несмотря на красочные описания, пошлость и цинизм в его повествовании совершенно отсутствовали. В начале 70-ых годов, получив, наконец, возможность побывать за Уралом и посетив своих друзей в Москве и Ленинграде, на мой вопрос: «Как там Питер?», *Дед* ответил: «Прекрасно. Я не вылазил из Эрмитажа и Русского музея», а потом вдруг, перейдя на шёпот, продолжил: «Посетил и универмаг «Смерть мужьям». Ну, я тебе скажу-у; там такие ***Хризантемы*** ходят!». После чего, качая головой и тряся бородой, заговорчески подмигнул и громко зацокал языком. (На всякий случай напомню, что универмаг, получивший в народе такое название за то, что в нём продавали очень дорогое женское бельё и

прочие штучки, находился на чётной стороне Невского, недалеко от поворота на Дворцовую площадь).

Я, конечно, знаком далеко не со всеми произведениями *Ивана Емельяновича* и не собираюсь выступать в качестве критика, говоря о каких-то периодах в его творчестве. Вместе с тем, из того, что я видел, могу предположить, что *Дед* достаточно кардинально изменил манеру своего рисунка на рубеже 50-ых и 60-ых годов. Его рисунки (скорее, наброски) более раннего послелагерного времени, когда основной темой их были первые покорители севера Сибири – казаки-землепроходцы, *Черский* со своими спутниками и семьёй и т.п., по манере исполнения (сугубо, с моей точки зрения) носят несколько «лубковый» характер и близки почерку *Перова* и отчасти раннего *Васнецова*. Более поздним работам свойственен более резкий и жёсткий, если так можно выразиться, рисунок. Тематика – сопки, поросшие чахоточными лиственницами и корявым кедровым стлаником, а также голые гольцы с крутыми склонами и одинокими деревьями с обломанными верхушками, а также обязательными крестами на переднем плане. Если присутствуют персонажи, то это – местное население с ярко выраженными монголоидными чертами лица в окружении собак либо геологи в маршруте и на стоянках. Привлекала *Деда* и тема острогов с часовенками и небольшими церквушками, расположенными в красивых местах и, как и положено им, около воды, но на возвышенных участках рельефа. Эти рисунки обычно выполнены цветными карандашами с преобладанием синих цветов широкой тоновой гаммы. Мне кажется, в бога *Дед* не верил, но крест на шее носил, что тогда было редкостью. В то время, когда я был знаком с *Емельяновичем*, он почти не рисовал и не писал с натуры. «У меня всё в голове и в сердце», - говорил он.

Среди гравюр наиболее удачными, с моей «кочки» зрения, являются две – «Табун» и «Последний друг». На первой, где по долине реки несутся лошади, не зная куда, и зачем (другое название – «От себя не убежишь!), – сплошная динамика, экспрессия; на второй гравюре, где среди белого безмолвья снег заносит нарты и замёрзшего каюра, а рядом сидит и воет его верная ездовая лайка, – тоска и статика.

Маслом и акварелью *Дед* писал ту же Колымскую трассу, окрестности Сеймчана и Каньон, но если на гравюрах и рисунках цветными карандашами пейзажи в целом и особенно горные гряды на этих пейзажах несколько искажены и стилизованы (например, склоны гор подчас весьма круты и т.д.), то на картинах, написанных красками, соблюдены пропорции и всё в порядке с композицией и перспективой; пейзажи реалистичны. Впрочем, это не всегда так. Исключением являются пейзажи каких-то диковинных стран с бордово-красными горами-утёсами, сиренево-оранжевым небом, почти зелёным с белыми барашками морем, яркими угловатыми фигурами рыбаков и рыбачек на коричневато-оранжевом песке. Что-то от *Грина* и *Паустовского* одновременно. Очень удивительно такие пейзажи смотрелись в небольшой квартирке *Емельяновича*; особенно когда за окном темень, туман и «шёпот звёзд», то есть температура воздуха не выше 40-45° мороза. Этому посвящена картина *Деда*

под названием «-50°», написанная в пастельных светло-желтоватых с переходами к светло-серым – белым – белёсым тонам. Контуры дома (скорее всего, метеостанции), телеграфного столба, людей и, вероятно, собаки размыты и как бы «дрожат», как это и бывает в сильные морозы с туманом; в центре картины громадное солнце висит над домом и окружено ореолами. Когда *Емельяновичу* особенно нравилась какая-нибудь картина в альбомах, которые мы смотрели, сидя на полу, он говорил про неё: «С настроением». Эта его любимая фраза, мне кажется, очень подходит к картине «-50°».

Но хватит о живописи. *Иван Емельянович* был личностью. Мы поражались его отношению к жизни, его оптимизму, доброжелательности и силе духа при становящейся всё более бестелесной комплекции. В 1975 году я собирался в отпуск за три года, поэтому вернулся в Сеймчан с полевых работ рано – во второй половине сентября, предварительно перегнав с двумя рабочими и старшим техником наших лошадей от места работ на Западной Чукотке до посёлка Омолон. Покончив с делами, я поспешил к *Деду* и узнал, что он в больнице.

К этому времени в нашем посёлке был построен новый, достаточно современный для тех мест медицинский корпус. *Дед* в белой рубахе лежал в отдельной палате. Всё было чисто и аккуратно; в окно светило осеннее солнце. Лицо *Емельяновича* бледно-жёлтого цвета, изрытое глубокими бороздами морщин («следами былых улыбок»), было спокойно. Он походил на какого-то пророка. Рядом на тумбочке лежали книги. Мы поговорили на разные темы. «Говорят, у меня от печени ничего не осталось, а медсестра никак вены найти не может, чтобы укол сделать», - вдруг сказал *Дед* и улыбнулся. Потом, помолчав, добавил: «А хотелось бы выкарабкаться». Через два дня я улетел «на материк», ещё раз, перед отъездом, заглянув к *Деду*.

В январе 1976 года, находясь в отпуске в Ленинграде, я получил телеграмму из Сеймчана о том, что *Иван Емельянович* скончался. Ему шёл 70-ый год. Позднее одна из медсестёр рассказала нам с *Олегом*, что при вскрытии тела врачи были поражены, до какой степени изношены все жизненно важные органы *Деда*. Жил он последние годы, исключительно опираясь на силу своей воли и жажду жизни. На колымской земле он прожил в общей сложности 38 лет.

Рудаков

Рудаков заведовал экспедиционной мехмастерской. Это был здоровенный мужик, с крупными чертами лица, как бы вырубленными топором. Вместе с тем, его лицо сразу располагало к себе, выражая сильную волю, уверенность в собственных силах и спокойствие. В здоровенной волосатой лапе *Рудакова* собственная длань казалась маленькой и беспомощной. Но эти громадные лапы с толстыми, как сосиски, пальцами были на удивление ловки и могли делать очень тонкую работу. Мне не так много приходилось по работе сталкиваться с *Рудаковым*. В основном, перед полевыми сезонами, когда нужно было заказать, например, печку-буржуйку или сделать лабаз из бочки, отрезав у неё верхнюю

часть, затем заварить в ней отверстие, а потом приварить и к этой нижней и к верхней частям бочки крюки и т.д. или просто попросить машину для перевозки груза. У *Рудакова* всё всегда было продумано до мелочей и делалось в срок и очень быстро. Я никогда не интересовался, какое у *Рудакова* образование, но он легко разбирался в чертежах. Говорил *Рудаков* медленно и уверенно, подчас с тонким скрытым юмором. Это был редкий человек, к которому абсолютно все относились с уважением. Я догадывался, что *Рудаков* сидел – об этом свидетельствовали наколки на руках и т.д., но не интересовался, за что. Только через несколько лет работы в экспедиции, я случайно узнал, что он был известным «медвежатником» и большим авторитетом на зоне.

Николай Иванович

Иосиф Виссарионович как-то, попыхивая трубочкой, сказал: «Нэзамэнимых людей нэт». Можно по-разному относится к этому изречению и спорить на эту тему, но если взять масштабы нашей экспедиции и даже, пожалуй, всего посёлка, то *Николай Иванович*, безусловно, опровергал мнение вождя. В его небольших короткопалых руках с изувеченными пальцами на одной из них спорилась любая работа. Он умел буквально всё. Если нужен был подарок к приезду большого начальства, то звали *Николая Ивановича*, и он в очередной раз придумывал и выполнял что-то оригинальное; если нужно было смастерить («сварить») зимние сани для дальней заброски по тайге и тундре, то опять звали *Николая Ивановича* и он вместе с *Рудаковым* (с которым нередко и выпивал при этом) разрабатывал чертежи и затем принимал посильное участие в их изготовлении и испытаниях. Ну и, конечно, если что-то ломалось (электроприбор, пишущая машинка и т.д.) и наш «Быткомбинат» не мог починить, то вся надежда была на Николая Ивановича. В одном из двух экспедиционных помещений, представлявшем собой одноэтажный барак с длинным коридором по середине и называвшемся, кстати, Поляркой, поскольку в прежние времена здесь базировалась Полярная аэрогеофизическая экспедиция, у *Николая Ивановича* было два помещения, находившиеся в конце барака относительно главного (официального) входа. Однако с другой стороны барака был ещё один вход – прямо в эти помещения. Именно через этот вход *Николай Иванович* проникал к себе и с начала наступления рабочего времени, и в любое другое время; вечером же сюда заходили его близкие друзья и знакомые, либо те, кому надо было что-то починить или поблагодарить за произведённый ремонт и т.д. Значительную часть суток *Николай Иванович* проводил именно здесь. Здесь была его работа, здесь был клуб по интересам для тех, кто умел либо просто любил что-нибудь делать руками. Здесь он принимал заказы, здесь принимал и подношения, бóльшая часть которых была в стеклянной таре. Инструментов у него было множество на все возможные и невозможные случаи жизни. Все инструменты, несмотря на их неказистый порой внешний вид, находились в великолепном состоянии. Николай Иванович всё время сыпал шуточками-прибауточками, пел частушки, рассказывал

анекдотцы и т.д. Не любил он молчать, а сплетни всякие очень даже любил – равно и слушать, и разносить.

Если к нему в мастерские приходил вечером новый человек с просьбой что-нибудь сделать или починить, то *Николай Иванович* недолго оценивал его и, если это был не совсем безнадёжный «клиент-пациент», то подбирал инструмент (всякие там напильнички, надфилёчки, тисочки, пилки по металлу и т.д.) и объяснял поэтапно что, как и чем надо делать. И поразительно: абсолютному большинству, действительно, удавалось на их же удивление вполне прилично справляться с поставленной задачей. Знаю по себе. В начале 70-ых мне понадобилась портативная пишущая машинка. Достать её было невозможно; один знакомый, уезжавший на «материк», оставил мне машинку, но шрифт был нестандартный, мелкий. Я пошёл к *Николаю Ивановичу* для того, чтобы перепаять шрифт. Надо сказать, что работа эта довольно тонкая, помимо паяльника и канифоли требует особого инструмента для того, чтобы выравнивать вновь припаянные буквы по вертикали и ширине. Однако благодаря данному мне инструменту и советам, я смог (хоть и с грехом пополам) справиться с этой, казалось, непосильной мне, задачей. Мне кажется, сам *Николай Иванович* испытывал удовольствие, когда ведóмый им «клиент-пациент» заканчивал работу.

Несмотря на достаточно солидный возраст – за шестьдесят (он был 1909 года рождения), *Николай Иванович* вовсю интересовался женщинами и мог о них не только поговорить. На материке у него была жена и двое взрослых семейных сыновей ещё довоенных лет рождения. Они жили где-то под Ленинградом – то ли в Пушкине, то ли в Сестрорецке (не помню) и оба имели высшее техническое образование. *Николай Иванович* обычно один раз в три года ездил к ним в отпуск на пять месяцев, обязательно совершив также вояж на Кавказ или в Крым и вернувшись в Сеймчан с лоснящейся загорелой лысиной. Был он невысокого роста, сутулый, с брюшком, но плотный и подвижный. Любил и умел выпить, но почти всегда знал норму. Говор *Николая Ивановича* выдавал его малоросские корни.

Он тоже прибыл в колымские края не по зову сердца, однако благодаря своим золотым рукам, коммуникабельности и оптимизму быстро попал у начальства зоны на особое положение. Я не очень интересовался, уголовный он или политический. Скорее, думал я, второе, – за язык. И ошибся. Оказывается, до лагеря *Николай Иванович* был милиционером (тогда говорили не «мент», а «мильтон», «мусор») и получил срок как «стекольщик», так в лагерях в те времена называли людей, имевших слабость к юным невинным девушкам. Каким образом ему, бывшему милиционеру, да ещё с такой статьёй, удалось выжить в лагерях и не стать «петухом», просто удивительно. По некоторым сведениям, он постоянно сотрудничал с лагерной администрацией. *Емельянович* и *Николай Иванович* не любили друг друга.

Последний раз я побывал в Сеймчане перед полевым сезоном в 1987 году и, зайдя зачем-то в «Полярку», увидел под потолком на стремянке *Николая*

Ивановича, который менял электопроводку. Он узнал меня, хотя мы не виделись почти десять лет, и начал балагурить. Ему шёл 79-ый год.

Клим Михайлович

Клим Михайлович Липский, сухощавый жилистый мужчина, заведовал экспедиционным складом, который, как и положено таким сооружениям, располагался на окраине посёлка за его последними кособокими бараками по левой стороне дороги на 3-тью фабрику (бывший лагерь, где добывали оловянную руду). Перед входом на территорию склада, где зимой хранилось снаряжение полевых и стационарных партий, а перед полевым сезоном завозились новая спецодежда и продукты, находились ворота и небольшая рубленная деревянная проходная с печкой, где в рабочее время и сидел заведующий складом, а в ночные часы дежурил охранник с ружьём.

Клим Михайлович был родом то ли с самой западной границы СССР, которая стала советской осенью 1939 года и где жили поляки, евреи, украинцы, молдаване и русины, то ли даже родом из Польши. Он очень хорошо говорил по-русски, но с ярко выраженным польским акцентом. Осуждён *Клим Михайлович* был по статье за национализм. Не знаю, каким уж там националистом был *Липский*, но знаю, что людей он оценивал уж точно не по пятой графе. *Клим Михайлович* говорил не спеша; любил пофилософствовать о жизни вообще и о предназначении в ней конкретного индивидуума, в частности. Своего скептического отношения к коммунистическим идеям не скрывал, хотя особенно на эти темы не распространялся.

У него была спокойная черноволосая жена с породистым очень интеллигентным лицом. Она тоже прошла колымские лагеря, по национальности была наполовину русская, наполовину – голландка. Я, к своему большому удивлению, впервые узнал тогда, что после войны многие европейские государства, которые сейчас так любят говорить о демократии и правах человека, подписали с СССР соглашение, по которому все их жители, имеющие русские корни, могли быть интернированы на территорию своей исторической Родины, что активно и приводилось в исполнение, причём особенно (а точнее, совсем) не ориентируясь на желание интернированных. Некоторые из них, родившиеся уже не в России и не в СССР, даже не знали русского языка, что, впрочем, было редкостью. Таким исключением была и жена *Липского*. Её отец, оказавшийся после революции в Голландии, женился на голландке, но оба родителя погибли, когда она ещё была маленьким ребёнком. Девочка воспитывалась потом в голландской семье, кажется, даже не подозревая о своей национальности. Чудны дела твои, Господи! В конце войны она была уже молодой девушкой, когда, как говорится, и «попала под раздачу», проехав в закрытых вагонах от берегов Западной Атлантики до берегов Западной Пацифики.

У *Липских* было два замечательных парня – высоких, плечистых, с узкими талиями и красивыми лицами. Оба учились очень хорошо, были музыкальны и имели математические способности. Старший сын ещё при моём пребывании в

Сеймчане закончил школу и поступил на матмех в Ленинградский университет, который потом с блеском закончил, кажется, по специальности математический лингвист.

Клим Михайлович был исключительно честным человеком и патологически не любил нечестных людей, что как-то совсем уж не вязалось с той должностью, которую он занимал. В конце 60-ых – начале 70-ых годов *Липский* получил, наконец, разрешение посетить свою историческую Родину. Вернувшись, он рассказывал нам о своих впечатлениях и наблюдениях. Они подчас были оригинальны, интересны и забавны.

Например, о Польше: «Ну, что я могу сказать о своих земляках. Они и раньше-то не очень любили работать, а сейчас уж совсем разленились». О немцах и Германии, которую он также посетил в эту поездку: «Они, конечно, очень организованы, честны и, как правило, порядочны. Но им, как это ни парадоксально, нередко мешает именно их Ordnung, ведь если немцы получили приказ взять железнодорожный вокзал, то они обязательно перед взятием вокзала купят перронные билеты! Но что ведь поразительно: даже трудолюбивых немцев социализм испортил и т.д.».

Дядя Миша

Дядя Миша, как все сеймчанцы звали высокого, мощного, чуть сутуловатого и слегка грузного, но всё ещё со следами былой военной выправки старика, был очень колоритен и своим внешним видом, и манерой поведения. Это был настоящий осколок Российской Империи; родом с юга Ставрополья, княжеского рода с фамилией *Подкользин*, родившийся ещё в XIX веке. Он успел захватить конец Первой мировой и заслужить «Георгия» в казачьих войсках, а в годы Гражданской войны в качестве казачьего есаула участвовал в белом движении «добровольческой» армии генерала Каледина, а затем из Крыма бежал в Турцию. У *дяди Миши* была очень интересная биография, где его удивительные странствия и скитания тесно переплетались с вымыслами. По природе своей он был игрок и авантюрист. Каким-то образом его занесло в Калифорнию и он разбогател, участвуя в разработке золотых россыпей. Потом прогорел и оказался в Африке, где подвизался на плантациях какао. Опять что-то помешало стать богатым и вот он уже в Китае, в Харбине, где в 1945 году арестован советскими чекистами и отправлен в колымские лагеря за шпионаж в пользу Японии. В США у *дяди Миши* была дочь, по местной легенде (может быть, так было и на самом деле) - ну, очень богатая!

Дядя Миша, несмотря на русскую фамилию, имел северокавказскую внешность с обязательным её атрибутом – усами – и говорил с сильным горским акцентом. Он был обладателем скульптурного лица с внушительным орлиным профилем и мощным лбом. У нас в посёлке *дядя Миша* заведовал «Вечерним рестораном», который, как я уже писал выше, работал в помещении дневной столовой. Однако, кажется, в юбилейный ленинский год к старой столовой было пристроено новое здание с отдельным входом и современным интерьером, довольно высоким потолком и многочисленными колоннами,

сделанными из буровых труб большого диаметра. В оформлении участвовали приезжие художники и дизайнеры. Стены нового, теперь уже настоящего ресторана, были расписаны видами заснеженных горных вершин на фоне синеющей морской дали с чайками, а также чукчами на берегу, ловившими маутами оленей. *Дядя Миша* был счастлив и на открытие ресторана специально сшил в местном ателье великолепный белый костюм, а шею его украшала элегантная чёрная «бабочка». Кстати сказать, в ателье посёлка было два очень приличных закройщика ростовского розлива.

Внешность-то у *дяди Миши* была внушительная, но с извилинами было не очень, хотя послушать его рассказы о прожитом было порой интересно – особенно об отступлении в Крыму. Кое-что в них напоминало отдельные главы из романа советского графа *А.Н.Толстого* «Хождение по мукам» или, скорее, «Похождение графа Невзорова, или Ибикус», а также булгаковский «Бег», которые *дядя Миша*, конечно, не читал.

Гусарский (казачий) дух *дяди Миши* постоянно требовал праздника. Он любил, когда геологи (а это было два раза в году – в первую субботу апреля перед Днём геолога и осенью в конце октября – в ноябре на вечер полевиков после очередного сезона) снимали ресторан на весь вечер. Была самодеятельность, затем возлияния и гуляние с дикими плясками. Поэтому уже в марте и сразу после прибытия осенью в посёлок после сезонных работ первых полевиков *дядя Миша*, встречая геологов, потирал руки и нетерпеливо вопрошал: «Ну что, как? Когда гулять будем? Скоро?». Он с нетерпением ждал этих дней и готовился к ним. В эти дни он был очень элегантен и встречал гостей, стоя у входа в зал нового ресторана. Вероятно, это отчасти напоминало ему его бесшабашную молодость и кабаки где-нибудь в Екатеринодаре. Хотя не то, размах не тот. «Дерутся у Вас мало,» - с сожалением говорил *дядя Миша*. Когда *дядя Миша* обижался, а это иногда случалось, он начинал бормотать: « Нищие, нищие; все вы – нищие. Нищий народ». Нас это обычно веселило.

Сказать о *дяде Мише*, что он любил женщин, значит, ничего не сказать. Он обожал их всеми фибрами души. Когда у него дома порой прихватывало сердце и приезжала скорая помощь – сделать укол, горский князь очень расстраивался, если это была не миловидная молодая медсестра, а хоть и более опытная, но не столь эффектная пожилая дама.

В середине 70-ых в посёлок приехал преуспевающий корреспондент из областной газеты, походил по посёлку, поговорил с народом, зашёл в среднюю школу, посидел вечерком в ресторане и убыл к себе в Магадан. Через некоторое время в «Магаданской правде» появилась громадная статья с примерным названием «Две судьбы». В этой статье были сравнительные биографии двух пожилых (около 80 и за 80лет) жителей посёлка Сеймчан; один из которых, уважаемый директор школы, коммунист, якут, всю жизнь сеял разумное, доброе, вечное и строил социализм, аки пчёлка, носящая в общий улей мёд, а второй – бывший князь, недобиток, был ярым врагом Советской власти и всю жизнь с ней боролся. Этот второй был, конечно, *дядя Миша*, которого мы все

искренне любили. Справедливости ради надо заметить, что директор школы был действительно достойным человеком, но *дядя Миша* представал читателю уж совсем злодеем, каким он, конечно, не был. *Дядя Миша* слёг надолго и, кажется, уже не оправился. А какой уж День геолога или вечер полевиков без него. Не то, совсем не то…

Сектант

Я забыл, а, может быть, никогда и не знал, как звали этого высокого седого жилистого и мосластого старика родом то ли из Западной Украины, то ли из Литвы. В экспедиции он числился, кажется, разнорабочим, хотя чаще всего занимался плотницкими работами – делал стеллажи для образцов, всякие там полочки, табуретки и т.д.; мог также штукатурить, малярничать, делать ремонты помещений и прочее. Поговаривали, что он берётся за любую работу и после окончания рабочего дня, если, конечно, она оплачивается.

Он всегда ходил в старых ватных штанах и телогрейке чёрного цвета, простроченных вертикальными стежками; зимой на ногах у него были старые подшитые валенки, весной - старые кирзовые сапоги, а на голове – помятая шапка-ушанка зековского пошива с постоянно опущенными ушами. В праздники (особенно церковные) он переодевался в одежду того же покроя, но чистую, и носил под телогрейкой белую рубаху. Впрочем, надо сделать оговорку, что за всё время моей работы на Северо-Востоке – более 11 лет, в тёплое время года я его не видел, так как бывал на полевых работах, посему, естественно, не знаю, какой гардероб он предпочитал летом. У него были очень кривые ноги, и ходил он весьма странно – быстро, но как-то хромая на обе ноги.

Обычно этот персонаж был малоразговорчив, но временами изменял себе, особенно зимой, когда попадал с холода, где делал какие-нибудь работы, в тёплое помещение экспедиции. Вероятно, тепло расслабляло его, действуя, как наркотик; он оживлялся и начинал разглагольствовать на бытовые темы, обязательно вставляя в свою речь притчи из священного писания, которые произносил особым елейным голосом. Он совершенно не употреблял бранных слов, тем более, нецензурных. Мы, молодые ребята, слушая его, как сейчас говорит молодёжь, «балдели и прикалывались».

Я совсем не интересовался его биографией до тех пор, пока в экспедиции не разразился скандал, связанный с одной школьницей, которая попала вместе с матерью в секту баптистов, возглавляемую, как оказалось, героем нашего рассказика. Оказывается, он среди определённых слоёв населения вёл активную религиозную агитацию, что тогда, естественно, не поощрялось, а ячейка, которую он возглавлял, являлась частью секты, центр которой находился во Львове, куда он исправно ежемесячно отсылал деньги – бóльшую часть своих кровных рублей, оставляя себе крохи и питаясь, что называется, святым духом, и деньги, собираемые со своей паствы.

Те, кто старше 25-30 лет, знают, что в советские времена успешно собиралась и сдавалась в специальные пункты приёма различная стеклотара.

Однако, в Сеймчане такой пункт открыли лишь в конце 60-ых годов; до этого времени бутылки выбрасывались на помойку или даже просто на крышу, выходя из дома. Так вот, одним из наиболее активных сборщиков бутылок, особенно в рабочих общежитиях после приезда рабочих с сезонных работ или сменных буровых бригад, стал, естественно, наш баптист. У него были большие самодельные нарты, которые он нагружал доверху, закрывал брезентом, тщательно завязывал и вёз на окраину посёлка, где был пункт приёма стеклотары. Так что отходы неправедной жизни трансформировались в средства для поддержания жизни праведной, т.е., как сказал поэт (правда, по другому поводу) «Когда б Вы знали, из какого сора…».

Вёл баптист замечательно праведный образ жизни и о политике не говорил никогда. Единственный раз, помню, похвалил власть за то, что суббота стала выходным днём – это, когда шестидневная неделя сменилась пятидневкой в конце 60-ых годов, - ведь у его секты суббота должна быть выходной (не путать с иудейской шабат!).

Когда произошёл упомянутый скандал, я спросил у *Емельяновича* о прошлом баптиста, поинтересовался за что он сидел – политический (националист) или мужик («за колоски»), а, может быть, полицай по молодости. *Емельянович* засмеялся: «Да ты знаешь, почему он так ходит? Он – живая легенда; три побега с Колымы, обе ноги прострелены и сломаны. Бывший вор в законе, полностью погрузившийся в идею спасения души. Вот так, друг мой. Чудны дела твои, Господи. Помнишь, как там у *Некрасова* о *Кудеяре*: «Вдруг в этом страшном разбойнике совесть Господь пробудил».

Бывшие з/к среднего возраста. Саша Пожарский (*Абажурский*)

Был ранний апрель. Мы готовились к «весновке». Стояли прекрасные солнечные дни. Закаты были великолепны. Днём на солнце уже сильно припекало и капало с крыш, но ночью температуры были всё еще до –30º и ниже.

Мой начальник и я занимались вулканизацией лодки, используя жидкую резину, резину для заплат, керосин и обычный электрический утюг. В этот момент в кабинете появился высокий прилично одетый мужчина лет тридцати в очках от солнца и вежливо поинтересовался, туда ли он попал. - «Да, туда, это - кабинет Конгинской партии. А Вам, собственно, чего? - Да вот, хочу устроиться завхозом на полевой сезон».

Мы были озадачены. Ведь на это место (должности такой по штатному расписанию, естественно, нет, но нужен рабочий, который остаётся на полевой базе партии один, когда остальные сотрудники в маршрутах на протяжении от двух-трёх недель до месяца и иногда более, а когда вся команда числом в десять – двенадцать человек возвращается на три-четыре дня передохнуть перед новыми маршрутами и затариться продуктами, он им готовит и печёт хлеб в значительных количествах) обычно берут опытного относительно пожилого мужичка (именно мужичка), лучше флегматика и с хорошими нервами. А тут такой почти голливудский герой, указательным и большим

пальцем взявший разрезанную резиновую камеру и промолвивший вопросительно: «Что, лодочку клеите?». Ну, совсем не тот кадр, но деваться было некуда – вылет в поле «на весновку», т.е. строительство базы, через несколько дней. Двое рабочих уже есть. Один наш старый проверенный кадр – промывальщик. В прошлом, - старший лейтенант, красавец. Затем, по пьяному делу, докатившийся до места матроса на барже, возившей по реке Лене спирт-ректификат в бочках и получивший затем небольшой срок, после которого крепко застрял на Севере. Второй – тоже бродяга, но с небольшим стажем, ещё даже и не бич. В прошлом деревенский парень, после армии попавший на Север не помню уж каким образом. Он умеет обращаться с лошадьми и будет у нас летом конюхом, или, как тут у нас говорят, каюром. А вот завхоза никак не найти.

Так мы познакомились с *Сашей Пожарским* и вчетвером, кажется, 19 апреля, вылетели в пос. Омолон. Это – оленеводческий посёлок с хорошей взлётно-посадочной полосой на правом (уже чукотском) берегу одноименной реки – самого крупного правого притока р. Колымы. Надо сказать, с *Сашей* было нескучно. Молчуном его никак нельзя было назвать. Ещё до отлёта из Сеймчана он успел рассказать много забавных бытовых случаев на самые разные темы, позабавить неизвестными нам и вполне приличными анекдотами и, в отличие от абсолютного большинства наёмных рабочих, совершенно не требовал денег и вёл себя независимо. Только перед вылетом, после загрузки Ли-2, сидя рядом с *Сашей* на скамеечке в лучах уже ласкового, но нежаркого солнца, я узнал, что паспорта у него пока нет, и устроился он к нам на работу по справке об освобождении, но после «откидки» уже успел поработать три месяца на рыбалке в пос. Ола, что вблизи Магадана.

Я знал, что расспрашивать на воле, по какой статье сидел, не принято; если человек захочет – сам расскажет. *Саша* не заставил себя ждать и показал справку с тремя судимостями общим сроком более 8 лет. Первые две отсидки были покороче, а последняя 4 года и все за жульничество. Да, мелькнуло у меня в голове, хороший кадр на место завхоза; ничего не скажешь.

В Омолоне мы просидели несколько дней. Ждали из родного Сеймчана Ми-8, который обслуживал оленеводческие стада (поскольку шла пора весеннего отёла), а затем должен был забросить нас и пять лошадей в качестве нашего будущего летнего гужевого транспорта в поле на р. Карбасчан – правый приток р. Омолон. Это – примерно 90-95км по прямой от пос. Омолон. Жили мы в здании аэропорта около взлётной полосы на краю посёлка. В тайге за полосой по вечерам бешено хохотали куропатки, иногда залетая прямо в посёлок. Начиналась пора их свадеб. Спали мы в спальных мешках на полу в зале, который именовался «Залом Чайковского». Это было довольно просторное помещение с небольшой прихожей, получившее своё название, между прочим, не только от имени известного композитора, но и от всеми нами любимого полевого крепко заваренного напитка, чая. Сейчас в «Зале Чайковского» было свободно. Но так бывало не всегда. Временами, особенно осенью, здесь было не продохнуть. Помимо геологов, в помещении жили

работники ближних метеостанций, отбывавшие в отпуск, охотники, рыбаки, ожидавшие бортов, иногда заходили очень экзотические местные жители. Прилетавшие пилоты также подчас заходили сюда, чтобы попить настоящего, не столовского чая и поболтать со знакомыми таёжниками.

Утром и иногда в обед мы питались в столовой, которая находилась недалеко от аэропорта. Несмотря на малюсенькие габариты, буквально три стола, готовили здесь великолепно – если зайчатина, то такое бедро, что не помещалось в тарелке и радовало глаз поджаристой, аппетитной корочкой, а если оленина, то либо свежая печень, либо языки и т.д. Я по инструкции начальника не давал рабочим денег наличными, а пропускал их в очереди впереди себя, а затем платил за них. Они, конечно, говорили, что сами найдут дорогу в столовую и всячески пытались выпросить деньги. Один только *Саша* денег не просил. Через несколько дней я стал замечать, что его большой рюкзак становится меньше объёмом, а мои рабочие не совсем трезвые, кроме самого *Саши*. Как выяснилось потом, когда он был в пос. Ола на рыбалке, то запасся там сетями, справедливо рассудив, что они понадобятся ему в дальнейшем в качестве твёрдой валюты.

В полевых условиях *Саша* оказался удивительно умелым, сообразительным и хорошим работником. Он умел работать топором, хорошо готовил, пёк вкусный хлеб в бочке-пекарне и т.д. А главное, был почти всегда в хорошем настроении. Всё у него спорилось в руках. Он не уставал рассказывать нам всё новые и новые забавные истории. *Саша* поведал мне, что он из семьи довольно крупного партийного работника г. Свердловска и своей непутёвой жизнью подтверждает известную поговорку, что в семье не без урода, т.к. уже с восьмого-девятого класса пошёл по скользкой преступной дорожке. «Дурачком был. С такой ерунды начинали. Зайдём, например, с дружком в универмаг в плащах. Оба молодые, весёлые, красивые; оба трепачи. Он пиджачок примерит, я – брючки, или наоборот. Потом, пока один с продавщицей треплется, другой выходит. Второй – за ним и сразу на автобус до ближайшего комиссионного магазина, где и скидываем добычу. И вот ведь, заразы, за новый костюм в комиссионке сразу скидка до 20%. Где справедливость?».

А вот ещё один рассказ *Саши*: «Оказался я как-то в Красноярске при деньгах после одного дела. Приоделся, живу в приличной гостинице. Как-то познакомился в этой гостинице с одним мужиком. Приятный такой. То да сё, в шахматы сразились. Я приглашаю его в ресторан. Он говорит, что рад бы, да на мели. Не проблема, говорю, у меня с этим всё в порядке. Мужик этот – инженер из Новосибирска и здесь в командировке, но поиздержался. Спросил меня, а кем же я работаю. Я, потупясь и пошмыгав носом, сказал, что вообще-то говорить бы не следовало, но ладно уж, скажу. Профессия моя очень нужная, люди мы тихие, короче, - капитан КГБ. Он немного поёрзал, но ничего. Встречались ещё раза три. Он мне свой адрес дал. Прошло года полтора и занесло меня в Новосибирск, жил в одной из гостиниц. С тугриками совсем плохо было, и дел подходящих нет. Иду по городу и кто-то меня по плечу. Смотрю – тот инженер. Обрадовался мне, приглашает в ресторан; дескать, у

меня в долгу. Я – в отказ, на мели. Зато, говорит, у меня всё нормально. Сидим за столиком. Он поинтересовался, а правда ли, что я капитан КГБ. Да, говорю, вот и документ при мне и показываю ему справку с двумя судимостями. Интересовала меня его реакция. Ничего он, не смутился и даже засмеялся. Расстались, больше я его не видел. Но он-то действительно инженером был».

В начале июня прилетел наш начальник со всеми остальными ИТР и рабочими; через некоторое время начались полевые работы с «заходами» на 20-30 дней. Когда мы явились на базу после первого захода, то нашли *Сашу* в полном здравии и хорошем настроении. Он не тяготился одиночеством. Сделал полочки в предбаннике, удобный сход к воде по крутому берегу, наловил хариусов, вялил и коптил их. Около его нар в палатке валялись художественные книги нашей полевой библиотечки и даже «Общая геология» *Горшкова* и *Яковлевой*, МГУ. После бани, вечером, мы немного, грамм по 200, выпили с рабочими. *Саша* приготовил отличную закуску и напёк блинов. Всё было нормально, но утром, к нашему удивлению, рабочие были смертельно пьяны и вповалку спали около палаток, облепленные комарами. Один *Саша*, хоть и весьма помятый, но был вполне адекватен и приготовил нам завтрак вовремя. Это продолжалось ещё два дня. Не надо было быть Пинкертоном, чтобы догадаться, что *Саша* где-то ставит брагу, а скорее, - гонит самогон. Где идёт этот процесс, обычно вычислить в полевых условиях несложно, но в этот раз нигде не было никаких следов. Так наш завхоз впервые показал свои зубы.

Во второй половине июля стояла страшная изнуряющая жара, которую изредка разнообразили кратковременные ливни с грозами. Тайга на другой стороне Омолона и к северу от нас на Олое горела. Мы в это время работали километров в 25-30 от нашей базы. Здесь леса было мало, рельеф гористый; на гольцах нас освежал ветерок, который вместе с тем временами приносил запах гари. Солнце в таких случаях едва угадывалось сквозь оранжево-серую дымовую завесу.

«Как там у нас на базе, не горит ли» - думали мы. Однажды, когда ветер разогнал дым в той стороне, где была база, мы, находясь в маршруте на горной гряде, увидели высокий густой столб чёрного дыма. Явно это горел смолистый кедровый стланик, который в изобилии рос на вершинах пологих сопок среди болот, окружающих нашу базу. Когда я вернулся из маршрута, начальник, тоже видевший столб дыма, сказал: «Надо идти туда и выяснить, что с базой. Заодно и хлеба сюда притащите». Ранним утром я и мой техник-радиометрист, бросив в рюкзак пару пачек галет, пачку чая и тушёнку, двинулись в заданном направлении. Когда до базы оставалось километров семь, мы поняли, что горит не на базе, а в нескольких километрах от неё на другой стороне р. Карбасчан. Как говорится, от сердца отлегло.

Саша встретил нас радушно; накормил, напоил после бани и рассказал, что пожар произошёл в результате возгорания сухой травы при взлёте вертолёта три дня назад. А сел этот вертолёт, завозивший почту и письма геологическим партиям, на болоте для того, чтобы разделать убиенного сохатого и потом

снабдить мясом (кому бёдра, кому передние ноги, кому рёбра и т.д.) эти же партии. На борту, помимо экипажа из трёх человек, находился наш легендарный, всеми любимый начальник геолого-поискового отдела бравый *Кирилл Симаков*, ставший впоследствии академиком, и его заместитель. А возгорание произошло так. Вертолёт заправился из бочки, которую затем выбросили из него на траву. При взлёте кто-то обратил внимание, что на хвосте вертолёта огонь и сообщил первому пилоту. Тот буквально «бросил» борт вниз и действительно сбил пламя, но зато хвост вертолёта отвалился, полыхнула сухая трава, и огонь быстро стал «съедать» кочку за кочкой. Экипаж и геологи пытались загасить начавшийся пожар, но поздно - «поезд уже ушёл».

«Два дня назад прилетел другой борт и увёз потерпевших. Зато привёз и оставил здесь пожарных, которые вчера растворились в тайге», - пояснил *Саша*. Специальных пожарных служб в районе не было. Про то, каких «специалистов» забрасывают на тушение пожаров, мы уже знали. Их обычно в спешке набирали из ближайшего посёлка, где находился вертолёт. Это были местные жители-добровольцы; как правило, рыбаки и охотники. Они запасались рыболовными снастями, продуктами, солью, брали ружья, нередко собак и с удовольствием летели на пожар, но не тушить его, а выйти на ближайшую речку, половить и посолить рыбку; насобирать, если поспели, ягоды и грибы и т.д. По рассказам лётчиков, таких пожарных потом не так-то просто было найти – они прятались от вертолёта. Чего-то им ещё и приплачивали. *Саша* очень смешно и в лицах рассказывал, как выглядели пижоны-лётчики в белых, модных тогда нейлоновых рубашках, в форме и в туфельках после 4-х-километрового перехода по кочке от места падения вертушки до нашей базы. Конечно, у них по ТБ на борту всегда должна быть рабочая одежда, резиновые сапоги и т.д., но в данном случае всё это они оставили на своей временной базе в Омолоне.

Первый пилот, очень славный и смелый парень *Витя* сразу сказал *Саше*, что хочет с ним поговорить с глазу на глаз. Слегка замявшись, он произнёс: «Дело тут такое, что светит мне небо в решётку. Выручай, *Саша*. Мы уже отправили радиограмму о падении вертушки и сказали, где нас искать. У комиссии будет вопрос, зачем я сделал посадку в 4-х км от вашей базы. Скажи, что ты шёл стрелять, например, гусей, увидел вертолёт, снял накомарник и стал им махать. Мы решили - ЧП и соответственно сели в этом месте, а когда стали подниматься, от выхлопа загорелась трава и т.д.». *Саша* ответил: «Базара нет. Вижу, вы пацаны нормальные; всё будет путём»; после чего накормил их, напоил и в чистые вкладыши в спальных мешках спать уложил.

И, действительно, как потом выяснилось, он так замечательно сыграл свою роль, что члены комиссии, слушая его, чуть не прослезились, а командир Ми-8 *Витя* получил благодарность за решительные действия и спасение команды. К этой истории я ещё вернусь ниже.

На следующий день мы отправились обратно в полевой лагерь с добрыми вестями, хлебом, накануне вечером испеченным *Сашей*, и копчёным мясом сохатого. Маршруты продолжались.

Когда мы вновь оказались на базе после этого изнуряющего захода, то обнаружили, помимо нашего завхоза *Саши,* четвероного по кличке *Черкес*. Это был замечательный красавец, лайка. В нём чувствовалась настоящая порода. Очень сдержанный, знающий себе цену и, в то же время, дружелюбный пёс, сразу стал всеобщим любимцем.

«Откуда он взялся?» – поинтересовались мы. «Да так, в карты выиграл у одного из пожарных, когда они пришли ко мне пожрать. Говорят, его хозяин в Омолоне по пьяне застрелился; ну, мужики его и взяли с собой, чтобы не горевал. Добрая собака. Польза от него будет», - ответил *Саша*. Польза была налицо. Наш погреб был полон мяса, а в речке стояли банки из-под борща, которые Саша заполнил самодельной тушёной сохатиной, по вкусу не уступающей тушёной говядине.

Это был настоящий охотничий пёс с большой буквы. Таких я за всё время житья на Северо-Востоке видел единицы. Когда нужно было мясо, требовалось привязать его к дереву и не кормить дня два, а потом отпустить. Пёс моментально убегал в тайгу и через некоторое время (полчаса, час, два…) слышался лай. А далее надо было взять карабин и отправиться за мясом. *Черкес* мог лаять часами до хрипоты и ждать, когда придут люди, а сохатый в это время стоял, как привязанный. Охотники о таких лайках с уважением говорят: «Сохатого держит».

В этот раз *Саша* в своей обычной скоморошечной манере рассказал, что он человек бедный, потому что платит Государству алименты, поскольку более трёх лет находился во Всесоюзном розыске, а стоит это дорого. За это время поколесил он по стране и будто бы было у него четыре «ксивы» (паспорта), но больше всего ему нравился документ с фамилией *Абажурский*. От безденежья и боязни попасться на каком-нибудь мелком нарушении закона, странствовал он по деревням средней полосы и нанимался на временные работы. То с группой бродяг за предложенные неплохие деньги ломал старую часовенку, да не тут-то было. Раствор, который скреплял кирпичи, оказался такой, что даже кирпичи ломались, а ему – хоть бы что (наверно, на яйцах замешан был?). То подвизался пасти коров, которых раньше видел преимущественно на картинках, и будто бы один доброхот из местных пьянчуг подсказал ему, как пасти, чтобы коровы не разбегались, а выглядели сытыми. Нужно было с утра дать им полизать промысловой соли, которой было вдосталь на соседнем складе, а уж потом гнать на поле около речки. Коровки, не разбегаясь, немного пощиплют травку и в реку – хлебать воду. Глядишь, на месте, и вид у них справный. Только вот с молоком плохо. Еле потом ноги унёс. И решил тогда *Саша* податься на Соколово-Сарбайское месторождение, где по слухам, его старший путёвый брат с высшим техническим образованием работал вторым секретарём райкома партии. Оказавшись на месте, *Саша* выбрал время, когда брат шёл домой на

обед, и в малолюдном месте пошёл сзади. «*Витя*, не оборачивайся. Это твой непутёвый брат *Саша*. Я во Всесоюзном розыске, документ в порядке, но ФИО другие. Устрой меня на работу. Ты знаешь, я многое умею. Лучше всего в мехцех. Но если хочешь – заложи меня, я в претензии не буду. Сам не знаю, как поступил бы на твоём месте».

Так он стал работать автослесарем (документ, тоже поддельный, имелся). Дали комнатку в общежитии, участвовал в местной самодеятельности, выпуске стенгазеты и т.д. Совсем не пил. Стали его начальники на охоту с собой брать. А охота такая - уедут в степь на какой-нибудь сай, напьются и стреляют по бутылкам. Наш герой за ними ухаживает, потому в фаворе, да и премии в конце квартала. Отъелся, наконец. Начальство стало интересоваться, почему не в комсомоле, обязательно вступить надо. *Саша* и так, и сяк: «Не достоин пока, не созрел», ведь не скажешь, что из комсомола ещё в 8 классе выгнали. Приезжает молодая специалистка, после техникума. Спортсменка, комсомолка, отличница. Влюбилась в *Сашу*, а он от неё бегает. Ну, зачем ему это, да и девочку жалко. «Ведь что-то же человеческое во мне осталось,»- говорит он нам, смеясь. Всё же кончилось тем, что пришлось сыграть свадьбу, да ещё комсомольско-молодёжную. Дали молодожёнам однокомнатную квартиру. Живут-поживают, горя не знают. *Саша* показывает нам фотографию: «Это дом, где мы жили. Это моя собака, а это – моя жена». И вдруг очень приятным баритоном поёт: « Я встретил Вас, и всё былое…..».

Жена, кажется, в положении. Солнечный день, но ветерок и с утра не жарко. *Саша* в мехцехе на лежаке под «Газоном» закручивает какую-то гайку. Слышит шум мотора, подъезжает «Раковая шейка», т.е. милицейская машина. Из неё выходит участковый и ещё двое в штатском. Подходят к Сашиному начальству, потом к машине, под которой *Саша*. Всё ясно. «*Абажурский*?». – «Он самый». – «Тут, знаете ли, что-то не то с паспортом, вылезайте». – «Да что Вы, у меня работа срочная». – «Ничего, работа потерпит». Садятся в машину, причём *Саша* собирается сесть с краю, но его сажают между двумя штатскими. Заезжают домой к *Саше* за паспортом, жена дома. «Ой, *Саша*, почему ты с милиционером? Ты что-то натворил?» - «Конечно, нет, моя радость. Ты ж меня знаешь. Что-то с паспортом, я скоро вернусь, но дай мне ватник, что-то знобит, хоть на улице и жарко». *Саша* разъясняет нам: «Ведь придётся спать на нарах, а жёстко». После этого этапируют его в Свердловск к месту совершения противозаконных деяний и получает он «пятёрку», но выходит через четыре года за хорошее поведение.

«Всё имеет свой конец, своё начало,» - поёт наш питерский бард. Закончился полевой сезон, и в первой половине сентября я с рабочими отправился перегонять лошадей в пос. Омолон, т.к. собирался в длительный отпуск за три года. *Саша* остался на базе с начальником, техником-геологом и ещё несколькими рабочими. При прощании я спросил, не собирается ли он ещё раз в поле с геологами. *Саша* засмеялся: «Да ты чё! Понтов нет. Скучновато, да и не заработаешь тут у вас. Уж больно вы хорошие и простодушные ребята. Это всё равно, что детей обижать. Посмотрел, кругозор расширил и хватит.

Учебник геологии Горшкова прочитал, полезно. Может быть, геологом где-нибудь прикинусь».

В Сеймчан после отпуска я вернулся в феврале следующего года. Мой друг *Олег* рассказал новости. Оказывается, после моего ухода с базы пёс Черкес научил мою Бульку держать сохатого и лаять громко! Поясняю: перед весновкой мне дали собаку по кличке Булька, оставшуюся без хозяина. Это была сучка, серовато-рыжего окраска лаечной породы. Тихая, спокойная. Уже перед полем в посёлке Омолон она ела очень мало, но имела вполне здоровый вид и не была тощей. Оказывается, убегая в лес, она «мышковала», т.е. охотилась на мышей и ела их, как это делают лисы, молодые волки и настоящие северные лайки. То же продолжалось и в поле. Ещё одной особенностью Бульки было то, что она почти не лаяла, а только слабо потявкивала. Но когда осенью она влюбилась в Черкеса и стала с ним бегать, то (о великое чудо-Маниту) у неё прорезался приятный громкий голос и она научилась «держать» сохатого.

Теперь про *Сашу*. Оказывается, он умудрился обыграть буквально всех наших рабочих подчистую в карты на все их полевые заработки. При этом вначале не участвовал в играх (играли в очко и в буру). Приглашали и его. Он в своей обычной манере отвечал, что шулер, и поэтому им играть с ним бесполезно. Естественно, завёл ребят и они, чуть ли не насильно, усадили его играть. И вот вам результат, одиннадцать негритят! И это ещё не всё. Когда *Саша*, балагуря и совершенно заговорив нашу очень опытную кассиршу, получал в кассе свой расчёт, та выдала ему значительно более крупную сумму. Уже после его отъезда из Сеймчана, она взволнованно говорила: «Он буквально загипнотизировал меня. Никогда со мной такого не было». Позднее выяснили, что *Саша* уехал в Тауйск, и послали туда письмо с просьбой вернуть деньги, что он и сделал; вероятно, решив не светиться лишний раз.

Теперь продолжение истории с летним пожаром около нашей полевой базы. Первый пилот Ми-8 рассказал как-то в приватной беседе, что когда попросил *Сашу* дать комиссии соответствующую версию случившегося (см. выше), *Саша*, кивнув головой, ответствовал: «Дело серьёзное, командир. Плохо ТАМ тебе будет! Помогу я тебе, но вы люди богатые, а я – бедный. Короче, 500 рублей и пилотская форма. Всё будет в ажуре». Обалдевший *Витя* выдавил из себя: « А форма-то тебе зачем?». – «Да уж больно красивая и для дела может пригодиться».

Зимой *Олег* был в командировке в Магадане. На одной из улиц навстречу ему, слегка прихрамывая, шёл высокий симпатичный пилот, улыбаясь во всё лицо. «До чего физия знакомая. Где ж я его видел?»- вспоминал *Олег*. «Что, своих не узнаёшь?». Это был *Саша*; форма очень ему шла. «Ну, как ты?»- спросил *Олег*. – «Да, вот, переучиваюсь на ЯК-40. Кстати, пусть начальник ваш не серчает. Это я «Спидолу» из вьючника взял как сувенир на память о сезоне и о вас – хороших ребятах». Опять пояснение: у нас в поле был приёмник «Спидола». Перед отъездом начальник партии положил его во вьючный ящик

вместе с документами и повесил на ящике большой замок. Ящик этот он почти не оставлял без присмотра. Каково же было его удивление, когда, уже в Сеймчане, раскрыв вьючник, он не обнаружил там приёмника. Слава богу, всё остальное было на месте.

Послесловие. Поскольку я был в отпуске, Бульку и Черкеса отдали в стационарную геологоразведочную партию, базирующуюся недалеко от Омолона. Булька родила замечательных щенят, которых сразу разобрали. Лет через пять в Омолоне я видел уже их внуков, которые очень ценились, как зверовые собаки. Но Черкес и Булька не пережили и первую зиму – они были застрелены пьяными рабочими (возможно, на мясо).

Славный пилот и наш друг *Витя Балашов*, отец двоих детей, разбился через три года в возрасте Христа, выполняя в верховьях Колымы полёты с опытной геофизической аппаратурой над рельефом с допустимой высотой до 40м. Нисходящие воздушные потоки бросили вертолёт на скалистую стенку. Потом он взорвался. Второго пилота опознали по золотым часам, а *Витю* – по золотым коронкам. Бортмеханик *Фёдор Фёдорович* (ему было за сорок, он уже вылетал свой срок и собирался перед этим полевым сезоном на материк и на пенсию, но его упросили полетать ещё один сезон) сумел выбраться из вертолёта и был жив, когда прилетели спасатели. Умер он в больнице.

О *Саше* мы ничего больше не слышали. Но те времена были не для таких, как Саша; вот сейчас он, возможно, был бы в списке «Форбс» и баллотировался в президенты страны.

Каюры Валька Меркулов и Нетудыхатка

«Оп-ца, дри-ца-ца! А что он пляшет без конца. Да стырил деньги у отца. Ца-ца-ца-ца!» - это на ягельной террасе руч. Малинового, правого притока рыбной реки Алы-Юрях, орёт и пляшет («Цыганочка» с выходом) наш каюр (конюх) *Валька Меркулов*. Он среднего роста, худощав и пропорционально сложен; блондин с весёлыми плутоватыми голубыми глазами и правильными чертами лица. Говорит, что из Москвы (или из области?). Замашки у него приблатнённые совершенно по-киношному. В кино увидишь, скажешь, - этот актёр переигрывает. *Валька* не первый год в поле, а зимой или бичует, или устраивается на работу в стационарные партии. Выдумщик, симулянт и врун. Новичкам обязательно расскажет, что он один из сыновей знаменитого генерала сталинских времён *Меркулова*. С лошадьми *Валька* обращаться умеет и любит их. Они отвечают ему взаимностью. Но он совсем не образцовый каюр, потому что всё делает шаляй-валяй. Так же он и готовит пищу: то пересолит кашу, то не досолит, то она у него подгорит, то не доварится. Зато всё время балагурит, разговаривает сам с собой (по принципу, - приятно поговорить с умным человеком) и очень неприхотлив. *Валька* любит петь и набит всякими частушками, большинство из которых скабрезного содержания и с непечатными словами.

В прошлом он – карманник, щипач, но не асс своего ремесла и труслив. На зоне, вероятно, всегда был «шестёркой», прислуживая настоящим ворам. Как-

то раз, когда мы пришли из маршрутного «захода» на базу, геологини пожаловались, что у них из бокового кармана палатки над нарами пропал «Тройной одеколон», попросили провести расследование. Этот одеколон у бичей был известен под названием «Коньяк с резьбой» - ведь он на спирту, крепость 60º и закручивался крышкой с резьбой. Я подошёл к женской палатке и увидел, что брезент в районе кармана с тыльной его стороны очень аккуратно и тонко разрезан бритвой крестом, а потом, тоже очень аккуратно, склеен лейкопластырем, который закрашен травой. Ясно, чья работа. Встретив *Вальку*, я сказал: «Квалификацию решил не терять?». – «Да ну, начальник. Чего они так вещицы-то свои кладут. Ты скажи, чтоб больше не соблазняли. Не устою».

В конце сезона надо было перегонять лошадей от нашей базы до прииска Глухариного. Расстояние не очень большое – примерно 120км. Главное было выйти на зимник, а затем без проблем топать по нему до прииска. До зимника – километров 30. Можно, конечно, поначалу и за день одолеть. Но дорога здесь наиболее сложная, тайга со старыми гарями и участками густым мелколесьем, которое чередуется с заболоченными марями. Кроме того, нужно перевалить из одной речной системы в другую, ориентируясь почти исключительно по компасу. Рельеф преимущественно сглаженный, холмисто-увалистый до низкогорного плосковершинного. Сюда по другой дороге от р. Колымы лошадей перегоняли два каюра под началом моего друга *Олега*, с которым мы на базе жили в одной палатке. Я спросил его, как насчёт перегона осенью. «Скажешь – пойду, хотя особого желания нет,» - ответил *Олег*.

В партии было две геологини, обе бывалые полевички. Одна из них, *Люда*, дочь боевого полковника, с детства помешана на собаках (исключительно немецких овчарках) и лошадях. Она хорошо ездила верхом, могла взнуздать и даже завьючить лошадь. Я предложил ей перегнать лошадей, она согласилась. В первой декаде сентября погода стояла замечательная – бабье лето, тепло, небо безоблачное.

У нас, помимо *Вальки,* был ещё каюр по фамилии *Нетудыхатка*, родом, естественно, из Украины. В отличие от *Вальки*, это был весьма мрачный и здоровенный мужик, очень молчаливый, тоже с какой-то судимостью. Наверно, бытовуха, - какая-нибудь драка и, может быть, с поножовщиной. Не в пример остальным рабочим, к геологам он обращался исключительно на «Вы», хотя этого никто и не требовал, а женщин как-то сторонился и старался на них не смотреть при разговоре. Они же на него нередко поглядывали с интересом, особенно когда он, голый по пояс, завьючивал лошадей, поигрывая мускулистыми бицепсами. В такие моменты его фигура напоминала тело рабочего известной соцреалистической скульптуры «Булыжник – орудие пролетариата». В целом, он неплохо справлялся со своей работой. Мог, в отличие от *Вальки*, более-менее ориентироваться на местности, но был невозможно упрям. Вот пример: как-то во второй половине сезона, когда комары и мошкá уже не так досаждали, нужно было на лошадях перебросить наш скарб с одного из полевых лагерей на новое место. Задача была не из трудных. Обычно, если переход был сложным, кто-нибудь из ИТР шёл с

караваном. Я нарисовал каюрам на клочке бумаги страны света, верховья нашего ручья и возвышенность, на которую нужно было подняться и затем спуститься в соседний ручей, после чего пройти вниз по нему около 4км. Светило солнце, так что было ясно, какого направления примерно придерживаться. Мы помогли завьючить лошадей и отправились в маршрут. Все наши четыре маршрутные пары пришли к месту планируемой стоянки довольно рано – маршруты были несложные. Но лагеря не было. Мы кричали, стреляли и т.д. Безрезультатно. Не паниковали – такое периодически случалось (правда, в этом году – впервые). Пришлось заночевать под открытым небом на речной косе, сделав «пожог», а затем остатки углей разгрести, застелить ветками кедрового стланика и засыпать песком. Утром опять никто не появился. Организовали поиски на полдня – безрезультатно. Тогда *Олег* и я отправились на базу и вызвали по рации вертолёт. На наше удивление, он появился на следующий день. К этому времени мы, рассмотрев разные варианты, уже поняли, где надо искать пропавших. Караван мы нашли быстро, хотя и довольно далеко от места планируемого лагеря. Все были в целости и сохранности. А произошло вот что. Когда каюры поднялись на вершину очень плоской и сильно залесённой сопки, солнце скрылось в облаках. Они потеряли ориентировку, развернулись и спустились в долину того же ручья, из которого стартовали, но на несколько километров ниже по течению. Затем отправились вниз по ручью и дошли до его впадения в более крупный водоток. Совсем запутались, тем более, что тёк он не в том направлении, которое они ожидали. Солнце выглянуло, но это им уже не помогло и т.д.

Мы с *Олегом* спрыгнули с вертолёта и отправились с караваном к искомой стоянке. Каюров не ругали – всякое случается. Наоборот, мы были очень рады, что так быстро их нашли и с караваном ничего не случилось. Зато реакция *Нетудыхатки* (кажется, звали его *Алексеем*?) была такова: «Всё врут Ваши карты!».

Но продолжим рассказ о предстоящем перегоне. *Вальке* было всё равно с кем и куда идти, а *Нетудыхатка* отказался наотрез, как я его ни уговаривал: – «С бабой не пойду». Я попросил его подумать – тот же результат. Тогда я, не горячась, сказал, что если он не пойдёт, то с этого дня я его уволю за отказ от работы. Тут *Нетудыхатка* даже перешёл на «ты»: «Если ты меня уволишь, я уйду с базы». То есть этим он хотел сказать, что доберётся до Колымы (100-110км по прямой; по гидросети гораздо больше, но можно сделать плот и сплавиться, хотя вода была низкая), потом на берегу будет ждать какое-нибудь плавсредство, чтобы добраться до Сеймчана, – это уже вверх по Колыме. Я сказал, что не отпускаю его, дал почитать соответствующие инструкции по ТБ и попросил расписаться в книге инструктажа по ТБ, а также написать объяснительную. Конечно, это был очень коварный шаг с моей стороны. Для бедного *Нетудыхатки* написать что-нибудь было непосильной задачей (гораздо легче было, например, выкопать шурф глубиной метров восемь), но он, стиснув зубы, принялся за дело. Через несколько часов кропотливой работы на грязном листочке было написано (текст привожу по памяти и до сих пор

очень жалею, что не сохранил оригинал; орфография, за исключением написания фамилий, не сохранена):

«Начальнику Караге от Нетудыхатки

Заявление

Он Карага запрещает мне уйти с базы но я всё равно уйду

Нетудыхатка».

Утром то ли 10, то ли 11 сентября *Люда* и *Валька* завьючили двух лошадей сумами с едой на неделю, двумя мешками овса, спальными мешками и палаткой; привязали их и ещё двух незагруженных лошадей к своим ездовым и отправились в путь. Сзади бежала здоровенная бестолковая, но зато с очень хорошей родословной овчарка Эльса. Погода стояла замечательная. До верховьев нашего базового ручья и затем до перевала в следующий ручей можно было ехать верхом – дорога позволяла.

Я был уверен, что *Нетудыхатка* остынет и никуда не денется, но ошибся. Как потом выяснилось, он этим же утром, как только рассвело, с рюкзаком, в котором был его нехитрый скарб и две буханки хлеба, ушёл с базы вниз по реке. Оружия у него не было, за исключением здоровенного самодельного тесака. Хватились мы его только днём, поскольку жил он в маленькой палатке один, несколько в стороне от остальных, и время у него было своё: ночью иногда шарахался по лагерю, а днём – спал.

Теперь следует сказать про связь с цивилизованным миром. На базе у нас была крупногабаритная военная рация Р-104 с множеством батарей, которые очень быстро разряжались. С трудом удавалось связываться с Глухариным и реже Сеймчаном, когда напрямую, когда через другие полевые партии. Подчас связь отсутствовала. Когда мы уходили в маршруты, связи не было, поскольку портативные «Караты» были здесь бесполезны. Узнав об уходе *Нетудыхатки*, я послал об этом и о выходе нашего конного отряда на Глухариный РД с просьбой выслать вертолёт для поиска ушедшего рабочего и завоза нам продуктов, которых оставалось в обрез. Связь была. Пообещали, но не сразу. И как всегда бывает, когда пойдёт полоса непрухи, через два дня замечательной погоды в ночь на третий день погода резко изменилась, и пошёл снег. Началось какое-то светопреставление. Дул ветер, тайга шумела. Буквально за день снега навалило «по колено», и он не таял. Такого в это время года здесь не бывало. Этот снег не растаял и потом, а дней через пять температура упала более значительно и наш ручей замёрз.

Дальнейшее развитие событий было таково. Вертолёт так и не прилетел. Батареи к рации окончательно разрядились, и связи не было. Лишь однажды в первые дни непогоды нам удалось услышать по рации о том, что вертолёт летит в один из посёлков за коврами, которые там откуда-то появились.

Нетудыхатка, слава богу, вернулся дня через четыре сильно исхудавший и старающийся не попадаться нам на глаза. Известий о караване,

отправившемся на Глухариный, мы не имели. У нас кончались продукты – чая не было совсем, зато было навалом сахара и немного муки, а из консервов только «Навага в томате», из которой готовили жиденький супчик с клёцками и остатками других круп. Между тем ночи становились всё холоднее. Как назло, вся живность пропала, да и в лучшие-то времена было её здесь не очень много. База располагалась в верховьях безрыбного ручья; до реки с рыбой было более 20км. Мы с *Олегом* для пропитания стреляли из мелкокалиберных винтовок кукш, кедровок и иногда белок. Вместо чая заваривали чагу, брусничник и прочее, что никак не являлось его заменой. Ещё мы пробовали различными способами сделать съедобным корм для лошадей – нелущёный овёс, мешок которого остался у нас на базе. Наши усилия не увенчались успехом.

Настоящим зимним утром 18 октября *Олег* и я пошли на реку Токур-Юрях, где *Олег* при сплаве оставил на косе небольшой лабаз с продуктами. По дороге убили глухаря. Переночевали около лабаза, завернувшись в брезент. Ночью было северное сияние. Утром отправились обратно и, когда до базы оставалось километров пять, увидели вертолёт, который уже поднимался из района нашей базы. 20 октября мы были в Сеймчане. Здесь и узнали о лошадях.

Поход до Глухариного вместо 4-5 планируемых дней продлился почти три недели. На прииск *Люда* и *Валька* с одной оставшейся лошадью и Эльсой пришли только 1 октября. Снега на перевалах намело столько, что лошади не могли идти, «копытить» траву было невозможно. Взятый овёс и ячмень быстро кончился. По-видимому, путники ещё и плутали, потому что *Валька* рассказывал о каких-то заснеженных безлесных гольцах, которые они проходили. Судя по карте, такие вершины были только севернее их пути, а им нужно было, перевалив в другую гидросистему, двигаться на юг. Лошади падали и не хотели идти дальше. Около павших на ближайших деревьях вешали сёдла. Натерпелись. Особенно *Люда*, любившая лошадей больше двуногих (что, может быть, отчасти и правильно), а также переживавшая больше всего за свою Эльсу. По словам *Вальки*, последнюю банку тушёной говядины она отдала собаке.

Теперь о *Нетудыхатке*. Я был очень удивлён, когда в Сеймчане он зашёл ко мне и сказал, что зла не держит и во многом виноват сам. Он собрался лететь на материк. Больше я его не видел. С разбитным *Валькой* нас судьба сводила ещё не раз.

P.S. У меня, естественно, были неприятные разговоры с начальством; временно перевели на полставки (кажется, на полгода) – была тогда такая мера воздействия на провинившихся. Лошадей списали. А оставшийся в живых мерин Яшка, взятый в поле не на местной конбазе, а в школе, был отведён в родное стойло и зимой, весь обросший шерстью, днём возил продукты для школьников, а вечером жевал сено либо овёс, вспоминая временами осенние приключения. С ним мы ещё раз повстречались через три года и совершили длинный (около 200 км) и очень тяжёлый переход от пос. Омолон до базы в верховьях р. Пенжины во время таянья снегов и разлива рек. В горах

Ушэракчана (Чукотка), на снежнике крутого склона, он сорвался и «прокувыркался» вместе с вьюками метров 20 по вертикали, но всё кончилось благополучно – пробил копытами снег и остановился. Ещё бы метров 5, и наш Яшка не увидел бы больше родное стойло в школе, поскольку летел бы ещё метров 15, но уже в свободном падении, на острые скалы, которые торчали внизу среди бушующей воды. Прушник был этот Яшка. И это здорово, что такие есть.

Ну и в конце о том, что мир тесен. Года через три после описанных событий кто-то принёс мне статью из «Магаданской правды». В ней шла речь об экспедиции из Ленинграда под руководством *Захаренко* в начале 30-ых годов XX века. Места как раз почти те, где был мой двухсоттысячный лист и *Люда* с *Валькой* перегоняли лошадей, когда их застала непогода. Бóльшая часть экспедиции, ведомая *Захаренко*, заблудилась и люди погибли. Зима в тот год наступила исключительно рано. Вторая, меньшая группа под руководством *Фёдора Фёдоровича Ильина* пошла в другом направлении, добралась до Колымы, где их подобрала какая-то баржа. Именем *Захаренко* потом была названа красивая и высокая горная гряда в верхнем течении р. Омолона, где я работал позднее. Почему эту гряду назвали так, не знаю; *Захаренко* на ней никогда не бывал, и пропал он совсем не в этих местах.

Фамилия *Ильин* мне тогда не запомнилась, но когда я стал работать в Арктической экспедиции Севморгео и затем НИИГА-ВНИИокеангеологии, как-то раз в разговоре со своим близким другом-геологом я вспомнил про историю с *Захаренко* и о том, что другая группа благополучно вернулась. «Так этой второй группой руководил мой отец», - улыбаясь в усы, сказал мой друг *Володя* (*Владимир Фёдорович*) *Ильин*. Старожилы нашего института помнят и с большой теплотой отзываются о *Фёдоре Фёдоровиче*, а в одном из памятных сборников института есть воспоминания об этом замечательном человеке.

Чомбе

Я, кажется, никогда и не знал настоящего имени и фамилии этого шурфовщика. Правда, и знаком с ним был плохо. Так, кивали друг другу; тем более, что в посёлке он появлялся периодически, приезжая из стационарной геологоразведочной партии. Был он очень здоров, с мощным плечевым поясом, широкой грудью и здоровенными ручищами. Лицо имел исключительно топорное, расширявшееся от лба к подбородку, за что и получил прозвище, которым он, кажется, даже гордился. В те годы на слуху у всех были два африканских диктатора – *Чомбе* и *Мобуту*.

О нашем *Чомбе* ходило много разных легенд, нередко весьма фантастических. Он, вероятно, знал об этом и старался поддерживать свою репутацию всякими экзотическими выходками, как это, например, делают темнокожие боксёры-тяжеловесы перед началом поединка, подпрыгивая, ударяя себя в грудь обоими кулаками и крича «I am the Best!». Правда, надо сказать, шурфовщиком он был отменным. Это, конечно, очень тяжёлая работа. Инструмент – лом, кайло, укороченная и обрубленная под себя подборочная

лопата и лист железа. Задают шурфовочные линии поперёк речной долины, и проходят шурфы, когда холодно, чтобы грунт, а это рыхлый аллювий, был смёрзшимся и не нуждался в креплении. Глубина шурфов – от первых до 20 м (в прежние времена). Шурф глубже уже называется шахтой. Если на забое сечение его метр на метр и таковым должно оставаться на глубине, то, на самом деле, у проходчика-асса оно внизу таково, что ступням тесно (это, конечно, фигурально выражаясь). Проходят шурфы двумя способами – «на пожог», раскладывая костёр, и «на взрыв» с аммонитом и т.д.

Но здесь речь пойдёт не о горных работах. Эта история, которая стала одной из легенд о *Чомбе*. В один из морозных четвергов декабря (банный день геологов) мы, возвращаясь домой, решили заглянуть в ресторан. В зале было холодновато и малолюдно. Сделав заказ, огляделись. Было занято ещё три столика. За двумя сидели какие-то незнакомые личности (позднее выяснилось – старатели), а за третьим столом – экспедиционные шурфовщики. И те, и другие уже под некоторым градусом. Судя по жестам, старатели «заводили» наших. По-видимому, они о чём-то поспорили.

Далее события развивались так. Старателям принесли бутылку «Зубровки». Они открыли её и дали *Чомбе*. Тот снял ботинки, стал одной ногой на стул, другую ногу согнул в колене. Затем круговыми движениями своей лапищи «разболтал» содержимое бутылки, закрыв глаза, закинул голову назад и, подняв бутылку над головой, струёй вылил её содержимое в свою пасть. Потом с удивительной для его комплекции лёгкостью спрыгнул на пол и раскланялся налево и направо. Ему аплодировали все. Старатели передали пачку денег со своего стола шурфовщикам. Ура, наши выиграли! *Чомбе* улыбался и, налив полный фужер водки, опрокинул в себя; затем почти сразу ещё. Явно работал на публику. Прошло ещё минут пять. И вдруг *Чомбе* дёрнулся, а затем, как подстреленный, упал на пол. Вскоре приехала скорая и увезла его.

Дня через два *Чомбе*, как ни в чём не бывало, со своими друзьями грузил возле экспедиции машину, чтобы ехать в аэропорт, из которого АН-2 должен был доставить его после короткого отдыха на базу стационарной партии.

***

Студент Пахомов

Студент Пахомов из Владивостока, проходивший у нас преддипломную практику, был, как и положено студенту, длинный, тощий и мосластый. Это был растущий организм, который постоянно требовал, чтобы для жизнедеятельности в его утробу подбрасывали топливо в виде пищи. Он не успевал закончить еду, как уже опять хотел есть. Как говорил, наш завхоз *Саша Пожарский* (см. выше): «Володя серьёзно болен – у него яма желудка». Особенно это было заметно на базе, где, хотя все и обжирались, но всё же соблюдали интервалы завтрак-обед-ужин. Володя же буквально через десять-пятнадцать минут после еды опять появлялся на кухне. При виде *Саши* он, отводя глаза, невинно вопрошал: «Попить можно?». *Саша*, забавляясь,

ответствовал: «Конечно. Бери кружку – вон ручей». – «А чай есть?». – «Вон в чайнике». – «А сахар и хлеб с маслом?» - смелел студент. *Саша* хохотал.

У *Пахомова* был первый разряд по бегу на средние дистанции. Чтобы держать себя в форме, когда позволяла местность (около стоянок наличествовали более-менее ровные ягельные террасы и отсутствовала кочкá) он, молодец, вставал пораньше и бегал с полчасика, пока лагерь не просыпался, чем, конечно, отличался от традиционного типажа студента, который-то и в маршруте спит на ходу, а уж утром его поднять….

Как-то раз, когда мы стояли в верховьях руч. Разведчик, всех разбудил крик. Он был очень странный, прерывистый. Описать его трудно: сначала какой-то горловой, затем резко обрывающийся, а после этого повторяющийся опять таким же образом. Мы все повыскакивали из спальных мешков, похватали кто карабин, кто ружьё, кто молоток, кто топор и т.д. и ринулись вверх по ручью, туда, откуда слышался крик. Все одновременно решили, что нашего *Володю* поедает медведь, а тот, находясь в его лапах, умудряется ещё и кричать. Кстати, здесь в верховьях незалесённых ручьёв с чистой водой, ветерком, отгоняющим комаров, и в изобилии созревшей голубикой их местами было немало.

За поворотом ручья мы увидели, наконец, быстро и правильно-красиво бегущего студента, который продолжал кричать, не видя нас. Остановились. Когда *Володя* подбежал к нам, начальник поинтересовался: «Ты чего это орёшь спозаранку?». – «За мной бежала медведица с медвежатами». – «А чего так-то…странно,»- начальник не мог подобрать слова. – «Так я на выдохе, чтоб не сбивать дыхания на бегу». - « Ладно. Что-то за тобой никого не видно». – «Так я потом и не оглядывался».

На шее *Володя* носил на грязном шнурочке ладанку из кожзаменителя, прошитого по периметру очень грубыми стежками. В плане она имела форму неправильной окружности с рваными краями. Что было в ней, неизвестно (может быть, локон любимой легкоатлетки, а, может быть, бабушкина молитва от сглазу). *Володя* был из тех редких студентов, которые чего-то пишут. Наверно, дневник. Когда я где-нибудь на вершине, продуваемой ветром, садился записывать свои полевые наблюдения, *Володя*, быстро промаркировав образцы, доставал заветную книжечку и принимался делать записи, изредка поглядывая на меня.

Лет через двадцать, в 1990 году я приехал в Магадан на тектоническое совещание. Помимо всем известной, ещё дальстроевской гостиницы с одноименным городу названием прямо около автобусной станции на углу Пролетарской и ул. Ленина чуть далее по Пролетарской появился её второй современный корпус. В нём меня встретил плотный, начинающий жиреть бородатый мужчина. Он широко улыбался: «Не узнаёшь?». Зрительная память у меня неплохая, но лицо и фигура были совершенно не знакомы. – «*Я – Володя Пахомов*, был в 1969 году на практике у *Дылевского*». Он протянул мне

визитную карточку – главный геолог Верхне-Колымской экспедиции в Усть-Омчуге. Редко люди столь разительно меняют свою внешность.

Володя стал известным золотарём. Успел, что тогда ещё было редкостью, съездить на Аляску. Прошло ещё несколько лет, и один из моих магаданских знакомых, приехавший в командировку во ВСЕГЕИ, сообщил мне, что *Пахомов* работает уже не первый год на Аляске в одной из золоторудных компаний.

Сеймчанские страшилки. Люда, Мургаб и Лазарь

Люда, родом из Орла, была маленькая, но стройная, спортивная и подвижная. Её отец, полковник, дошёл до Берлина. Кто что вёз из поверженной Германии, а он – щенков из псарен самого Фюрера. Его страсть - собаки и лошади – стали и страстью дочери. Особенно самозабвенно она любила немецких (именно немецких) овчарок. Пра-пра-пра... внука гитлеровских овчарок, Мургаба, *Люда*, после окончания Воронежского университета, привезла в Магадан. Там её в аэропорту, сидевшую на скамейке рядом с огромной собакой, заметил главный геолог геолого-поискового отдела нашей экспедиции *Кирилл Симаков* и привёз в Сеймчан. Если *Люда* весила не более 50 кг, то Мургаб – все 70. У немецких овчарок, как правило, не очень-то с головой, а у Мургаба, как настоящей породистой собаки, вообще была одна извилина, но зато в ней многими поколениями на генном уровне было записано: хрипло лаять, кусать, рвать и т.д. Возможно, на даче, среди своих, он и был «душка», но, вырванный из родной среды и оказавшийся в неведомом крае, совсем сбился с катушек. На дворе стояла зима, и до поля было ещё далеко.

Временами *Люда* позволяла себе слегка расслабляться, немного приняв крепких напитков. Один раз, придя вечером с какого-то дня рождения и чувствуя вину, поскольку оставила любимого Мургаба одного, привязанного к батарее отопления, она наклонилась к нему и стала гладить. Пёс отреагировал молниеносно – нижняя губа *Люды* стала короче, а кровь хлестала рекой. Прибежали девушки из соседней комнаты, кое-как остановили кровь и поволокли её к дежурному врачу в поликлинику. Час уже был поздний. Дежурил здоровенный бурят *Лазарь*. Он был стоматологом. Геологов уважал, мы играли с ним волейбол – у него был когда-то хороший первый разряд. Был, между прочим, и прекрасным зубодёром. Своим он рвал зубы так. Если они были согласны без наркоза, то наливал треть стакана медицинского спирта себе и треть больному. Ещё миг - и больной зуб в плевательнице.

Спокойный и наблюдательный *Лазарь* обратил внимание, что отторженная часть нижней губы спокойненько так себе лежит на воротнике Людиного исландского свитера. У *Лазаря* были золотые руки – и губа вскоре оказалась на месте. Просто удивительно, но когда прошло недели три или месяц, *Люда* стала выглядеть даже лучше, чем раньше. Шрамик-то, конечно, остался, но придавал лицу определённый шарм.

Как-то, года через два после описанных событий, первомайский праздник выдался для колымских мест неправдоподобно тёплым; прямо-таки жарким, хотя на вершинах за Колымой повсюду ещё лежали снега. Оказавшись во

второй половине дня на почти пустынной улице, я встретил двух своих коллег из экспедиции. Один из них, почти (может быть, даже и без «почти») совершенно трезвый, сопровождал другого, уже весьма нетрезвого. Рубашка последнего была сильно разорвана, испачкана грязью и измазана кровью. Потребовалась моя помощь в качестве второго провожатого до ближайшего дома, где жила семья наших геологов. А произошло вот что. Крепыш *Витя П,* уже серьёзно нагрузившись, перемещаясь из одной компании в другую, вышел из здания «Полярки» на улицу покурить на солнышке. Привязанный неподалёку Мургаб подал голос и бросился в сторону *Вити*, но не достал его. *Витя*, давно ненавидевший Мургаба, схватил подвернувшийся металлический прут и пошёл в атаку, но запнулся и упал, замахиваясь на пса. В следующую секунду Мургаб уже вонзил свой клык в Витину грудь. К счастью, рядом оказался *Володя* – муж владелицы собаки, чуть ли не единственный человек, которого Мургаб более-менее слушал.

Когда мы оказались в доме и с трудом уложили *Витю* на кровать, сняв с него рубашку, чтобы обработать рану посередине его грудной клетки, то увидели, что она имеет форму почти правильной окружности поперечником до 0.7см и глубиной 1.5-2см. В ране стояла (именно стояла!) кровь какого-то красновато-синего с фиолетовым оттенком цвета. Выглядело это ужасающе. Так, что жена хозяина, в дом которого был доставлен *Витя*, сразу стала заламывать руки и причитать. Находившийся среди нас более старший (лет на десять и более) и опытный товарищ отсосал кровь, обработал её спиртом и йодом, заклеил пластырем, предварительно влив четверть стакана спирта в рот *Вити*. Я в это время с трудом удерживал пострадавшего. На *Вите* всё зажило, как на собаке, - быстро и без всяких загноений.

В поле с такой собакой, сами понимаете, – сплошные проблемы. Один раз Мургаба в поле взял с собой Людин муж – невозмутимый, проведший послевоенное детство в детдоме топограф *Володя*. Пса решили оставить на базе участка с завхозом, который кормил его, подавая миску на лопате. Из всех Мургаб более-менее слушал *Володю*. Но однажды, когда привязанный Мургаб бросился на него и тот едва успел отскочить, *Володя* неспешно пошёл к палатке. Вышел он оттуда с карабином, и Мургаба не стало. *Люде* была потом подана версия о схватке собаки с громадным медведем.

Поехав осенью в отпуск, *Люда* возвратилась не одна, а с Эльсой – большой красивой и очень глупой, но зато доброй немецкой овчаркой. Например, как-то ранним летом Эльса бросилась на ехавшего велосипедиста и сбила его на землю ударом своей мощной груди. Когда перепуганный велосипедист лежал на земле, ожидая, когда страшные зубы сомкнуться на его шее, Эльса ласково облизала его лицо своим шершавым языком.

Полпальца и Долли

Стас приехал в Сеймчан после окончания Киевского техникума и службы в рядах Советской Армии. Он был родом из Бердичева – одного из центров дореволюционной черты оседлости, где мирно уживались украинцы, русские,

евреи, поляки, молдаване и другие национальности. *Стас Станиславский* был настоящим по́ляком – подвижным, красивым и очень остроумным. Когда *Стас* был в ударе, все хохотали до колик в животе. Однако если кто-нибудь задевал *Стаса* или начинал его разыгрывать, он моментально терял чувство юмора, что нередко случается с остроумными людьми, которые любят смеяться над другими, но не любят, когда смеются над ними. Своими рассказами о бердичевских жителях *Стас* вполне мог бы конкурировать со *Жванецким*. (Например, про соседку тётю *Софу*, которая говорила о своём маленьком внуке: «Он такой умный мальчик. Сам лезет на шкаф, включает где какие есть телевизоры» и т.д.).

Стас временами несколько злоупотреблял крепкими напитками, и тогда уж юмор бил из него ключом. Любил в этом состоянии петь, тем более, что был обладателем приятного баритона. Нередко пел, идя по улице. Его любимой была песня «Орлята» («Ничем орлят не испугать. Орлята учатся летать»). Как-то мы шли из бани мимо столовой и магазина, где обычно толкались бичи. Одна дама из их племени с подбитым глазом громко «шепнула» своему кавалеру-собутыльнику: «Вон орлёнок пошел».

У *Стаса* был роман с молодой особой из администрации. Роман этот то ослабевал, то вспыхивал с новой силой. Как-то раз, когда уже всё шло к свадьбе, они опять поссорились. Стоял унылый серый зимний день. *Стас* с горя напился в обеденный перерыв, что бывало редко. Я, поев в столовой, зачем-то решил зайти в здание «Полярки», где тогда жили молодые специалисты. В боковом аппендиксе коридора была открыта дверь. Там находилось своеобразная передняя – нежилое помещение, где был шкаф для полушубков, турник и т.д., а также находился чурбан, на котором подчас рубили замороженное мясо, привезённое из поля и хранившееся в сарае. Из передней можно было попасть в две разные комнаты. В полутьме мне показалось, что на чурбане была кровь. Я вошёл в комнату, где жили *Стас* и *Витя*. *Стас* в одежде лежал на кровати, глаза его были закрыты, он громко и тяжело дышал. У него на лбу выступили крупные (клянусь, я ни до, ни после не видел таких крупных) капли пота, а левая рука была толсто замотана марлевым бинтом, концы которого как раз связывал *Витя*.

Он рассказал, что когда несколько минут назад пил чай, появился *Стас* и стал ныть, что всему конец и т.д., а потом заявил, что чего-нибудь с собой сделает. «Ну и сделай, чего ты разнюнился» - сказал *Витя*. «Я себе руку отрублю», - это уже *Стас*. «Ну и руби, если поможет», - спокойно молвил *Витя*, прихлёбывая чай. *Стас* вышел в прихожую, хлопнув дверью. В следующий момент *Витя* услышал удар топора и выскочил из комнаты. Кровища, топор на полу, перепуганный, в полуобморочном состоянии *Стас*.

Тут мы с *Витей* вспомнили, как *Лазарь* пришил нижнюю губу *Люде,* и решили найти отрубленную часть. Но её нигде не было. «А где же Долли» - полувопросительно сказал *Витя*. Долли – его собака. Это была очень красивая девочка - и стройная, и окрас замечательный, и очень выносливая, и умненькая.

Одним словом – совершенство. В её жилах, помимо крови собак северной породы (так я их называю; в основном – восточно-сибирских лаек) текла и кровь Мургаба. Он был её дедушкой. Надо сказать, что, несмотря на всё то нелестное, что я про него писал выше, он существенно изменил породу местных собак; по крайней мере, в отношении величины и силы. Долли сумела взять всё лучшее от своих родителей и от деда по материнской линии. К тому же её хозяином был *Витя* - из тех, про кого говорят: «Строгий, но справедливый». Уже с трёх месяцев он в морозы таскал её с собой на сопку, спускаясь затем с горы на слаломных лыжах. Месяцев с пяти-шести стал запрягать в самодельные деревянные нарты с металлическими подрезами и т.д. Кормил *Витя* её правильно – хорошо, но чтобы не переедала и почти всегда была полуголодной. Обычно Долли жила в будке на улице, но в этот день по какой-то уважительной причине на некоторое время была приглашена в переднюю. Поэтому поискав немного и не найдя то, что искали, мы посмотрели на Долли, потом друг на друга и дружно засмеялись. Нам стало ясно, где эти полпальца.

P.S. У *Стаса* всё прошло без осложнений. Месяц спустя он рассказал нам, что мало чего соображал в тот момент, когда положил на чурбан кисть, то что-то всё же сработало в голове, и вместо кисти под топор был подставлен палец. Ну, а если точнее, то ровно половина указательного пальца.

По прошествии некоторого времени одной из его любимых шуток стала такая. Когда было какое-нибудь застолье и появлялись новые лица, *Стас* изображал задумчивого выпившего чудака, засовывая себе в нос полпальца. При этом он делал это не навязчиво и, не глядя на нового человека, но как-то так, что тот сам обращал на это внимание и был в совершенном шоке – как же можно так глубоко засунуть палец в нос?! Свадьбу к этому времени уже давно сыграли.

Враг промедлений, сокрушитель препятствий

Витя П. был моим сокурсником по специальности ГСПС («Геологическая съёмка и поиски месторождений полезных ископаемых»). Собственно, по его зову я после армии и оказался в пос. Сеймчан, хотя изначально рвался на Чукотку; но не срослось.

Витя был коренной ленинградец-петербуржец; портрет его деда, горного инженера, висел (и, конечно, сейчас висит в деканатском, как его раньше называли, коридоре Горного института). *Витя* был очень необычен в своих поступках и сразу же обращал на себя внимание. В Горный он поступил после недолгого учения в лётном училище, затем отбывания срока в местах не столь отдалённых за какую-то драку и взятия всей вины на себя. Срок был пять лет («Трудно только первые пять лет, а потом легко» - известная шутка питерских Крестов), но отсидел он значительно меньше, а потом, немного поработав, ещё и сумел поступить в институт. Тогда это было просто невозможно. Вероятно, заслуги деда сыграли свою роль.

Семья *Вити* жила на улице Пархоменко, которая в те времена, когда мы были студентами, выглядела весьма патриархально. Среди полей и деревьев кое-где стояли деревянные домики. В первом этаже одного из таких двухэтажных домов жила семья *П*. Мать *Вити* рассказывала, что раньше весь дом принадлежал Витиному деду. Здесь пережили они и блокадное время. Как-то одна сокурсница, поклонница *Вити*, принесла заметку из «Ленинградской правды», где описывалась жизнь семьи *П*. в те годы. Отец работал в «оборонке», и они помимо своих двух малолетних детей приютили ещё каких-то бездомных. Про *Витю* я от кого-то слышал, что, по словам матери, он перестал от голода ходить и пошёл вновь в конце блокады в возрасте около четырёх лет, но крепкое здоровье и костяк были дедовские.

Когда мы на первом курсе проходили медосмотр, на *Витю* сразу обратили внимание и мы, и врачи. Он был чуть выше среднего роста, но сложен как бог эллинов. Правда, исключительно красивую и мускулистую фигуру несколько портили слегка кривоватые, хотя и очень крепкие ноги. Лицо его то же привлекало: смелое с бесстрашными голубыми глазами при очень густых, всегда коротко стриженных чёрных волосах. Кажется, были в семье в каком-то поколении и англосакские корни. Об этом свидетельствовал старинный пробковый колониальный шлем, хранившийся в доме в качестве семейной реликвии. Вообще, вся семья (по крайней мере, её мужская часть) была очень спортивная. И отец, и трое его сыновей предпочитали лыжи и велосипед. Младший, уже послеблокадный (1944 г.р.) брат был мастером спорта и чемпионом вузов города по велосипеду. Сам *Витя*, учась в последних классах школы, входил в юношескую сборную города по прыжкам с трамплина, но как-то, спрыгнув ранним утром с Большого Кавголовского трамплина самовольно (поскольку юношам ещё не разрешали с него прыгать), порвал себе связки, зацепившись внизу на выкате после приземления за цепь, которая преграждала путь и была на замке, а он этого не знал и на скорости не успел скоординироваться. *Витя* обожал горные лыжи, не пренебрегал и беговыми, преодолевая «десятку» при хорошем скольжении менее чем за 37 минут (тогда «классикой» это был первый разряд). На гоночном велосипеде, используя для торможения свои ноги-столбики, он ездил каждый день все пять лет учёбы в институт от своего дома. После крымской практики на велосипеде расстояние более 2200 км он покрыл за десять дней. Во время зимних каникул *Витя*, набрав команду из желающих, некоторые из коих, как потом выяснилось, и на лыжах-то толком стоять не умели, отправился в поход по Кольскому полуострову, и им, заночевавшим где-то на лавиноопасном склоне, просто повезло, что их не накрыло лавиной и т.д. Увлечением *Вити* был и альпинизм, хотя он, как кажется, занялся им, чтобы посмотреть новые места. Второй разряд *Витя* получил, уже работая в Сеймчане, и покоряя новые вершины, приезжая в отпуск. В одном из отпусков он стал чемпионом среди альпинистов по лыжному троеборью (бег, слалом и прыжки с трамплина).

Конечно, это был, что называется, «сорви-голова» и, по-видимому, с несколько сдвинутой психикой; хотя, конечно, что такое норма, точно не скажет ни один психолог.

В Горный институт *Витю*, вероятно, привели, с одной стороны, мятежная душа; с другой, - возможность путешествовать и жить на природе при нелюбви к цивилизации и городским удобствам. Его голова была забита арктическими походами *Нансена* и *Амундсена*, «Моби Диком», *Рокуэллом Кентом* и т.д. Его любимыми изречениями были цитаты царя Соломона из Экклезиаста, которые тогда ещё были мало известны в обществе. Даром свыше был очень приятный баритон. *Витя* не имел школы, но пел замечательно; правда, к сожалению, только чужие песни. У меня сохранились его записи с его же аккомпанементом под гитару. Впервые слышавшие их всегда удивлялись, почему не знали о нём раньше.

Неосуществлённой мечтой, которую *Витя* вынашивал с самого начала своего приезда в Сеймчан, осталось покорение пика Победы – высочайшей вершины (3147 м) хребта Черского. Зато он вовсю путешествовал весной в окрестностях Сеймчана в районе горного массива Туоннах. На третий год своего пребывания в Сеймчане *Витя* при нашей помощи построил на склоне Пионерской сопки, примерно в 5 км от посёлка, трамплин из лиственницы, с которого прыгал метров на 25.

Общаться с *Витей* было непросто: то он был прелесть - добрый, понимающий, готовый для друга на всё и т.д., то вдруг настороженный, молчаливый с пренебрежительным взглядом, легко могущий обидеть резким, но обычно справедливым замечанием, готовый к драке. Людей подчас судил очень строго. Несмотря на его независимость, было в нём временами что-то очень незащищённое. Как-то со временем и бытом окружающим был он не в ладу. Энергия его нередко была направлена не туда – на борьбу с мельницами. Недаром одной из его любимых песен была песня о Дон Кихоте:

«Наступила эпоха больших скоростей.
Всё уносится вдаль без оглядки.
Даже в самом начале карьеры своей уж никто не играет в лошадки.
Но порою замолкнет толпа не дыша, иль взрывается бомбою смеха.
Это дряхлая кляча везёт, не спеша, Дон Кихота двадцатого века».

Учился *Витя* в институте неровно, уделяя достаточное внимание одним предметам, другие же совершенно игнорируя. Первые лет пять работы в экспедиции он почти не читал специальную литературу, утверждая, что до всего нужно дойти своим умом. В поле работал упорно и аккуратно, выбрав поиски рудного золота и презирая всякие абстрактные «псевдонаучные измышления», т.е. были в нём задатки ордодокса.

Он обладал мощной энергетикой, невольно действующей на окружающих. Подчас был совершенно непредсказуем. То не употреблял алкоголь месяцами, то вдруг ни с того, ни с сего напивался и мог продолжать этот процесс по два-

три дня, хотя запоями это никак нельзя было назвать. Никогда не пил с теми, кто ему в это время не нравился.

Периодически совершал необычные поступки. *Вот один из них. Витя* вечером пьяненький едет по снежному зимнему Сеймчану на велосипеде, который привёз с собой из Ленинграда на самолёте. Вместо переднего колеса – самодельный деревянный конёк с металлическим подрезом, на заднем колесе вместо резиновый покрышки войлочный обод. Дорога узкая, впереди три фигуры. Когда он догоняет их, то оказывается, что это три кандидата наук (один из них – главный геолог экспедиции), что для Сеймчана, конечно, большой перебор. *Витя* кричит, чтоб они дали дорогу, те – не реагирует. Тогда он, впритык подъезжая, цедит сквозь зубы, но громко: «Посторонитесь, кандидаты ср….!».

Вот другой случай. Молодёжная компания на втором этаже двухэтажного типового для севера дома. Заходит *Витя*. Компания: «О, привет! Садись. Вот, выпей!». *Витя*: «Жарко у вас». Компания: «Можно, конечно, окно открыть, но хлопотно – оно заклеено, а на дворе холодно». *Витя*: «Ну, открывать не обязательно. Можно и по-другому». И никто не успевает моргнуть глазом, как *Витя* разбегается (он в рубашке с закатанными рукавами) и прыгает в окно, прикрывая правой рукой лицо. Стекло вдребезги, женские крики и т.д. Ещё минуты три – и на пороге комнаты появляется тот же *Витя*. Он отряхивает снег и достаёт осколки стекол из окровавленных рук, но их (стёкол) немного. *Витя*: «Ну, что ж. Теперь можно и выпить». На следующий день он умудряется спозаранку принести стекло и вставить его на место одеял и подушек, которыми было временно заделано окно.

Жил в *Вите* мятежный дух, часто не находящий выхода. Такие люди созданы для боевых действий, чрезвычайных ситуаций, покорения стихий и т.д. Им нужен адреналин. В суете улиц и потоке машин они не находят себе места, нередко совершая глупые поступки.

Послесловие. В первой книге баек я уже писал, как погиб *Витя*. Катаясь на слаломных лыжах, он спустил лавину (осов) и был погребён ею, не сумев освободить ботинки от ременных креплений. Его нашли только через полтора месяца и похоронили на кладбище за аэропортом. До сорока лет он не дожил двух месяцев.

Теперь немного о судьбе и том, что её не следует искушать. Когда *Витю* спрашивали, не наелся ли он Колымо-Омолонским регионом и не пора ли ему перебраться в Питер, где есть такие геологические организации, как ВСЕГЕИ и НИИГА, *Витя* отшучивался: «Нет. Я себе уже и местечко за полосой присмотрел» (имелся в ввиду погост за взлётной полосой аэропорта).

В декабре 1978 года *Витя* написал мне, что собирается в отпуск в январе 1979 года, и не могу ли я поискать ему место работы. Лучше, если это будет геосъёмка м-ба 1:50.000 или поисковые работы на золото в районах Арктики. Я, работавший тогда в Арктической КГРЭ, зашёл на Мойку, 120 в кабинет *Б.Х.Егиазарова,* переправившего меня к *Н.К.Шануренко*. На поиски россыпного

и рудного золота на Северной Земле нужны были тогда кадры. *Николай Константинович* прослушал меня и обрадовался: «Это как раз то, что нам надо». *Витя* к тому времени имел уже тринадцатилетний опыт работы на золото. Он стал признанным специалистом, открыл интересное рудопроявление (ныне месторождение), имел грамоты от Мингео.

Здесь я вынужден немного сказать о семейном положении *Вити*. В Сеймчане у него была жена и две малолетние дочки. Его супруга тоже была неординарной личностью. Оба с характером – нашла коса на камень. С *Витей* они то расходились, то сходились. Никто не хотел уступать. Оба были одарены физически и не могли жить подолгу отдельно. В экспедиции к этому привыкли. Начальник экспедиции выделил в новом доме для *Вити* небольшую комнатку, где *Витя* держал свои многочисленные лыжи, велосипед и любимые книги и где жил, когда была полоса войны. Когда он в январе собирался в отпуск, была как раз такая полоса. Январь в Сеймчане обычно очень морозный и самолёты не летают из-за туманов, но тут случился циклон и повалил снег. Продолжалось это дня три. На четвёртый день с утра также шёл снег и дул ветер. *Витя* позвонил на метео, ему сказали, что прогноз плохой и аэропорт закрыт на целый день. Потом ему позвонила жена и попросила, чтобы вечером он забрал дочку из садика.

Да, опять нелётная погода. *Витя* взял лыжи и отправился на сопку. На ногах были беговые лыжи, за спиной в чехле – слаломные лыжи и ботинки. Когда он шёл по посёлку, его видел только один человек, и тот не был уверен, что это *Витя*. Дальше произошло то, о чём я уже писал.

Случилось так, что погода резко изменилась, и аэропорт после обеда открылся. Борт на Магадан улетел. Все думали, что *Витя* улетел этим рейсом. Его жена возмущалась, что перед отъездом он не предупредил, что не сможет забрать дочь из садика. Такое вот роковое стечение обстоятельств. Такая вот судьба.

В честь *Вити* названа господствующая вершина горного массива Туоннах высотой 2154м, хорошо видная из пос. Сеймчан.

Про «жмуриков»

Как и на всей планете, в Сеймчане люди жили по-разному, кто-то рождался, а кто-то умирал. Правда, умирали нечасто и уж совсем редко от старости. Обычно же это были несчастные случаи и т.д. Всё же случалось. Надо сказать, меня, когда я появился в Сеймчане, неприятно поразило, что ранней осенью до начала морозов на местном погосте уже готовили ямы, учитывая определённую статистику.

История первая (совершенно правдивая)

В стационарной геологоразведочной партии умер (или погиб, не знаю) рабочий. Февраль, ещё стояли морозы. В нашу экспедицию сообщили – ждите борт и т.д. Но погода стала портиться и, вроде бы, дали отбой. Была пятница, и получилось так, что АН-2 всё-таки вылетел и привёз покойного, но в аэропорту

почти никого уже не было, в экспедиции – тоже. Пилоты спешили домой, а двое рабочих, сопровождавшие груз, решили, что пока из посёлка в аэропорт доедет машина, они ещё успеют сбегать в магазин (понятно зачем). Взяли они груз, который был зашит во вкладыш от спального мешка и поставили его в уголок при входе в аэропорт; сами же потопали в магазин.

Около аэропорта обычно всегда толкутся бичи – погреться можно, если милиция не прогонит и т.д. Кто-то из них видел, как из АН-2 вытащили какой-то мешок и оставили у входа в аэропорт. «Ага, это геологи оленя привезли, а сами в магазин. Понятно». Машина из экспедиции приехала только через полчаса; рабочие, сопровождавшие груз с прииска, были уже навеселе. А груза-то нет. Ищи – не ищи. Пропал жмурик.

Нашли его дня через два. В экспедицию кто-то позвонил и поинтересовался: «Не Ваш ли там лежит в кювете за Вторым посёлком по дороге на Якутский». Больше и некому было. А случилось вот что. Бичи потащили мешок на одну из своих бич-хат, ну, а когда узнали, что там, то решили оттащить его подальше и в канаву.

История вторая

Эту историю рассказал мне геолог из Певека. Я сам там никогда не был, поэтому, прошу простить, если в рассказе будут какие-то географические неточности. Итак, тоже в камеральный период, и тоже в стационарной партии умер рабочий. Привезли его в Певек. Оказалось, что никаких сведений о его родственниках в экспедиции не имелось. Был, что называется без роду, без племени. Для северов история достаточно банальная. Таких хоронят за госсчёт, а для самой процедуры находят двух-трёх более-менее надёжных местных рабочих и дают им по бутылке водки и по лопате в руки. Так было и на этот раз.

Если я правильно понял рассказчика, из окон экспедиционного здания видна дорога на кладбище, которое находится на возвышенности. Рабочих и гроб довезли до подъёма, а там то ли дорога узкая, то ли гололёд. Одним словом, выгрузили их, и машина поехала в экспедицию. Вечером народ смотрит из окон камерального здания и видит, что спускаются с горки от кладбища трое. Причём двое пьяные, но всё-таки ещё более-менее идут и тащат под руки третьего, а он вообще никакой. Правда, падают периодически все вместе.

Потом выяснилось, что у ребят с собой, кроме двух халявных бутылок, был ещё и самогон. Они решили не торопиться. Поднялись на возвышенность. Сели, выпили, то да сё. Потом ещё. Пошли. Уронили гроб. Потом опять выпили. Смотрят: один лежит. А этот-то откуда взялся? Хотели дать ему выпить, а он в отключке. Допили свою самогонку – пора и домой. Ну и этого бросать не стоит. Взяли под ручки и вниз с горочки под песню: «Вот кто-то с горочки спустился…».

Мерин Серый

Эту историю рассказал *Валя Кусков* (по кличке «Кусок»). Такой весь из себя кругленький, румяненький и всегда жизнерадостный. Отец двоих таких же жизнерадостных и румяных пацанят, вечно возившихся в снегу при температуре ниже 40º. *Валя* был то ли из Рязанской, то ли из Вологодской области; не помню. Успел хватить послевоенного лиха в сталинских колхозах; потому с удовольствием пошёл в армию и после неё стал свободным человеком, получив, наконец, на руки паспорт. Стал работать в городе и учиться в техникуме. Потом рванул на север. В конце концов, дошёл до должности замначальника экспедиции по хозчасти. Как раз по нему (лайф из кайф!).

Валя, как бывший колхозник, очень здорово умел обращаться с лошадьми. Особенно его навыки важны были при их погрузке в самолёт. Об этом можно написать много, но здесь речь о лошадях в поле. Итак, вот *Валин* рассказ:

«Работали мы как-то на Приколымье. Места неважные, болот много, речек, гари кругом старые, иной раз при переходах сумы и баулы в клочья рвали. Дожди тут ещё сначала, потом – жара. Замаялись. Пришли после захода на базу. Она-то у нас удачно была выбрана. Место сухое. На террасе, где палатки стоят, – ягель. Травы для лошадей много, а леса сухого ровно столько, чтобы на сезон хватило. Поскольку место открытое, продувное, то и комара мало. В баньке попарились, постирали полевую одёжку. Жарковато, правда, было немного, но ничего.

Сплю я себе в палатке днём под пологом. Вдруг рабочий прибегает – будит меня. «Вставай – там, у Серого кишка лезет. Чего-то делать с ним надо». Я, тем более, спросонок, думаю, что за чепуху он несёт; кишка какая-то. Ладно, пошли. Серый-то добрый конь – до 120 и более кг на себе таскает, хоть бы что. Не симулянт, как некоторые. Выручать надо.

Смотрю, ёлы-палы, действительно у него сзади, из прохода его, торчит кишка красная. Много я всяких лошадей видел, и лечить приходилось, и прочее разное, а такое первый раз. Подхожу ближе – Серый, спокойненько так, травку пощипывает. Я совсем близко подошёл и захохотал. А это мой полевой трикотажный свитерок оказался, который я часто в маршрутах на горных вершинах надевал, чтобы не продуло. Вчера я его постирал перед баней и повесил сушиться на верёвку. В маршрутах под мышками и на спине, где лямки рюкзака, на нём соль выступала. Хоть я его постирал, а для Серого всё равно большой соблазн – соль, которую они любят полизать после того, как воды попьют. Как уж Серый сумел свитер заглотить, ума не приложу. А я как раз утром смотрю – нет моего свитера на верёвке. Подумал, что ночью, когда ветер был, его сдуло. Искал, искал - нет. А он вот где. Ха-ха-ха-ха!!» - «Ну, и чего дальше было?». – «Да ничего, сходил я за верхонками. Потом ухватился за конец свитера и вытащил его. Оглядел, ничего. Пожёван в меру, как на стиральной доске обработано. Постирал я свитер опять, уже как следует, и он служил мне ещё до конца сезона».

Валя опять смеётся: «Это что. Вот у нас как-то на весновке лошади каким-то образом сумели канистру с растительным маслом открыть и выпить содержимое. Так потом весь лагерь дней на пять начисто «заминировали».

Немного про кликухи-погонялы

Абсолютное большинство бичей и вообще рабочих, а иногда и ИТР имели прозвища. Истории их возникновения подчас были весьма занятны. Я уже писал выше о шурфовщике по кличке *Чомбе*, которую он получил за внешность. Ну, это ладно.

Был рабочий, которого звали то *Маршал*, то *Блюхер*. Как-то я спросил его друга: «Почему его так зовут? Его фамилия – *Блюхер*?» - «Да нет. Его фамилия – *Булюкин*, а тут как раз фильм был про *Блюхера*, ну его и стали так кликать».

Был ещё маленький и очень шустрый промывальщик, который работал то в сезонных партиях шлиховальщиком, то в стационарных партиях – на промприборах. Его звали *Аршин*, а также *Мук*. Я знал его уже несколько лет и был уверен, что *Мук* это - его фамилия. Но оказалось, что такое погоняло он получил по имени сказочного героя – *Маленького Мука*. *Мук* был очень свободолюбив, не терпел насилия и умел постоять за себя. Рассказывали, что как-то раз зимой на шурфовке, когда его в бараке обидел один здоровенный рабочий, *Мук* вскочил на нары и умудрился ловкими и быстрыми ударами уложить этого бугая, хотя даже находясь на нарах, был ниже того ростом.

Ещё одного очень симпатичного и весёлого бича звали *Манончик*. Происхождение этого прозвища следующее. Как-то на базу стационарной партии зимой АН-2 среди прочих привезённых прод- и промтоваров доставил несколько ящиков с флаконами одеколона «Манон Леско», который моментально разобрали и, конечно, оприходовали очень быстро. Особенно старался и куролесил наш герой, которого потом и стали звать *Манон* или *Манончик*.

Упрямых и неуступчивых начальников рабочие нередко звали «спиногрызами» и т.д. Но пора и заканчивать сеймчанскую тематику, если вообще то, что тут написано хоть сколько-нибудь интересно. В заключение хочу сказать, что, несмотря на молодость и неопытность многих геологов, весьма разношёрстную рабочую братию и т.д., этими людьми было сделано немало и для познания геологии Северо-Востока Азии, и для открытия новых перспективных рудных площадей. Большинство трудилось и жило не только ради длинного рубля. А это всё же, хоть, может быть, и неправильно, как нас сейчас уверяют, но здорово (с двумя ударениями – и здóрово и здоровó). Особенно же, когда ты молод.

ЛАЙБА А.А. (ПМГРЭ)

НА ЗЕМЛЕ СЕМЕНА ЧЕЛЮСКИНА

Маленький пролог

В свое первое настоящее геологическое поле я отправился на Таймыр, на самую его северную оконечность, именуемую на подробных картах полуостровом Челюскин. Полуостров, в свою очередь, венчается мысом Челюскин – самой северной точкой Евразии, если не относить к ней архипелаги Земли Франца-Иосифа и Северной Земли.

Таймырский полевой сезон (июнь – сентябрь 1982 г.) я отработал в небольшой тематической группе института ВНИИОкеангеология, занимавшейся проблемами золотоносности полуострова Челюскин и пролива Вилькицкого. Группа состояла из 3-х человек: ответственного исполнителя темы, кандидата наук *Михаила Александровича Крутоярского,* инженера и опытного полевика *Виктора Семеновича Белякова* и меня – свежеиспеченного специалиста-геолога.

После этой короткой преамбулы, можно переходить к делу: небольшим новеллам, повествующим о самых памятных и забавных эпизодах моего первого рабочего полевого сезона.

Вооружён и очень опасен

Перед отъездом я получил в институте свое персональное оружие: армейский карабин образца 1938 года и 3 патронных обоймы к нему. Такой же карабин, но лучшей сохранности, образца 1944 года, имел *Беляков*, а *Крутоярский*, как старший группы, получил пистолет марки «ТТ». Касательно хранения и провоза оружия в именном удостоверении указывалось: держать его всегда при себе и лишь на время перелёта сдавать под расписку командиру воздушного судна.

В день отлета, 11 июня 1982 года, я прибыл в Пулково с большим рюкзаком и карабином, замотанным в холстину. Оружейный затвор, по совету *Белякова*, я заранее вынул и спрятал в глубине рюкзака. На выходе к самолёту милиционер проверил наши удостоверения и строго напомнил: оружие непременно сдать командиру экипажа. Мы с *Крутоярским* так и поступили, тогда как *Беляков* почему-то упаковал свой карабин в спальный мешок и отправил в багаж.

После короткого перелёта мы приземлились в московском Шереметьево, где получили обратно свой реквизит. Перебрались в Домодедово, чтобы лететь дальше, в заполярный Норильск. Прошли регистрацию и направились к залу вылета, где опять-таки стоял милиционер, сверявший билеты с данными паспортов. У меня он бегло пролистнул документы и кивнул: мол, проходи, все в порядке. На длиномерный предмет в моих руках не обратил никакого внимания. Я машинально прошёл и только потом задался мыслью, а как же оружие? Между тем паспортный контроль проходил *Крутоярский*, и я

отследил, как он вручает старлею удостоверение, а затем, открыв портфель, указывает на пистолет в кобуре.

– Что он вам сказал? – спросил я у *Михаила Александровича*.

– Сказал, что сдавать пистолет командиру не надо, а можно так и везти в портфеле.

– А у меня он даже ничего не спросил.

– Но удостоверение вы ему показали?

– Не успел. Он отдал мне паспорт и сказал: «Проходи!»

– Нет, так нельзя! Идите и скажите, что у вас оружие на руках.

– Но если экипажу сдавать не надо, то какая разница?

– Нет, лучше сказать, чтобы потом шуму не было.

Собственно, я и сам к тому склонялся.

Подошёл к стойке, дождался коротенькой паузы и тронул офицера за рукав:

– Вы знаете, у меня карабин.

– Какой карабин?

– Армейский, – встряхнул я замотанной железкой в руках. – Вот удостоверение к нему.

– Удостоверение не нужно – покажите билет!

– *Вера*! – обратился он к стоящей рядом за стойкой девице, – вычеркни этого пассажира из списков, я его снимаю с рейса.

– Как это снимаете? – удивился я.

– А вот так! Проносить винтовки на борт строго запрещается. Надо было сдавать в багаж.

– Но в правилах написано, – пытался вразумить его я, – что сдавать оружие в багаж как раз запрещается!

– Вы будете учить меня правилам?

– Бегите к стойке регистрации, – отвлекла меня от старлея симпатичная *Вера*, – может быть, ещё успеете сдать.

Я как угорелый, побежал вниз. За нужной стойкой уже регистрировался другой рейс. Я протиснулся через толпу и сунул девушке карабин вместе с билетом.

– Очень прошу! Надо досдать в багаж!

Девушка приняла груз, даже не спросив, что там такое. Оформила квитанцию и бросила небрежно мой карабин на доверху наполненную тележку.

– А это на мой рейс?

– На ваш. Как раз последняя тележка осталась.

Тут же на моих глазах ее укатил к выходу дюжий носильщик.

«Только бы карабин не пропал!», – взмолился я про себя и побежал обратно.

Все дальнейшие перелёты я уже действовал по методу *Белякова*. Заматывал карабин в тяжелый спальный мешок, типа «Смерть геолога», и сдавал в багаж. О наличии у меня в багаже оружия как холодного, так и огнестрельного, никому не заикался.

В те легкомысленные времена самолетный багаж никто не досматривал.

На мысе Челюскин

Утром 12 июня мы прилетели в Норильск.

Добравшись до расположения Челюскинской геолого-съёмочной партии, мы с огорчением узнали: ровно сутки назад последние люди и грузы улетели зафрахтованным бортом на мыс Челюскин. Самолетных рейсов на мыс больше не ожидается, так как зимняя полоса на тамошнем аэродроме вот-вот поплывёт.

Оставалось добираться на мыс попутной оказией через посёлок Диксон.

Два дня мы прожили в Норильске, в центральной гостинице. Получили неплохой номер на троих, с душем и холодильником. За сутки с каждого лица причиталось по 2 рубля 20 копеек, что считалось тогда мотоватым.

Любопытный штрих. Разбирая вещи, я обнаружил, что забыл дома полотенце. Казалось бы, мелочь, но этот нехитрый предмет повседневного быта являлся тогда дефицитным и в магазинах отсутствовал. Впрочем, меня уверили, что на самой северной точке Евразии лишнее полотенце для меня наверняка найдется.

На Диксон мы добрались 15 июня на рейсовом ИЛ-14. Прожили там 4 дня в балках экспедиции АКГГЭ, расположенных на окраине летного поля – так называемом посёлке Крюковка, по имени начальника экспедиции.

Наконец, 19 июня, на попутном вертолёте, мы добрались до мыса Челюскин.

В окрестностях мыса, по первому впечатлению, все ещё царила зима, во всяком случае, снега возвышались в человеческий рост. Однако днем температуры переползали за ноль, и обильные снега прямо на глазах садились и таяли.

Прославленный мыс был обжит на то время весьма основательно. Его конечная точка венчалась пограничным полосатым столбом; рядом с ним высился каменный гурий, сложенный из плитчатых сланцев чуть ли не самим Амундсеном, а у самого берега лежала полутораметровая глыба жильного кварца. Чуть в стороне, на каменистой площадке, стояли две ржавых зенитных пушечки на четырехколесных лафетах. Завезли их сюда в разгар войны, после нападения фашистского крейсера на Диксон в 1942 году. На запад от мыса располагалась погранзастава, к востоку – обширный посёлок полярной станции, а в глубине – двухэтажное здание местного аэропорта. Вдоль берега в очерченном треугольнике тянулись километровые штабеля пустых ржавых бочек из-под топлива: по 3 и даже 4 штуки в высоту. Между мысом и аэропортом, на небольшом огороженном участке, приткнулось местное

кладбище: около десятка могил. Судя по облику полуразрушенных памятников (пропеллеры, крылья), захоронены там, в основном, авиаторы.

В ясную погоду с точки мыса виден через пролив Вилькицкого остров Большевик.

Челюскинская партия обустроила свою летнюю базу примерно в 2 км к западу от мыса, на низком и пустынном берегу Карского моря: несколько щитовых домиков и самодельных сарайчиков, строенных из плавника. Мы же поселились пока в местной лётной гостинице, и лишь пару недель спустя, когда сошёл большой снег, перебрались к своим коллегам, раскинув жилую палатку. До отлёта в район работ готовили снаряжение и еще, на пару с Беляковым, пекли на всю партию хлеб в самодельных печках из 200-литровых топливных бочек.

Лагерь на речке Борзова

В один прекрасный день нашу маленькую группу неожиданно выселили с обжитого мыса на 101-й километр. Хорошо, хоть не голяком, а с бутором, и не своим ходом, а на винтах. Мы и сами торопили события, но воздушного транспорта, как водится, на всех не хватало. В тот самый день, 11 июля 1982 года, вертолёт собирался на остров Большевик, но там не оказалось погоды. Почему и подняли нас спозаранку категорической вводной: «Срочно на вылет!» К счастью, основной груз был упакован заранее. Оставались всякие мелочи да личные вещи. В суматохе мы даже не успели позавтракать, и через час, загрузив вездеход, выдвинулись на аэродром.

Что нужно трём мужчинам для 2-месячной работы в полярной тундре? Ни много, ни мало как полторы тонны различного снаряжения и припасов. В том числе: большая палатка типа КАПШ-2, малая палатка-двухместка, бочка с соляркой, две бочки с запасом дров, две канистры с бензином, печь жидкого топлива, две рации типа «Карат», резиновая лодка-трёхсотка, раскладушки, спальники, продукты, посуда, набор инструментов, упаковочный материал, оружие, геологические молотки, полевые сумки, фотоаппараты и прочая мелкая фурнитура.

Через 35 минут лёта вертолёт достиг точки выброса – реки Борзова, в среднем её течении. По прямой – ровно 101 км к югу от мыса Челюскин. Сделав два круга, винтокрыл аккуратно плюхнулся на высокую речную террасу, усыпанную известняковой щебёнкой. Мы выгрузились под стригущими воздух винтами, и через 10 минут наш вертолёт с рёвом сорвался в небо и скрылся за ближайшей горной грядой.

На установку лагеря у нас ушло в общей сложности 10 часов непрерывных действий. Палатку КАПШ-2 мы поставили довольно быстро, так как еще на мысе её основательно перебрали. Она досталась нам в качестве щедрого сезонного подарка от начальника Челюскинской партии *Александра Макарьева*. Для его подвижных отрядов этот КАПШ оказался тяжёл и громоздок. Тем более, что имел не алюминиевый, а железный каркас, сработанный из

водопроводных труб. Нам же он сослужил добрую службу – просторный и тёплый, даже без внутренней подстёжки, оставленной на базе.

Более всего мы возились с печной трубой. В ходе перевозки её помяло, и шов разошёлся. На ремонт с перебранкой ушло часа два при тех нехитрых инструментах и навыках, что имелись в наличии. Денёк же, тот первый, выдался тихий и солнечный, при полном безветрии и 5–7-ми градусах тепла. Потому и работалось комфортно, без холодной дрожи и жаркого пота. Потом таких благостных деньков выпало за сезон хорошо если три.

Поздним вечером наш лагерь уже радовал глаз своим уютным абрисом на фоне холодной и каменистой тундры. На ровной и чистенькой террасе возвышалась овальная каркасная палатка, обсыпанная понизу мелкой щебёнкой. Рядом стояла маленькая двускатная палатка, куда мы сложили продукты и прочий скарб. Поодаль высилась 6-метровая радиомачта, украшенная красным флажком. Внизу, под крутым скатом террасы, шумела быстрая речка, бегущая зигзагами к реке Гольцовой и далее в море Лаптевых. С севера речную долину прикрывал каменистый хребтик, обозначенный на карте высотной отметкой 232 м. К югу простиралась широкая бурая равнина, ограниченная дальними синими отрогами невысоких гор. Река Борзова и параллельные ей Продольная (на севере) и Белянка (на юге) – сбегали с широкого плато Лодочникова, сложенного позднепалеозойскими гранитами. Однотонный пейзаж разнообразили частые латки белого снега, что уцелели на северных склонах холмов, в каньонах речек и ложбинах ручьёв.

В жилой палатке мы установили у входа печку «Апсны», работающую на солярке. Близ неё поставили раскладной стол и посудный ящик, а в глубине три раскладушки с вьючными ящиками у изголовья. Мне досталось место у круглого иллюминатора, чему я был рад в расчете на полярное солнце, ибо перед сном я любил почитать.

Но более всего порадовал нас *Беляков*. За ужином, им приготовленным, он заявил.

– Если не возражаете, то я беру все кухонные заботы на себя.

– Это как, – не поняли мы, – на весь сезон, что ли?

– Ну да, на весь. Если там в маршруте задержусь, то можете и сами. А так мне не трудно. Буду готовить хоть каждый день, включая мойку посуды.

Разумеется, такое предложение мы приняли единогласно и с большим воодушевлением. В качестве же ответной услуги наш повар просил об одном: не говорить ему за столом «спасибо».

– Как не говорить? – удивился *Михаил Крутоярский*. – Поел и всё?

– А зачем вообще говорить? – сказал *Беляков*. – Если обед понравился – пусть будет в душе благодарность. И я это пойму. А то сказал «спасибо» и вроде как заплатил. А я ведь не за плату стараюсь.

Это пожелание мы исполняли далеко не всегда: нет, нет, да и срывалось с губ словечко «спасибо», на что *Виктор Семенович* отвечал обычно: «Ничего, ничего...».

Катались мы на лодочке

13 июля мы отправились в свой первый ознакомительный маршрут.

В 3-х км ниже по течению нашей речки, где русло входило в крутой зигзаг, возвышались крутые скальные обрывы. Среди преобладающих светлых пород там чётко рисовалась тёмная инородная полоса. Светлые породы – несомненно, те же известняки, на которых стоял наш лагерь. А чёрная полоса – вероятно, прорывающий долеритовый силл. Для разгадки интересной картинки мы и отправились туда первым совместным маршрутом.

Михаил Крутоярский, как старший группы, настоял взять с собой резиновую лодку, мотивируя тем, что на другой берег, к обрывам, в сапогах не перебраться. Действительно, вода в быстрой речке стояла высоко; в летней тундре продолжалось бурное таяние снегов, да ещё недавно прошли дожди.

«А если лодку брать, то на ней и спускаться,» – решил *Михаил Александрович*.

Опытный Беляков от подручного транспорта отказался: «Я лучше бережком пройду!» – открестился он. Я же легкомысленно согласился, о чём пожалел уже через пару минут. На быстром течении легкая резинка вертелась юлой, тогда как на частых перекатах скребла опасно днищем по гальке. Проплыв метров 400, я вышел на берег, оставив транспорт на попечении *Крутоярского*. Ему в одиночку удавалось легче справляться с лодкой, и он добрался до поворотных обрывов первым из нас.

Ширина хорошо выраженной речной долины составляла близ нашего лагеря метров 50, а у поворотных обрывов она сужалась примерно до 30-ти, причем скалистые приподнятые берега окаймлялись понизу снежными карнизами. По-видимому, зимой вся долина реки заносилась снегом почти доверху. Теперь же снег просел, а в срединной части его размыла река, почему и остались у берегов снежные козырьки. По нашему, левому, берегу они тянулись сплошной лентой, а по правому, южному – с большими разрывами. *Михаил Александрович* причалил к одному из разрывов для изучения скальных выходов. Я обследовал обнажения на своём берегу, где, действительно, вскрывались светлые массивные известняки. *Беляков* же отошел к небольшому притоку для отмывки шлиховых проб.

Покончив с работой на первой точке, *Крутоярский* решил сплавиться на главный объект – к 15-метровым скальным обрывам с мощным чёрным пластом неясной пока природы. Высокие обрывы круто огибала река, оставляя у их подножья широкую, наполовину осушенную отмель. Основное течение уходило к нашему, левому, берегу тоже скалистому, но меньшей высоты. Я стоял наверху, в точке поворота, намереваясь сфотографировать плывущую лодку на фоне правых высоких обрывов.

Войдя в поворот, *Михаил Александрович* стал подгребать к отмели, но быстрое течение отнесло его к левому берегу, закрытому понизу снежным карнизом. Я успел сделать парочку хороших снимков, и тут, очень некстати, кончилась плёнка. Я лишь наблюдал, как резиновая лодка чиркнула по ходу о снежный карниз, а человек энергично оттолкнулся от него веслом. Не успела лодка отплыть на пару метров в сторону, как тяжелый карниз вдруг обрушился с полуметровой высоты в воду. Рухнула массивная снежная пластина шириной до 5 м и длиной не менее 20-ти.

Лёгкая и вёрткая резинка оказалась точнёхонько у середины обвала. К счастью для седока, её нос был обращен к обвалу. От рухнувшего с тяжелым плеском карниза побежала крутая, метровой высоты, волна. Она круто вздыбила лодку и понесла её к отмели на противоположный берег, где и опрокинула, накрыв водяным валом...

Нашему начальнику весьма повезло. Если бы лодка стояла к обвалу боком, то волна наверняка опрокинула бы её ещё там, на стремнине, что усугубило бы его положение. Вниз по течению каньон сужался, и снежные карнизы окаймляли оба берега непрерывными лентами на протяжении пары сотен метров. Человека с опрокинутой лодкой понесло бы неизбежно туда, и сумел бы он продержаться на плаву эти две сотни метров – большой вопрос.

«Ничего себе!» – бормотнул я, приходя в себя от увиденного. В глазах ещё прокручивались кадры вздыбленной лодки, несущейся к отмели, а затем её эффектный переворот через корму вместе с фигуркой сидящего человека. Между тем *Крутоярский* довольно быстро выбрался из-под днища лодки. Он был мокр с головы до ног, но при этом без шапки и привычных на лице очков.

–Эй! Как вы там? – прокричал я ему. *Михаил Александрович* лишь махнул рукой, давая понять, что меня слышит. Он был явно растерян. В каком-то вялом и замедленном темпе он отволок лодку поближе к обрывам, затем долго ковырялся в воде, ища утерянное, но нашел лишь рюкзак, тогда как шапка, очки и другие мелочи канули безвозвратно. Я сбегал за *Беляковым* и привёл его на место происшествия.

– Вот! – огорченно сказал *Виктор Семёнович*, – говорил же я ему: нельзя в самом первом маршруте усложнять задачи. Да еще 13-го числа. А ему на лодке захотелось.

Мы стояли с *Беляковым* на левом берегу и пока ничем не могли помочь своему начальнику. Ему предстоял самостоятельный спуск на лодке через заснеженный каньон, и только на его выходе имелась возможность пристать к нашему берегу. Несмотря на очевидность ситуации, *Крутоярский* всё же сделал две неудачных попытки выгрести против течения к нашему берегу – туда, где имелось промоина в устье бокового ручья.

Наконец, он решился. Обречённо сел в лодку, выгреб на стремнину и поручил себя Аллаху, как говорят на востоке. *Михаилу Александровичу* повезло вторично, как, впрочем, и нам. Лодка прошла сквозь снежный коридор, ни разу

не задев снежных карнизов, тяжело нависающих над самой водой. Рухни один из них, и человеку в узком каньоне, в несущейся снежно-водяной каше пришлось бы весьма туго.

Пару минут спустя мы уже принимали *Михаила Александровича* на своём берегу. Он дрожал от холода и пережитого стресса, а его посиневшие губы с трудом складывали слова. Как-никак, с момента крушения прошло уже с полчаса. Я отдал ему свои запасные носки, а *Виктор Семёнович* снял с головы шапку. Переобувшись, наш начальник скорым маршем отправился в лагерь. Мы же с *Виктором Семёновичем* аккуратно свернули лодку и отправились следом, прихватив заодно и рюкзак *Крутоярского*.

Пострадавший, к счастью, не простудился. Вторые очки у него нашлись, а тёплой шапкой поделился запасливый *Беляков*. Тогда же я услышал от *Виктора Семёновича* байку о потерянных очках, всплывшую в его памяти по аналогии.

Два маститых геолога НИИГА сезонили где-то в бескрайней Сибири. В затяжном маршруте один из них решил утолить жажду в небольшом ручье. Только прилёг и склонил голову, как очки скользнули с потного носа и булькнули в воду. Полчаса они шарили вдвоём в холодном ручье, но очки в буквальном смысле канули в бездну.

– Слушай, – сказал тогда второй первому, – у тебя очки запасные есть?

– Да, имеются, ношу с собой на всякий случай.

– Будем считать, что такой случай настал. Давай бросим их в воду и посмотрим, куда они поплывут. А там и первые найдем.

– Давай!

Бросили в воду запасные очки – они мелькнули в ней лёгкой тенью и... тоже пропали. Сколько потом ни шарили – никаких следов. Словно ручей тот безымянный впадал в античную Лету, из которой, как известно, не бывает возврата[*].

Так и мыкался тот близорукий геолог без окуляров половину сезона. Мыкался да поругивал вечерами своего коллегу. А тот только руками разводил: хотел ведь как лучше.

– Видишь, *Миша*, как тебе повезло, – резюмировал *Виктор Сёменович*, – ты же очки вторые в маршрут не брал? А то бы и запасные там утопил.

– Ну ладно тебе, – недовольно ворчал *Крутоярский*, – что было, то сплыло.

Маленький винтик аппарата познания

В течение месяца мы захаживали окрестности лагеря по радиальным маршрутам протяжённостью 10–15 км от лагеря. Главной задачей являлась оценка потенциальной золотоносности полуострова Челюскин и омывающего его пролива Вилькицкого. Что касается последнего, то на его берегах группа работала в прошлом сезоне. А этот сезон наш ответственный исполнитель

[*] См. эту историю в изложении *В.И.Бондырева* в «Байках…»

Крутоярский решил потратить на изучение геологии полуострова с задачей построения новой стратиграфической схемы. Мол, будет новая схема, – будет и золотоносность района как на ладошке.

Стратиграфией здесь занимались давно, начиная с довоенных походов *Николая Урванцева* и кончая основополагающими работами *Михаила Равича* и *Юлиана Погребицкого*. Беда заключалась в том, что на полуострове развиты преимущественно древние и немые толщи без всяких следов возрастной фауны. Наложенный метаморфизм и складчатость запутали, вдобавок, начальную картину напластований. Вот почему едва ли не каждая группа исследователей создавала тут свою стратиграфическую схему, меняя и уточняя возрастную последовательность изученных толщ. Вот и *Крутоярский* вознамерился если не создать новую схему, то существенно перекроить действующую. Этим мы с ним и занимались: ходили в маршруты, составляли геологические разрезы и попутно опробовали на золото всевозможные зоны окварцевания, дробления и прочих ослабленных зон. *Беляков* же в коренную геологию не лез, он занимался шлихованием окрестных водотоков на предмет обнаружения золотых знаков.

После первых же маршрутов мне стало отчасти понятно, почему о геологическом строении полуострова до сих пор ломались научные копья. При всей обширности и разнообразии горных выходов они в подавляющем большинстве оказывались малоинформативными. Обнаженные горные гряды и прилегающие каменные поля представляли собой почти сплошные развалы из мелких глыб, к тому же интенсивно выветрелых и покрытых частыми пятнами лишайников и мхов. Независимо от первоначального состава, все породы имели практически всегда монотонно-серую невыразительную окраску. Хорошие скальные выходы обнажались местами по долинам рек, но, во-первых, таковых имелось не столь уж много, а во-вторых, и там не всегда удавалось измерить первичные элементы залегания пород в силу их однородности или наложенных изменений.

Как бы там ни было, но в этом следовало разбираться и разбираться скрупулезно, имея в виду главную цель нашего честолюбивого руководителя. Для непосвящённых уместно заметить, что методика и техника геологических наблюдений не претерпела существенных изменений со времён становления геологии как таковой. Девиз «Mente et Malleo» – «Умом и молотком» – остается в силе по нынешний день. В дополнение к этим двум основным инструментам познания добавлены разве что горный компас, карманная лупа и портативный фотоаппарат.

В приложении к местным условиям процесс познания выглядел так. Мы брели по каменным курумникам, глядя под ноги и пытаясь уловить глазом изменение серого оттенка выветрелых пород. Через каждый десяток шагов я молотком отбивал на ходу кусочек каменной глыбы и разглядывал свежий скол. Породы и по своей внутренней сути не радовали особо глаз: однообразные слюдистые, углистые, алевролитовые и прочие сланцы, реже

известняки, конгломераты и диабазы. Чтобы не ошибиться в диагностике, следовало рассматривать скол в хорошую лупу.

– Те же самые сланцы, – изрекал *Михаил Александрович*, и мы брели дальше.

– Кажется, что-то новенькое! – восклицал он, ввинчиваясь глазом в увеличительное стекло.

Мы останавливались, сбрасывали рюкзаки и расколачивали глыбы в два молотка, ища наименее выветрелые образцы.

Крутоярскому в то лето исполнилось 52 года; он в своё время окончил геологический факультет ЛГУ, причем специализировался на той же кафедре полезных ископаемых, что и я. Когда там узнали, кто именно будет моим руководителем, то покачали с сомнением головой: «*Крутоярский* – дотошный специалист, но человек с тяжелым характером», – предупредили меня.

Сам же *Михаил Александрович*, узнав, что я пришёл с его бывшей кафедры, не преминул поинтересоваться:

– Ну и что вам в университете про меня сказали?
– Да так, ничего особенного.
– А всё-таки?
– Сказали, что вы знающий специалист, но человек с характером, – слегка пригладил я полученный отзыв.

Михаил Александрович откинул голову и искоса взглянул на меня:

– Ну, мужчина и должен быть с характером!

За пару маршрутов введя меня в курс дела, *Михаил Александрович* дал добро на мою самостоятельную работу. Отныне мы действовали с ним через день. Из долгих одиночных маршрутов каждый возвращался поздним вечером или около полуночи. Второй же оставался в лагере, отдыхал, обрабатывал образцы и дописывал выводы по маршруту. Наш третий коллега, *Беляков*, ходил со своим лотком по речкам практически ежедневно, но возвращался пораньше и готовил ужин.

Уже в первую рабочую неделю у нас на троих осталась одна карманная лупа. *Крутоярский* потерял свою стекляшку во время вынужденного купания в первом же маршруте. Вскоре и *Беляков* позабыл свою лупу где-то на бережке при отмывке шлихов. Сохранилась только моя 7-кратная складная лупа, купленная в свое время за 50 копеек. Казалось бы, пустяк, но без лупы в маршруте каждый из нас чувствовал себя не очень комфортно: без неё ни с типами сланцев не разобраться, ни и с составами промытых шлихов. Так что теперь с единственной лупой уходили по очереди в маршрут *Крутоярский* и я, а *Беляков* был вынужден изучать шлихи под лупой уже в лагере.

Дней через 10 свою лупу потерял и я. Да так потерял, что спохватился только следующим утром в лагере, когда её попросил у меня *Михаил Александрович*. Сунулся я в планшетку, потом в рюкзак, по карманам – нету.

Так и ушел *Крутоярский* без неё, а следом и *Беляков*, укоризненно покачивая головой.

Каждый геолог может припомнить свои вещевые потери в маршрутах: карандаш, компас, нож, фотоаппарат, бинокль и даже молоток. Что-то отыскивалось, если владелец спохватывался вовремя, а что-то безвозвратно терялось. Я же где-то оставил складную портативную лупу размером с пятикопеечную монету, да к тому же в чёрной немаркой оправе.

После завтрака я разложил на солнышке принесённые образцы и за их обработкой стал размышлять: где же я мог оставить лупу? Конечно, я мог её просто обронить в пути, и в таком случае размышлять бесполезно – всё равно не найдешь. А вот если я оставил её на одной из точек, где отбивал образцы, то имелся шанс её отыскать. Полистав дневник и восстановив ход вчерашнего маршрута, я довольно уверенно определился: лупа могла остаться на предпоследней точке, где я документировал выходы чёрных сланцев на контакте с гранитами. Я вспомнил, как удобно устроился там, на плоской сланцевой глыбе, и разложил под рукой все необходимое: компас, карту, лупу, фотоаппарат, мешочки для образцов. Чётко вспомнилось, как я разглядывал в лупу мелкозернистые и очень крепкие, до сухого звона, ороговикованные сланцы. А когда укладывался, то позабыл, вероятно, лупу на той тёмной и плоской глыбе.

Выходы роговиков находились почти в самом конце вчерашнего маршрута, примерно в 12-ти км от лагеря. Чтобы не бить ноги зря, я наметил свой следующий маршрут таким образом, чтобы он прошел через интересующую точку. Вернувшимся коллегам я рассказал о своих дедуктивных исследованиях и обнадёжил: скорее всего, наш маленький винтик аппарата познания будет отыскан. *Крутоярский* дал добро на маршрут, однако за ночь привычные нам окрестности сплошь выбелились неожиданным ночным снежком. Два дня пришлось пережидать в лагере, пока ветер и солнце не вернули тундре ее летний буровато-зелёно-серый облик.

На 3-й день я отправился в намеченный маршрут и в конце дня вышел к знакомым роговикам. На большой плоской глыбе лежала моя маленькая лупа, совсем не пострадавшая от талого снега. С каким удовольствием я взял её в руки! Может быть, стоит терять нужные вещи, чтобы потом испытывать острую радость от их находки, сравнимую, скажем, с ощутимым выигрышем в лотерею.

Отныне нашу единственную лупу мы снабдили крепким шнурком и носили по очереди на шее. Первое время даже спрашивали у вернувшегося коллеги: «Ну как, лупа цела?» Эта маленькая 7-кратная лупа потом побывала со мной в разных концах нашей планеты: на всех почти арктических архипелагах, Африке, Антарктиде, Южной Америке и даже на Северном полюсе.

Она до сих пор цела, и всё еще хранится в старом вьючнике, вместе с прочим полевым реквизитом, дожидаясь следующего путешествия.

Самый трудный маршрут

Ближайшие к нам речки оказались абсолютно безрыбными, о чем мы и сами заранее догадывались. Речки мелкие и зимой промерзают до дна. При этом река Борзова, на которой мы стояли, впадала примерно в 20-ти км ниже по течению в реку Гольцовую, а та, в свою очередь, в морской залив Терезы Клавенес. Понятно, что в Гольцовую, коли так её назвали, должен заходить для нереста морской голец (арктический лосось). Правда, гольцы заходят в реки обычно по осени, а на нашем календаре значилось только начало августа.

Виктор Семёнович Беляков, рассматривавший всякий полевой сезон под углом попутной охоты-рыбалки, уже 3 недели маялся без того и другого. На карте-двухсотке он углядел в 30-ти км к востоку от лагеря довольно крупное, примерно 1х5 км, озеро с загадочным названием Линьки. Оно располагалась в замкнутой долине между двух горных гряд, носивших затейливые названия Забор и Заборчик. Из озера вытекал ручей, впадавший в реку Гольцовую.

– Линьки... Почему Линьки? Наверное, рыба там такая водится. Как думаешь, *Анатолий*? – обратился он ко мне.

– Есть такая рыба, – подтвердил я, – но, кажется, она обитает в южных реках.

– А ведь озеро явно глубокое, как считаешь?

– Похоже на то, – согласился я, – залегает в межгорной долине.

– Вот и я так думаю! Там вполне может палия обитать (род лососевых, обитающих круглогодично в полярных озерах и реках). А раз есть связь с Гольцовой, значит, и гольцы могут на нерест подниматься.

Следующим вечером Беляков подсел с картой к Крутоярскому.

– Слушай, *Миша*, а как тут с геологией на хребтах Забор и Заборчик?

– Судя по карте, там вскрываются конгломераты неясного возраста.

– А с золотоносностью у них как?

– Не худо бы опробовать, но далековато от нас.

– А давай мы с *Толей* туда сплавимся? Денька на три, на четыре. Заодно и порыбачим на озере Линьки. Не может быть, чтобы оно оказалось безрыбным.

– Можно, – сказал *Крутоярский*.

Так наш геолого-рыболовный маршрут встал в повестку дня.

Мы разработали с *Виктором Семёновичем* оптимальный вариант сплава, а именно: вниз по реке Борзова до слияния с рекой Гольцовой, затем вверх по Гольцовой до безымянного ручья, а дальше подъём по нему и вот оно, озеро Линьки. Получалось в одну сторону около 50-ти км, но зато не тащить весь груз на себе, особенно обратно – с тяжелыми образцами и богатым, если повезёт, уловом.

4 августа, в 10 часов утра, при облачной погоде и западном попутном ветре, мы тронулись с *Беляковым* вниз по нашей обмелевшей речке. Резиновый клипербот, гружённый почти доверху, мы тянули за собой на бечёве, а на перекатах тащили волоком, иногда разгружая. К 17-ти часам, не быстро, но без приключений, мы прошли 12 км до слияния нашей речки с рекой Белянкой.

Воды теперь заметно прибавилось, а течение, наоборот, замедлилось. До слияния с Гольцовой оставалось еще примерно 10 км.

На привале, под горячий чаёк, *Виктор Семёнович* предложил вдруг совершенно иной дорожный план. Не спускаться по нашей речке к Гольцовой, а прямо отсюда перетащить весь груз на своих плечах через перевал на ту же Гольцовую, но как раз напротив озера Линьки. По старому плану нам предстояло 30 км водного пути, причём большей частью против течения. Если же двигаться напрямую, через перевал, то выходило всего 9–10 км. То есть, получался трёхкратный выигрыш в расстоянии.

– Как думаешь, *Анатолий*?

– А чего думать? – сказал я. – Лучше по воде идти, чем волочить груз на своём горбу. И потом, нам же за один раз всё не унести, а если за два раза, то никакого выигрыша и не будет, только спины сломаем.

– За два раза смысла, конечно, нет. Надо за один раз всё унести!

– Как за один раз? Да тут груза у нас килограмм 120! Ни в какие рюкзаки не впихнёшь.

– Ну, не 120, а не больше 100, я думаю. Надо попробовать.

– А какой смысл? Сейчас 5 часов вечера. Ну, доберёмся мы через перевал до Гольцовой. Всё равно ночевать там придется. На озеро уже не успеем. Зачем так спешить? Мы же вышли на 5 дней.

– Надо погоду ловить. А если идти по воде – потеряем время.

– *Семёныч*, да не унести нам весь груз за один раз. Это же ясно!

– А давай попробуем? Если уложимся на один раз, то пойдем. Если не уложимся – будем сплавляться.

На том и решили.

Я был уверен, что не впихнуть нам весь груз в два обыкновенных абалаковских рюкзака. Не говоря уже о том, чтобы они оказались подъёмными. А главное, я весьма сомневался в физических силах самого *Белякова*. Мне было 27, а ему 57, и я с превосходством молодости числил его почти стариком. А он, оказывается, даже не сомневался в том, что будет со мной на равных. Я еще раз скептически оглядел его высокую костлявую фигуру с косолапой походкой.

Виктор Семёнович Беляков – коренной сибиряк, выходец из Омского края. В конце 1943 года был призван в армию, хотя ему ещё не исполнилось 18-ти. Все его товарищи прямиком угодили на фронт, и никто не вернулся, а он, единственный, попал в Ташкентское училище химических войск («*Иосиф Виссарионович* дал мне отсрочку»). Осенью 1944-го был выпущен лейтенантом в действующую армию. Полгода воевал в Эстонии, на острове Сааремаа. «Ну, как воевал? – рассказывал *Виктор Семёнович*. – Дали мне химвзвод, и чем мы только не занимались: и трофеи собирали, и мёртвых хоронили, и всякие хозяйственные работы за нами. Солдаты все бывалые, у каждого медалей до пояса, а что я – 19-летний лейтенантик? Я им командую, а они смеются... Нет, на передовой я тоже бывал, и немцев в бинокль видел, но никого не убил...»

После войны лейтенанта *Белякова* направили доучиваться в высшее артиллерийское училище, а потом он нёс службу в зенитной дивизии, дислоцированной там же, в Эстонии. Вскоре дивизию перевели в Павловск, пригород Ленинграда, а в 1957 году, при общем сокращении армии, расформировали. 32-летний капитан *Беляков* вышел в запас и устроился техником в НИИГА, а затем поступил заочно в Горный институт. Так он прибился к геологии и к романтике дальних полярных сезонов. Впрочем, в конце 1970-х он сумел ещё попасть на 2 года в Афганистан с отрядом институтских специалистов, о чём вспоминал всегда с оживлением. К нынешним своим годам был дважды женат, но остался в итоге холостяком при своей персональной «Волге» и взрослом сыне, с которым делил квартиру.

Что касается нашего спора, то *Виктор Семёнович* оказался скорее прав.

За полчаса мы уложили всё своё движимое имущество в два рюкзака с подвязанными к ним дополнительными вьюками. Нам предстояло тогда за один раз унести на себе: резиновую лодку-трехсотку, двухместную палатку, брезентовую накидку, пару оленьих шкур, походный примус, 5 литров бензина, 5 килограммов соли (для рыбы), две рыболовных сетки (с грузилами и поплавками), радиостанцию «Карат» с комплектом запасных батарей, два пуховых спальника, недельный запас продуктов, тёплую и запасную одежду, шлиховой лоток, армейский карабин, штыковую лопату, геологический молоток, походный бинокль, фотоаппараты, полевые сумки и ворох всякой походной мелочи.

Каждый рюкзак весил, я думаю, никак не меньше 55-ти кг. Во всяком случае, перетаскивать такие тяжести на своих плечах мне больше не приходилось за всю мою полевую карьеру. Эти рюкзаки невозможно было поднять в одиночку с земли. Мы по очереди садились на корточки, надевали на плечи лямки и только с помощью напарника с большим трудом вставали на ноги. Вдобавок, каждый нёс в руках дополнительный груз: я – вёсла и канистру с бензином, *а Беляков* – лопату и карабин с примкнутым штыком.

Навьючившись, мы медленно и трудно шагали по мокрой раскисшей тундре к невысокому перевалу с высотной отметкой 49 м. Шли максимум 15 минут, после чего валились на подходящую кочку для 10-минутного отдыха. Переходу очень мешал боковой сильный и холодный ветер. Температура воздуха составляла обычные 5–7 градусов тепла. Под рюкзаками мы предусмотрительно шли в лёгких энцефалитках, упаковав тёплые куртки в заспинные вьюки. При ходьбе пот заливал глаза и струился по телу, но одновременно мы чувствовали себя довольно зябко под непомерно холодным ветром. На привалах мы даже мёрзли, отчего приходилось доставать и накидывать на плечи куртки.

Добравшись до перевала, мы блаженно решили, что самое тяжкое уже позади. Однако не тут-то было. Идти под горку оказалось даже труднее, так как подгибались колени, а рюкзак больно врезался в плечи на частых полупрыжках. *Виктор Семёнович*, надо сказать, показал себя выносливым «шерпом»; правда,

он заметно отставал в шаге, и я облегчил ему ношу, перевесив себе на шею довольно увесистый карабин. Весь 10-километровый путь мы проделали за 4 с половиной часа – самый напряжённый в моей практике маршрут. Не скрою, я частенько жалел на пути, что согласился на сию авантюру, но всё же удержался от упрёков вслух.

Какое блаженство мы испытали, когда сбросили, наконец, эти чёртовы рюкзаки на широкий песчаный берег реки Гольцовой! Только там я позволил себе выкурить папиросу, чего не делал в пути, сберегая дыхание. Впрочем, моё блаженство кончилась вместе с последней затяжкой. Оглядевшись, я сказал, как само собой разумеющееся:

– Ну что, *Семёныч,* ставим палатку? Уже 11-й час вечера.

– Да нет, *Толя*... Я думаю так: попьём чайку и двинемся дальше. Тут до озера совсем ничего.

– Ты что, *Семёныч*? – обалдел я. – На кой чёрт? Туда подниматься еще километров 8, а то и больше. Да и ручей, видно отсюда, что мелкий, а подъем крутой. Зачем? Прямо здесь и заночуем, а завтра со свежими силами и пойдём.

– Обидно время терять, – сказал *Беляков*. – Ведь самая лучшая рыбалка – это ранним утром. А если завтра пойдём – считай, что сутки потеряли.

Только тогда мне стало понятно, что навязанный *Беляковым* маршрут через перевал – не дорожная импровизация, а часть продуманного плана по скорейшему выходу к озеру.

«Так вот, что значит – охота пуще неволи», – невесело подумал я.

В общем, уговорил он меня, и через час, подкрепившись тушёнкой и горячим чаем, мы снова двинулись в путь. В распакованную лодку уложили часть груза, чем основательно облегчили свои рюкзаки. Переправились на другой берег Гольцовой и бурлаками потащили лодку вверх по безымянному ручью, сбегавшему по крутому склону из озера Линьки. Ручей, действительно, оказался мелким и мутным, а его русло извилистым, как струя быка на пыльной дороге. В пути сгустились ночные сумерки, а из летящих облаков сходили заряды снега пополам с дождём.

Наш второй переход оказался тоже не быстрым, и только в 4 часа утра мы вышли на берег желанного озера. К тому времени ушли тяжёлые тучи, утих холодный ветер, и на очищенном небе показалось умытое солнце. Между двух горных гряд лежало длинное озеро с абсолютно гладким водяным зеркалом, не колеблемым даже лёгкой рябью. Под ним угадывались большие глубины, насыщенные стадами непуганых рыб. Во всяком случае, нам так виделось ещё на подходе. Но, забредя в сапогах от берега на 30 шагов, мы с великим огорчением убедились: озеро мелкое, как детская тарелка, вода – мутна и безжизненна, а берега заболочены на большем своём протяжении. Никакой рыбы тут просто и быть не могло.

– Вот тебе и Линьки! – воскликнул в сердцах я.

– О-хо-хо... – протянул *Беляков*. – Как же это так, *Анатолий*?

Я взглянул на него и отвёл глаза. Он был огорчён, как малый ребёнок, разве что только не плакал. После 16-ти часов непрерывного пути – такое сокрушительное фиаско! Нам оставалось только раскинуть палатку и повалиться спать, даже забыв про еду – столь велики были наши усталость и огорчение.

Проснулись мы в разгаре дня, оттого что солнце разогрело палатку, и в пуховых спальниках стало жарко. Над тундрой стоял изумительно тихий, тёплый и солнечный день – один из самых благостных в том полярном сезоне. Светлое озеро так и манило в него окунуться, а живописные каменные гряды, окружавшие берега, приглашали к подъёму. Мы сытно позавтракали пшённой кашей и консервированной ветчиной, более известной как «тело бригадира».

– Тебе сколько тут надо работать? – поинтересовался *Виктор Семёнович*.

– Планировали два дня. Один маршрут на Забор, второй – на Заборчик.

– А за один день можешь управиться?

– Ну, можно и за один, – в раздумье сказал я, оглядывая скалистые амфитеатры по бокам нашего озера. Всё зависит, какая там геология. Если не очень сложная, то можно управиться.

– Вот и хорошо! Постарайся за один день, а я тогда соберу манатки и спущусь вниз, к Гольцовой. По пути отшлихую ручей и поставлю лагерь в его устье. А ты прямо туда и придёшь. Годится?

– Ну, давай так.

В общем, с каким пылом *Беляков* рвался вчера на озеро, – с таким же пылом он стремился теперь его покинуть, убедившись в стерильной его пустоте.

В 3 часа дня я отправился с облегчённым рюкзаком на Забор, наиболее протяжённый хребет, облекающий озеро с юго-запада. Склоны его, обращённые к озеру, оказались круты и скалисты, хотя сам по себе хребет даже не тянул на эпитет горный: максимальная высотная отметка составляла всего 188 м. Да и вообще, после вчерашнего изнурительного похода нынешний маршрут казался лёгкой пейзажной прогулкой, к тому же, под откровенно тёплым полуденным солнцем. Геология и вправду оказалась проста. По-над берегом тянулась полоса светлых известняков, а сам хребет слагали почти целиком древние конгломераты с хорошо окатанной кварцевой галькой.

Дышалось на скалах лёгко и просторно.

«Ради таких дней и стоит, наверное, терпеть всяческие походные лишения», – думал я, ощущая себя заправским полярным исследователем.

Пройдя по гребню, я спустился вприпрыжку к дальней и узкой оконечности озера. От неё тянулась вверх по долине широкая полоса ярко-зелёной полярной осоки. Я сунулся было её пересечь и едва не оставил там сапоги. Под осокой скрывалось настоящее болото с чёрной и вязкой сапропелевой массой. Я вовремя отступил, но на пару минут яркий и благостный день сильно померк в моих глазах, а тело пронзили мурашки.

Хорош бы я был, оказавшись посреди обводнённой и каменистой тундры безо всякой обуви.

Обойдя болото, я взобрался на хребет Заборчик, где нашёл те же конгломераты, только весьма рассланцованные. Спустился наискось к озеру, к месту нашей ночёвки. Перекурил, глядя на низкое приостывшее солнце, потом взвалил на плечи потяжелевший рюкзак и, с чувством исполненного долга, пошагал по ручью вниз. К поставленной в его устье палатке, я подошел к 11-ти часам вечера, оставив за спиной 20 км беглого геологического маршрута. *Виктору Семёновичу* в мое отсутствие довелось, наконец, поохотиться: он добыл на ручье сразу двух полярных зайцев. Поэтому на ужин мы хлебали густой заячий суп.

Наутро нас ожидала обычная для полярного лета пасмурная, ветреная и холодная погода. Мы наскоро позавтракали, собрались и тронулись вниз по реке Гольцовой. По очереди гребли на вёслах, подгоняемые попутным ветром. На сплаве шлиховали и вели маршрутные наблюдения, останавливаясь у береговых скальных выходов. К 8-ми часам вечера спустились на 15 км вниз и встали на ночёвку близ слияния Гольцовой и Борзова.

Гольцовая оказалась достаточно полноводной рекой, практически без перекатов, но и без нужных глубин. Только ближе к вечеру мы обнаружили, наконец, в скальном каньончике 2-метровые подводные ямы. Раскинули палатку и, отложив ужин, поставили две своих ловчих сетки; и тут же в одну из них, прямо на наших глазах, впутались два небольших гольца.

– Вот тебе, *Толя*, и ужин! – торжествуя, сказал *Беляков.*

Да, впервые в этом сезоне, мы ели на ужин наваристую уху из свежей рыбы.

Поутру вытащили из сетей еще с десяток гольцов, в том числе парочку крупных, размером в полтора локтя. Этот день, 4-й по счету, мы посвятили рыбалке и небольшому пешему маршруту к устью реки Борзова. В месте слияния рек мы нашли множество останцов и обрывов из рыхловатых и светлых лёссовидных пород, возможно, так называемой ледниковой муки. Между обрывами в затишке прятались зелёные травяные лужайки, усеянные кустиками полярных цветов: карликовых жёлтых маков, голубых незабудок, белой пушицы и камнеломки. Возвратившись к лагерю, изъяли из сеток еще с полдесятка гольцов. На ужин *Виктор Семёнович* великолепно изжарил рыбу в крышке алюминиевого котелка. У моего напарника нашлось в запасе даже подсолнечное масло.

На следующий день засолили 3-дневный улов, уложились и перебрались к устью реки Борзова. Отработали береговую точку, попили чайку, и в 17 часов тронулись к базовому лагерю вверх по нашей реке. Гружёную лодку тащили по очереди на бечеве. Идти приходилось в поднятых сапогах по колено в воде, так как у берега лодка опасно садилась на камни. Около полуночи, порядком устав, достигли устья реки Белянки, оставив за спиной 15 км. Тем самым замкнули

большой 5-дневный маршрут. Ведь как раз от устья Белянки мы двинулись через перевал к Гольцовой, о чём теперь вспоминали с нервными шуточками.

При усиливающемся северо-западном ветре раскинули и укрепили палатку на выровненной галечной косе. На ужин доели зайца и около 2-х часов сумеречной ночи забрались в пуховые спальники. *Виктор Семёнович* отключился сразу, а я почему-то никак не мог заснуть, прислушиваясь к завываниям ветра. Через час он усилился до штормового, и наша палатки трепыхалась под его порывами, как крылья бабочки. Я задрёмывал и снова просыпался, тревожно гадая, как скоро сумасшедший ветер вырвет палаточные колья из рыхлого галечника.

Наступило серое утро, наша палатка устояла, но ветер всё бушевал. Он швырял в наши лица колючую смесь из водных брызг и мелкой береговой гальки. Однажды мы с *Крутоярским* уже попадали под такой штормовой ветер, причем, как и сейчас, он дул строго от лагеря, куда мы возвращались с тяжёлыми рюкзаками. Идти против него почти равнялось тому, что катить впереди себя тяжёлую 200-литровую бочку с топливом. В тот раз штормовой ветер дул ровно 5 часов кряду и затих столь же внезапно, как и начался. Поэтому после завтрака я предложил *Семёнычу* переждать до обеда в расчете на скорое затишье. К тому же меня тянуло в сон после беспокойной ночи. *Беляков* полагал, что лучше двигаться вперёд, но в итоге согласился с моим предложением, почти не споря. Потом оказалось, что он был решительно против такого пассивного времяпровождения. По его мнению, следовало решительно бороться со стихией, а не ждать у моря погоды.

Штормовой ветер не стихал, и около полудня палатку с треском разорвало у задней стойки. Оставалось одно: идти в базовый лагерь, до которого оставалось 12 км по руслу реки. Через час, упаковав вещи, тронулись вверх по реке, подставив лица встречному ветру, смешанному с водными брызгами. У нас не было с собой ветромера, но сообща решили, что скорость его составляет никак не меньше 20 м/с в секунду, а скорее всего и больше.

Нам удавалось двигаться, прилагая двойные усилия: один тащил лодку за верёвку, а второй подталкивал сзади. При этом лодку сильно заливало брызгами, но мы обтянули лодочный нос куском брезента и продолжили путь. Самих же себя спасти от брызг мы не могли. Вода проникала сквозь полы брезентовых плащей, затекала за шиворот и легко проникала в сапоги, поднятые до середины бёдер. Другой бедой стал холод, приносимый этим неукротимым ветром. Температура второй раз за август опустилась ниже нуля, и встречные брызги частично замерзали на брезентовом носу лодки, полах плаща, и даже на волосах бороды.

С великим трудом, основательно промокшие, к 18-ти часам мы добрались до приметного колена реки. До лагеря оставалась 8 км по речному руслу или 6 км, если идти напрямик. Спрятавшись под обрывом, мы долго пытались согреть на примусе чай, но кипятка не дождались и попили теплой водички с остатками сухарей. На коротком совещании я предложил оставить лодку с грузом под

обрывом и двигаться налегке в лагерь. Завтра же, как только стихнет ветер, мы за нею вернёмся.

«Нет, – сказал *Беляков,* – негоже бросать вещи посреди тундры. Лучше немного переждать и двигаться дальше». Удивляясь его упрямству, я предложил другой план: он остаётся на месте и отдыхает, а я иду с рюкзаком в лагерь и возвращаюсь назад с *Крутоярским*. Не позже, чем через 3 часа, мы будем здесь. Втроём мы быстренько перетащим весь груз посуху. С этим он согласился: «Хорошо, ты иди, *Анатолий,* а я подожду. Может быть, и сам тронусь потихоньку следом».

Закинув на плечи рюкзак, я отправился в лагерь. И чем меньше оставалось до него ходу, тем заметнее стихал ветер. Когда я подошел к нашей жилой палатке, ветер стих окончательно. «Вот черт! – выругался я про себя, – надо было там переждать». Спустя час мы уже выходили с *Крутоярским* к берегу реки в 4 км от лагеря. Вышли туда на всякий случай, сделав небольшой крюк, чтобы убедиться, нет ли в поле зрения бредущего с лодкой *Семёныча*. К немалому удивлению, мы увидели его далеко выше по течению реки, на подходе к лагерю. Мы бросились обратно и догнали *Белякова* у самых палаток. Вся наша помощь заключалась в том, что мы совместно разгрузили лодку и перетащили на высокую лагерную террасу основательно подмокший лодочный груз.

За привальном ужином *Виктор Семёнович* высказал мне все свои претензии, касающиеся заключительного дня. В ответ я покаялся за неразумное поведение, и мы запили спор добрыми мерками спирта, разведённого, как водится, по широте.

Мы хаживали с *Беляковым* еще пару раз в длинные лодочные маршруты. Особых трений и недопониманий больше не возникало. Однако первый наш маршрут на озеро Линьки оказался самым длинным и трудным. Пожалуй, самым физически трудным в моей полевой практике. Сейчас мне 57 – ровно столько, сколько имел за плечами *Виктор Сёменович* в тот полярный сезон. Однако повторить такой маршрут я бы сейчас не решился.

В охотничьем угаре

12 июля, на 2-й день после прилёта на реку Борзова, мы устроили пристрелку личного оружия. Установили в 100 м фанерный щиток и стали упражняться в стрельбе. Так, я из положения лёжа выстрелил дважды из своего карабина и оба раза в полуметровую мишень попал. При этом одна из пуль, судя по форме пробоины, влетела в щиток плашмя. Это означало, что винтовые нарезы в моём стволе настолько стёрлись, что пуля не получала достаточного вращения и летела, кувыркаясь в воздухе. Надо думать, что мой карабин образца 1938 года и выпуска 1942-го хорошо потрудился на своём веку. Я всё же сделал ещё два выстрела с расстояния 200 м, но в мишень уже не попал.

– Ясно, – сказал *Беляков*, бывший кадровый офицер, – твой карабин, *Анатолий*, на оленя не годится. Ведь к нему ближе, чем на 200 м, не подойдешь.

Сам *Беляков* имел карабин образца 1944 года, почти новый на вид и отличавшийся от моего наличием неснимаемого четырёхгранного штыка. Сам по себе штык не мешал, ибо откидывался и закреплялся под стволом, но он утяжелял оружие не меньше, чем на целый килограмм. Зато в стрельбе карабин был хорош, что нам его владелец тут же продемонстрировал, дважды продырявив мишень с 200-метровой дистанции. Вот почему *Виктор Семёнович* столь бережно относился к своему утяжёленному карабину, который по договорённости с институтским оружейником сохранялся всегда за ним.

Крутоярский же козырял пистолетом марки «ТТ», доставшемся ему, как старшему группы. Его мы пристреливали на дистанции 25 м. Поначалу мы с *Крутоярским* дружно мазали, и *Беляков* учил нас навыкам стрельбы. Пистолет следовало мягко удерживать большим и указательным пальцем, а на курок нажимать плавно, чётко фиксируя мушку на линии прицела, ибо в момент выстрела пистолет довольно резко клюёт стволом вниз. С учётом его советов, нам удалось добиться единичных попаданий. На этом пристрелку закончили, расстреляв одну пистолетную обойму и полторы карабинных из своего довольно скудного запаса: на карабин выдавалось всего три обоймы, а на пистолет две.

– Ну, пистолет для охоты бесполезен, – резюмировал *Беляков*, – а вот патроны для карабина надо беречь. Это наше свежее мясо.

– Берите! – сказал я и протянул ему две оставшихся у меня карабинных обоймы.

– Ладно, *Толя*, потом. У меня пока есть, а когда понадобится – я возьму.

Оружие нам полагалось для защиты от хищных животных, в первую очередь, от белых медведей. Но мы работали в центральной части полуострова, в 30 км от ближайшего морского залива, и медведей в течение всего сезона не встречали ни разу. В первые маршруты я ещё таскал с собой карабин в надежде повстречать диких оленей, но потом, оттянув оружием плечо, от него отказался. Для собственного спокойствия я носил на поясе большой штык-нож да ещё фальшфейер в полевой сумке.

Виктор Семёнович со своим карабином расставался только на время сна; он и считался у нас главным охотником и добытчиком. Впрочем, на второй день после пристрелки, *Виктор Семёнович*, ходивший в одиночный шлиховой маршрут, вернулся заметно опечаленным. В маршруте он дважды стрелял в полярного зайца и оба раза безрезультатно. Первый раз стрелял с 70-ти метров, а второй раз вообще с 30-ти. Вдобавок, пока подкрадывался к дичи, выронил из кармана ещё три патрона. В итоге лишился целой обоймы без всяких, так сказать, преференций.

– Вот тебе и пристрелка! – сказал на то *Крутоярский*.

Ещё через день, 16 июля, мы вышли с *Беляковым* в маршрут вниз по нашей реке, к дальним поперечным обрывам. Шли, увлечённые разговором: *Виктор Семёнович* рассказывал о своей богатой рыбалке на реке Тунгуске. Я случайно глянул налево и обмер: параллельно нам, в метрах 150-ти, бежала тройка зайце-собако-коз! Именно в такой последовательности я их распознавал глазом, пока не догадался, что это олени. Это действительно были они: две особи помельче, видимо, важенки, и один олень покрупнее, очевидно, самец, – бежал впереди.

– Смотрите! – вскричал я шёпотом, привлекая внимание своего напарника.

Беляков схватился за карабин, и даже дёрнулся, было, к земле, но потом остановился. – Нет, – ошеломлённо сказал он, – наверное, не достать – слишком быстро уходят. – Но это хорошо – добавил он, провожая взглядом убегавших животных. – Значит, олени есть, и свежатина у нас будет.

Дней через 10, в день рождения *Крутоярского*, *Виктор Сёменович* отправился с утра на охоту для праздничного стола. Вернулся под вечер расстроенный – не встретил ничего живого, не считая полярных леммингов, крикливых чаек и шилохвостых поморников. Впрочем, закуски у нас хватало, а вот из напитков – всего одна бутылка спирта, которую решили сберечь. Я достал из вьючника шкалик коньяку, свой личный НЗ, – этим и ограничились. *Виктор Семёнович* пил, не закусывая, чтобы получить максимальный эффект. Кажется, ничего существенного он не добился, так как улёгшись в спальник, долго ворочался и вздыхал.

Через пару дней отличился уже *Крутоярский*. Он вернулся из одиночного маршрута в первом часу ночи – уставший, но с горящими азартом глазами.

– Ах, как славно я поохотился! – сообщил он нам.

Он увидел за скальным мысом крупного оленя с большими рогами. Расстояние до него составляло примерно 70 м. Заметив человека, олень не спеша поскакал в сторону. *Михаил Александрович* присел, снял со спины рюкзак, достал кобуру, вынул из неё пистолет, взвёл курок, прицелился и стал стрелять в уходящую натуру.

– И сколько раз ты стрелял? – спросил *Беляков*.

– Да всю обойму и расстрелял – семь патронов, – ответил *Крутоярский*.

– Ну, это ты напрасно: с такой дистанции да ещё в подвижную цель. Тут и одного выстрела много.

– А вдруг бы попал? Вот и стрелял... Зато пистолет теперь можно с собой не таскать – все патроны вышли.

1 августа увидеть оленей довелось и мне. Я вышел в верховья Белянки и шёл по каменному полю к плато Лодочникова. И неожиданно, метрах в 100 от себя, увидел убегающих от меня оленей: три важенки и два олёненка. Увидел только тогда, когда они сорвались с места. До этого их пёстрый окрас совершенно сливался с каменистой тундрой. *Виктор Семёнович* в ответ на мой рассказ пояснил: как только появляются оленята, важенки отделяются от быков и гуляют отдельно.

4 августа мы ушли с *Беляковым* в многодневный маршрут на озеро Линьки. Только там удалось *Виктору Сёменовичу* подстрелить двух полярных зайцев, очень скрасивших наше тяжкое путешествие. 9 августа мы вернулись в базовый лагерь с хорошим рыбным уловом. Хозяйничавший в лагере *Крутоярский* поведал нам две сногсшибательных новости. Во-первых, он снова начал курить, а именно: «Беломор» из моих запасов, найденных им в моём вьючнике. А во-вторых, он опять поохотился – вдосталь!

Касательно первой части, он меня успокоил:

– Не волнуйтесь, *Анатолий Андреевич*, выкуренный «Беломор» я вам верну. Я уже договорился с *Макарьевым*. Он привезёт запас папирос, когда приедет нас перебрасывать.

Крутоярский и *Беляков* перед самым вылетом на речку Борзова решили бросить курить. Подговаривали и меня, но я отказался, ибо по опыту знал: одно дело не курить по собственной воле и совсем другое – по отсутствию табака. Отчасти я оказался прав. *Беляков* продержался до базы, а *Крутоярский* сломался еще там, в лагере, когда остался один.

Что касается славной охоты нашего начальника, то события развивались так. Буквально на следующий день после нашего ухода, близ лагеря, на другой стороне реки, показались олени. Причём, та самая группка, которую я видел в верховьях Белянки: три важенки и два оленёнка. *Михаил Александрович* зарядил мой оставленный карабин и переправился на другой берег.

«Полдня я подкрадывался к ним, – рассказывал вдохновенно он. – Только подползу, как они отходят в сторону. Опять приходилось ползти. На третий раз я уже не выдержал. Как стали они уходить, я начал стрелять. Метров 250 между нами было. Расстрелял две обоймы – не попал, конечно, но какое удовольствие я получил. Вот это была охота!»

– Подожди, подожди, – прервал его эмоции *Виктор Семёнович*, – как это две обоймы?

– Ну да, две обоймы – всё, что было.

– А как ты успел, если они уходили?

– Стрелял им вслед!

– Не пойму, – недоуменно крутил головой *Виктор Сёменович*. – Ты начал стрелять с 250-ти метров, так? Они стали уходить, и пока ты расстреливал первую обойму, они ушли уже метров на 400, так?

– Ну да, они отбежали.

– А ты зарядил вторую обойму и снова стал стрелять?

– Да, снова, – улыбаясь, подтвердил *Крутоярский*.

– И сделал ещё пять выстрелов, так?

– Так.

– А оленей ты ещё видел?

– Я же говорю – стрелял им вслед.

– *Михаил Александрович*! – вскричал я, – неужели вы забыли, что из этого карабина нельзя попасть в мишень даже с 200 метров?

– Об этом я как-то не думал. Я был в таком угаре...

– Ну, что тебе сказать, *Миша*, – развел руками *Виктор Сёменович*, – я думал, ты после охоты с пистолетом чего-нибудь понял, а ты...

Охоту нашего начальника на бедных важенок с приплодом извиняет только одно: на стороне стрелявшего не было никаких шансов.

«Зато, какой кайф я получил»! – стоял на своём *Крутоярский*.

Заключительный эпизод охотничьей эпопеи случился в начале сентября, когда мы работали уже со второго лагеря, в верховьях реки Гольцовой. После маршрута с *Крутоярским* на лагпункт Рыбак, мы отправились с *Беляковым* по набитой тропе на озеро Трёх Сестёр исключительно для рыбалки. Только на этом озере, как пояснили нам красноярцы, водилась широкобрюхая палия, отличная рыба из рода лососёвых. В лагерь мы вернулись через 3 дня, по свежевыпавшему снегу, наполненные положительными эмоциями и хорошим уловом.

Крутоярский встретил нас в лагере, как и положено, горячим чайком. За последовавшим ужином мы рассказали о великолепной рыбалке, а он, в свою очередь, поведал о своих новостях. Оказывается, охотничий зуд его не оставил, и он вознамерился пострелять диких гусей, что жировали на речке перед скорым отлётом.

– Каким образом? – спросил я, – ведь патроны все вышли?

– Ну, я запасся тут кое-чем, – ответил *Михаил Александрович*, покашливая и отводя глаза. – В общем, снарядил я для вашего карабина десяток патронов...

Оказывается, *Крутоярский* втайне от нас проявил инициативу. Связался по радио с геологами *Макарьева* (ещё в старом лагере) и попросил подвезти с вездеходом огневые припасы, что используют для охотничьих ружей. Он знал, что полевые умельцы научились снаряжать карабинные патроны калибра 7,62 мм. Из донышка отстрелянной гильзы выковыривается сработанный капсюль и аккуратно загоняется охотничий, типа «Жевелло». Затем гильза заправляется порохом и одной крупной дробиной типа полукартечи. С такими патронами ходить на оленя бесполезно, но можно стрелять в пернатую дичь с близкого расстояния.

Наш азартный охотник зарядил десяток пустых карабинных гильз, которые он предусмотрительно сохранил, и отправился на охоту. Подобрался к стае гусей, отдыхавшей на бережку, прицелился и выстрелил. Но вместо громкого выстрела раздался сухой щелчок. Осечка! Он передернул затвор, чтобы сменить патрон, но не тут-то было: тот плотно застрял в патроннике. По-видимому, в процессе зарядки тонкостенная латунная гильза слегка подраздулась. В патронник она вошла, досланная поршнем затвора, а вот выцепить её обратно не получалось – крепко заклинило. Горе-охотник вернулся в лагерь, снял карабинный затвор, вытащил шомпол и решил шомполом выбить снаряжённую гильзу из патронника. Сунул в дуло шомпол и надавил рукой – нет, патрон не выходит. Тогда он молотком стал аккуратно постукивать по

внешнему концу шомпола. Тот продвинулся на сантиметр и заклинил. По-видимому, вошёл в верхнюю часть патрона. Вытащить его из ствола не удавалась, а загонять ещё дальше вглубь *Крутоярский* не решился, резонно опасаясь возможного выстрела со всеми вытекающими тяжёлыми последствиями.

– Вот такая беда вышла, – сокрушённо закончил он свой рассказ. – Даже и не знаю, что теперь делать.

Мы осмотрели полуразобранный карабин с торчавшим из ствола хвостиком шомпола.

– Вы спрашиваете, что делать? – с негодованием спросил я, – а ничего не делать! Просто будете сами сдавать мой карабин в институте. С объяснением своих действий. Вам тогда и скажут, что делать.

– Ну, вы не горячитесь, *Анатолий Андреевич*...

– Не горячитесь... Что у вас за манера такая – хвататься за чужое оружие? Если так свербит, занялись бы своим пистолетом. И заряжали бы для него патроны хоть аммоналом.

– Ты действительно, не горячись, *Анатолий*, – урезонил меня *Беляков*. – *Миша*, конечно, зря занялся самодеятельностью. Но дело можно поправить. Надо освободить ствол от ложа и сунуть в костёр; когда он разогреется – патрон должен сработать, и шомпол вылетит сам.

– Сунуть в огонь не проблема, – сказал я, – но что будет со стволом? Он же закалённый, а мы его отпустим в огне.

– Ну и бог с ним! Всё равно толку от твоего карабина нет.

– А если мне его опять на следующий сезон дадут?

– А ты напиши рапорт, что карабин не годный. Мол, с 50-ти метров пуля летит в сторону и кувыркается.

В конце концов, так и сделали. Отделили ствол от ложа и сунули в приготовленный костёр. Через полчаса грохнул выстрел, и вылетевший из дула шомпол воткнулся в подготовленную груду песка.

Карабин я вычистил и собрал. По приезде сдал в институтскую оружейку. Рапорт писать не стал, но на словах сказал, что, мол, оружие никуда не годно. – Для чего негодно? – возразили мне, – для защиты или для охоты? Если для охоты – заводите двустволку.

Я возражать не стал и, молча, вышел.

Нечаянная встреча

Мы привезли с собой на речку Борзова 200-литровую бочку солярки для отопления жилой палатки. Запас явно недостаточный, но *Сан-Саныч Макарьев*, на чьём попечении мы находились, нас обнадёжил: – «Как раз в районе вашего лагеря, прямо как знал, я забросил по весне несколько бочек с топливом. Если не хватит, – сказал он, – то можете одну бочку с соляркой раскурочить». Топливный склад со временем мы нашли. Несколько бочек стояли на небольшом пригорке в верховьях нашей реки Борзова. Однако склад отстоял в

8-ми км от лагеря, да ещё за довольно крутым перевалом. Поход за топливом отнимал добрую половину дня, а приносить удавалось не более 20-ти литров в одной единственной свободной канистре, уложенной в рюкзак.

Недели через три мы возвращались с *Беляковым* в лагерь. Шли по противоположному берегу нашей речки и всего в 2 км от лагеря наткнулись на парочку ржавых 200-литровых бочек. К нашему удивлению, они оказались полны, а когда мы с трудом, с помощью молотка и зубила, отвинтили пробки, нашли в них бесцветную жидкость с резким бензиновым запахом. Сообща определили, что это бензин марки 66. В полевых условиях такой бензин давно не использовался; вездеходы ГАЗ-71 ездили на бензине А-72, а вездеходы ГТТ – вообще на солярке.

На вечерней связи сообщили о своей находке *Макарьеву*. – А-а, – сказал *Сан-Саныч* в ответ, – это, наверное, старый склад геодезистов. Они тут в середине 1960-х гоняли на 47-х газончиках. От них, похоже, и осталось. Так что можете бензин использовать, если надо.

Мы, конечно, решили, что надо, особенно настаивал на этом я, так как в основном мне и доставалось таскать солярку из дальнего склада. Я принёс канистру с бензином и разбавил его пополам с соляркой. Полученную смесь залил в бачок нашей печки. Топливная смесь горела в ней почти так же ровно, как чистая солярка, ну, может быть, с несколько бо́льшим жаром. На том и убедили мы с *Беляковым* осторожного *Крутоярского*: мол, смесь вполне безопасна, а главное – очень вовремя: ведь солярки в нашей бочке оставалось не более четверти, а на дальний склад не находишься. Через 3 дня мы ушли с *Беляковым* в долгий маршрут на озеро Линьки. *Крутоярский* же в наше отсутствие солярку бензином не разбавлял и оказался прав, но совсем по другим причинам.

Отдохнув после дальнего и трудного похода, *Беляков* занялся засолкой гольцов. В отсутствии подходящей тары он использовал метод сухого засола. Привожу рецепт, так сказать, для истории и возможного пользования. Рыба разделывается без воды, но с оставлением головы. Затем круто солится каменной солью, обвязывается марлей и плотно укладывается в брезентовый рудный мешок. Тот, в свою очередь, туго обвязывается по всей длине крепким шпагатом. После чего мешок вылёживается на ветру с регулярным переворачиванием для получения на его боках подсохшей солёной корки. Высушенные мешки отлично сохраняют рыбу, а их транспортировка не доставляет лишних хлопот. За малостью улова о транспортировке мы пока не думали, а денька через 3–4 рассчитывали полакомиться малосольной рыбкой.

К назначенному сроку мы решили испечь, вдобавок, свежий пшеничный хлеб.

Как мы пекли хлеб посреди холодной тундры, тоже имеет смысл сохранить для местной истории. Мы привезли с мыса Челюскин две 100-литровых бочки, заполненных плавником. Одна бочка пошла под воду, а другая, с вырезанным отверстием под дымовую трубу, предназначалась для

выпечки хлеба. Мы уже опробовали её в конце июля перед дальним маршрутом. На крутом склоне лагерной террасы мы выдолбили нишу и уложили туда бочку плашмя на подушку из песка с галькой. Этой же смесью обсыпали щедро всю бочку и обмазали, вдобавок, толстым слоем вязкой речной глины. В итоге над бочкой образовался аккуратный холмик, из которого торчала наружу невысокая жестяная труба, в торце оставался открытым железный зев.

Печку мы топили целый день для получения устойчивого жара, на что ушла как раз половина дровяного запаса. Вечером мы выгребли золу, заткнули тряпкой трубу и поместили внутрь четыре железных формы, наполненные подошедшим тестом. Перед этим проверили жар, бросив туда горсть муки: если она бы она быстро обуглилась – следовало подождать; если бы слегка побурела – требовалось ещё подтопить; мука же покрылась золотисто-коричневой корочкой, то есть в самый раз. У нас с Беляковым имелся достаточный опыт. На мысе Челюскин мы 3 недели в ожидании, когда подсохнет тундра, занимались выпечкой хлеба для всей Челюскинской партии. Причём выпекали его на двух печах, изготовленных из 200-литровых бочек, и вынимали за раз не четыре, а двенадцать буханок.

Второй свой хлеб мы испекли вечером 12 августа, и сразу же вкусили свежайший, чуть отдающий дымком, продукт. Чтобы прочувствовать тот истинный вкус, надо оказаться там, на речке Борзова, на полуострове Челюскин, в 1982 году. На горячий ещё ломоть хлеба положить пластину сливочного масла, которая тут же начнет плавиться. Сверху покрыть сочным куском нежной, свежепросоленной лососины. И – широко откусить. И – запить глотком крепкого и сладкого чая.

Теперь, собственно, о встрече, которую мы не ждали. Точнее, ждали, но совсем не ту.

13 августа с утра накатил холодный туман вместе со свежим северо-западным ветром. После обеда туман рассеялся, и засияло солнце, а ветер притих. В этот день мы ожидали *Макарьева* с вездеходом для переезда на другой участок. Не торопясь укладывали вещи, так как вездеход ожидался к вечеру. В 2 часа дня присели выпить чайку с малосольной рыбкой. Только разлили по кружкам чай, как услышали звук приближающегося вездехода, причем с другой стороны. Недоумевая, выскочили наружу. Мимо нашего лагеря, по противоположному берегу реки, бежал резво ГАЗ-71. Пока мы, раскрыв рот, наблюдали за ним, водитель увидел, наконец, наши палатки и круто повернул к нам.

Разумеется, это был не *Макарьев*. Из вездехода вышли двое молодых ребят, как оказалось, красноярские *геологи из группы Забияки. Представились: Валерий Верниковский и Виктор Стомицын*. Мы пригласили гостей в свою просторную палатку. Не скрою, в течение первых минут мы просто упивались их растерянным удивлением, когда предложили им сходу горячий чай, свежеиспеченный хлеб и малосольную лососину.

– Вот это да! – сказали они, – откуда это у вас?

– Да так, – пожимали плечами мы, – давно тут сидим.

По словам красноярцев, их тематическая группа в составе 5-ти человек и 2-х вездеходов, выехала несколько дней назад с мыса Челюскин в район озера Трёх Сестёр, что примерно 50-ти км к югу от нашего лагеря. В верховьях реки Белянки у одного вездехода полетела коробка передач. Пришлось встать лагерем, и теперь на втором вездеходе они едут снова на мыс за нужными запчастями. По пути решили проверить свой топливный склад на реке Борзова.

– Так это ваши бочки? – спросил удивлённо я.

– Да, это наши. Мы их забросили ещё весной.

– Но ведь в них явно 66-й бензин!

– Совершенно верно. Это для ГАЗ-47-го, нашего второго вездехода, который и встал.

– Он всё еще бегает? – поинтересовался *Беляков*.

– Бегает! Отличная машина, но проблема с запчастями, да и с бензином тоже.

Мы переглянулись. При красноречивом молчании старших коллег пришлось мне сказать:

– Кстати, насчёт бензина. Мы ведь не знали, что это ваши бочки. Мы их нашли и запросили *Макарьева*. А он сказал, что это брошенный склад геодезистов. Поэтому, извините, ребята, но две канистры бензина мы у вас взяли. У нас тут нехватка топлива для печки.

– Ну, две канистры, это не страшно, – сказал старший *Верниковский*. – На сезон нам хватит.

Вот такой вышла нечаянная встреча.

Сан-Саныч Макарьев с механиком и геологом *Гавриловым* подъехали за полчаса до полуночи. Привезли нам в подарок бочку солярки и полтуши оленя. Мы, разумеется, угостили усталых путников фирменным своим хлебом и рыбой. На сей раз вышла небольшая осечка. *Сан-Саныч* хватанул горбушку и крякнул. – Вот черт, – сказал он, – кажется, зуб сломал! Впрочем, по своему добродушному характеру, долго не горевал: – Видно, не жилец был, – сопроводил он потерю зуба коротенькой эпитафией.

Что касается нашей переброски на юг, он заключил, что это возможно, но будет проблема с обратным вывозом. На ходу сейчас только один вездеход. С досадой заметил: «Я в этом сезоне больше извозчик, чем геолог». Утром он уехал, посулив перебросить наш лагерь дней через пять.

Мы же отправились с *Крутоярским* в увязочный маршрут. Специально сделали крюк и вышли в верховья Белянки, чтобы навестить красноярцев. На галечном бережке мы увидели белую двускатную палатку и приткнувшийся рядом коротенький вездеход ГАЗ-47. На крыше его самодельного деревянного кузова возвышалась вторая палатка, укрепленная стационарно, а на тупой

железной морде читалась белая размашистая надпись: «Пегаска». Встретила нас *Инга Даниловна Забияка*: невысокая, подвижная женщина лет 50-ти. Короткие и жёсткие волосы тронуты сединой. Голос с хрипотцой заядлой курильщицы. На плечах пёстрый свитер с обрезанными рукавами, на ногах брезентовые штаны и десантные сапоги с подвёрнутыми голенищами. В обращении проста, говорит охотно и много, с непременной беломориной в руках.

Да, в отряде красноярцев всего 5 человек: четыре геолога и один техник. Сами выполняют все полевые и хозяйственные работы: водят и ремонтируют вездеходы, ходят в маршруты, обеспечивают себя подножным кормом. У них, оказывается, есть своя полевая база, расположенная в бывшем зэковском лагере, известном как посёлок или лагпункт Рыбак. Это примерно в 40 км к югу.

Она радушно пригласила нас в гости, о чём и пойдёт речь в следующей главке.

Лагпункт Рыбак

26 августа мы перебрались с лагерем на новый участок в верховьях реки Гольцовой. И уже на следующий день отправились с *Крутоярским* в длинный многодневный маршрут. Начальный 15-километровый отрезок нашего пути вёл к истокам реки Гольцовой и далее к озеру Трёх Сестёр. Добрались мы до него поздним вечером и заночевали в небольшой рыбацкой избушке, о существовании которой сообщили нам красноярцы.

На следующий день мы отправились дальше, теперь в направлении пункта Рыбак, где держали свою летнюю базу красноярские геологи. Протяжённость маршрута составляла примерно те же 15 км. Вышли мы в путь поздновато, но *Михаил Александрович* работал в своей обычной манере: излишне долго ковырялся на обнажениях в первой части маршрута, забывая о времени. В общем, к вечеру мы преодолели лишь половину пути. Но дальше нам повезло: поднялись на широкую возвышенность, сложенную гранитами. Поэтому, отобрав пробы, двигались по ним почти без остановок.

Около полуночи вышли на край плато и увидели вдали, за обширной долиной реки Широкой, на покатом береговом увале, строения заброшенного посёлка Рыбак: пару деревянных домиков, сторожевую вышку и другие разрозненные строения. Отдохнув, мы спустились в долину, которую довольно долго пересекали, увязая в болотистой почве. Вдобавок, в обширной долине настиг нас густой полуночный туман, и мы двигались только по азимуту, через каждые 50–100 шагов сверяясь со стрелкой компаса.

Посёлок Рыбак, как сейчас хорошо известно, представляет собой заброшенный исправительно-трудовой лагерь поздних сталинских времён. Действовал он в конце 1940-х – начале 1950-х годов и проводил тяжёлую разведку уранового оруденения в чёрных ороговикованных сланцах. Как особо секретный объект, он отсутствовал на картах, а для сторонних лиц именовался

посёлком Рыбак, хотя ближайшие рыбные угодья – озеро Трёх Сестёр и река Ленинградская – отстоят от него в полутора – двух десятках километров. Лагпункт Рыбак считается сегодня самым северным подразделением сталинского ГУЛАГа. В интернете приводятся его координаты: 76°40' с.ш., 103°40' в.д., а также географическая привязка: к югу от горы Октябрьской. В действительности лагпункт Рыбак расположен в иной точке: примерно в 20-ти км юго-восточнее от названных координат, и не близ горы Октябрьской, а на берегу реки Широкой, впадающей в реку Гольцовую. Его реальные координаты, уточненные мной у *Дмитрия Мурзина*, посещавшего лагпункт в 2008 году, следующие: 76°30,5' с.ш., 104°06,0' в.д.

Мы вышли к Рыбаку блёклой ночью в густом и вязком тумане, причудливо искажающем местность. После подъема на пологий увал, показавшийся вначале непроходимым кряжем, вдруг возникли посреди тундры деревянные столбы с обрывками колючей проволоки, разрушенные строения, канавы и колодцы. Поплутав среди них, мы вышли на базу красноярцев: отремонтированному бревенчатому дому, принадлежавшему, очевидно, лагерному начальству. Теперь над дверью красовалась самодельная вывеска:

СНИИГГИМС

Красноярское отделение

Б А З А

Челюскинского отряда

Рядом с домом стоял знакомый нам вездеходик ГАЗ-47 с надписью «Пегаска» на капоте и небольшой двускатной палаткой на деревянной крыше кузова.

По времени – 3 часа ночи. Поэтому мы не стали будить хозяев, решив, что нас вполне устроит кузовная палатка. Развели походный примус, подогрели тушёнку и вскипятили чай. С большим аппетитом перекусили. После чего с чувством исполненного долга полезли в палатку для краткой ночёвки. Втащили туда рюкзаки, раскатали пуховые спальники, а болотные сапоги-бродни, очистив от грязи, поставили в рядок на капоте «Пегаски». Не затаскивать же их в палатку? Заодно и хозяевам загадка – откуда тут лишние сапоги?

Действительно, так и вышло. В 8 часов утра нас разбудили недоумённые голоса.

Инга Даниловна Забияка вышла на крыльцо с первой своей утренней папиросой, которую выкуривала натощак. В благостном настроении сидела она на крылечке, оглядывая окрестности, пока её взгляд не зацепился за капот вездехода с двумя парами вымытых болотных сапог. «Вот мужики, – проворчали она, – до сих пор, как дети. Оставлять сапоги на открытом воздухе! Чтобы они отсырели внутри!»

– *Витя,* – прокричала она, – это твои сапоги?

– Где? – вышел *Виктор* с полотенцем на плече. – На копоте? Нет, не мои.

– А чьи же это?

– Не знаю. Может, *Валера* оставил?

– Значит, он. Ну-ка, зови его!

Но и *Валерий* отказался от приписываемой ему халатности.

– Да их же здесь две пары, – удивился он. – Нет, это не наши.

– Может, пришёл кто? – неуверенно предположил *Виктор*.

На этом недоумённый диалог прервался, так как мы уже с трудом удерживали смех. Фыркнув, я полез из палатки.

– Вот это да! – изумились наши коллеги. – Откуда вы?

– Пришли маршрутом, как и обещали. Правда, добрались сюда в середине ночи, а потому не стали никого тревожить.

Утренний эпизод развеселил всех и целый день служил поводом для всяческих комментариев.

Между тем, мы, ночные пришельцы, не могли сразу привыкнуть к месту – бывшему лагерю для заключённых. К обеду выпал лёгкий снежок, и картина, увиденная в свете неяркого дня, показалась ещё более суровой и тягостной. Три или четыре гектара голой тундры, огороженной остатками колючего забора. По углам покосившиеся скелеты караульных вышек. Внутри несколько десятков полусгнивших деревянных каркасов от больших вагонных палаток, обложенных дёрном. Поодаль – безжизненный буровой копёр, брошенные железные бадьи и большие мотки неиспользованной колючей проволоки. Под ногами плитчатые развалы чёрных сланцев, иссечённых выше по склону трещинами канав и воронками шурфов. В стенке небольшого распадка – чёрный зев разведочной штольни. На пригорке за выработками – десятка три могильных холмиков. И весь этот унылый, исковерканный пейзаж присыпан, как пеплом, предзимним холодным снегом. В затерянной таймырской хляби – строгий геометрический участок человеческого горя, рабства и смерти.

«Мы тоже не сразу привыкли, – сказала *Инга Даниловна*. – Ходили между развалов, как потерянные. Даже цветы на могилки носили первое время. Потом как-то прижились».

И пытались мы разрешить загадку: что здесь было? когда? почему? Но коллеги-красноярцы разводили руками: никаких следов в геологических архивах нет – ни в столичных, ни в областных. Знали только мы и они, что к открытию на Рыбаке был причастен *Михаил Равич*, да упоминалась ещё вторая фамилия человека, будто бы там бывавшего: техник-геолог *Гвиздь*. В моё время он работал ещё в НИИГА, и собирался я подойти к нему, чтобы расспросить, да так и не собрался. И только 20 лет спустя, когда вышел очерк *Мирошникова*, работавшего на Рыбаке («В середине века», 2003), долговременная загадка, изредка всплывающая в моей памяти, разрешилась.

Мы провели у красноярцев сутки. Явились, конечно, не с пустыми руками, выставив на стол наш последний боезапас – бутылку полновесного спирта. Красноярцы что-то добавили из своих закромов, и ужин вышел очень тёплым, живым и праздничным. Лучшим блюдом для нас стала свежекопченая палия,

которую ребята уже заготовили в нужных количествах. Разошлись далеко за полночь, а я с *Ингой Даниловной* засиделся на крылечке почти до рассвета, найдя в ней родственную душу.

После позднего завтрака красноярцы, *Валерий* с *Виктором*, увезли нас на вездеходе в наш собственный лагерь. С *Ингой Даниловной* я переписывался потом года два, но более не встречался. Она отложилась в моей памяти как одна из немногих геологов-женщин, стоявшая на равных с мужчинами в северных нелёгких полях.

Маленький эпилог

На мыс Челюскин мы вернулись 8 сентября, доставленные туда вертолётом.

Пролив Вилькицкого к тому сроку практически очистился ото льда, что бывало, говорили старожилы, не чаще, чем в раз в 5 лет. В открытой воде вскоре появились белухи – северные дельфины. Временами их становилось так много, что море буквально пенилось и густо рябило белыми спинами. Их приход был обусловлен приходом сайки – небольшой северной рыбки, заполнившей пролив. На этой сайке и жировали белухи, а также и люди, вылавливая её всеми возможными средствами.

В 20-х числах сентября мы оставили мыс и на вертолете добрались прямиком до Норильска. Пару дней спустя уже оказались в Ленинграде.

Через год, осенью 1983 года, *Михаил Крутоярский* докладывал на заседании учёного совета ВНИИО основные результаты по теме, освещающей проблемы золотоносности пролива Вилькицкого и полуострова Челюскин. Большая часть тематического отчёта отводилась на подробную трактовку геологического строения района с новых и довольно спорных позиций. Да и сама проблема золотоносности рассматривалась под тем же спорным углом.

Вот почему защита вышла довольно скандальной. В ответ на многочисленные критические замечания оппонентов *Михаил Александрович* выступил с гневной отповедью, а по её завершении вышел из 16-й комнаты, хлопнув дверью. Отчёт, разумеется, приняли – просто не могли не принять, так как сроки уже поджимали, а заключительная речь ответственного исполнителя вошла в институтский фольклор.

Основные её тезисы я зарифмовал по свежим следам.

Сим опусом я и завершаю свои безыскусные записки.

Защита Крутоярского

– А что до ваших крепких мер –
не те у вас таланты!
Кто выступал здесь, например? –
сплошные дилетанты!

Хоть через ряд здесь шулера,
а также ретрограды, –
вам не побить – не та игра –
моей прогнозной карты!

Вы думаете – лёгкий труд?
Я год почти авралил,
пока загнал поля структур
в рулоны и спирали.

Я популярно наметал,
чтоб разобрались массы,
как лёд тащил в пролив металл,
накопленный с триаса.

Как перейдя на материк,
он выгреб все заначки,
и в тех местах, куда проник,
рассеял однозначно.

Я два сезона в поле мёрз,
скитался в непогоду.
Я дал уверенный прогноз
на сушу и на воду.

В ответ меня, как шалуна,
по заднице вожжами!
Пусть *Иванова*, пусть она
меня не уважает.

Но с нею на один манер,
неправ и неумерен,
развыступался *Айнемер* –
я так был в нём уверен!

В отчёте, мол, не тот уклон...
Ну ладно, я ручаюсь,
что с ним однажды за углом
вплотную повстречаюсь.

А тот, кто мало говорил
и переврал всё жутко,
мог заглянуть и сам в пролив, –
вот так, товарищ *Жуков*!

Итак, кругом все не правы,
хоть на расправу скоры.
Оригинальные труды
вы рубите под корень!

В Объединении разброд,
и не понять, кто главный,
в то время, когда весь народ
опережает планы.

Подайте шляпу и пальто,
не надо ваших премий!
Я побеждён? Плевать на то!
Меня оценит время!

Из фотоархива Лайбы А.А.

Лето 1982. Мыс Челюскин. Слева направо: геоморфолог *Володя Авдюничев*, геолог *Анатолий Лайба* и геолог *Михаил Крутоярский*.

1982, п-в Челюскин. Маки цветут. Фото А. Лайбы.

Август 1982, п-в Челюскин. На озере Линьки. Стоит В.С. Беляков. Фото А. Лайбы.

Конец августа 1982, полуостров Челюскин. Бывший лагпункт Рыбак. В центральном восстановленном доме держали свою полевую базу красноярские геологи СНИИГИМС.

1982 август, п-в Челюскин. Встреча с группой *И.Д.Забияки* (вторая слева) Второй справа *А.А.Лайба*. На капоте надпись: «Пегаска»

Конец августа, п-в Челюскин, лагпункт Рыбак. Встреча геологов.
Слева направо: Валерий Верниковский, Анатолий Лайба, Инга Забияка.

Конец августа 1982, полуостров Челюскин, лагпункт Рыбак. Завезенная с запасом колючая проволока.

Сентябрь 1982, п-в Челюскин. Сезон окончен, пора улетать.

Осень, 1982. Закат на мысе Челюскин.

ЛИТИНСКИЙ В.А.

Отважные дрейфуньи

Полярная документальная байка со щепоткой стёба

Моим любимым женщинам – *Иннусе Яковлевой, Люсеньке Кузьминой, Машуне Карапузовой, Людмиле Моисеевой, и Марии Гуревич* посвящается.

Большинству из них *postmortem*.

«Настало время дать обозрение деятельности Полярной экспедиции в её историческом развитии, дать обзор её работ крупным планом, как бы сверху, из космоса**.** *Но вместе с тем настало время подвести итоги замечательных работ экспедиции и с несколько иных позиций, а именно, отразить в них Человека, показать роль человеческого фактора. Именно человек, нередко в самых сложных организационно-технических ситуациях и тяжелейших природных условиях, обеспечивал успех этих работ*». [Выделено мной. – В.Л.]

Р.М.Деменицкая. Январь 1993 г.

(В книге «Полярники пишут сами», СПб – Ломоносов, 2002)

– *Вадим Арпадович*, зайдите ко мне, пожалуйста. Это *Ткаченко*.

– О да, *Борис Васильевич*, бегу.

Это уже вторая моя байка, начинающаяся с вызова по телефону к директору НИИГА– Ленинградского института геологии Арктики. В первой докубайке (http://world.lib.ru/l/litinskij_w_a/obyskidoprosy.shtml) он вызвал меня в кабинет, чтобы представить капитану КГБ *Дувакину*, который объявил мне, что повезёт меня сейчас домой для производства обыска в моей квартире).

– Здравствуйте, *Борис Васильевич*, – протягиваю я руку любимому улыбчивому директору, войдя в его кабинет. – Что-нибудь серьёзное?

– Да нет, ничего особенного. Пока. Мне *Раиса Михайловна* рассказала, что Вы собираетесь на льдину женщин в этом году брать. Вот и расскажите. До этого, насколько я знаю, женщины на дрейфующих льдинах не работали. Нет, вот недавно передавали, что артисты какие-то на станцию «Северный полюс», не запомнил какой номер, прилетали, концерт полярникам давали. Среди них одна пианистка и одна певица были, выступали, про это и в газетах писали. Но это всё одноразовое посещение дрейфующей базы. А Вы же сколько – четверых геофизиков-женщин – собираетесь взять? Это же настоящая работа, это же не на один день для пропаганды советских достижений в Арктике? Как Вы себе это представляете? А если льдина, как это уже у вас бывало, расколется? Как

бы женщины у вас от страха, извините, штаны не намочили. – Добродушное лицо *Бориса Васильевича* расплылось в улыбке до ушей от собственной немудрёной шутки. Я тоже фыркнул. – Насколько это опасно?

– *Борис Васильич*, прежде всего я расскажу Вам, для чего я это затеваю. Отнюдь не для того, чтобы женщин прославить и в газеты попасть. Это у нас сейчас третий год работа по съёмке арктических морей. Как Вы помните, начали мы в 1963 году с моря Лаптевых, делали поначалу только прибрежную часть, на припайном льду. В шестьдесят четвёртом засняли остальную, северную часть моря Лаптевых. В этом году – Новосибирские острова и западную часть Восточно-Сибирского. Ну, Вы же знаете, с береговых или, как в этом году, с островных аэропортов мы снимаем на самолётах и вертолётах прибрежную часть, для привязки точек используем радиогеодезическую систему «Поиск-С». Это совсем быстро. Море на шельфе мелкое, 50-150 метров, поэтому глубину дна измеряем простым лотом – бурим во льду дырку, опускаем тросик с грузиком, вот и всё. Это тоже довольно быстро. Тем более, во многих случаях садимся на припайный лёд, на нём микроколебания, как правило, небольшие, поэтому отсчёт на гравиметре взять обычно не сложно. А при работе с дрейфующей базы – шиш, радиогеодезия не дотягивает до отдалённых от берега частей моря, астрономией приходится своё местоположение определять – морока. Да к тому же лёд дрейфующий с микротрясучками, риска по шкале гравиметра мечется, даром что все наши гравиметры «затушенные», отсчёт взять трудно, времени больше уходит, чем на припайном льду. А лететь между точками 25 километров – 15-20 минут. Хорошо для астронома, если пилот сразу места посадки не нашёл, кружится, тогда, бывает, 25 минут у астронома есть, чтобы эфемериды для звёзд для следующей точки посчитать, а то и полчаса бывает, а если лёд совсем всторошенный – то и больше, пока льдинку подходящую найдёшь. Сосчитав эфемериду, астроном направит свой теодолит в нужный участок неба, и расчетная звезда в виде белой точки через пять минут вползёт прямо в окуляр теодолита... А не сосчитал эфемериду – будешь на точке какого-нибудь Альдебарана или Вегу час теодолитом на голубом небе искать… *Борис Васильевич*, я Вас не усыпил своими подробностями?

– Нет, нет, *Вадим Арпадович*, я Вас слушаю очень внимательно. Мне Ваш ликбез очень даже полезен.

– Так, *Борис Васильич*, о чём базар – прилетайте к нам на льдину, мы Вам всё в натуре покажем! И в рейс слетаете! Будет у Вас полное представление. А чего, правда, давайте!

– Хорошая идея. Я уже и сам об этом подумывал. Вот в этот раз и прилечу. Но у меня к Вам сейчас будет особый разговор. Но до того Вы обещали рассказать, почему Вам на дрейфующей базе женщины нужны.

– О, *Борис Васильич*, Вы в самый корень. Да, так я к тому веду, что с ледовой базы съёмка сложнее, чем с побережных аэропортов, больше времени занимает... Да, так ещё один момент – с ледовой базы часть площади мелкая. К

югу. Глубину моря определяем быстро – пробурил лунку, лот на тросе опустил – и вся любовь. А в северных частях съёмочного участка – там же континентальный склон начинается, там глубины до двух-двух с половиной километров возрастают. Тут уже тросиком не обойдешься, надо сейсмику применять. Так что Вам понятно, что производительность съёмки с ледовой базы меньшая, чем с береговых аэропортов. Уж не говоря о звёздах. Да, так самое главное – материалы дневного маршрута должны быть обработаны операторами, кровь с носу, вечером, сразу после возвращения из маршрута. Не обработаешь маршрут – а ну, как ошибки допустили? Это редко, но бывает. Или, действительно, в одной точке большая аномалия выскочила, точки-то через 25 километров. Надо вокруг неё ещё пару точек отнаблюдать – детализнуть. А закончили съёмку, улетели с ледовой базы – всё, песец, не вернешься ошибочные точки переделать! Или детализнуть! А пока ещё работаем с базы, то когда обработал, нашёл ошибку, или аномальную точку, чертыхнёшься, *Литинский* (это я, то есть) волком кидается (ну, не кидаюсь, конечно, чаще скорбно могу на начальника лётного отряда молча смотреть), но всё же можно долететь до неё заново и переделать или детализнуть опять же. А не сосчитал, не обнаружил ошибку – песец, на гравиметрической карте будет дырка, а то и не одна, полевые материалы комиссия из министерства не примет с оценкой «отлично», позор на всю Европу, на Федынского потом смотреть будет стыдно! Да и на Вас и на *Раису Михайловну* – тоже! Значит, оперативная обработка – кровь с носу! А Вы представьте – ребята 12-14 часов мотались, «то взлёт, то посадка» – это как в песне у Визбора, голодные, промёрзшие, в постоянном напряжении. Извините за выражение – на льду на пронизывающем ветру по..ать невозможно, да и некогда. Прилетели на базу – сразу за весь день пожрать от пуза надо, ну, тут кого хошь в сон потянет, а ты себя преодолевай, бери себя за хобот и тащи в палатку обрабатывать маршрут! А это два часа! Много Вы, сонный, с полным пузом, наобрабатываете? Да и в туалет – хочешь - не хочешь, а большую нужду раз в день справить надо, как Вы считаете? Вот и я про то же! А это – у кого как получится, а то и пятнадцать минут на морозе отсиживаться будете, ежели у кого запор, хорошо хоть за снежными стенками туалета ветра нет. А утром рано – подъём, летуны уже моторы прогревают, лететь торопят, им деньги зарабатывать надо, у них же не тридцать процентов от зарплаты первого пилота, как у нас, у них же стимул, поэтому они и после шести часов здорового сна, как огурцы. А нам, науке, четырёх часов сна явно недостаточно. Да ещё в такой напряжёнке. Конечно, вероятность ошибок операторов возрастает, когда они на ветру носом в окуляр своих гравиметров от недосыпа тыкаются... А если сильный ветер – слёзы в окуляр капают, сразу замерзают, выковыривай... А у меня вообще завал – очки замерзают, у меня стёкла – видите, какие толстые, слёзы намёрзнут – ни хрена не видно, оттирай на ветру голыми мёрзлыми руками... Понимаете?... Так что то, что нам, геофизикам, платят за налёт часов и за посадки тридцать процентов от ставки первого пилота – это хорошо, но пилоты на точке сидят в ещё тёплом самолёте, а мы на льду крутимся, как папы Карлы... На береговых аэропортах у нас предусмотрена оперативная камеральная обработка, наших девочек берём с

собой, там всё путём, девчата живут в гостиничке аэропорта. Операторы после рейса могут два часа не корпеть за расчетами, а набираться здорового сна, девчонки до вылета всё обработают и на карту нанесут. А на ледовой базе – и условия наблюдения на льду более трудные, и процесс более длительный, так что без камеральной группы на ледовой базе никак нельзя, чтобы мужики хоть два лишних часика поспали... Вы меня поняли, *Борис Васильевич*?

– Да, *Вадим Арпадович*, Ваша логика совершенно убедительная.

– Вот я и *Раису Михайловну* убедил, с большим трудом, правда. Ну, *Витязева* и убеждать не надо, он сам понимает, залетал пару раз к нам на дрейфующие базы в прошлые годы. Но *Раисе Михайловне* в рот смотрит – если бы я её не убедил, *Александр Павлович* тоже бы, на неё глядя, заартачился. Так *Деменицкая* сначала напирала на меня, почему, мол, мужчин на льдину не возьмёте? А потому, что где нам мужиков набирать-то на сезон? Это же не малограмотных работяг, как в геологических партиях канавы копать. Нам для обработки нужны опытные квалифицированные техники, а для астрономии – так и вообще инженерная квалификация нужна. А у нас отличная камеральная группа женщин, все очень квалифицированные техники и инженеры – геофизики и картографы.

– Ну, хорошо, *Вадим Арпадович*, а какова опасность что льдина расколется, палатка может утонуть, мужчины, может, и выскочат, а женщины как же?

– *Борис Василич*, я в Полярке дрейфовал уже два сезона, да с военными моряками в экспедиции «Север-14» в 62-м году вблизи полюса сезон. Верно, льдины трескаются, но все живы-здоровы остаются. И в высокоширотных сезонных экспедициях, и на станциях «Северный Полюс». Насколько я помню, был в Арктике единственный случай, когда человек погиб от сжатия льдов – это когда «Челюскин» льды раздавили в Чукотском море, так там один человек погиб, завхоз, *Могилевич* или *Менделевич*, кажется, звали, помните? Я же дежурных на ночь назначаю для обхода лагеря, обычно одного, ну а когда торошение начинается – то двоих. Так что, если трещина в лагере прошла, когда все спят, или там под палаткой, то сразу меня будят, тревога, аврал! Или если медведь в лагерь придёт, что часто бывает. У дежурного карабин, ракетница. Ничего! Переживали без женщин и трещины, и торошения, и с девицами переживём! Наши девушки, Вы знаете, и коня на скаку, и в избу!

– Теперь, *Вадим Арпадович*, мой к Вам щекотливый вопрос. Могли бы Вы взять по моей просьбе на льдину в камеральную группу человека по моей рекомендации?

– Хэ, *Борис Василич*, о чём базар?! Вы меня столько раз выручали, разрешали взять в экспедицию крайне нужного человека, несмотря на то, что *Гуревич* костьми ложилась – «Фонд зарплаты, численность не позволяет!» Помните первого Вашего крестника, *Юру Жирова*, в Биректинской экспедиции, он потом Вам за Вашу доброту отплатил – сейф Вам, как медвежатник, вскрыл, когда Вы ключ от него потеряли накануне Вашего доклада на райкоме, помните? [См. докубайку «Жировиана» через www.google.com. – В.Л.]. А

сколько раз Вы мне евреев разрешали принять – ведь не к *Равичу* же идти, он бы, комсомолец двадцатого года, железно единоверца бы зарубил? Из-за *Бори Фрадкина*, *Вали Мошковича*, *Саши Коршикова* (хотя нет, он не еврей) наша система «Поиск» – а это четыре сложные радиостанции плюс шесть приёмных фазовых зондов на съёмочных самолётах – стоит, как скала! Русских-то классных радиоспециалистов где возьмёшь – они все в «ящики» идут, где зарплата вдвое выше, чем у нас! Так что, *Борис Василич*, от Вас – любого еврея возьму!

– Это не еврей, а еврейка! – рот *Ткаченко* опять идёт до ушей.

– *Борис Васильич*, от Вас – хоть еврейку, хоть канарейку! – Лицо Чеширского кота, как я про себя называл любимого директора (если кто-нибудь из вас, склеротиков, читал «Алису» и до сих пор помнит, какой персонаж я имею в виду), расплылось до ушей от моего изощрённого каламбура и признания совершеннейшего почтения и уважения к нему. – Молодая, симпатичная? Заверните, беру!

– Не молодая, и для Вас, наверное, не очень симпатичная...

– Да хрен с ней, *Борис Васильич*, не невесту же Вы мне предлагаете. Арифметику-то хоть она знает, соображать может? Ну, праздный вопрос – раз еврейка, значит интеллигентный человек. А у нас, как в армии – не знаешь – научим, не хочешь – заставим. Она из нашего института? Я её могу знать?

– Да Вы же её хорошо знаете. Это *Мария Исааковна*.
– Какая ещё *Мария Исааковна*?
– *Мария Исаковна, Гуревич*, начальник планового отдела!

– *Марь Исаковна*?!! *Борис Васильич*, Вы шутите?! Это же во всём институте моя главная врагиня! Я же всех женщин в институте люблю, и все женщины любят меня! Кроме *Марь Исаковны*! Она же каждую весну мою смету на клочки режет, что в Биректинской, что в Полярной экспедиции, «фонд зарплаты и численность не позволяют, и по СУСНу не положено», туды её в качель, из меня кровь пьёт! Ну, *Борис Васильич*, чего от Вас не ожидал, так это такого удара в поддых!.. Ну Вы даёте!... Да, ладно, шучу, не берите в голову, конечно, возьму. И особенно охотно возьму с тайной мыслью за полевой сезон обаять её, чтобы на будущий год смету мою принимала, как у собственного сына-первоклассника табель с отличными отметками. Тем более, что она в натуре увидит, в каких условиях мы работаем, будет относиться к нашим сметам с понятием. Поймёт, что в наших особых условиях ничего СУСНом [Справочник Укрупнённых Сметных Норм. – *В.Л.*] не предусмотрено. Конечно, возьму, *Борис Васильевич*, это я так, от изумления ужас изобразил... А чего это *Марь Исаковна* из тёплого кабинета начальницы планового отдела вдруг в полярницы запросилась?

– Вы знаете, она хочет всё же уйти на пенсию, хотя мы её давно, пять лет не отпускаем, она же классный плановик и финансист. Но всё равно когда-то надо. И вот я ей предложил подзаработать на пенсию, получить законно все

ваши надбавки за работу на дрейфующей льдине. Всё-таки на несколько десятков рублей пенсия будет побольше. Она сначала ни в какую: как, я же уже старая, меня *Литинский* не возьмёт! Он меня не любит! А я ей говорю, что, если я попрошу – возьмёт.

– Всё, *Борис Васильич*, возьму, возьму. Пусть собирается, тёплое исподнее готовит – трусы на ватине и бюстгальтер на меху. Но *Витязеву* скажите лучше Вы, а то он сам не решится, к *Деменицкой* побежит, волынка, однако, будет...

Ткаченко Борис Васильевич (1907-1990)

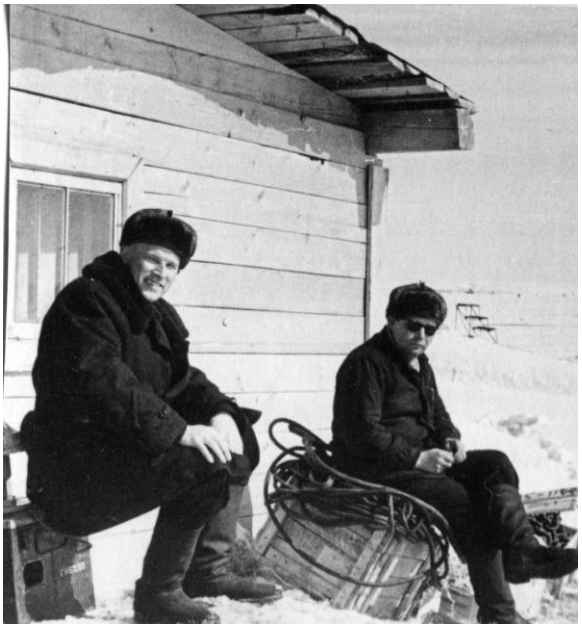
Кандидат геолого-минералогических наук. Инженер-генерал-директор Северного Морского пути III ранга, почетный полярник, почетный разведчик недр, участник Великой Отечественной войны. Организатор и бессменный директор НИИГА с 1949 г. по 1972 г. Один из первых геологов-исследователей Центральной Арктики (Анабарский массив и Тунгусский бассейн)

Фото из статьи *Натальи Сивцевой* в http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-6/62.htm
Все остальные фотографии автора

* * *

Автор – старый полярный морской волк, вся корма в ракушках.
Дрейфующая ледовая база в Восточно-Сибирском море (1965 г.).

Начальник Полярной экспедиции *А.П.Витязев* (слева) на базе экспедиции в Чокурдахе, 1965г.

***

... Это было необходимое предисловие, для того, чтобы читателю было понятно, как протекали обычные рабочие будни на дрейфующей ледовой базе Полярной экспедиции. Мы проводили съёмку по сети примерно 25 х 25 км восточных арктических морей – Лаптевых в 1963-1964 г.г., а в этом, 1965 году – западной части Восточно-Сибирского и Новосибирских островов. Южные части морей ежегодно заснимались обычно четырьмя лётными отрядами на самолётах АН-2 и вертолётах МИ-4, базирующимися в аэропортах на побережье. Два лётных отряда обычно работали с дрейфующей ледовой базы. Координаты точек посадок и измерений определялись с помощью радиогеодезической системы «Поиск-С», четыре радиостанции которой располагались у берега или на припайном льду. Северные окраины морей, вплоть до конца шельфа и начала континентального склона, заснимались с дрейфующих ледовых баз, начальником которых в течение четырёх лет (1963-1966 годы) был ваш покорный слуга. Координаты пунктов посадки определялись астрономически путём наблюдения Солнца и звёзд с помощью теодолита, потому что система «Поиск» так далеко на север не доставала.

В конце марта 1965 года, как обычно, начался наш полевой сезон с того, что я на съёмочном АН-2 полетел искать подходящую льдину для ледовой базы в последних числах марта. Из-за плохих погодных условий смогли вылететь только 30 марта. Искал-то, конечно, командир самолёта, а я только соглашался с ним, что вот эта льдинка – прелесть, конфетка, а вот та – так себе, печеньице обкусанное. Потом мы садились на конфетку, наш техник бурил лунку, мы измеряли толщину льда, заключали, что конфетка тонковата, летели к следующей, ещё более конфетной льдинке, и после четырёх-пяти посадок удовлетворённо возвращались на базу экспедиции. В 1965 году – в аэропорт Чокурдах, расположенный рядом с одноименным посёлком - речным портом в нижнем течении Индигирки. На избранной льдине оставляли пустую бочку из-под авиабензина (летали-то почти целый день), а координаты её помечал на своей полётной карте штурман. На следующий день, если позволяла погода, на избранную льдину вылетала группа руководителя полётов (РП) человека 3-4 с радиостанцией и палаткой КАПШ-2 (овальная каркасная арктическая палатка Шапошникова). А в этом году 2 апреля начали забрасывать наш персонал с палатками, газовыми плитами и баллонами, продукты, спальные мешки и прочие бебехи. Обычно сначала летали на «Аннушках», чтобы доставить людей для расчистки ВПП (взлётно-посадочной полосы), а если льдина сразу оказывалась ровной, то и на двухмоторных ЛИ-2 на лыжах (ну, как обычно). Затем самолёты ЛИ-2 непрерывно таскали весь остальной груз (если, разумеется, позволяла погода) – авиабензин, нашу радиостанцию, движки-электроагрегаты, бензин для движков, остальные продукты, аппаратуру – ну, вы прекрасно знаете, как это делается.

Одновременно другие «Аннушки» и ЛИ-2 развозили лётные отряды и четыре радиостанции «Поиск» по местам их базирования. В 1965 году с дрейфующей базы работал только один отряд *Рэма (Григорьевича) Куринина*.

Эпизодически нам помогали два других отряда, базировавшиеся в аэропорту Темп на острове Котельном. В каждом лётном отряде – всегда пять человек. Вторым оператором-гравиметристом-магнитометристом у *Куринина* был *Роман (Рувим Саулович) Хаимов*. *Юра (Юрий Иванович) Матвеев* выполнял сейсмические измерения (*Ю.И.Матвеев* в 1976-79 годах был главным инженером Полярной экспедиции). Взрывником-«бурилой» у него был ст. техник *Лёша Тарханов*. Астрономом в этом отряде был *Володя Уткин*; там, где «доставал» «Поиск» (в юго-восточной части участка) – он работал оператором этой приёмной аппаратуры (фазового зонда). Два других съёмочных отряда, как я упоминал, располагались на острове Котельный, и по одному отряду – на островах Четырёхстолбовой, Жохова, и в устье Индигирки в аэропортике Табор.

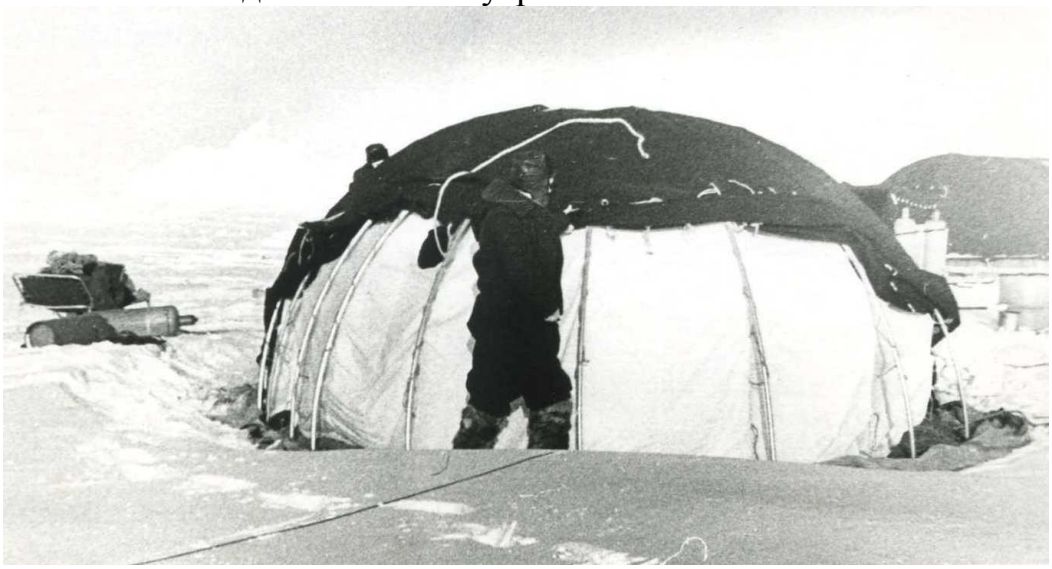
Расчистка ВПП – взлётно-посадочной полосы

Строительство лагеря – установка каркаса палатки КАПШ-2

Подвешивание внутреннего полога

Натягивание крыши КАПШ-2

Палатки установлены. Можно жить. И работать.
(Большие овальные – КАПШ-2, поменьше круглые – КАПШ-1)

ВПП рядом с лагерем – удобно

Когда с расчисткой ВПП закончено, и можно принимать ЛИ-2 в лыжном или в колёсном варианте, обычно наш персонал начинает обустраивать ледовую базу и в первую очередь строить туалет, чтобы потом можно было погадить не на ветру. Также было и в первых числах апреля описываемого 1965 года. «Удобства», сами понимаете, были минимальные. Из снежных сугробов, где таковые найдём, пилой-ножовкой выпиливали большие снежные блоки, отвозили их на волокуше – большом дюралевом листе – к месту строительства туалета, и возводили из плотных снежных блоков стену круглого «иглу» без крыши с нешироким входом, чтобы не сильно задувало. Метрах в пятидесяти от мужского туалета стали возводить и женский, а в это время очередной ЛИ-2 привез наших отважных полярниц. Строители, естественно, побросали инструменты и побежали встречать любимых дам. Прилетели пятеро: инженер-геофизик *Людмила Викторовна Моисеева*, худощавая курящая дама лет около 45 со своей большой чёрной собакой Альвой, возглавлявшая нашу дрейфующую камеральную группу; черноглазая стройная *Люся Кузьмина (Эльвира Михайловна*, но никто её так не называл, только *Люся* или *Люсенька*), живая женщина лет под тридцать, старший инженер-картограф, а у нас на льдине – молодой астроном; инженер-картограф (ну, на самом-то деле техник-чертёжник) белобрысая *Маша Карапузова (Мария Алексеевна)* с широким простым лицом, тоже около того же возраста или постарше, обрабатывающая геофизику и астрономию; геофизик *Иннуся Яковлева (Инесса Петровна)*, 28-летняя весёлая певунья с изумительным голосом и гитарой, которой на льдине предстояло работать на маятниковом приборе и в камералке; и седовласая невысокого роста *Мария Исааковна Гуревич*, шестидесяти лет, начальник планово-финансового отдела НИИГА, которой у нас предстояло быть вычислителем «за всё» – и гравику, и магнитку, и астрономию. (Забегая вперёд, скажу, что *Мария Исааковна* проявила себя на льдине с самой лучшей стороны, ничуть не демонстрируя, что она «особа, приближенная к императору», и входит в состав руководства института. Наряду со всеми она, помимо работы в качестве вычислителя, заготовляла снег для воды, выгружала из самолёта и

перетаскивала в лагерь прибывающие грузы, ходила в ночное дежурство по лагерю, не освобождающее от работы на следующий день, и т.д.).

Женщин сначала повели кормить в палатку КАПШ-2, в которой стоял длинный сколоченный из досок стол, накрытый клеёнкой, и складные алюминиевые стулья. Немудрёную еду – какой-нибудь суп, котлеты или жареные свиные отбивные с макаронами готовил повар на четырёхконфорной газовой плите, какие стоят в любой ленинградской квартире. Кормлёные раньше строители туалетов набились в столовую, чтобы пообщаться с дамами и послушать новости с Большой Земли. Потом женщин отвели в заранее установленную для них палатку КАПШ-2 с включённой двухконфорочной газовой плитой и подсоединённым газовым баллоном. Пять раскладушек с постланными на них оленьими шкурами тесно стояли внутри (обычно в КАПШ-2 живут по 4 человека). После этого мужчины удалились достраивать туалет. Дамы, распаковав и разложив свои спальные мешки и личные вещи, подошли к нам. Когда они выяснили, чем мы занимаемся, они хором решительно заявили, что строительство дамского туалета – это дело тонкое, а посему сугубо женское занятие, пусть нас научат. Мы показали им, как орудовать ножовкой, как возить на волокуше снежные «кирпичи», как аккуратно возводить из них круглую стенку, и работа закипела. Альва восторженно лаяла, хватала зубами верёвку от волокуши и пятилась задом, стараясь помочь своей хозяйке везти «кирпичи». Мужики с восторгом смотрели, как дамы успешно освоили новую для них строительную специальность, пока я не разогнал зрителей по своим делам.

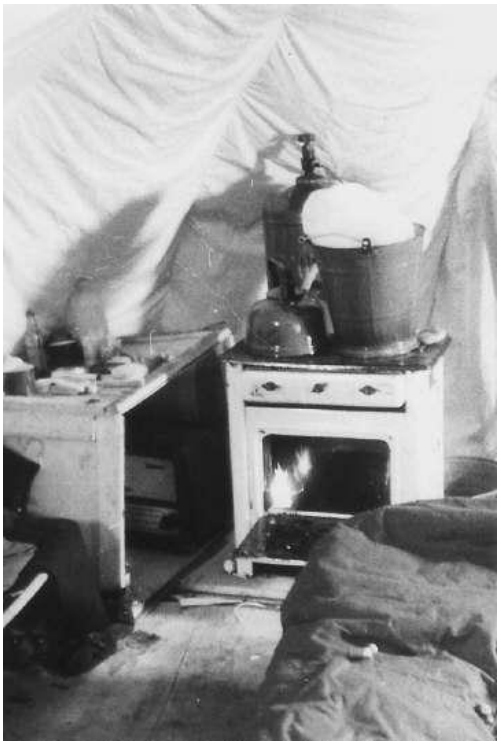

Снежный туалет

Вечером я зашёл к женщинам в палатку и увидел, что они забрались в спальные мешки из собачьего меха в своих меховых штанах и меховых куртках. Не помню, сняли ли они унты или улеглись спать в них. Альва голышом лежала на оленьей шкуре около раскладушки *Моисеевой*. Это была немецкая овчарка чепрачного окраса с явными следами аутбридинга. Она встала и не очень приветливо подошла ко мне, подозрительно обнюхивая мои унты. По её лицу я сразу прочёл её мысль: «Ходють тут всякие, а потом Кадиллаки пропадают!». Я присел на край раскладушки хозяйки. От такой нахальной фамильярности Альва обнажила клыки. Но я решительно положил обе руки на голову Альвы и сказал ей, что я собачий человек, и начал сильно теребить ей уши. Я знал совет Джека Лондона о завоевании таким образом доверия любой собаки.

– Ох, девушки, извините, я вас не предупредил! В меховых штанах и куртках в спальном мешке вы замёрзнете. Спать надо только голышом, ну, там трусики можете оставить, я тоже сплю в трусах. Я не шучу, *Мария Исааковна*. Это я впервые прочёл у *Фритьофа Нансена*. Когда он с друзьями пересекал на лыжах Гренландию, они выяснили, что спать в меховом мешке теплее всего голышом. Я это всегда неукоснительно требую от всех на льдинах. Сомневающимся разрешается попробовать проделать эксперимент, но потом все убеждаются, что спать так, действительно, теплее, чем в одежде. *Людмила Викторовна*, я вам не скажу «за физику» этой проблемы, я тоже знаю ещё из школы, что три рубашки теплее, чем одна рубашка тройной толщины. Но факт остаётся фактом. Голышом теплее. Вот поди ж ты. Ваша Альва-то тоже голышом в своей собачьей шкуре спит. Так что сегодня на первую ночь вы, пожалуйста, разденьтесь, а завтра, если захотите, можете поэкспериментировать. Спокойной ночи, девушки. Да, ещё одно предупреждение. Сейчас вы можете оставить конфорки плиты включёнными для согреву. А через час, когда вы уже будете спать, дежурный по лагерю придёт и выключит плиту. А под утро, за час до подъёма, он придёт и снова включит вам плиту, чтобы вылезать из мешков было не так противно. Этот опыт я получил в шестьдесят втором году в экспедиции «Север-14», когда нас однажды утром растолкали сотрудники, жившие в другой палатке, увидевшие, что мы не подаём признаков жизни. Мы еле выползли из спальных мешков, чтобы блевать через порог палатки. Весь день мы были чуть живы. Наша плита по какой-то причине ночью потухла, и мы едва не отравились до конца от продолжающего вытекать газа. Тогда на дрейфующей базе «Север-14», вероятно, до нашего случая, такого закона о выключении газа на ночь ещё не было. Я тогда же рассказал про наш печальный урок командиру базы, каперангу *Леониду Ивановичу Сенчуре*. А сейчас этот закон я требую исполнять неукоснительно. Был у нас случай в шестьдесят третьем году, когда одни теплолюбивые полярники включили плиту снова, когда дежурный ушёл. Гнев мой был ужаснее, чем у Зевса-громовержца, когда утром дежурный доложил мне, что в такой-то палатке самостийные прометеи снова зажгли огонь. Ну, правда, громовой гнев бушевал только у меня в груди, но я предупредил, что

буду принимать серьёзные меры к нарушителям, вплоть до удаления с базы. Так что, девицы, не вздумайте. Спокойной ночки, я вас всех люблю и целую. Спите крепко.

Газовая плита в палатке КАПШ-2

Когда я забрался в свой мешок, я услышал истошные визги дам, залезающих голыми в промёрзшие спальные мешки. Наши палатки стояли метрах в пяти, так что переговоры женщин, делившихся необычными впечатлениями, я слышал ещё долго, пока они не угомонились и не заснули.

Среди тишины ночи вдруг вдалеке зазвучало тихое завывание самолётного стартёра, затем раздался громкий «пых-дых», сменившийся рёвом самолётного двигателя. Это дежурный авиамеханик начал, как обычно, прогревать остывший АН-2. Иначе утром двигатель, промёрзший за ночь, утром невозможно будет завести. Чтобы его отогреть, надо будет устанавливать авиационною печку, подводить к двигателю длинный толстенный шланг и долго его разогревать – морока. А так механик два, а если очень холодно, то три раза за ночь прогреет двигатель, и можно будет утром без особого труда взлетать. Все к этой процедуре привыкли и не просыпаются. Но неожиданный громовой рёв нагнал панику на милых женщин. С криками «Льдина треснула!!», полуодетые, они повыскакивали из палатки. Альва, чувствуя общую тревогу, истошно лаяла и носилась кругами. Услышав это, я, накинув куртку, в трусах и унтах вышел к ним и успокоил. Остаток ночи я проспал нормально.

Утром снова случился конфуз. Кто-то из дам сидел в открытом сверху туалете, над которым на бреющем полёте взлетел съёмочный самолёт. Делегация женщин явилась ко мне с требованием выделить им большой брезент для создания крыши туалета. Я распорядился, и базовый завхоз *Борис*

Горбачев удовлетворил ходатайство прекрасных дам. Чтобы народ не ошибался, они прикрепили у входа своего туалета большую букву Ж.

Начались рабочие будни нашей базы. Желающие могут прочесть об этом на интернете в моей байке «Будни дрейфующей ледовой базы» в «Полярной почте» или в Библиотеке *Мошкова*. Но проще всего – наберите название этой байки на www.google.com, и она сразу выскочит к вам. Но учтите, что в ней описаны более драматические события следующего, 1966 года. А в этом году наш лагерь пересекла всего одна трещина , которая потом благополучно, без торошения, замерзла и никаких проблем нам не составляла. Но доставила, особенно для женщин, возможность пофотографироваться рядом с ней. Трёх тяжелейших перебазировок, случившихся на следующий год, нашим женщинам испытать не довелось.

На следующее утро, после завтрака, рассадив женщин за их рабочие столы в камеральной палатке, я открыл для них школу-ликбез. Начал я с того, что рассказал им, что такое гравитационное поле, оно же сила тяготения, сила тяжести тож, и за каким фигом мы эту тяжесть измеряем. Ну, геофизики *Людмила Викторовна Моисеева* и *Иннуся Яковлева* знали это не хуже меня, а для экономиста *Марии Исааковны*, топографини-геодезистки *Люси Кузьминой* и чертёжницы-вычислителя *Маши Карапузовой* эти сведения были полезны. Чтоб знали, чего мы тут делаем и за что нам страна ледовые надбавки платит, а *Мария Исааковна* нам их утверждает и планирует.

– *Машуня, Люся, Марь Исаковна*, усекли? Я понятно объяснил, чем мы тут занимаемся? Ну, тогда обедать. После обеда *Иннуся с Никитой* вам всем маятниковый прибор покажут...

Электронная аппаратура маятникового прибора и его оператор *Н.Б.Стожаров* в палатке КАПШ-2

Наблюдения на Ледовой базе на двух стационарных гравиметрах СН-3 (слева) и семи съёмочных гравиметрах ГАК (в центре) рядом с гравиметрической лабораторией – дрейфующим опорным пунктом. В этой палатке КАПШ-2 располагается маятниковый прибор

... Итак, начались рабочие будни на дрейфующей базе. Отряд *Рэма Куринина* (*Роман Хаимов* – второй оператор гравиметрист-магнитометрист, *Юра Матвеев* – сейсмик, *Володя Уткин* – астроном и *Лёша Тарханов* – «бурила») полетел на съёмку только 5 апреля. До этого погода не позволяла.

Никита Стожаров и *Гена Курицын* на одном морском маятниковом приборе ММП-II, а *Боря Хаит* и *Инна Яковлева* на другом выполнили свои наблюдения. *Сергей Попов* и *Володя Юрин* одновременно наблюдали на стационарных гравиметрах. *Люся Кузьмина* под руководством опытного астронома начальника радиогеодезической партии *Олега (Михайловича) Зябликова* училась ловить теодолитом звёзды в ясном небе. Я пошёл в камеральный КАПШ-2, где собрались наши отважные камеральщицы – *Людмила Викторовна Моисеева, Маша Карапузова и Мария Исааковна Гуревич.* В палатке стояли четыре квадратных складных алюминиевых стола со стульями, естественно, двухконфорная газовая печка, точно такая же, как и в малогабаритных ленинградских квартирах. В качестве вычислительной техники использовались ручные механические арифмометры – «Железные Феликсы». Пижонских электронных калькуляторов, какие, говорили в народе, американи используют, у нас не было. Вскоре сюда пришли освободившиеся *Инна Яковлева и Люся Кузьмина*. *Людмила Викторовна* стала учить *Машу* обработке магнитных и гравитационных измерений, а *Люся Марию Исааковну* – обработке астрономических наблюдений. Через день стало ясно, что *Марии Исааковне* астрономия даётся с большим трудом. Тогда её переключили на обработку гравики, что существенно проще, а на астрономию кинули чёрнобородого техника *Шуру Эзрохи*. К «вечеру» прилетели со съёмки уставшие геофизики отряда *Куринина*, сдали полевые журналы *Людмиле Викторовне*, а сами пошли в столовую, затем по своим личным делам, и на «боковую». На завтра ожидалась лётная погода. Лётная – это когда по крайней

мере 50% неба свободно от облаков, когда видны тени от торосов. Если небо закрыто облаками – всё бело, торосы не видны, подбирать площадку и садиться на лёд нельзя, можно впилиться в торос. Женщины и *Шурик Эзрохи* засели до «ночи» за обработку первого полученного рейса. Всё. Ледовая база заработала.

Я не буду здесь много расписывать, что делали наши женщины. Скажу лишь, что камеральная обработка материалов лётного отряда – астрономия, гравитационные и магнитные измерения – выполнялась очень оперативно. Полевые журналы сразу же после возвращения из съёмочного рейса передавались в камералку, и наши девушки тут же принимались их обрабатывать. Так что ребята могли лишних два часа поспать, а утром убедиться, что в прошлом маршруте всё было в порядке. «Вот только вот эту точечку нужно детализнуть – сделайте к западу и к востоку от неё ещё по одной точечке, ну, пожалуйста, мальчики! *Вадим Арпадыч*, правда? Видите, как она одиноко тут выскакивает!» Материалы маятниковых, гравиметрических, магнитных и магнито-вариационных наблюдений так же оперативно обрабатывались и наносились на карты.

А теперь посмотрите на наших отважных дрейфунь через объектив моего «Зоркого».

Отважные дрейфуньи, слева направо: *М.И.Гуревич, М.А.Карапузова, И.П.Яковлева, Л.В.Моисеева*, и Альва.

Те же, но в изменённом составе – автор заменил Альву.
Машуня Карапузова крестится – к добру ли это?

Когда из-за плохой или облачной погоды или неисправности самолёта съёмочный рейс не мог состояться, то вечером в камеральную палатку набивался свободный от вахт народ. *Иннуся* приносила гитару, и начинался концерт одного актёра. Нет, *Володя Юрин*, наш гравиметрист-менестрель-бардист-гитарист, тоже иногда присоединялся к ней. У *Инки* был замечательный голос. Она прекрасно пела оперные арии, но наибольшей популярностью у нас пользовались русские романсы и бардовские песни. И-эх, если бы *Булат Окуджава, Ада Якушева, Саша Городницкий, Юля Ким и Юрий Визбор* слышали, как красиво и задушевно поёт их песни *Инна Яковлева*, они бы ревели белухой и наколки на груди в кровь когтями разодрали...

Будни ледовой базы. Любишь утепляться – люби и саночки возить!
М.И.Гуревич бурлачит газовый баллон

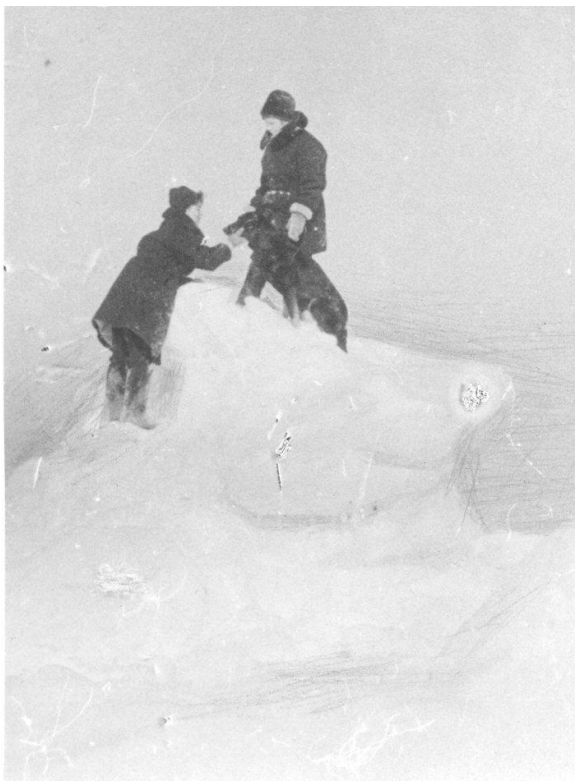
Инна: «Садись, Альвочка, порожним рейсом подвезу тебя до столовой!»

Астроном *Люсенька (Эльвира) Кузьмина*.
Обратите внимание, какие у неё длинные ресницы, покрытые инеем

Да наши женщины не только коня, но и медведя на скаку остановят!
Люся Кузьмина тренируется стрелять из нагана

Отважные девушки на вершине Тороса. Это не Эльбрус, но всё же...
Люся, Маша и Альва на прогулке вокруг ледовой базы.

Исполняя своё обещание, прилетел на ледовую базу *Борис Васильевич Ткаченко*. Мы ему всё показали, всё рассказали. Но в рейс он не полетел. Ему бы было тяжело десять или двенадцать часов болтаться на морозе, «то взлёт, то посадка»... Улетел он очень впечатлённый и удовлетворённый нашей работой.

Директор НИИГА *Б.В.Ткаченко* на ледовой базе, 1965 г.

Б.В.Ткаченко отрабатывает свой обед на ледовой базе – крутит лебёдку сейсмической косы

Руководители НИИГА (директор и начальник планово-экономического отдела) встретились в Восточно-Сибирском море

***

С проверкой работы авиаторов на ледовую базу прилетел однажды зам. начальника по политработе ПУГА (Полярного управления гражданской авиации) *Михаил Филипенин*. Вот его впечатления, опубликованные в журнале «Советская Женщина», март 1967года:

ТАМ, ГДЕ НЕ ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

Михаил Филипенин
Участник арктической воздушной экспедиции

Снежные поля без конца и края – это скованные льдом воды Восточно-Сибирского моря. Здесь дрейфует высокоширотная воздушная экспедиция. Каждый год весной, когда над Северным Ледовитым океаном появляются первые лучи холодного солнца, прилетают в эти суровые края самолёты Полярного управления гражданской авиации, и на льду появляются базы, палатки учёных и лётчиков.

– А женщины? – спросите вы. – Откуда здесь столько женщин?

Вот так удивился и я, когда однажды прилетел на ледовую базу.

... В палатке руководителя полётов – своего рода «боевом» штабе – особенно чувствовалось биение пульса всей воздушной экспедиции: отсюда следили за самолётами, вылетавшими с учёными на базы [точки геофизических изменений. – *В.Л.*], вели наблюдения за погодой, здесь составлялись

телеграммы с донесениями; приёмно-передаточная аппаратура работала бесперебойно, связывая базы невидимыми нитями радиоволн с Большой землёй.

Впрочем, всё это оживление и деловая атмосфера, царившие в экспедиции, стали для полярников привычными. Промышленность Севера бурно развивается, растут потоки различных грузов в Арктику. Но природа её остаётся по-прежнему суровой, караваны судов пробиваются сквозь льды к портам с большими трудностями, и только боевой союз моряков, учёных и лётчиков помогает обеспечивать судоходство по трассам Северного морского пути. [Это немножко не по адресу, мы обеспечивали не судоходство, а трассы ракет с ядерными боеголовками, нацеленных на города Америки, но всё равно красиво сказано. По латыни: Се нон э веро, но бен соврато. – В.Л.].

Хотя по местному времени уже наступила ночь, в палатке руководителя полётов никто ещё не спал. Поужинав, ребята с наслаждением потягивали чай. Порция отбивной ожидала и меня. Не успел я за неё приняться, как в дверь палатки постучали.

– Разрешите погреться? – раздался женский голос.

Для меня это было, как гром в полярную ночь. Десять лет я участвую в высокоширотных экспедициях, а женщин на дрейфующем льду не встречал. На полярных станциях, расположенных по побережью Северного Ледовитого океана и на его островах, довольно много представительниц прекрасного пола. Но здесь, во льдах, в такой дали от берегов?...Мы как-то привыкли считать, что полярный исследователь – профессия сугубо мужская.

– Добро пожаловать! – почти хором ответили хозяева палатки.

Всеобщее оживление прогнало сонливость. В дверях появилась женщина среднего роста, одетая, как и все, в унты, тёплые брюки, меховую куртку и шапку-ушанку. Мягко улыбнулась всем. Заметив в палатке новичка, протянула мне руку.

– *Мария Алексеевна Карапузова*, инженер-картограф. А сегодня дежурная по лагерю и поэтому самое большое начальство.

Она промёрзла и на чай с печеньем согласилась охотно. Я узнал, что рядом находится посёлок учёных Научно-исследовательского института геологии Арктики. Так вот кто нарушил неписаный закон и открыл женщинам дорогу к Северному полюсу! А впрочем, чему удивляться, если советская женщина побывала даже в космосе.

– Но не думайте, что я здесь одна. Нас пятеро, – сказала *Мария Алексеевна* и предложила:

– Я как раз возвращаюсь в посёлок и приглашаю Вас. Тем более сегодня есть для этого удачный предлог...

Я взял из её рук довольно тяжёлый карабин (в посёлке иногда появляются белые медведи), и мы отправились. Оказалось, спутница моя участвует в подобных экспедициях не впервые. Муж её, геолог, тоже много разъезжает.

– Бывает, подолгу не видимся, – говорила *Карапузова*, энергично шагая по льду. – Я приеду – он уедет. Но зато сколько мы повидали и сделали! А дети наши, два карапузика, с бабушкой в Ленинграде. Трудности? Конечно, есть, и немало. А без них и жизнь была бы неинтересной!

А вот и женский «дворец». Палатка, как и у нас, только порядка в ней больше. Справа у входа газовая плита, слева – умывальник, вёдра со снегом. Ледяной пол устлан сеном, а сверху брезент и фанера. На столе географические карты, приборы, и – опять-таки впервые вижу на льду – на верёвочке сушится бельё.

– Не удивляйтесь, сегодня была женская «баня», – сказали мне, и вмиг всё исчезло.

В палатке две женщины. Ещё двое явились следом за нами – наблюдали за звёздами, определяли местонахождение нашей льдины.

– За сутки прошли двенадцать километров, – сказала инженер-астроном *Эльвира Кузьмина*. – Это быстрый дрейф.

Одета она по-домашнему: пушистый свитер, тёплый платок. На вид ей около тридцати, глаза лучатся радостью и энергией. Она впервые «вырвалась» из стен института в Заполярье и сразу – на дрейфующий лёд.

Мария Гуревич в своей работе тоже оперирует цифрами, но не астрономическими, а статистическими. Экономист Института геологии Арктики, она прилетела сюда ненадолго – подсчитать, во что обходится пребывание экспедиции на льдине. [Это ошибка *Филипенина*, но скорее всего *Мария Исааковна* его не совсем верно информировала о своей работе на льдине. Опять же – се нон э веро, зато хорошо соврато. – *В.Л.*].

Устраиваясь поудобнее у гостеприимных хозяек, я сделал неловкое движение, что-то толкнул, и вдруг послышалось угрожающее рычание. Смотрю – собака, сильная, красивая. Мы тут же познакомились, и Альва завиляла хвостом.

Хозяйкой собаки оказалась *Людмила Викторовна Моисеева*, инженер-геофизик. Вот уж действительно бывалая путешественница! *Моисеева* исходила и изъездила всю Архангельскую область, Южный и Северный Урал, работала во многих районах Арктики. И в том, что мы сейчас знаем о богатствах недр нашего Крайнего Севера, немалая заслуга этой женщины-следопыта.

В палатке появилась самая младшая в группе учёных – инженер-геофизик *Энесса Яковлева*. За ней – целая ватага полярников. Я счастливо попал в гости: в этот день *Энессе* исполнилось двадцать восемь лет, и друзья пришли поздравить её.

Несмотря на молодость, *Энесса* имеет солидный стаж научной работы: третий год участвует в арктических морских и сухопутных экспедициях, а два года назад на судне «Полюс» плавала к берегам Англии. Весёлая, озорная, Энесса работает с неизменным увлечением, и кажется, ни холод, ни временные неудачи не могут испортить её хорошего настроения.

«*Энесса* – истинная душа коллектива», – подумал я, видя, как весело и оживлённо готовятся друзья отметить её праздник. На столе появился торт, закуски, горячее – в общем, почти всё, что необходимо в таких случаях... А когда в руках «новорожденной» зазвучала гитара, все сразу примолкли.

Слышно было только, как ветер треплет стенки полотняной палатки, стоящей на льду метровой толщины над пучиной океана. [Обижаешь, гражданин начальник! Метровые льдинки мы для ледовых баз не берём! От метра восемьдесят до двух метров, меньше не соглашаемся! – *В.Л.*].

Конец статьи *Михаила Филипенина*.

***

Но вернёмся к нашим мутонам – отважным дрейфуньям на ледовой базе...

Ну, вот, начинается... Первая трещина расколола ледовую базу.

Слава Богу, в этом году она не заставила нас эвакуироваться, а только дала нам отличную возможность пофотографироваться вокруг неё. Это я на вкус проверяю, достаточно ли солёная вода в Восточно-Сибирском море. На следующий год в восточной части этого моря я её невольно наглотался, с головой провалившись в запорошенную снегом трещину при поисках новой льдины после очередного (третьего) в том сезоне раскола льдины. Если бы не *Эдик Каминский*, командир АН-2, вместе с которым я искал другую площадку, увидевший сквозь пургу, что я взмахнул рукой и исчез, плавал бы я в Ледовитом океане до сих пор. Выкарабкаться самостоятельно в намокшей меховой одежде и унтах было бы невозможно.

Опять трещина... Завхозу-коменданту базы *Борису Горбачёву* (слева) это безобразие за несколько лет уже надоело – он не улыбается. Рядом с ним нахохлился *Г.А.Сёмушин*. А я, как всегда, жизнерадостный

Зато наши девушки-дрейфуньи как рады!
Люся Кузьмина протягивает руку *Никите Стожарову*: «Давай Никита, не бойся!»
Слева – *Володя Юрин*, наш менестрель-гитарист-гравиметрист, а на следующий год – ещё и астроном. Между *Люсей и Никитой – Гена Курицын*, маятниковист и магнитовариационщик

Никита Стожаров: «Спасибо, *Мария Исааковна*, смог только с Вашей помощью!»

Мария Исааковна: «Альва, ты тоже не бойся, прыгай!»
Справа от *М.И. Гуревич – Г.А. Сёмушин и Г.В. Курицын*.

Я: «*Марь Исаковна*, теперь Ваша очередь, не бойтесь, переползайте!»

Ну, такие-то трещинки нам, как два пальца...

А сейчас посмотрите несколько фотографий, показывающих, как производятся геофизические наблюдения на точках съёмки:

Андрей Орлов измеряет магнитное поле, астроном наблюдает звезды для определения координат. Слева три гравиметра ждут своей очереди (1966г.)

Сейсмические наблюдения на ледовой базе. Опускание заряда в лунку

Сейсмические наблюдения на точке – взрыв подо льдом в лунке

***

Уже приближался конец рабочего сезона, когда радист нашей ледовой базы *Коля Давыдов* вручил мне РД – радиограмму «Восьмому от Девятого». Начальник экспедиции *А.П.Витязев*, секретно скрывавшийся от американского радиоперехвата под кличкой «Девятый», сухо предписывал мне с первым бортом вылететь на базу экспедиции в аэропорт Чокурдах. Что я сразу же и сделал на ЛИ-2, увозящим на Большую Землю пустые газовые баллоны и бочки из-под бензина. Чего это *Палычу* приспичило? – размышлял я в полёте. Конец сезона, самая горячка, добиваем план, надо заполнить пропуски на карте, надо уже вывозить с базы ненужное оборудование, я прыгаю, как белка, а тут вдруг он меня выдирает. Вспомнилось, как *Витязев* прилетал в середине апреля в аэропорт Темп на западном берегу острова Котельный, где базируются два наших лётных отряда – *Володи Шимараева и Андрея Орлова*, а командует ими в качестве начальника гравиметрической партии *Коля Третьяков*. Знаете, как изголодавшийся полярник, прилетев со льдины в Ленинград, напрыгивает на жену, не снимая рюкзака? Так и *Витязев* налетел на *Колю Третьякова*, начавшего докладывать начальнику, как успешно они работают, план выполняют, как хорошо все обустроились, вот сейчас, *Александр Павлович,* Вас в баньку сведём... «НЕ БЫТОМ ЗАНИМАТЬСЯ НАДО, *НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ!* А ТОЧКИ ДЕЛАТЬ!! И ПРИТОМ – ДАЛЬНИЕ!!!» – громовым басом распёк начальник экспедиции оторопевшего начальника партии перед собравшимся народом, хотя точки делались исправно, *Орлов* долетал до ледовой базы, делая самые дальние точки, всё было благополучно, никаких ЧП не произошло. Но чтоб боялись! Что умел хорошо делать начальник экспедиции, капитан первого ранга в отставке (ни уха, ни рыла в геофизике) – это публично распекать нерадивых трудящихся. Эта фраза о дальних точках

была потом написана в виде плаката и висела, как лозунг, в камералке в Темпе. Ещё по экспедиции ходила ядовито высмеивающая *распекабельная* фраза *Александра Павловича*: «Ребёнку скажешь – возмутится! Домой напишешь – не поверят!». Чего он меня со льдины вырвал? Всё вроде бы в порядке. Работу благополучно заканчиваем. План точно перевыполним. Качество съёмки, вроде бы, отличное. *Ткаченко* прилетал – остался очень доволен. Замначальника всей Полярной авиации *Филипенин* прилетал – тоже отметил, что авиаторы работают отлично, взаимопонимание «летунов» и «науки» – полное. Наши бабоньки вообще его очаровали, обещал восторженную статью в «Правду» и в «Советскую Женщину» написать о первых в мире женщинах, по-настоящему работающих на дрейфующей льдине. Так что чего уж распекать?

Александр Павлович встретил меня в гостинице аэропорта в Чокурдахе хмуро, руки не подал. От него заметно пахло алкоголем. «Если будет распекать не по делу, оборву. И сам рявкну, окрысюсь», – подумал я.

– Так что случилось, *Александр Павлович*, – приветливо спросил я. – Чего вызвали?

Витязев вместо ответа протянул мне какую-то плоскую синеватую квадратную коробочку.

– Что это? Шоколад?

– Какой ещё шоколад? Это печать.

– Печать? Что за печать?

– Печать нашей экспедиции.

– Вы заказали новую печать? – Открыл коробочку, в ней, действительно, на тёмно-фиолетовой подушечке лежала металлическая круглая печать. Я приподнял её за овальное ушко и посмотрел на замазанную чернилами лицевую сторону, ничего не понимая, при чём тут это.

– Я передаю Вам печать экспедиции.

– На что мне она, *Александр Павлович*? Медведям под хвост ставить в знак заключения с ними договора о ненападении? Я же на льдине никаких договоров не заключаю...

– Я передаю Вам обязанности начальника Полярной экспедиции.

– Вы заболели, *Александр Павлович*?! Что с Вами?!

– Я совершенно здоров. Не прикидывайтесь, *Вадим Арпадович*. Вы являетесь фактическим начальником экспедиции.

– Я-а?! С каких пор? Это что, *Ткаченко* решил? Так почему он мне сам этого не сказал?! Если это он это потом решил, после отлёта от нас, мог бы мне на базу объяснительную радиограмму прислать! А в чём дело? Почему? Всё же идёт на редкость хорошо в этом году! Льдина серьёзно в этом году не разламывалась, план перевыполним, девчата работают отлично, *Ткаченко* у нас был совершенно доволен! Что случилось, *Александр Павлович*? («А! Он что, при *Ткаченке* нажрался до поросячьего визга?! И директор его снял с должности!» – мелькнула у меня шальная мысль).

– Нет. *Ткаченко* здесь не причём. Это моё решение.

– Ну, *Александр Павлович*, тогда я ничего не понимаю. Тогда объясните, пожалуйста.

– *Вадим Арпадович*, давайте начистоту. Всё руководство экспедиции фактически исходит от Вас. Я – как зитц-председатель, только портянками и забroской бензина руковожу. Вся переписка отрядов идёт только на Вас – где чего снимать, где чего сгущать, где ставить сейсмику, а где всё еще доставать лотом, но сейсмику всё равно делать, в каком отряде сломался гравиметр и чем его заменить... Все же радиограммы идут через нас – *Боря Дударев* мне всё показывает, прежде, чем передать Восьмому, Вам, на ледовую базу. Никто ничего никогда не спрашивает меня, Девятого. Все решения принимаете Вы.

Йоп, ну, блин, п...ц! Так вот оно что! Совсем у каперанга крыша сдвинулась. Допился! Ну, слава тебе, Господи, я уж думал, чего хуже.

– *Александр Павлович*, и это всё?! Так это же естественно! Я – технический руководитель, по всем производственным вопросам народ, естественно, обращается ко мне. Вы – начальник, член партии, лицо экспедиции. Благодарность за работу экспедиции *Федынский* будет слать Вам, ручку на общем собрании института *Ткаченко* будет пожимать Вам, в райкоме будете докладывать Вы, а не я, у *Деменицкой* Вы правая рука, чего же ещё? А то, что с техническими вопросами наши геофизики к Вам не обращаются, – так это потому, что все знают, что Вы не специалист, просто не хотят ставить Вас в неловкое положение своими вопросами. Но Вы уже третий год среди нас трётесь, ну, трётесь, извините, не так сказал, тесно работаете с нами, стали понимать, что к чему, и вникать в суть дела. В какой-то мере тут есть моя вина, что я все технические вопросы взял на себя. Обещаю Вам, что в следующий полевой сезон все технические вопросы мы с Вами будем решать совместно.

Александр Павлович широко протянул мне руку, крепко пожал и обнял меня (ну, совсем как генсек ЦК КПСС африканского вождя, только что в губы не поцеловал), обдав плотным выхлопом застарелого перегара и свежего алкоголя. Мы с ним хорошо выпили, *Александр Павлович* долго рассказывал мне о своей безупречной службе в военно-морской гидрографии, и мы расстались лучшими друзьями. Тем же самолётом с бочками бензина я вылетел на базу заканчивать съёмку. Ну, бляха-муха, хмельно улыбался я, мы привыкли к командирскому рыку каперанга, как будто в шторм при вое ветра и разрывах японских шимоз он распекает наваливших в штаны молодых матросов, а тут он себя повёл, как юная пионерка, узнавшая, что она беременна! Вот поди ж ты! Ну, слава Богу, что всё хорошо кончилось!

Вернувшись из Чокурдаха на ледовую базу, я сразу снова с головой окунулся в работу нашей группы, запросил по радио о состоянии дел в других отрядах на островах и на берегу, попросил начальников отрядов все ответы дублировать Девятому. А тут вскоре благополучно завершились все съёмки. Благо, погода и ледовая обстановка в этом году были достаточно благоприятными, план поэтому выполнили и перевыполнили вовремя. Прогноз на ближайшие дни по состоянию льдов был плохой. Луна, сука, как всегда в

новолунье-полнолунье, вызывала увеличенный прилив-отлив, а, соответственно, подвижки и торошение льдов, поэтому надо было срочно закругляться. Для ускорения эвакуации ледовой базы я дал команду самолету ЛИ-2 *Саши (Александра Михайловича*) *Малявкина*, делавшего над нами аэромагнитную съёмку Восточно-Сибирского моря, сесть к нам и забрать милых женщин. Что и было сделано 5 мая. Мы свернули работу базы, и с 6 по 10 мая вывезли всё оборудование и снаряжение в Чокурдах. Таким образом, база просуществовала с 2 апреля по 10 мая, то есть 38 дней. Только мы закончили всю эвакуацию базы – как на следующий день Луна разломала льдину на куски. Но уже без нас.

Как всегда, полевые материалы нашей экспедиции после возвращения в Ленинград принимала и оценивала комиссия Министерства геологии (СССР) во главе с главным геофизиком Министерства, пожилым гравиметристом *Львом Владимировичем Петровым*. Вторым членом комиссии был старший инженер отдела геофизики Министерства, молодой гравиметрист *Игорь Французов*. Именно с ними я реально занимался созданием и организацией экспедиции в 1962-63 годах и решал все насущные вопросы снабжения аппаратурой и т.п. тогда и в дальнейшем. Ну, естественно, всё это осуществлялось под пристальным вниманием начальника Главгеофизики, профессора МГУ *Всеволода Владимировича Федынского*, который был главным руководителем МГС – Мировой гравиметрической съёмки, и которому я многократно докладывал о состоянии наших дел. Как и во все предыдущие годы, полевые материалы были приняты комиссией с отличной оценкой.

ДИРЕКТОРУ НИИГА
тов. *ТКАЧЕНКО Б.В.*
НАЧАЛЬНИКУ ПОЛЯРНОЙ ГЕОФИЗИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
тов. *ВИТЯЗЕВУ А.П.*
ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ ЭКСПЕДИЦИИ
тов. *ЛИТИНСКОМУ В.А.*

От имени коллектива Отдела геофизики Госгеолкома СССР поздравляем Вас и весь коллектив экспедиции с успешным завершением ледовых работ 1965 года на Восточно-Сибирском море.

Желаем всем участникам работы здоровья и плодотворной камеральной обработки материалов экспедиции.

/подпись/ В. ФЕДЫНСКИЙ

/подпись/ Л. ПЕТРОВ

« *4* » июня 1965 г.

***

Но надо мной уже сгущались грозовые тучи. По результатам работ 1963-65 годов я осенью 1965 года написал статью «Геолого-тектоническое строение дна морей Лаптевых и западной части Восточно-Сибирского по геофизическим данным». Эту статью от А до Я написал я. Изложил свою идею о платформенном строении шельфа этих морей, подробно изложил точку зрения геолога *Я.И.Полькина*, принимавшего участие в интерпретации наших материалов, и примкнувшего к нему начальника одного из лётных отрядов *Г.И.Гапоненко* о продолжении геосинклинальных структур суши на шельфе. В качестве соавторов, помимо *Полькина и Гапоненко*, я включил ещё *Д.В.Левина*, чей отчёт об аэромагнитной съёмке я частично использовал, а также начальника ещё одного лётного отряда, *Андрея Орлова*, моего однокашника по Горному институту. Последние двое в обсуждении тектоники морей участия не принимали, я их вставил просто из уважения. А *Раису Михайловну Деменицкую*, принимавшую самое активное участие в создании Полярной экспедиции на самом первом этапе, но не принимавшей все эти годы никакого участия в приёмке наших полевых материалов и обсуждении предварительных результатов работ – именно из-за этого я начисто забыл вставить в соавторы статьи, склеротик! И вот я чувствую, что после сдачи ей, как редактору геофизического сборника, этой злополучной статьи о первых геологических результатах наших грандиозных работ, она начинает относиться ко мне с каждым днём всё хуже и хуже. Я уж и так, и эдак – дальше совсем плохо, стала она меня подъедать со всем содержанием моей прямой кишки. В статье она на первое место в списке авторов поставила *Гапоненко*, сдинув меня на второе место… Подробно об изгнании меня из экспедиции заинтересовавшиеся могут прочесть здесь: http://world.lib.ru/l/litinskij_w_a/dreyfuni.shtml.

В начале 1966 года, когда я писал производственную часть проекта для съёмки восточной части Восточно-Сибирского моря, *Деменицкая* сходу зарубила участие женщин в качестве камеральной группы на ледовой базе.

– *Литинский* развёл гарем на льдине!! – кричала *Раиса Михайловна*. (Ага, и 60-летняя *Марь Исаковна* – моя главная одалиска, злобно подумал я). – Говорят, в центральной прессе появилась статья об этом! Я не хочу, чтобы моё имя, как руководителя отдела, мешали с этой грязью!!

Александр Павлович сделал суровое лицо ортодоксального коммуниста и сказал, что он полностью согласен с *Раисой Михайловной*. Пользы от женщин на льдине никакой, только сплетни идут по институту. Реальная опасность, в случае раскола льдины, существует, и первый спрос при этом будет с *Раисы Михайловны*.

– Причём тут *Раиса Михайловна*? – окрысился я. – За технику безопасности на льдине и во всей экспедиции отвечаю я, как главный инженер. И судить в случае чего будут меня, а не *Раису Михайловну*. *Александр Павлович*, Вы забыли, что правила техники безопасности для работы на льдах

разработал я, занятия по ТБ каждую весну провожу я, и принимаю у всех экзамен, и у Вас в том числе?

Витязев испуганно хрюкнул и взглянул на *Деменицкую*, но возразить ничего не сумел. *Раиса Михайловна* изобразила на лице страшное изумление и негодование моему хамству. Правая и левая руки *Деменицкой* – начальник сектора аэромагнитных исследований коммунист *А.М.Карасик* и начальник сектора морской геофизики коммунист *Н.Н.Трубятчинский* («подполковник Трубятчинский» в песне Саши Городницкого) – сурово хмурили брови, но промолчали при этом разговоре.

Раскрытая книга – работа женщин на дрейфующих льдах советской Арктики – была грубо захлопнута взбалмошной женщиной, которую посмертно в сборнике «Полярники пишут сами» назвали «мамой Полярной экспедиции». Я такой клички раньше не слыхал.

***

Мои любимые девушки-Полярницы на крылечке НИИГА
Старое доброе время, ещё при Советской власти!

С вечной сигаретой и скептической улыбкой – геофизик *Людмила Моисеева*; экономист *Таня Лисицына*; любитель женщин, создатель первого в мире дрейфующего гарема в Арктике, шалунишка-автор этой байки (обратите внимание на его плотоядную улыбку); экономистка *Флора Дав (Маевская);* техник на все руки *Томара Маркова*; техник-картограф *Томара Круглова*; техник-картограф *Женя Лебединская (Третьякова)* и геодезист *Люся Кузьмина*

И в заключение – старые Полярники и Полярницы, принимавшие участие в освоении советских Арктических морей (а кто и Антарктиды), собрались вместе в 2008 году. Не все, разумеется. Теперь такие сборы происходят всё реже... Иных уж нет, а те далече (*Коганы* – в Германии, я в – Америчке).

Слева направо: Сидят *Ниночка Ласточкина* и *Люсенька Кузьмина*.
Стоят: *Фирочка Коган* (сейсмик, жена *Альберта Когана* – крайний справа); *Коля Ржевский; Женечка Третьякова; Коля Третьяков* (в октябре 2011 он навсегда ушёл от нас); *Маша Лебедева* – жена *Володи Шимараева*, который справа от неё; и всё тот же *Алик Коган*

Привет, ребята! Будьте здоровы! Ещё долгих лет вам!

Любящий вас,

Вадим

P.S.: Полный текст этой длинной документальной байки со всеми многочисленными фотографиями желающие могут посмотреть, набрав в Google, Yandex или любой другой поисковой системе её название «Отважные дрейфуньи».

НЕПОМИЛУЕВ В.Ф.

О геологах и их песнях

Профессия геолога песенная. Настоящий геолог должен хотеть и уметь петь, или, хотя бы, любить слушать, как поют другие.

Проработав в различных геологических партиях НИИГА-ВНИИОкеангеологии-Полярной экспедиции сорок лет (с 1963 по 2003 год), я убедился, что высказанный выше постулат верен: почти все мои товарищи по работе дружили с песней.

С тех далеких теперь уже пор многое изменилось, многое стало забываться, а иных уже нет. И мне захотелось напомнить о нашем романтическом времени с самой лучшей, а именно, песенной его стороны. Для этого я вспомню песни, которые тогда пелись геологами и, таким образом, вспомню и их исполнителей.

Всех песен и всех исполнителей вспомнить практически невозможно: их было очень много. Я расскажу здесь лишь о наиболее интересных случаях, эпизодах и ситуациях, взятых из жизни геологов, которые так или иначе были связаны с песней.

Песни геологов Шпицбергена

Из всех геологических партий, в которых мне пришлось поработать, Шпицбергенская партия была самой песенной. Может быть, время моей работы на Шпицбергене (60-е годы) было такое песенное. Ведь не зря же именно в шестидесятые годы появилось много талантливых профессиональных поэтов-песенников и композиторов, а также зародилась и расцвела пышным цветом бардовская песня. Не зря же поэтов, композиторов и бардов той поры называют ныне шестидесятниками. А может быть, просто еще и потому, что все геологи партии были тогда молодыми.

В общем, шпицбергенцы любили попеть. Отправляясь на Шпицберген, пели на перроне Московского вокзала, пели в поезде Ленинград-Мурманск и пели даже на теплоходе «Сестрорецк», пересекая Баренцево и Северное моря, когда не было качки. Пели на базе в Баренцбурге перед началом полевых работ и после их окончания. По прибытии обратно в Ленинград опять пели после приемки полевых материалов, после защиты отчета и по всем крупным праздникам: 7 ноября, в Новый год, 23 февраля, 8 марта и 1 мая. Нужно сказать, что пели не на пустой желудок. И это естественно. Как говорится, сколько пива, столько и песен.

А что пели? Наиболее популярными были геологические песни *Александра Городницкого*, тогда еще работавшего в НИИГА: «Тихо над тундрой шуршит снегопад», «Кожаные куртки, брошенные в угол», «Все перекаты, да перекаты», «От злой тоски не матерись», «Над Канадой, над Канадой», «А женам надоели расставания», «В промозглой мгле-ледоход, ледолом», «У геркулесовых столбов», «Атланты держат небо».

Вторыми по популярности были песни *Юрия Визбора*: «Мама, я хочу домой», «Турбины ТУ», «Давным-давно», «Ты у меня одна», «Серега Санин», «Рассказ технолога Петухова» и *Булата Окуджавы*: «Полночный троллейбус», «Песенка о Лёньке Королеве», «Песенка о Ваньке Морозове», «О синих маяках», «Ах, война, что ж ты подлая, сделала», «Вы слышите, грохочут сапоги», «Дежурный по апрелю».

Песни *Владимира Высоцкого* пели редко. Очевидно, потому, что боялись петь, боялись испортить песню. Любое другое исполнение, по сравнению с исполнением самого *Высоцкого*, кажется неэмоциональным и убогим. Наиболее простые в исполнении песни: «Песни о друге», «Прощание с горами», «На нейтральной полосе», «Штрафные батальоны»– все же иногда пытались петь.

Пели, конечно, песни и профессиональных поэтов и композиторов. Естественно, редкое застолье обходилось без песни о геологах *Александры Пахмутовой* «Держись, геолог, крепись, геолог, ты солнцу и ветру брат» и туристские песни типа «Глобус крутится-вертится»*, «А я еду, а я еду за туманом», «Когда качаются фонарики ночные» или знаменитой «Бригантины» с ее вьющимся по ветру веселым Роджером. Самой же популярной песней была:

Нас по самолетам распихали,
Сунули авансы в зубы нам,
Доброго пути не пожелали
И послали нас ко всем чертям.
В тайгу заброшены судьбой суровой
Мы вдалеке от бани и пивной,
Давно не мытые, давно не бритые,
Сидим в палатке рваной и сырой.
Нам страна алмазов дать велела,
Пусть хотя и мелких, но навал,
Мы с душой взялись за это дело,
Ищем этот мерзкий минерал.

Из всех песен о геологах эта песня – самая геологическая, в ней жизнь геолога отражена наиболее реально. Кто ее автор, неизвестно. Скорее всего, сочинил ее какой-нибудь рядовой геолог-полевик в начале 50-х годов, когда перед геологами была поставлена задача во что бы то ни стало найти стране алмазы. «Пусть хотя и мелких, но навал», т. е. найти нужно было технические алмазы. Своих технических алмазов в СССР не было. Приходилось покупать за границей драгоценные бриллианты и превращать их в техническое сырье.

И ведь дали стране геологи этот «мерзкий минерал». А если бы не дали? Не было бы у нас алмазного глубокого бурения, стало быть, не было бы и такого количества нефти и газа; не было бы точного машиностроения, авиа- и ракетостроения. Не было бы и полетов в космос.

* Эта песня принадлежит *Глебу Горбовскому* [ред.]

Не было бы у нас такого количества ядерных боеголовок, не найди геологи в 50-е года для страны нужное количество урановых месторождений. Искали уран геологи, кстати, тоже с песнями:

Закури-ка, дружок, закури, завтра утром с восходом зари,
Ты пойдешь по тайге опять, урана руду искать*

- пелось в одной популярной песне про геологов-уранщиков.

«Караоке» по-Шпицбергенски

Как уже говорилось, шпицбергенцы любили попеть. Но у них, как у певцов, была одна небольшая, но существенная слабость: некоторые из поющих не знали полностью всех слов песен. Из-за этого пение нередко прекращалось, так как поющие не могли допеть песню до конца.

Начальник Шпицбергенской партии Валентин Николаевич Соколов сам был большим любителем пения и застолий. Борясь с вышеназванным недостатком своих поющих сотрудников, он однажды принял нестандартное решение. Все сидящие за столом обязаны были исполнить по очереди ту или иную песню в качестве запевалы. Ссылка очередного кандидата в запевалы на то, что он не умеет петь, не принималась. Главное – чтобы запевала знал все слова исполняемой им песни. Остальные, естественно, ему подпевали. Если застолье было небольшое, то, пройдя с песнями один круг, запускали второй, третий и так далее, пока не напевались досыта. Проблема со знанием слов песен была решена. В общем, получилось все, как у японского музыкального ящика под названием «Караоке», только на много лет раньше.

Представляю наиболее активных участников шпицбергенского «караоке» и репертуар исполняемых ими песен.

Валентин Николаевич Соколов, автор песенного проекта, был участником Великой Отечественной войны. В застольях исполнял чаще всего две песни из кинофильма «Два бойца» - «Темная ночь» или «Шаланды полные кефали». Знал он и другие фронтовые песни: «Вьется в тесной печурке огонь», «На позицию девушка провожала бойца», «Синий платочек». У него был приятный голос, пел он негромко, но с чувством. Подпевающие больше слушали его и старались не заглушать голос ведущего. Получалось очень даже неплохо.

Татьяна Михайловна Пчелина, начальник отдела и ведущий специалист по мезозою Шпицбергена, в шестидесятые годы была молода и красива. Большинство мужчин Шпицбергенской партии тайно или явно были в Таню влюблены. К тому же она была в партии первой певуньей. Песен знала много. С наибольшим воодушевлением исполняла песни на слова Сергея Есенина из «Руси кабацкой». Ее любимая есенинская песня была «Грубым дается радость, нежным дается печаль, мне ж ничего не надо, мне ж ничего не жаль». Особенно удавался ей припев этой песни:

* В оригинале песни было более складно: «молибдена руду искать» [ред.]

Что же вы не пьете, дьяволы,
Или я не сын страны,
Или я за рюмку водки
Не закладывал штаны!

Но фишкой *Татьяны* была «Комариная песня», сочиненная в далеком 1958 году академиком *Игорем Сергеевичем Грамбергом*. В 1958 году Грамберг, естественно, не был еще академиком, а был просто геологом, работал в поле в Верхоянье на хребте Хараулах и любил петь песни. Пчелина в тот год тоже работала там и рассказывала, что на хребте было необычайно много больших и злых комаров. Песня родилась у Грамберга, когда комары их совсем достали. Песня шпицбергенцам нравилась, но полностью слова знала только *Пчелина* и исполняла ее по просьбе застолья.

Комариная песня

С рюкзаком за спиной
Я иду лесной тропой.
Вслед за мной идет коллектор
И оклад идет двойной.
Здесь много гор крутых,
Здесь много чащ густых
И пакостей других,
Но мало полевых.
От вас не скрою я,
Что долюшка моя,
Хоть горемычная,
Но мне привычная.
От поры, до поры
Нас кусают комары.
Смажешь кой-что диметилом
И бегом бежишь с горы.
Зато уж благодать,
Когда идешь п...ть
Без накомарника
И без напарника.

Справедливости ради, комариная песня не стала хитом. Она забылась. Полностью слова песни хранятся в домашнем архиве *Преображенской Эвелины Николаевны*, тоже работавшей с *Грамбергом* в 1958 году на Хараулахе и знающей причины ее сочинения.

Начальник отряда *Юрий Яковлевич Лившиц* как геолог занимавшийся изучением палеогена Шпицбергена, хорошим голосом не обладал. Но тем не менее петь любил и считался главным певцом на всем Свальбардде. Почему? Да потому, что песен *Лившиц* знал, причем со всеми словами, немереное количество. Изюминкой его репертуара были одесские песни: при кису Мурочку, которую огулял нахал Васька-кот, про бабушку-старушку, у которой

на Дерибасовской-угол Ришельевской семеро молодчиков порушили честь, и что бабушка осталась здорова, кушает компот и мечтает снова пережить налет; или про грандиозный бал, состоявшийся в нашем доме, на котором были Ванька-налетчик, участковый с женой и что вышли мы все из народа, дети семьи трудовой. Одесские песни исполнял *Лившиц* и в шпицбергенском «караоке». Все ему с азартом подпевали.

Начальник отряда *Красильщиков Александр Аркадьевич* был поэтом в душе. И не только в душе. Он сам писал стихи и сочинял песни. Стихов и песен было, правда, немного, но они были хороши. Наиболее известной среди геологов Шпицбергенской партии была его песня «Над проливом туман». На наших застольях *Красильщиков* обычно с большим чувством исполнял песни Окуджавы. Они были близки ему по духу. Любимой же его песней была песня «О синих маяках».

Не бродяги, не пропойцы
За столом семи морей
Вы пропойте, вы пропойте
Славу женщине моей.

Красильщиков был однолюб. А любил он свою жену – красавицу *Лиду Пинчук*, геолога Ленской партии НИИГА.

Геолог *Панов Анатолий Ильич,* по прозвищу «пельмень», не умел петь и этого стеснялся. Когда подходила его очередь быть запевалой, *Панову* говорили: «*Ильич*, запевай «Броня крепка и танки наши быстры». Спой хотя бы первые четыре строчки, остальное мы допоем сами». И бывший танкист *Панов*, командир танкового взвода, не раз водивший свой взвод в лобовые атаки, имеющий боевые награды, ранения и даже горевший в танке, стесняясь и краснея, запевал:

Броня крепка и танки наши быстры,
А наши люди мужества полны.
Громят врагов советские танкисты
Своей великой Родины сыны.

Остальные дружно подхватывали песню и с удовольствием допевали ее до конца. Больше всех был доволен не умеющий петь, но умеющий слушать бывший танкист и действующий геолог *Анатолий Панов*.

Геолог *Буров Юрий Павлович*, помимо геологического, имел еще и музыкальное образование. Поэтому песни он исполнял мастерски, почти профессионально. Правда, песни любил уличные, т. е. сложенные неизвестными авторами. Одну такую уличную песню он исполнял чаще и лучше всего. Песня редкая. После исполнения ее *Буровым* в 60-х годах я ни разу ее нигде не слышал.

Большая страна Китай
Китайцы повсюду хиляют.
Пьют ароматный чай,

Китайское буги лобают.
Едят они суп из червей,
Акулий плавник и трепанги.
Еда не для белых людей, *Алеха*!
Китайскую мать твою так!

Вдоль голубой реки
Джонки уходят в туман.
В джонках плывут рыбаки
Желтые, как банан.
Рваные сети они
Тянут по берегам,
В джонках живут они, *Алеха*!
И умирают там!

Песня явно устарела. Современный индустриальный Китай за такую песню может и обидеться. Но из песни, как говорится, слова не выкинешь.

Геолог *Юрий Иванович Мокин* тоже сам для себя пописывал стихи. Некоторые стихи превращались в песни, имевшие хождения, правда, только среди шпицбергенцев. Наиболее популярная из них была: «Манит меня синь таежная, диких вершин седина». Для «Караоке» ж у него была дежурная песня из эпохи стиляг 50-х годов.

Вот получишь диплом,
Хильнешь в деревню.
Будем там мы с тобой
Решать проблему.
Мы будем сеять лен, овес,
Лобая буги,
И прославим колхоз
По всей округе.

Ты в сарае стоишь,
Юбка с разрезом,
Ты корову доишь
С хвостом облезлым.
И ты чува, и я чувак,
Тебя люблю я,
За твои трудодни
Дай поцелую!

Песня, как видно по приведенным строчкам, к манящей таежной дали и седине диких горных вершин никакого отношения не имела. Но тем не менее исполнялась *Мокиным* с большим чувством и все азартно ему подпевали.

Кандидат геолого-минералогических наук *Корчинская Марианна Викторовна*, большая умница и «скромная в быту», однажды на застольном песенном кругу удивила всех. Тихим нежным голоском она пропела:

Вечерело, солнце село,
Ночь темнынь-темна.
Прогуляться девка вышла -
Все равно война.
Повстречала лейтенанта,
Сразу подошла.
Приходите, я свободна
И живу одна.
Долго-долго целовались,
Ласкам нет конца,
А потом позабывались,
Все равно война!

Валентин Николаевич Соколов был в Шпицбергенской партии не только старшим по должности. Он был старшим и по возрасту, за что подчиненные заглаза называли его «наш *папа Валя*». К тому же «наш *папа Валя*» по совместительству был секретарем парткома НИИГА и потому отвечал за нравственное и идеологическое воспитания всех сотрудников института.

После исполнения *Марианной* легкомысленной песенки папа *Валя* удивленно посмотрел на притихшую певицу и задумчиво сказал: «Однако, однако, *Марианна Викторовна*!» Оргвыводов, правда, сделано не было. Папа *Валя* относился ко всем действительно по-отечески. *Мара* по-прежнему ездила на Шпицберген, т.е. за границу, и даже иногда исполняла эту легкомысленную песенку. Любимой же песней *Марианны* была «В речке Каменке плещут волны».

Начинающий геоморфолог *Благовещенский Миша* в качестве обязательного пения исполнял тоже идеологически не очень выдержанную песню про батальоного разведчика:

Я был батальонный разведчик,
А ён писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
А ён спал с моею женой.

По своему внешнему виду *Миша* на геройского батальонного разведчика был не похож. Он был скорее похож на писаришку штабного. Поэтому песня в исполнении *Миши* получилась, как шарж. Но тем не менее песня нравилась и последний куплет ее дружно подхватывали все:

Я рвал его белые груди,
Срывал я с него ордена.
О люди, о русские люди!
Налейте скорее вина!

После чего *Мише* быстренько наливали. И не вина, а водки или разведенного спирта.

Техник-геолог *Захаров Борис Иванович*, родившийся и проживший в деревне Славянке, что под Ленинградом, в застолье исполнял всегда один и тот же романс на стихи Тютчева.

Я встретил вас и все былое
В душе моей вновь ожило.
Я вспомнил время, время золотое
И сердцу стало так тепло.

Исполнял романс *Боря* отвратительно. При этом требовал тишины и чтобы не опошляли его любимый романс своими дурными голосами. Справедливости ради, голос у *Бориса* был не лучше наших голосов. Но когда наступала его очередь петь, все замолкали и слушали ритуальный романс *Захарова* с удовольствием.

Колесник Вадим Гордеевич исполнял в «Караоке» тоже непростую песню. Песня была настолько непроста, что ее, кроме *Колесника*, никто не мог петь. А песня хорошая, к тому же про любовь, большую мужскую и мужественную.

Буря смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.
Шел я сквозь бурю, шел сквозь небо,
Чтобы тебя отыскать на земле.
От любви моей, до любви твоей
Было столько зим, было столько дней.

Я совсем не уверен, что сейчас я не перепутал слова в приведенных по памяти строчках из этой красивой песни. Почему- то красивую песню про любовь в настоящее время не исполняют ни по радио, ни по телевидению. В 60-е годы она часто исполнялась и многим нравилась. Нравилась она и шпицбергенским геологам и в исполнении *Колесника*.

Буров Виктор был самой молодой из нас. В 1968 году ему было всего лишь 20 лет. Но петь он умел лучше всех. Обладая хорошим мужским голосом, он - единственный, кто осмеливался исполнять песни *Высоцкого*. В своем исполнении подражал автору. И у него получалось, почти как у *Высоцкого*. К тому же *Виктор* играл на гитаре, и играл на ней не хуже *Высоцкого*. Если бы *Буров* не повязался в юном возрасте с геологией, быть бы ему артистом. Его родной брат *Николай Буров* стал артистом и добился на артистическом поприще успеха.

Песен *Виктор* знал много. Но больше всех нравилась в его исполнении песня *Визбора* «Давным-давно»:

На Востоке, на Востоке
Сосны низкие растут.
Был там порт один далекий,

И бывало в том порту
Флагов пестрое ветрило,
Золотое полотно,
Как давно все это было,
Давным-давно!

Что касается меня, т. е. *Непомилуева Валентина Федоровича*, то у меня для «Караоке» было несколько дежурных песен. Успешно проходили: песни беспризорников «Цыц, вы, шкеты, под вагоны, кондуктор сцапает вас враз», «В тазу лежит четыре зуба», «Когда качаются фонарики ночные», «Надоело мне холостому жить» и революционная песня «Там вдали, за рекой, загорались огни». Мог предложить и довести до конца несколько народных песен из репертуара *Руслановой*, типа «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя» или «Когда б имел златые горы и реки полные вина», но такие песни у шпицбергенских геологов не пользовались популярностью и никогда ими не пелись.

Песенный репертуар «Караоке по-шпицбергенски» можно бы продолжить. Но чтобы не надоесть читателю, делать я этого не буду. Лучше я вспомню один случай, не связанный с «Караоке», но зато наглядно характеризующий время шестидесятых годов.

Году в 1968-м, уходя домой с какого-то праздничного мероприятия, проводившегося в НИИГА, мы напару с *Юрием Лившицем* устроили возле института, на мосту через Мойку, небольшой концерт. Держась за перила моста и повернувшись лицом к проходной института, мы громко и с большим воодушевлением исполнили песню, которая сильно и навязчиво запала в тот вечер в наши души.

На вечернем сеансе, в небольшом городке,
Пела песню актриса на чужом языке.
И остался надолго этот вальс из кино,
Это было недавно, это было давно!

Песня очень мелодичная и поется легко. Мы пели ее с *Юрием Яковлевичем* на два голоса, и у нас получалось.

Интересно, что сотрудники НИИГА, выходившие в это время из проходной института, видя наше выступление, не усматривали в этом ничего необычного и не считали нас за пьяных хулиганов или дураков. Более того, они говорили нам комплименты, а некоторые останавливались и начинали подпевать. Шестидесятые годы были, действительно, песенные годы.

«Отче наш» против «Хорста Весселя»

В 1963 году на Шпицбергене работал геолог из Западной Германии. Его звали *Клаус Вандербанк*, ему было около 30 лет, считался специалистом по палеоген-неогеновой флоре. Это был странный геолог. Работал всегда в одиночку. Неожиданно появившись в том или ином лагере советских геологов

и сделав пару маршрутов, он так же неожиданно уходил. *Клаус* немного знал русский язык и любил задавать нашим геологам каверзные вопросы, в том числе явно антисоветского и антирусского толка. И геологи решили, что *Вандербанк* был вовсе не геолог, а натовский шпион.

Впервые *Клаус Вандербанк* объявился на базе Шпицбергенской партии в поселке Колсбей. Пришел пешком из норвежского поселка Лонгирбьен, проделав в одиночку через горы и ледники непростой маршрут длиной около 50 км.

Геологи встретили *Клауса* гостеприимно. Поместили на житье в отдельном домике и устроили там вечер встреч в узком кругу. На встрече присутсвовали только четыре геолога: *Клубов Борис, Лившиц Юрий, Красильщиков Александр и Буров Юрий*.

Поначалу вечер проходил нормально: выпивали, закусывали, беседовали. Поговорили, естественно, о геологии и даже попели песен. К удивлению наших геологов, *Клаус* продекламировал нараспев на древнерусском языке, правда, с сильным немецким акцентом, «Плач Ярославны» из «Слово о полку Игореве».

Но потом *Вандербанк* повел себя не совсем хорошо. Кончилась водка, а он стал требовать продолжения банкета. Водку можно было достать только у *Александра Филипповича Салманова*, начальника отдела кадров НИИГА, выезжавшего в тот сезон на Шпицберген в качестве заместителя начальника партии по хозяйственной части. *Салманова*, как начальника отдела кадров института, обладавшего к тому же вредным характером, побаивались и идти лишний раз к нему, тем более за водкой, никому не хотелось.

Клаус уловил ситуацию и запел свою привычную антисоветскую песню. Какие вы, советские геологи, бедные, даже водки вам не дают. А может, у вас денег нет, так я могу дать. Моя зарплата выше вашей в несколько раз. И, вообще, мы, немцы, живем в свободной демократической стране, не как вы, русские, под гнетом коммунистического режима.

Нашим геологам речи *Клауса* не понравились. Больше всех они не понравились *Борису Клубову*. Правдивое упоминание о низкой зарплате советских геологов он воспринял как личное оскорбление. *Клубов* был силен физически, тренирован, к тому же, когда бывал пьян, любил подраться. *Боря* схватил *Клауса* за ворот, затолкал в угол и, подняв к его носу увесистый кулак, грозно сказал:

- А спой-ка нам песню *Хорста Весселя*, недобитая фашистская морда. А то схлопочешь сейчас по хоботу!

Но *Вандербанк* не особенно испугался.

- Я спою песню *Хорста Весселя*, если ты, *Борис*, споешь мне «Отче наш».

Клубов из «Отче наш» знал всего одну строчку: «Отче наш, иже еси на небеси!». Ее он и пропел с угрозой в голосе. *Клауса* это не удовлетворило. Он знал всю молитву и тут же начал ее декламировать. Смущенный *Клубов*

выпустил немца из угла живым и невредимым без песни *Хорста Весселя*. Вспыхнувшая было новая германо-русская война, не успев разгореться, закончилась миром.

Шумел камыш, деревья гнулись!

В 1964 году на Западном Шпицбергене в районе Ван-Кейлен-фьорда работало две группы геологов. Одна норвежская в количестве шести человек со *Свеном Манумом* во главе, вторая – съемочный отряд *Юрия Яковлевича Лившица* численностью 10 человек. В процессе работы на одной территории между норвежскими и советскими геологами про исходили довольно частые, но случайные встречи. Во время этих встреч мы познакомились, пообщались друг с другом и постепенно возникла обоюдная потребность не случайных, а званых встреч.

Первыми пригласили в гости норвеги. Их лагерь находился на другом берегу фьорда. Мы плавали к ним на шлюпке «Дора». Плавали не все, а только шестеро «наиболее культурных», с точки зрения *Лившица*, умевших связать несколько простых фраз на английском или немецком языке. Норвежского языка не знал никто, так же как и норвеги русского.

Стол для званого обеда был накрыт в маленькой кухонной палатке, поэтому за столом сидели, тесно прижавшись друг к другу, а некоторым из хозяев пришлось даже стоять. Но зато на столе было всего много: и спиртного (вино, ром, виски), и закуски (разнообразные мясные, рыбные, овощные и фруктовые консервы). Подавалась даже яичница из свежих яиц на большой сковороде.

Во время обеда велись беседы «за геологию», на бытовые темы, и даже пытались рассказывать анекдоты, в том числе сексуальные. При расставании студент по имени *Ули Петер*, самый большой из норвегов ростом и опьяневший почему-то больше всех, обнимался и троекратно целовался со всеми русскими. Причину такого дружеского расположения к русским объяснял просто: «Ваш премьер *Никита Хрущев* всегда так делает!»

В общем, обед прошел в теплой дружественной обстановке. Выпито было немало, но до песен дело не дошло. И это был, по общему мнению советских геологов, единственный минус норвежского званого обеда.

Ответный визит норвегов состоялся через неделю. Мы к нему готовились, устроив для этого выходной (немаршрутный день). Такого консервного разнообразия, как у норвегов, у нас не было. Зато у нас была свежая картошка. Сваренную с тушенкой и в горячем виде викинги уплетали её с большим удовольствием. Из спиртного была «Столичная» (немного) и ликер «Чапчай» (практически неограниченное количество). Ликер представлял собой разведенный спирт, название получил по имени *Анатолия Чапчая*, выполнявшего обязанности повара и приготавливавшего ликер по собственному рецепту. В конечном счете, именно ликер «Чапчай» и обеспечил успех нашего званого обеда.

Где-то в середине обеда (застолье было организовано в просторной и теплой палатке КАПШ-2) хозяева и гости запели песни. Пели по очереди, каждый на своем языке. Когда заканчивали петь норвеги, их начальник *Свен Манум* кратенько переводил содержание песни на английский, а затем *Лившиц* с английского переводил её на наш.

Запомнилось содержание одной норвежской геологической песни. О том, как геологи ходят по горам и рассматривают горные породы в лупу. Потом почему-то все геологи, если *Лившиц* правильно перевел, оказываются у черта в ступе. Во всяком случае, в припеве песни часто повторялись слова «лупа, черт и ступа», которые звучат почти по-русски.

Из наших песен норвегов особенно заинтересовала любимая песня *Лившица* про Кису Мурочку. Манум долго не мог понять, что такое «Киса Мурочка» и пытал *Лившица* даже на немецком языке: «Вас ист дас Киса Мурочка?», но, кажется, так и не понял.

Под конец русские распелись и грянули во всю мощь своих неслабых легких.

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была-а-а-а!
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра-а-а-а!

Когда мы закончили свое громовое пение, *Манум* сказал, что переводить песню не надо. У нас в Норвегии, когда хорошо выпьют, тоже так поют. После чего он что-то сказал своим коллегам по-норвежски, те немного посмеялись, а потом викинги так взревели, что потухли горящие на столе свечи. В палатке стало темно. Но норманы продолжали реветь и в темноте.

И что интересно. Мелодия их песни очень напоминала мелодию нашей народной песни «Шумел камыш, деревья гнулись». Слов не переводили. Шумел ли в их песне камыш, осталось неизвестным, но то, что там ревела буря и гром гремел, было понятно и без слов. В конце вечера, уже при расставании, студент *Ула Петер* опять сыграл роль премьера *Никиты Хрущева*, т. е. со всеми русскими перецеловался, а остальные норманы устроили прощальный салют из всех имеющихся у них стволов: ружей, карабинов, ракетниц. Русские ответили им салютом таким же по мощности.

Вообще, норвеги по своему менталитету удивительно близки к русским. Варяжское (скандинавское) происхождение российской правящей династии Рюриковичей, по-видимому, действительно имеет место быть.

Экспромт Семевского

Дмитрий Владимирович Семевский, интеллигент в энном поколении, песен не любил ни петь, ни слушать. И все же однажды он спел свою песенку, небольшую, но очень памятную.

В 1964 году геолог *Семевский* занимался изучением четвертичных отложений на юге острова Западный Шпицберген в заливе Хорнсунн. Дело шло к концу сезона. Был заказан уже вертолет, чтобы вывезти *Семевского* и его отряд в Баренцбург. Но тут, как назло, испортилась погода, начались осенние шторма и вертолет не мог прилететь к *Семевскому* целых две недели.

Геологи знают, что долгое ожидание вертолета – очень неприятное занятие и на слабонервных действует иногда очень плохо. Плохо подействовало ожидание и на *Семевского*. У него забарахлило сердце. Демонстрируя полный упадок сил и духа, *Семевский* залег в палатке на раскладушку. На ежегодных медицинских комиссиях врачи находили у *Дмитрия Владимировича* интеллигентную болезнь – «сердечную недостаточность». С таким диагнозом ездила в поле добрая половина геологов НИИГА.

В конце-концов погода наладилась и вертолет прилетел. При посадке летчики, как бы заглаживая свою вину, явно перестарались. Они посадили вертолет так близко к палатке *Семевского*, что вихрем, поднятым винтом вертолета, палатку сорвало с растяжек, при этом опрокинуло печку и все легкие «летающие» вещи разбросало по тундре. *Семевский* остался лежать на раскладушке, посыпанный сажей и пеплом из опрокинувшейся печки.

Летчики, увидев безрадостную картину разгрома лагеря и безжизненно распростертого на раскладушке *Семевского*, сочуственно сказали:

- Да, ребята, у нас, у летчиков, доля нелегкая, но у вас, у геологов, уже совсем лихая.

И вот тут *Дмитрий Владимирович*, размазывая по лицу сажу и пепел, пропел злым голосом на мотив «Бородино»:

Будь проклята такая доля,
Дурак, кто счастье в ней нашел,
Когда б на то не божья воля,
Я б ..й в геологи пошел.

Следует добавить, что слов «будь проклята» в «экспромте» потомственного интеллигента не было. Вместо их прозвучало неприличное матерное выражение, которое воспроизводить в печатном виде не рекомендуется.

Семевский не любил песен, и, как следствие, не любил он и геологию.

Песнь о Свальбарде

Шпицберген, 1968 г.

Виллем Баренц открыл миру этот остров
И он всем говорил, что здесь жить непросто.
Но мы халиповкой цингу-житье малина,
На полярном снегу «сидим на спинах».

Здесь *Андрэ* проходил, здесь был и *Нансен,*
Славу с ними делил *Роальд Амундсен.*
Но вот на Эдж взошел *Старик* и все померкло.
Роберт Пири бы сник, глядя на это.
В красном доме живем, жрем грубую пищу,
И пусть каждый найдет, здесь то, что ищет.
Найти здесь можно двойной оклад, рога впридачу,
Да научный трактат, телефон и дачу.
На Земной на оси стоит бочка с водкой,
И старушка скрипит кривой походкой,
И нам плевать на все на то, что спето,
Загораем мы здесь седьмое лето.
Уезжаем к зиме, в душе веселье,
И на старой Земле вновь новоселье.
Но вдруг однажды, весенним днем, тоска нагрянет,
Это значит – Свальбард к себе нас манит.

Песнь о Свальбарде была сочинена мной в 1968 году на мотив песни «Ты в сарае сидишь, юбка с разрезом», сочинять собственных мелодий я никогда не умел. Пели ее шпицбергенцы редко, да и то если запевал сам сочинитель. В общем, шлягером песня не стала и имеет теперь только «исторический» интерес. Отмечу, что текст песни, как и положено порядочному «историческому» произведению, в некоторых местах современному читателю стал уже непонятен. Поэтому, сейчас я эти «темные места» с удовольствием поясню, ибо в них откроются довольно интересные и даже забавные эпизоды из жизни геологов Шпицбергенской партии 60-х годов прошлого века.

«Но мы халиповкой цингу». Халиповка – это разведенный спирт. В неразведенном виде этот спирт применяли как антиобледенитель для лопастей вертолетов Ми-4. Свое название халиповка получила в честь командира вертолетной группы *Халипова*. С вертолетчиками шпицбергенские геологи в те годы жили дружно. Вместе летали, вместе пили, в том числе халиповку и вместе пели песни.

Любимая песня *Халипова* была есенинская «Клен ты мой опавший, клен заледенелый». Ну и конечно, все вертолетчики любили петь «Кожаные куртки, брошеные в угол» *А.Городницкого*.

«Сидим на спинах». Любимое выражение заместителя начальника Шпицбергенской партии по хозяйственной части *Виктора Антоновича Шершнева. Виктор Антонович*, как хозяйственник и бывалый полярник, предпочитал отдыхать лежа, но отправляясь после сытного обеда полежать и вздремнуть в кроватке на базе партии («в красном доме»), он обычно говорил: «Пойду, посижу на спине». Выражение «посидеть на спине» у шпицбергенцев вошло в поговорку.

Во время войны старший сержант *Шершнев* был командиром ракетной установки – знаменитой «Катюши». Прошел с ней от Москвы до Берлина. Маршем артиллеристов была любимая песня *Виктора*:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из тысяч грозных батарей,
За слезы наших матерей,
За нашу Родину
Огонь! Огонь!

Исполнял он ее с большим чувством. Обычно добродушное и веселое выражение лица *Виктора* во время пения становилось серьезным и даже грозным.

«Но вот на Эдж взошел *Старик* и все померкло». *Старик* – это геолог *Борис Александрович Клубов*. В разговорах с коллегами он употреблял модное в шестидесятые годы обращение «старик»: «Как дела, Старик? Как живешь, Старик?». Поскольку *Борис* так обращался ко всем и часто, ему самому дали кличку «Старик». *Старику* в 1963 году было 30 лет.

Боб Клубов был немного пижоном и большим мечтателем. А мечтал он о славе знаменитых полярных исследователей и землепроходцев, таких как *Виллем Баренц, Фритьоф Нансен, Роальд Амундсен и Роберт Пири*.

Изучив в Шпицбергенском архипелаге геологическое строение двух небольших островов (о. Эдж и о. Баренц), *Старик* стал считать себя выдающимся исследователем Арктики. Коллеги по этому поводу над ним подшучивали, иногда зло. Доктор *В.И.Устрицкий* спустя почти 50 лет на эту тему даже написал рассказ-байку «Укрощение строптивого». Доктору *Устрицкому Боб Клубов* почему-то сильно и устойчиво не нравился.

Мне нравился. *Старик* был не простым пижоном, а мужественным. Когда ему после окончания аспирантуры и защиты диссертации не нашлось работы в стенах НИИГА, *Клубов*, коренной ленинградец, добровольно уехал в Магадан.

Мой друг уехал в Магадан,
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам,
Не по этапу, не по этапу!

Эта песня не известного мне автора писалась, наверное, не о *Клубове*, но получилась как о нем.

В Магадане, работая в Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском геологическом институте, *Борис* прожил 20 лет. За это время он побывал с научными экспедициями на всех крупных арктических островах: Земле Франца-Иосифа, Шпицбергене, Новой Земле, Северной Земле, Новосибирских островах и острове Врангеля. По результатам своих

исследований защитил докторскую диссертацию и написал уникальную в своем роде монографическую работу «Битумы Арктики».

Более того, уже по возвращении в родной город, работая зав. лабораторией в нефтяном институте (ВНИГРИ), *Борис* побывал на Северном полюсе и, таким образом, стал действительно выдающимся арктическим исследователем.

Роберт Пири на самом деле бы сник, глядя на это. Ведь первооткрыватель Северного полюса *Пири,* по утверждению некоторых историков, до полюса так и не дошел. Песнь о Свальбарде оказалась провидческой, по крайней мере, по отношению к геологу *Борису Клубову*.

Архипелаг Свальбард красив, обладает роскошной арктической природой, интересной геологией, но на удивление беден полезными ископаемыми. Когда советские геологи, проработав на архипелаге лет пять, пришли к выводу, что ничего нового из полезных ископаемых им не найти, они в архипелаге несколько разочаровались. Поэтому в песне и приводится ироническое перечисление того, что можно здесь найти.

«Двойной оклад» понятен и без пояснений. На Шпицбергене существовал и сейчас существует двойной поясной коэффициент к зарплате.

«Рога впридачу». Первые два года геологи усиленно собирали разбросанные по островам оленьи рога. В конце сезона привозили в Баренцбург иногда целый вездеход рогов и раздавали их жителям поселка как сувениры. Наибольшим спросом рога пользовались у шахтеров, прибывших на Шпицберген из Донбасса.

«Научный трактат» - собрать материалы для диссертации.

«Телефон». Что касается телефона, то его нашел один *Лившиц Ю.Я.,* да и то не в прямом смысле этого слова. Точнее следовало бы сказать «достал». В построенной *Лившицем* новой кооперативной квартире не было телефона. И надежды поиметь его в скором времени из-за длинной очереди тоже не было.

В 1965 году Лившиц работал в районе норвежского поселка Нью-Олесунн. В поселке было почтовое отделение, которое считалось самым северным в мире. Специально для туристов на почте продавались рекламные конверты с красочными видами Шпицбергена и штемпелем самой северной почты мира. Ушлый *Юрий Яковлевич* купил такой конверт, затем написал письмо начальнику Ленинградского телефонного узла, в котором просил ускорить ему, как международно известному арктическому геологу, установку домашнего телефона. Затем вложил письмо в конверт и отправил, предварительно украсив его многочисленными норвежскими марками. Письмо в красивом заграничном конверте возымело действие. Когда *Лившиц* прибыл осенью в Ленинград, в квартире его уже стоял новенький телефон.

«И дачу». Под дачей здесь понимались норвежские дачные или охотничьи домики, разбросанные в разных местах по архипелагу. В этих домиках-дачах

мы иногда находили журналы «Плейбой», «Все для мужчин» и другие подобные издания.

В Советском Союзе такая «литература» была тогда запрещена и потому вызывала у нас повышенный интерес. Запретный плод, как известно, сладок.

Песни над архипелагом Новосибирские острова

По сравнению со Шпицбергеном, архипелаг Новосибирские острова климатически более суров и менее красив. Особенно унылое зрелище представляет собой безжизненная и плоская, как стол, песчаная пустыня Земли Бунге. Но благодаря интересной геологии и поющему коллективу геологов, работа на некрасивых островах оставила во мне самые приятные воспоминания. То, что работали мы там весело, видно по содержанию одного стихотворения, сочиненного в 1974 году ко дню рождения повара нашего отряда - *Миши Морина*.

На Севере дальнем лежит океан,
А в том океане есть остров Буян.
На острове этом природы – то нет,
Лишь бродят геологи много уж лет.
Золото ищут, да песни поют,
В рваных палатках находят уют.
Им не страшна и Кузькина мать,
Но любят ребята те сытно пожрать.
В этом суровом полярном кругу
Каждый напиться может вдугу.
Но если напьется единственный кок,
Обеда не будет сготовлено в срок.
А нету обеда – и остров Буян
Мрачен и холоден, как океан.
И песни смолкают, тоска настает,
И даже работа совсем не идет.
Но тьма отступает, вот Солнце встает,
И *Миша* нам снова обед подает.
Наевшись досыта и вспомнив про труд,
Геологи дружно уходят в маршрут.
Так пусть нас минует печали беда!
Пусть будет навечно Большая Еда!
Да здравствует *Морин* – прославленный кок!
Да будут геологи кормлены в срок!

Песенный репертуар новосибирцев был, в основном, такой же, как и у шпицбергенцев, и перечислять его здесь нет смысла. Отмечу лишь только новые песни, привнесенные в него новыми исполнителями.

Лучшим певцом Восточно-Сибирской комплексной съемочно-поисковой партии, работавшей на архипелаге с 1972 по 1979 годы, был начальник второго съемочного отряда *Труфанов Геннадий Владимирович*. Его отряд картировал самые отдаленные, труднодоступные и необитаемые острова Фаддеевский и Новая Сибирь. Песен *Геннадий* знал много. Распевшись и умело аккомпанируя себе на гитаре, мог увлечь своим пением всех и петь во главе хора целый вечер. Любимыми его песнями были: «Призрачно все в этом мире бушующем» и песня на стихи *Евтушенко* про сережку ольховую. Нежную песню про ольховую сережку исполнял он особенно хорошо. Удавались ему также песни *Вертинского*: «Пей, моя девочка, пей, моя милая, это плохое вино» и про чайную ложечку сладкого сахара.

Начальник первого отряда, проводившего съемку на острове Котельном и Земле Бунге, *Косько Михаил Константинович* предпочитал украинские песни. «Распрягайте, хлопцы, коней, та лягайте спочивать», «Скакал казак через долину», «Реве та стогне Днипр широкий» звучали в его исполнении наиболее часто.

Михаил в те годы усиленно изучал английский язык. Поэтому, ради тренировки и хохмы, он вставляет иногда в украинские песни отдельные английские слова. «Маруся ван, ту, фри, дивчина чернобровая, в саду ягоду рвала». Получалось забавно. Получалось еще забавнее, когда *Косько* переводил на украинский язык текст песни полностью и сам исполнял ее с благородным хохляцким акцентом.

Пение украинских песен на английском не прошло для *Михаила* впустую: он стал неплохо говорить по-английски. В настоящее время доктор геолого-минералогических наук *М.К.Косько* считается одним из лучших знатоков английского языка в институте Океангеологии. Во многом благодаря этому доктор *Михаил Косько* ездит теперь за кордон на международные симпозиумы и конференции и делает там научные доклады на английском языке, без переводчиков и украинского акцента.

Отмечу еще одну особенность песенного репертуара геологов Новосибирских островов. То ли потому, что эти острова расположены недалеко от печально известного зэковскими лагерями Колымского края, то ли потому, что половина рабочего класса партии не всегда была в ладах с законом, а некоторые из них успели сделать не по одной ходке на зону, в коллективе новосибирцев пользовались популярностью лагерные песни.

Начальник партии *Виктор Николаевич Зенков*, кстати, ни разу не сидевший, с удовольствием распевал: «По тундре, по железной дороге, где мчится скорый Ленинград-Воркута» или «От злой тоски не матерись, сегодня ты без спирта пьян, на материк, на Магадан, ушел последний караван», или «Будь проклята ты, Колыма», или, наконец, просто «Мурку».

Ему прокуренным и пропитым хриплым голосом вторила повариха *Анна Петровна Киницева*, по кличке Анка-пулеметчица, которую получила в честь

легендарной пулеметчицы Анки из кинофильма «Чапаев». Анка-повариха, она же Анка - пулеметчица, была неординарной запоминающейся личностью.

Поварихой она поработала во многих полевых партиях НИИГА. По ее собственным рассказам, в восемнадцатилетнем возрасте она геройски воевала на фронтах Великой Отечественной войны, имела награды, которых лишилась, побывав в штрафбате. И это было похоже на правду, ибо *Анка* обладала крутым взрывным характером. Из-за своего характера *Анка-повариха* бывала участницей многих скандалов, часто в пьяном виде.

Но как повариха, *Петровна* была хороша и надежна: завтрак, обед и ужин бывали всегда в срок в любую погоду и хорошего качества, то есть съедобными. Поэтому начальники партий брали *Анку* на полевые работы с удовольствием.

Увлеченный песнями лагерной тематики, я сочинил песню о Новосибирских островах. Слова песни были вполне геологические, но исполнялись они на мотив зэковской песни «По тундре, по железной дороге».

Чокурдах – Острова (о. Котельный, 1973 год)

Над морем, над припайными льдами,
По маршруту Чокурдах-Острова,
И немного тревожно, надрываясь винтами,
Уж давно устаревший, пролетает Ли-2.
Как призрак, сквозь клочья тумана,
По правому борту горизонт заслоня,
В ржавых пятнах проталин, посреди океана,
Не сказать чтоб красива, показалась земля.
Все лето нас встречает не тетка,
Голый камень да сопки кругом.
Территория съемки, групповая двухсотка,
Молчаливой загадкой проплыла под окном.
Над морем, над припайными льдами,
По маршруту Чокурдах-Острова,
И немного тревожно, надрываясь винтами,
Уж давно устаревший, пролетает Ли-2.

Гори, гори, моя звезда

Кандидат геолого-минералогических найк, многократная и непобедимая чемпионка по лыжам среди геологов Ленинграда, закаленная гимнастикой йогов, упорная и несгибаемая *Римма Федоровна Соболевская*, прошедшая с молотком и рюкзаком за 39 полевых сезонов чуть ли не всю Арктику, скажем прямо, пела плоховато, хотя и старалась.

Но слушать песни она любила. Предпочитала пение профессиональных певцов, таких как *Шаляпин, Штоколов, Лемешев, Георг Отс* и других знаменитых преимущественно мужских голосов, которых *Римма* знала очень много. В Ленинграде ходила в оперу и на концерты, в поле слушала радио.

В 1973 году первый съемочный отряд *М.К.Косько*, в котором находилась и *Соболевская,* закончив работу на о. Котельном, в половине сентября вышел на полевую базу партии. Палаточная база партии располагалась в устье залива Стахановцев на большой (3,5х1,0 км) песчаной косе, рядом со взлетно-посадочной полосой аэропорта Темп.

В тот год рано выпал снег и ударили морозы. В один не очень приятный вечер в море Лаптевых разыгрался шторм, а на нашей низменной косе поднялась, сопровождаемая грохотом морского прибоя, крутая, с вихрями песка и снега, пурга. На таком сильном ветру да при морозе -20°, в продуваемых насквозь палатках, даже при раскаленной докрасна железной печке, стало отвратительно холодно.

Римма жила на окраине лагеря в отдельной палатке, но без печки. Печку закаленная *Римма* игнорировала весь сезон сама, не поставили ей печку в палатку и на базе.

– Если при горящих печках в палатках неуютно, то каково же *Римме* в палатке без печки? - подумал я и пошел ее проведать.

Захожу. В палатке полумрак, горит свеча, поставленная на вьючник. Пламя свечи мечется от ветра из стороны в сторону. В палатке холод, такой же, как снаружи. *Римма,* одетая в полушубок, слушает по приемнику «Спидола» концерт по заявкам. Только что объявили, что сейчас *Штоколов* исполнит романс «Гори, гори, моя звезда». *Римма* замахала на меня руками, дав понять, чтобы я не мешал, а сама замерла и превратилась в слух.

Из-за штормовой погоды было плохое прохождение радиоволн. «Спидола» подозрительно долго издавала только какие-то писки и трески, но потом сквозь них прорвался незабываемый мощный бас *Штоколова*.

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.
Сойдет ли ночь на землю ясная,
Звезд много светит в небесах.
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лугах.

Сильный порыв ветра ударил песком и снегом по брезенту палатки, как картечью. У *Риммы* по щекам потекли крупные слезы. Она их не замечала.

Звезда любви, звезда волшебная,
Звезда моих минувших дней,

Ты будешь вечно неизменная
В душе тоскующей моей.
Твоих лучей волшебной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я, ты над могилою,
Гори, гори, моя звезда!

Слезы у *Риммы* полились дождем. Они со стуком падали на фанерную крышку вьючника и, как мне показалось во мраке палатки, отскакивали от крышки в виде крупного белого града. *Римма* отрешенно продолжала сидеть, ничего не замечая вокруг.

Я тихо вышел из палатки и побежал по лагерю искать печку для *Риммы*. Найденную печку мы с *Виктором Зенковым* поставили *Римме* в палатку и раскочегарили ее до покраснения, а палатку накрыли еще большим прорезиненным непродуваемым брезентом. В палатке стало тепло. Риммины слезы высохли и сама она заулыбалась и повеселела.

Римма до сих пор любит песни и геологию. Поет, правда, как и раньше, плоховато, к тому же обладает, мягко говоря, трудным и сложным характером. Возможно поэтому, геология-мама не всегда отвечала и отвечает ей взаимностью.

К восьмидесятилетнему юбилею *Риммы* я написал шутливое и не очень «складное» стихотворение, в котором попытался возместить то, что на мой взгляд, не додала ей геология.

Путь твой, *Римма*, далек и долог.
Во всем НИИГА нет длиннее.
Геологии-маме он люб и дорог,
Ибо нет пути и важнее.
Ты ставила вехи на нем, как прима,
Ленточку грудью рвала упрямо.
Порою бывала просто незаменима,
Говорю без лести и без обмана.
Слава твоя пронеслась на ветрах
От Кавголово до Надыма.
Синонимом Мойки-120 в ушах
Ты станешь навечно, *Римма*.
О тебе Маяковский сказал бы: Га-Га!
Не надо пускать больше дыма!
Мы говорим *Римма*, а подразумеваем НИИГА,
Говорим НИИГА, а подразумеваем *Римма!*

В каждой шутке есть доля истины. Какова эта доля, вам решать, товарищи полярные геологи. Лично я считаю, что тут все правда…почти.

Песни геологов Новой Земли

Новоземельская съемочно-поисковая геологическая партия работала на Новой Земле с 1977 по 2004 год, то есть 27 лет. Поработали удачно. Закартировали всю огромную территорию архипелага в масштабе 1:200000, а местами в масштабе 1:50000, впервые на Новой Земле были открыты крупные месторождения марганца и полиметаллов, установлены перспективные рудопроявления флюорита, меди, серебра, золота, урана, битума и угля.

Двадцать семь лет – большой срок. За это время многое изменилось: менялся геологический состав партии, сменилось четыре ее начальника, кануло в лету Министерство геологии СССР вместе со страной, называемой Советским Союзом, а в России даже поменялся государственный строй: из Советской Социалистической Республики она превратилась в страну капитала и диких рыночных отношений.

Не менялось только одно: геологи по-прежнему пели песни. Пели, правда, в основном, старые песни, звучавшие еще на Шпицбергене и Новосибирских островах. Из новых пользовались успехом всего несколько эстрадных хитов типа «Миллион, миллион алых роз» в исполнении Аллы Пугачевой, «Лаванда» Софии Ротару, «Синий туман» Добрынина, и то лишь в записи на магнитофонной ленте. Самостоятельно новые песни геологами почему-то не исполнялись.

Алкогольно-песенный конфликт

Первый начальник Новоземельской партии кандидат геолого-минералогических наук *Бурский Анатолий Зиновьевич* был музыкант, обладал приятным «бархатным» голосом и песни петь любил. Любил он и геологию. Как организатор и руководитель съемочно-поисковых работ *Бурский* много и успешно трудился на благо Новоземельской партии и геологии. Любил он и выпить. Выпивал в меру и только вместе со своим рабочим коллективом, который, кстати, сам же и сформировал по своему усмотрению, когда принимал сотрудников на работу. При этом учитывались деловые качества специалистов, их коммуникабельность и даже их внешний вид.

Во время праздничных коллективных застолий *Анатолий Зиновьевич* всегда был во главе стола и застольным процессом с видимым удовольствием руководил, выполняя иногда роль тамады. В общем, сорокалетний *Бурский* был в Новоземельской партии лидером: формальным и неформальным.

И был бы *Анатолий Зиновьевич* успешным руководителем и дальше, если бы он вдруг, ни с того ни с сего, осенью 1981 года не начал вести борьбу с пьянством и, следовательно, …с песнями.

Заметим, что *Анатолий Бурский* начал вести борьбу с пьянством в отдельно взятой геологической партии задолго до того, как такую же борьбу начал вести Михаил Горбачев во всей стране – Союзе Советских

Социалистических Республик. Теперь-то мы знаем, чем это кончилось для страны и Горбачева.

В конце сентября, перед окончанием полевых работ, *Бурский* издал приказ, по которому на базе партии в поселке Белушья Губа запрещалось распивать спиртные напитки. Все мужчины должны были под этим приказом расписаться. Женщины от подписей были освобождены.

Прибывающие на базу полевые отряды *Бурский* встречал, стоя на крыльце базы, с напечатанным приказом в руках. Истосковавшись по нормальному непалаточному жилью и в предвкушении скорого похода в баню, а после бани традиционного застолья с песнями, геологи радостно вбегали на крыльцо и…тут *Бурский* совал им под нос свой приказ. Оторопелые геологи под «сухим законом», подписывались, но исполнять его они, конечно, не собирались. Вопреки приказу, застолья с песнями на базе партии состоялись, но уже без *Бурского*.

Бурский, закусив удила, против нарушителей сухого закона стал применять репрессивные меры. Однажды, в нелегкий для себя час, он с помощью солдатского патруля посадил на гарнизонную гауптвахту даже своего заместителя *Даньшина*. После этого новоземельские геологи поняли, что им с *Бурским* не по пути.

Началась борьба, жестокая и несправедливая с обеих сторон. На имя начальника Полярной экспедиции *В.Д.Крюкова* и в высокие профсоюзные инстанции были написаны коллективные письма с подписями почти всего итээровского состава партии, в том числе и женщин. В письмах доказывалась несостоятельность *Бурского* как руководителя поисково-съемочных работ и утверждалось, что при таком руководителе эти работы могут быть не выполнены (о борьбе *Бурского* с пьянством, естественно, не упоминалось). Писались в соответственные органы анонимки, в которых *Бурского* обвиняли в воровстве и, как сказали бы сейчас, коррупции.

В борьбу были втянуты даже военные во главе с адмиралом. Военные держали сторону *Бурского*, хотя и с оговорками. В гарнизонной прокуратуре в Белушке, куда обратились ходоки с вопросом по поводу юридической правомочности приказа *Бурского*, прокурор в звании полковника сказал ходокам: «А где же вам, ребята, еще пить, если не у себя на базе? Ну, а если вам совсем не пить, то при такой собачьей жизни, как у вас, геологи, лучше вообще не жить».

Борьба продолжилась и по приезде в Ленинград. В Новоземельском конфликте целый месяц разбиралась специальная профсоюзно-административная комиссия. Кончилось все тем, что *Бурскому* из созданной им же партии пришлось уйти. Больше новоземельские геологи с *Анатолием Зиновьевичем* не пивали и песен не певали.

Последующие начальники Новоземельской партии: *Андреев Александр Иванович, Степанов Лев Львович* и заслуженный геолог России *Ласточкин*

Александр Васильевич были поющими и в меру пьющими. С пьющими и поющими начальниками пьющая и поющая Новоземельская партия успешно выполнила свои работы, не допустив при этом в суровых условиях арктического архипелага ни одного тяжелого или смертельного случая производственного травматизма.

Получается, что песня нам, действительно, «строить и жить помогает».

Случай на точке

Военные называют точкой небольшое воинское подразделение, несущее службу в удаленной от основного гарнизона местности. По Новой Земле было разбросано несколько таких точек. Служба на точках нелегка. Оторванность от всего мира, чисто мужской коллектив во главе с капитаном или прапорщиком, почти первобытные жилищные условия и пустынность окружающего пространства накладывают на служащих точки свой характерный отпечаток – они дичают.

В 1981 году съемочный отряд *Труфанова Г.В.,* закончив работу, вышел в губу Грибовую на западном побережье Новой Земли и стал лагерем возле находящейся там точки. От точки было легче выбраться в Белушку: на ней имелась вертолетная площадка и морской причал. На точке служило двадцать солдат, командовал ими не очень молодой прапорщик.

В отряде *Труфанова* в тот сезон работала геолог *Виноградова Ольга*. Она была молода, красива и обладала хорошей спортивной фигурой.

Как-то раз, чтобы развеять скуку, наступившую после долгого и напрасного ожидания вертолета, *Ольга* решила прогуляться по территории точки.

Погода была хорошая. *Ольга* одела синий шерстяной спортивный костюм, облегающий ее красивую фигуру, обулась в белые кроссовки, взяла в руки небольшой магнитофон и в его музыкальном сопровождении зашла на точку. В это время прапорщик проводил с солдатами строевые занятия. *Ольге* пришлось идти на виду у солдатского строя.

Из магнитофона разливался голос модного в те годы эстрадного певца *Юрия Антонова*. *Ольга* слегка ему подпевала.

В январских снегах замерзают рассветы,
На белых дорогах колдует пурга.
И видится мне раскаленное лето
И рыжее солнце на желтых стогах.
Я вспоминаю, тебя вспоминаю,
Та радость шальная взошла, как заря.
Летящей походкой ты вышла из мая,
И скрылась из глаз в пелене января.

Появление женщины, да еще красивой, произвело на солдат ошеломляющее впечатление. Они застыли, как по команде «смирно», и сопровождали проходящую мимо *Ольгу* поворотом головы, как по команде «равняйсь», и «ели» ее глазами. А *Ольга*, вдохновленная песенкой и возбужденная алчными взглядами двух десятков пар глаз, решила еще и подразнить солдат.

В юности *Ольга* занималась бальными танцами. Припомнив свои танцевальные навыки, она прошлась перед солдатами такой «летящей походкой», какой не смогли бы пройти *Мерилин Монро* и *Софи Лорен*, вместе взятые. Солдаты остолбенели совсем, а *Ольга*, довольная произведенным эффектом, помахала солдатам на прощанье ручкой и покинула территорию точки.

Назавтра в лагерь геологов пришел прапорщик и сказал *Труфанову*: «Скажи своей девице, чтобы она больше на точку не заходила. Из-за нее мои солдаты всю ночь не спали. И вообще, пусть поостережется, иначе я не гарантирую ее безопасность».

В дальнейшем *Ольга* ходила на прогулку в противоположную сторону от точки в полевом брезентовом спецпошиве, в болотных резиновых сапогах и без всяких магнитофонных песенок. А вскоре пришел большой десантный корабль и увез отряд *Труфанова* вместе с *Ольгой-искусительницей* в Белушку. Солдаты на точке стали спать спокойно.

Песня варягов

В Новоземельскую партию при ее формировании, ввиду дефицита геологов-съемщиков в самом НИИГА, было принято несколько геологов со стороны: с Печоры, Северного Урала, Колымы, Чукотки. Местные геологи стали называть их варягами.

Настоящим историческим варягам по своим кондициям больше всех соответствовал начальник съемочного отряда *Кораго Евгений Александрович*. Про него было даже сочинено короткое стихотворение, в котором отражалась вся варяжская сущность *Евгения*.

Из всех варягов
Один *Кораго* -
Варяг.
Он весь нордический,
Здоров физически
И не дурак.

Если мне не изменяет память, то именно *Кораго* привез на Новую Землю «варяжскую» песню, ставшую со временем популярной среди новоземельских геологов.

Автор песни неизвестен. На мой взгляд, сочинена она не геологом, а каким-нибудь первопроходцем-топографом. Топографы проходили по не хоженым людьми звериным тропам всегда первыми, даже впереди геологов.

Варяжская песня звучит мужественно и сурово. У поющих ее лица делаются тоже мужественными и суровыми, как у древних варягов. Песня называлась «Роса на карабине».

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга
И мы посередине.
Письма не жди, письма не жди,
Дороги опустели.
Идут дожди, одни дожди
Четвертую неделю.
И десять лет, и двадцать лет,
И нет конца и края.
Олений след, медвежий след
Вдоль берега петляет.
Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга
И мы посередине.

Песня «Перелетные ангелы» - гимн Новоземельской партии

Песню про ангелов привез на Новую Землю в 1977 году студент Горного института *Евгений Назаров.* Исполнял он ее, аккомпонируя себе на гитаре, грустным заупокойным голосом. Кто автор песни, студент не знал.

Поначалу песня мало кому нравилась, поэтому пели ее редко. Не нравился, в основном, текст песни, в нем было много непонятного, нелогичного и даже мистического.

Нам ночами бессонными не спать на сене,
Не курить по комнатам сладкий дым папирос.
Перелетные ангелы летят на Север,
Их нежные крылья обжигает мороз.
Опускаются ангелы на крыши зданий
И на храмах покинутых ночуют они,
А на утро снимаются в полет свой дальний,
Потому что так коротки весенние дни.
Вы не плачьте, мальчишечки, что юг потерян,
Вы не врите, братишечки, про семейный уют.
Перелетные ангелы летят на север,
Тяжелые крылья над тундрой поют,
И когда ветра теплые в лицо подуют

И от лени последней ты свой выронишь лом,
Это значит, навек твою башку седую
Осенит избавление лебединым крылом.

Прежде всего, было непонятно, кто такие перелетные ангелы и зачем они летят на север, превозмогая всякие невзгоды в пути, тогда как на севере их, похоже, ждали тяжелые земляные работы с ломом, которые делать им было, к тому же, лень.

Году в семьдесят девятом казавшийся мне нелогичным текст песни я решил исправить. Правил, исходя из предположения, что перелетные ангелы – это арктические островные геологи.

Текст получился тоже неблестящим, но зато почти логичным.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ АНГЕЛЫ

Нам ночами июльскими не спать на сене,
Не дождаться цветения темно-бархатных роз.
Перелетные ангелы летят на север
Их нежные крылья обжигает мороз.
Поднимаются ангелы над крышами зданий,
Отряхнув суетливость больших городов,
С зарей отправляются в полет свой дальний,
Где много холодных и буйных ветров.
Вы не плачьте, мальчишечки, что юг потерян,
Позабудьте, братишечки, про домашний уют.
Перелетные ангелы летят на север,
Их крылья тугие над тундрой поют.
Опускаются ангелы на клочья суши,
В океане забытой среди белого льда.
И ничто не тревожит их детские души,
Потому что отсюда не уйти никуда.
А когда ветры теплые в лицо подуют,
И тоскуя по югу, ты свой выронишь лом,
Это значит, еще одну башку седую
Осенит избавление лебединым крылом.

Исправленная песня пошла. Ее исполняли почти в каждом застолье. При этом «Перелетные ангелы» были, как правило, завершающим номером песенной программы. После ее исполнения застолье и всякое пение заканчивалось. Вспоминая назавтра прошедшее застолье, геологи говорили: «Вчера было все хорошо – допелись до перелетных ангелов». И наоборот: «Вчера посидели плоховато – не допелись даже до перелетных ангелов».

И еще была одна особенность в исполнении этой песни. Ее пели яростно и очень громко. Однажды на базе партии в Белушке так грянули, что жившая там

черная кошка, по кличке Багира, выскочила в открытую форточку и не появлялась на базе три дня.

В общем, песня «Перелетные ангелы» стала гимном Новоземельской партии. Справедливости ради отмечу, что при исполнении гимна часто путали старые и новые слова. Но это, как известно, обычное явление для многих гимнов, в том числе и для нынешнего гимна России.

Каково же было мое удивление, когда, будучи на концерте *Александра Городницкого* в конце 90-х годов прошлого века, я узнал, что автором песни «Перелетные ангелы» является сам *Городницкий* и что песня посвящена им не геологам, а памяти жертв сталинских репрессий. Пути поэтической мысли, воистину, неисповедимы.

Роковая песня геолога Орга

Геолог *Орго Владимир Викторович* любил геологию. Влюбился он в нее совсем молодым человеком и расстался с ней почти через полвека, только когда вышел на пенсию. За это время он совершил 40 арктических экспедиций – на север Якутии, на Новосибирские острова и на Новую Землю. В истории НИИГА-ВНИИОкеанологии-Полярной экспедиции больше его выездов на полевые работы в Арктику не сделал никто. Даже у *Соболевской Р.Ф.* было «всего» 39 полевых сезонов.

На Новой Земле отработал 26 полевых сезонов, тоже больше всех геологов Новоземельской партии. Он один из немногих геологов партии, кому удалось пройти с молотком всю Новую Землю с юга до севера.

Богатырской силушки *Орго* не имел. Однако был шаговит, выносливый, смел, удачлив и серьезно практически никогда не болел. Именно хорошее здоровье и позволило совершить ему рекордное количество экспедиций в Арктику.

Любил геолог *Орго* и песни. Знал их много, но самая любимая была одна. Исполнял он ее часто и с каким-то особенным настроем. Закрывал глаза и, весь уйдя в себя, пел ее как молитву:

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращусь я к друзьям:
Не сочтите, что это в бреду:
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду.

Я шагал напролом,
Никогда я не был недотрогой.
Если ранят меня
В справедливых тяжелых боях,

Забинтуйте мне голову
Русской песнею дорогой
И укройте меня
Одеялом в осенних цветах.

От морей и от гор
Веет свежестью, веет простором.
Раз посмотришь – почувствуешь:
Вечно, ребята, живем!
Не больничным от вас
Ухожу я, друзья, коридором.
Ухожу я, товарищи,
Сказочным Млечным Путем.

Когда *Орго* вышел на пенсию, т.е. когда его любовь к практической полевой геологии резко оборвалась, он заболел. Заболел впервые и серьезно, но к врачам, как поется в его любимой песне, обращаться не стал. Жена *Орго*, геолог *Людмила Повышева*, прошедшая вместе с мужем половину Новой Земли, и друзья-новоземельцы говорили *Орго*: «*Володя*, забудь ты эту песню. Сходи в поликлинику и обратись к врачам».

Но к врачам геолог *Орго* так и не обратился до самой смерти. Он умер 29 сентября 2007 года в возрасте 69 лет.

На сороковой день после смерти *Орго*, *Л.Г.Повышева* устроила по мужу поминки и пригласила на сороковины геологов Новоземельской партии. Пришли, в основном, ветераны, начинавшие работать на Новой Земле совместно с *Орго* и *Повышевой* в далеких 1977-1980 годах.

Пришли *Труфанов Геннадий, Непомилуев Валентин, Кораго Евгений, Матвеев Владимир, Красножен Алина, Тимофеева Татьяна, Ковалева Галина, Томилина Ольга, Идьин Владимир, Загайный Александр, Ласточкин Александр, Шульга Юрий, Калинин Александр, Тихонов Сергей*.

Острая боль утраты за сорок дней уже улеглась – сороковины проходили легко. Вспоминали интересные и даже забавные случаи из жизни *Орго*, вспоминали о своей работе на Новой Земле, говорили о геологии, о поломках вездеходов, о встречах с белыми медведями. Говорили и о песнях, в том числе о любимой песне *Орго*. В общем, поминки стали похожи на праздничное застолье по случаю окончания полевого сезона на базе партии в Белушке.

Повышева рассказала о последних днях жизни *Орго*. Был он уже в забытьи и все беспокоился о каком-то празднике. Сколько будет приглашено народу на этот праздник, хватит ли на всех водки и закуски и будут ли гости петь песни.

На поминках петь не принято. Но геологи, нарушив обычай, все же спели негромко одну песню, а именно любимую песню *Орго*. Говорят, душа окончательно покидает усопшего на сороковой день. Беспокойная душа геолога *Орго* должна была успокоиться. Поминки по нему прошли, как он хотел.

Кризис жанра

Нужно сказать, что в последнее время, начиная с 1991 года, года развала великой державы Советский Союз, геологи стали петь песни очень редко. Я назову здесь для примера несколько праздничных геологических дат, которые должны были сопровождаться песнями, как говорили, по положению. Однако они прошли вообще без песен.

28 ноября 1998 года праздновался пятидесятилетний юбилей НИИГА-ВНИИОкеангеологии. В прекрасном здании института Арктики и Антарктики собралось на юбилей более 500 геологов-полярников, бывших и действующих. Была торжественная часть с поздравительными речами и вручение наград, после которой был и большой банкет.

Банкет прошел под знаком дружбы и любви. Произносились тосты, говорили друг другу комплименты, давно не видевшиеся геологи при встрече обнимались и целовались. По части поцелуев и проявлений любви всех превзошел генеральный директор института академик *Игорь Сергеевич Грамберг*. Он перецеловался со всеми женщинами, находящимися в банкетном зале. Как это ему удалось? Академик стоял на месте, а женщины выстраивались в длинную очередь, подходили к нему и целовались. Мужская часть пирующих смотрела на поцелуйный обряд, продолжавшийся минут 15-20, с удовольствием и одобрительно хлопала в ладоши. *И.С.Грамберга* как директора и как человека любили все: и мужчины, и женщины.

Из всех поздравительных речей, комплиментов, тостов и проявлений любви вырисовывалась одна общая мысль: мы жили и работали в прекрасный и романтический период, названный золотым веком советской геологии. Мы чувствовали себя нужными нашей Родине – Союзу Советских Социалистических Республик, гордились своей работой и званием геолога. О геологах слагались песни, геологи сами слагали песни, пели их и были счастливы, невзирая ни на какие трудности. Нам повезло, что мы трудились в это славное, счастливое и песенное время. И больше такого времени уже не будет никогда.

Несмотря на красивые слова, сказанные о нашем времени, юбилей прошел без песен.

23 февраля 2003 года отмечала свой сорокалетний юбилей Шпицбергенская партия, самая поющая геологическая партия в прошлом. Отмечали в Ломоносове, в просторном зале столовой Полярной экспедиции. Партия давно входит в состав этой экспедиции.

Стол, накрытый на 80 персон, был богатый. Спиртного – хоть запейся, закуски – ешь не хочу. Было много речей, тостов и пожеланий. Было всего много – не было только песен. Молчал даже японский музыкальный ящик «Караоке», приобретенный в свое время экспедицией с ведома и одобрения ее начальника *Владимира Дмитриевича Крюкова*, что доказывает: начальник и сам в былые времена любил попеть песни.

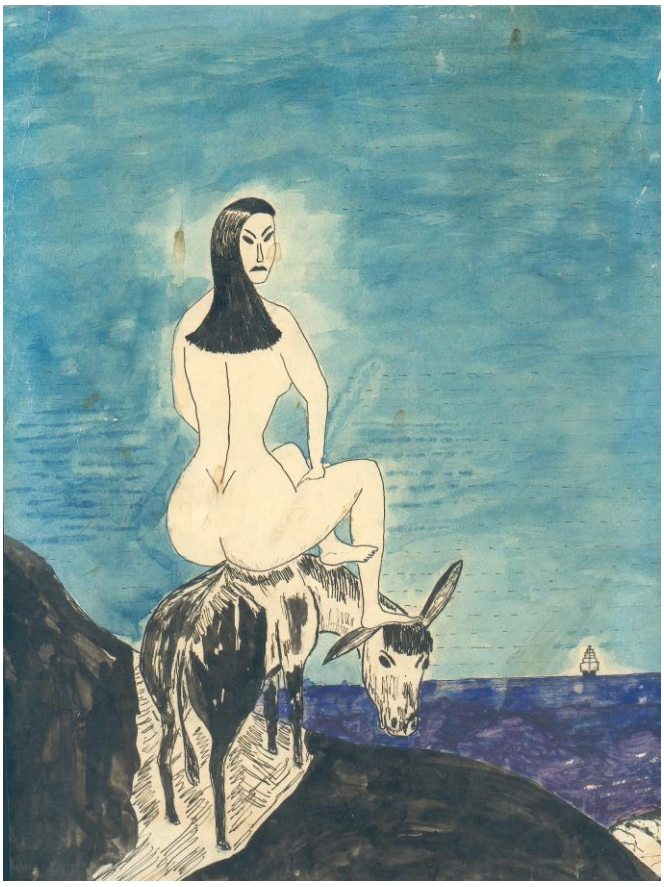
Не пели геологи песни и на праздновании 55-летнего юбилея НИИГА-ВНИИОкеангеологии в 2003 году, не пели и на 60-летнем юбилее института в 2008 году.

На юбилее в 2008 году в торжественной части выступило 33 оратора – в основном, директора геологических институтов и смежных с ними организаций. В своих выступлениях директора в соответствии с веяниями нашего времени призывали всех объединиться и бороться... с приватизацией в геологии. Тут уже, как говорится, не до песен.

На этом юбилее в качестве почетного гостя присутствовал бывший ленинградец и НИИГАишник, а ныне москвич, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент РАЕН и лучший среди бардов сочинитель и исполнитель геологических песен *Александр Городницкий*. Но даже «сам» *Городницкий* не спел ни одной песни. А ведь с его песнями прошагало по Арктике и Антарктике, проплыло по морям и океанам не одно поколение геологов.

Трудно жить без песни, товарищи полярные геологи. Неужели кризис нашей страны и с ним и кризис геологической песни никогда не кончится? Хочется верить и надеяться, что геологи замолчали не навсегда. Их песни еще возродятся.

Из фотоархива *Непомилуева В.Ф.*

Мисс Новая Земля

С ДНЁМ ГЕОЛОГА!

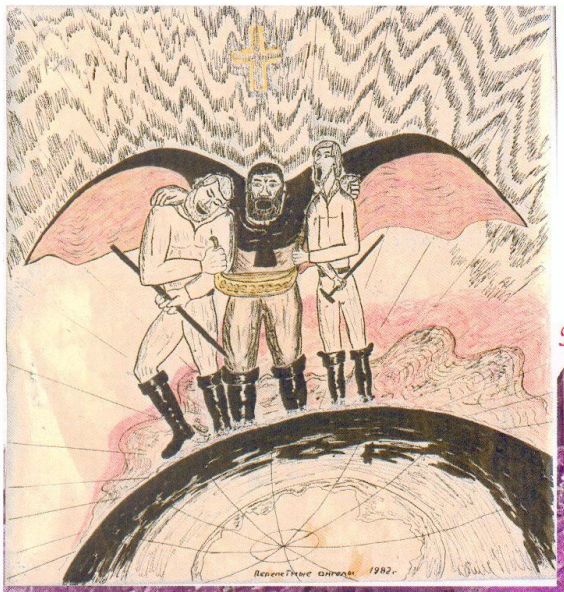
Геологов добрых, хороших и разных
Изрядно умытых и тщательно грязных,
Геологв юных, геологов зрелых,
Поля проводящих в Крыму и Карелах,
Геологов очень открытых и хитрых,
Геологов съёмки, геологов гидро-,
Кто в недрах земли добывает алмазы,
Геологов нефти, геологв газа,,
Всех тех, кто дорогу без компаса знает,
Геологов смелых (других не бывает),
Геологов рьяных, геологов резвых,
Геологв пьяных, геологов трезвых,
Кто с камнем за пазухой ходит по свету,
Кто долгой зимой изнывает по лету
Кто летом в поля от семьи убегает,
Всех их, романтичных (других не бывает),

Геологов лысых, а также лохматых,
Геологов-дам в бигудях и помадах,
Геологов мрачных и вечно веселых,
В борьбе за открытья ночами не спящих,
Ни разу за поле тушенки не евших
И только на ней весь сезон просидевших,
Не ждущих добра от валютного фонда,
Живущих, практически, без микрозонда,
Но не обойденных каким-нибудь грантом,
Гордящихся степенью или талантом,
Себя отдающих научной стихии,
Геологов нудных (бывают такие,
Но их коллектив из рядов изживает,
Чтоб гордо сказать, что таких не бывает),

Геологов сх и очень речистых,
Горных геологов и тектонистов,
Всех тех, кто безумно влюблён в минералы,
Из древних морей извлекает кораллы,
Шлифы изучает ужасно дотошно,
Кто моет шлихи до кондиции "тошно!",
Кто в кристаллографии зуб не сломает,
Геологов умных (других не бывает),

Считающих рейтинги и пофигистов
Начитанных, грамотных специалистов,
Всех вас, геофизики, геодезисты,
А также примкнувшие к нам программисты
Всех как-то припавших и где-то причастных
И к нашему празднику не безучастных,
Всех вас, дорогие друзья по удаче,
Решающих главные в мире задачи
Ресурсов природных, ресурсов душевных,
Великих, свободных и несовершенных
Всех тех, кто однажды ушел в депутаты,
И тех, кто покинул родные пенаты,
Всех наших и ваших, забытых и прежних,
Когда-то российских, теперь зарубежных,
Всех крупных учёных и просто рабочих,
Всех видных, завидных, и прочих, и прочих
Всех вас мы открыто и чистосердечно

Поздравить спешим с нашим праздником вечным.

Задумчивых, знающих массу приколов,
Машину водящих и водку не пьющих,
Куда-то глядящих и где-то снующих,
Всех ярких, азартных и фотогеничных,
Всех самовлюблённых и самокритичных,
Всех стройных, сидящих всегда на диете,
И кто за фигуру свою не в ответе,
Отважных, кто грудью других закрывает,

Геологов верных(других не бывает),
Геологов тощих, геологов сытых,
Геологов жизнью и молью побитых,
Всех тех, кто, рюкзак надевая на плечи,
Спешит покорить все якутские речки,
Кто эксперимента фанат и глашатай,
Кто может работать лотком т лопатой,
Кто милой улыбкой восторг вызывает,
Геологов щедрых (других не бывает)

Кто типа конкретно ваше без базара,
Нам тихую песню споёт под гитару,
Геологов классных, порой эксцентричных,
Со всеми согласных, всегда полемичных,
Геологов мудрых, геологов сильных,
За модой следящих, изящных и стильных,
Всех бывших и будущих и настоящих.

Хотим пожелать вам здоровья и счастья,
В грантах российско-буржуйских участья,
Открытий глобальных, успехов безмерных,
Зарплат выдающихся, не эфимерных,
Наука чтоб стала богатой до жути,
Чтоб завтра же деньги нам выделил Путин,
Чтоб вам нипочём никакие преграды,
Сверху чтоб сыпались только награды,
Полей плодотворных, коллег безупречных,
Студентов проворных, Студенток беспечных,
Сапог недырявых и речек не мелких,

Чтоб вы побеждали в любых переделках,
Чтоб рыба ловилась и утром, и в полдень,
А фляга со спиртом всегда была полной,
Палатки и спички чтоб были сухими,
Консервы и каша - не очень плохими,
И чтобы любимые вас не бросали,
И чтобы душевные ваши затраты
Всегда приносили свои результаты

Чтоб дети и внуки учились отлично,
И чтоб одевались не хуже столичных,
Желаем идей прогрессивных и дельных,
Свершений не только в мечтах запредельных
И чтоб молотком разбивая породу
В дождливую мерзкую злую погоду
Вы грелись той мыслью:"бывает и хуже",
Но труд наш бесспорно почетен и нужен.

Желаем тайги вам без всякого гнуса,
Чтоб к вам прилетали пегасы и музы
И чтобы прохожие вам улыбались,
Чтоб трипер СПИД вас до смерти боялись,
Влюблённость чтоб в сердце жила и отвага,
А фляга со спиртом- (опять эта фляга!..)

Короче, желаем вам мирного неба,
С икоркою чёрною белого хлеба,
(Ну, или хотя бы копчёного сала),
Статей в заграничных престижных журналах,
Полёта фантазии, дерзости мысли,
Компьютеры-гады чтоб больше не висли,
Чтоб вы достигали положенной цели,
Всегда всё могли и всегда всех хотели,
Чтоб лёгкость и ветреность не раздражали,
Коллеги (см. выше) всегда уважали,
И чтобы могли вы сказать в одночасье:

"Я жив! Я здоров! Я геолог! Я счастлив!

ПОЛЯРНАЯ МОРСКАЯ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

С ДНЕМ ГЕОЛОГА!

Новая Земля. Северный остров. Поход через ледник.

1978 г. Новая Земля. Река Саханина. У костра сидит и травит байки *Непомилуев В.*, *Кораго Е.*, студенты *Мусатов Е. и Седов Д.*

Новая Земля. Лагерь в горах

1977 г. Новая Земля. Съемочный отряд № 1

1977 г. Новая Земля. Поисковый отряд *Ильина В.Ф.*

Новая Земля. Карское побережье. Карское море со льдом и летом.

2000 г. Ломоносов. *Непомилуев В.Ф.* – автор баек «Геологи и их песни»

Северный остров Новой Земли. В маршруте.

Новая Земля. «А я сам пришел и есть хочу»

К гимну Новоземельской партии «Перелетные ангелы»

Северный остров Новой Земли. Вездеходы в горах

Южный остров Новой Земли.
Хорошая погода, хорошая дорога, что еще надо геологу!

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине.
И десять лет, и двадцать лет,
И нет конца, и края.
Олений след, медвежий след
Вдоль берега петляет.

Малый флот Новоземельской партии

Новая Земля. Неожиданная встреча в маршруте

Южный остров Новой Земли. Рыбацкая изба

Новая Земля, полуостров Крашенинникова. Богатый улов гольца.

Первый начальник Новоземельской партии *Анатолий Бурский*. Танцует шейк или твист?

28.03.1997 г. Ломоносов. Новоземельская партия отмечает 20-летний юбилей

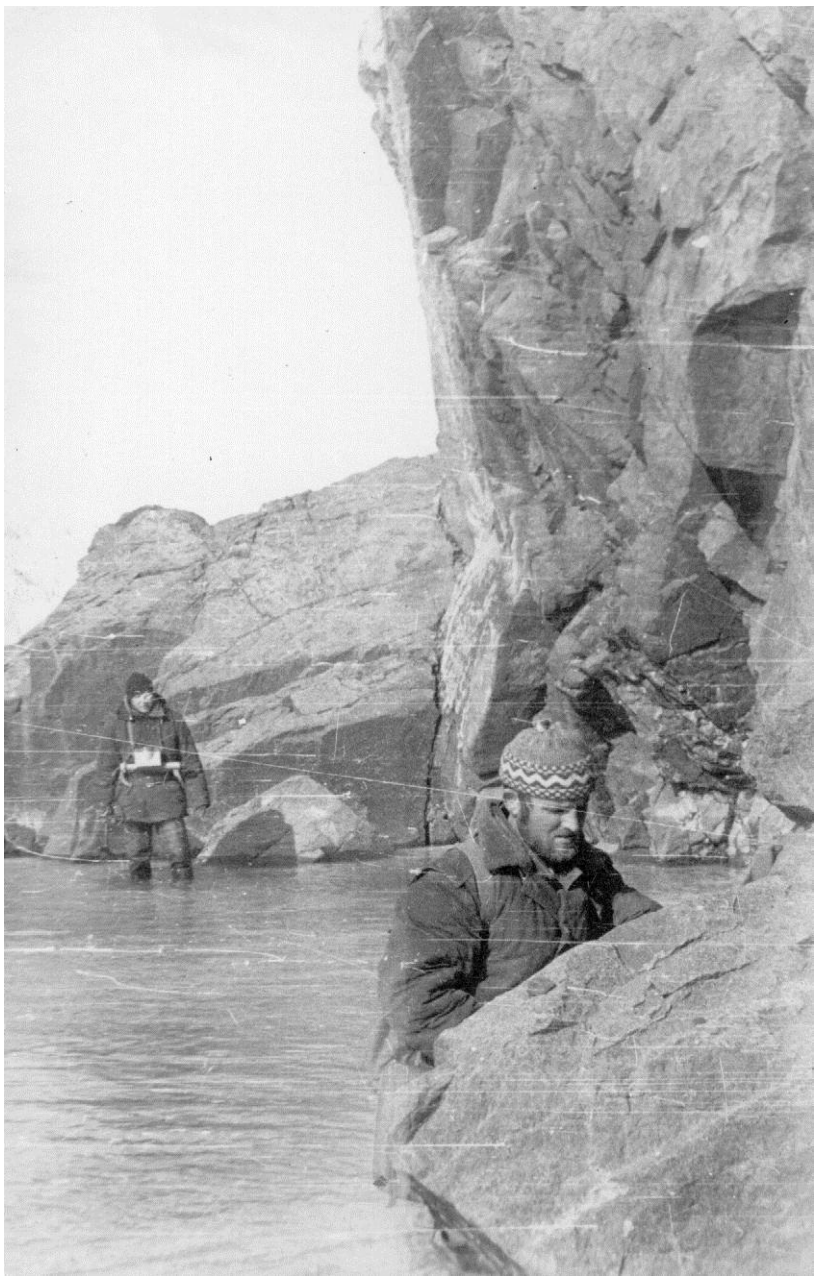
28.03.1997 г. Ломоносов. На двадцатилетнем юбилее Новоземельской партии: А не спеть ли нам «Перелетные ангелы»?

1975 г. о. Бол.Ляховский. А путь и далек, и долог.

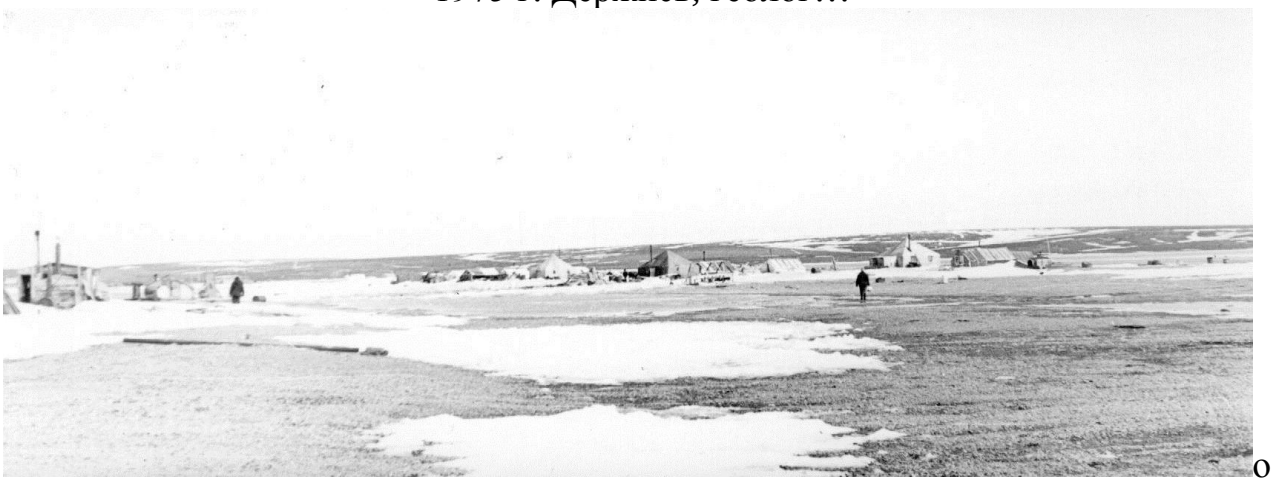
1975 г. о. Бол.Ляховский. И нельзя повернуть назад…

1975 г. Крепись, геолог!

1975 г. Держись, геолог…

о. Котельный. База ВСКП

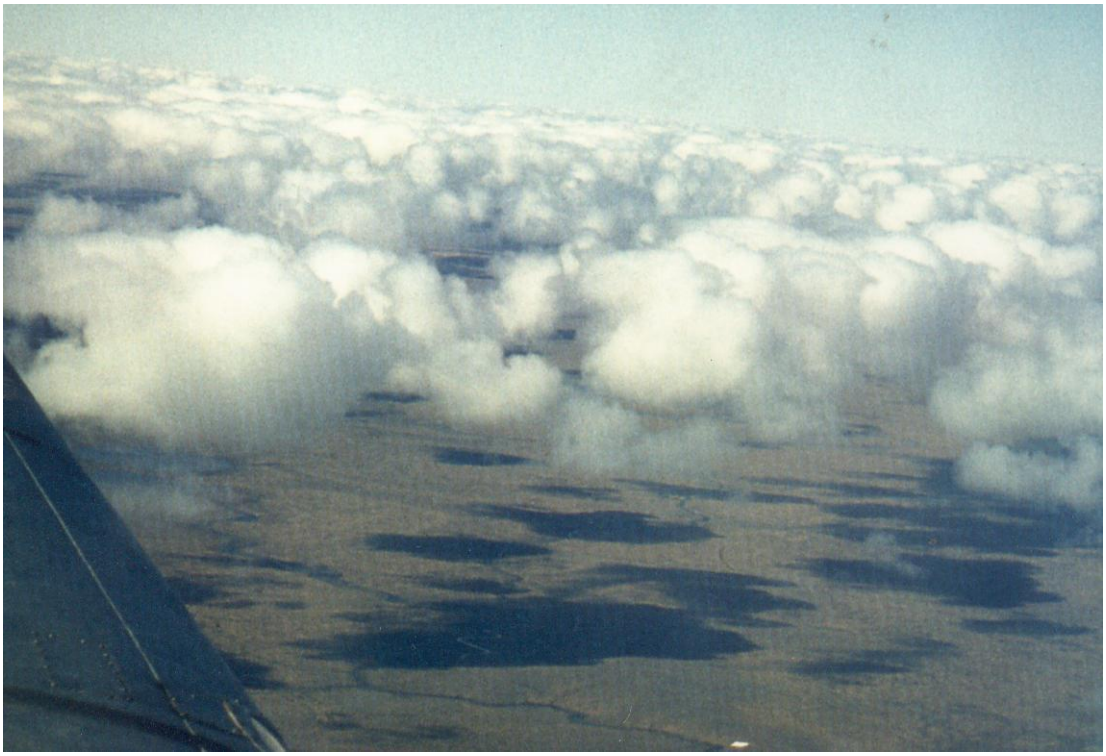
Непобедимая *Римма Соболевская*

о.Котельный. Откопали бивень мамонта

Многие лета *Наталье Степановне*!

Чокурдах-Острова.
Как призрак, сквозь клочья тумана,
По правому борту горизонт заслоня,
В ржавых пятнах проталин, посреди океана,
Не сказать, чтоб красива, показалась земля.

Зенков Виктор и Соболевская Римма на юбилее у *Натальи Степановны Бондаренко*

1974 г. о.Котельный. Погрузка вездехода

1973 г. База Восточно-Сибирской комплексной партии на о.Котельном. Четыре богатыря. Справа налево: *Труфанов Г.В., Косько М.К., Непомилуев В.Ф., Гаврилов Б.А.*

1972 г. о. Котельный. Съемочный отряд № *1 Косько М.К.*

1972 г. о. Котельный. Небольшое совещание в первом ознакомительном маршруте. В центре *М.К. Косько*.

1967 г. *Соколов В.Н. («папа Валя»), Корчинская Марианна, Пчелина Татьяна*

1967 г. Караоке по шпицбергенски. *Корчинская Марианна, Соколов В.Н. («папа Валя»)*

Шпицбергенская партия 1967 г. В президиуме: (справа налево) *Красильщиков А.Л., Лившиц Ю.Я., Корчинская М.В., Муримов Л.Т.*

Шпицберген 1964 г. Дорога землепроходцев

Шпицберген 1965 г. Очень даже неплохо!

1963 г. *Непомилуев Валентин*. Шпицберген за спиной.

Шпицберген 1963 г. Встреча с норвежским охотником. Слева направо: охотник, студент ЛГУ Борисовский, геолог *Мариенгоф Борис Борисович*, студент ЛГИ *Непомилуев Валентин*

Открытие базы («красного дома») Шпицбергенской партии. Справа налево: *Анатолий Чапчай, Корчинская Марианна, Лившиц Юрий, Панов Анатолий*

Шпицберген 1969 г. Погрузка вертолета. Наблюдает начальник партии *Семевский Д.В.*

Шпицберген.
Гора Пирамида, а под ней одноименный с горой рудник Пирамида

Шпицберген 1965 г. Геологи и вертолетчики жили дружно.
В центре – начальник Шпицбергенской партии *Валентин Николаевич Соколов («папа Валя»)*

Шпицберген 1964 г.
На память о званом обеде. 3-ий слева *Панов А.И.*, 4-ый – *Свен Манум*, 6-ой – *Ула Петер*, 7-ой – *Анатолий Чапчай*, 9-й – *Непомилуев Валентин*

Шпицберген 1963 г. Баренцбург корабли встречает.

Шпицберген 1967 г. Шпицбергенские встречи.
Справа налево: геолог *Панов А.И.*, техник-геолог *Захаров Борис* и трое шведских студентов

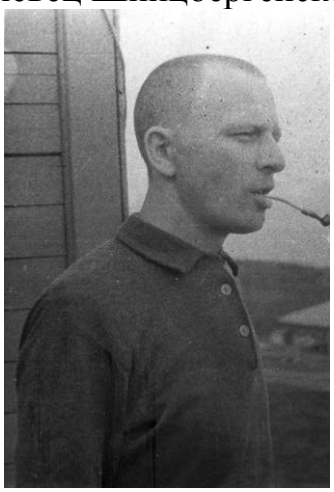
Шпицбергенские маршруты

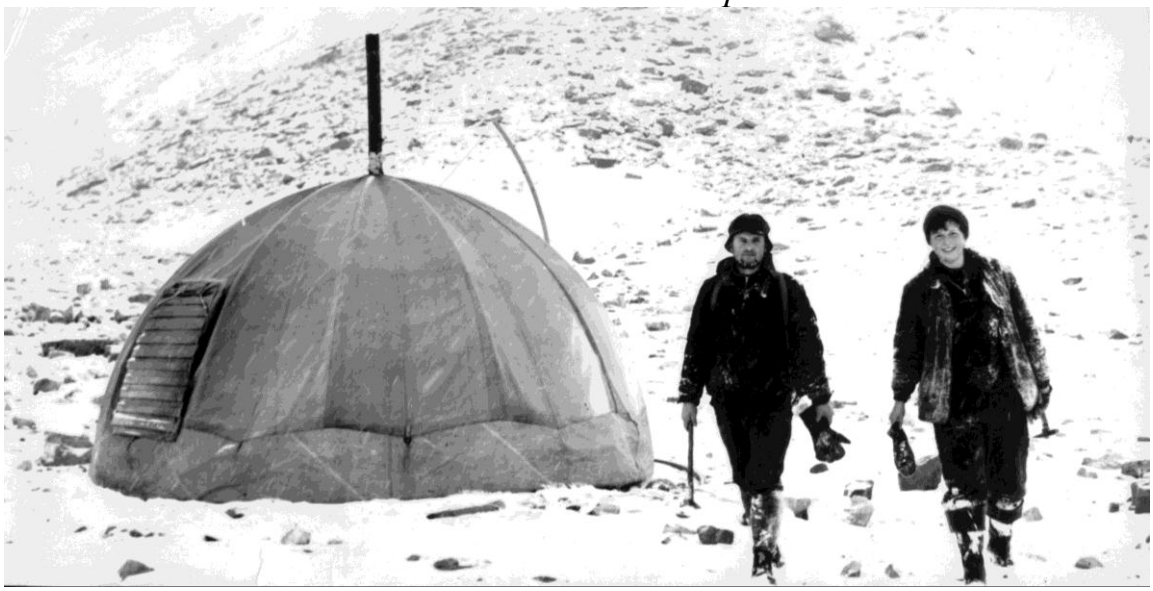
Шпицберген 1964 г. *Александр Красильщиков* у новой палатки КАПШ-1

Шпицберген 1966 г.
Лучший певец Шпицбергенской партии *Юрий Яковлевич Лившиц*

Шпицберген 1965 г.
Геолог-поэт-песенник *Мокин Юрий Иванович*

Шпицберген 1965 г. Сентябрь. Выпал первый снег.
Пчелина Татьяна Михайловна и *Непомилуев Валентин* возвращаются из маршрута

НЕХОРОШЕВА Л.В.

Заморочало

Летом 1962 г. мы работали на разрезах ордовика на северо-востоке Таймыра в бассейнах рек Клюевка и Толля. Мы – это начальник партии *В.И.Бондарев*, литолог *Э.М.Красиков*, два стратиграфа-палеонтолога *Л.В.Нехорошева* и *Р.Ф.Соболевская* и радист *Валентин Рогачев*. Погода была, мягко говоря, нежаркая с сильными ветрами и частыми густыми туманами. Связь с базой, которая находилась в Хатанге, осуществлялась только морзянкой. В связи с частыми магнитными бурями, приводившими к сильным помехам в эфире, далеко не всегда удавалось связаться с базой. После тщетных попыток наладить связь *В.Рогачев* очень расстраивался и обычно повторял одни и те же слова: «Опять заморочало, со связью полный затык». «Заморочало» быстро вошло в нашу полевую жизнь и часто использовалось, особенно в те дни, когда с утра из-за тумана даже соседняя палатка была еле видна и казалась неотчётливым призраком.

Для *В.Рогачёва* «полный затык» выразился не только в отсутствии связи, но и в отсутствии общения. Дело в том, что с самого начала он заявил, что он радист и на разрезы ходить не будет, да и приготовление еды тоже не входит в круг его обязанностей. Никто не стал возражать. По утрам мы дружно, кроме радиста, готовили или разогревали остатки вчерашней еды, кипятили чайник, завтракали и, захватив с собой что-нибудь на дневной перекус, уходили на целый день работать на разрезы. Вечером, вернувшись в лагерь, разжигали примуса (лучше всего это получалось у *Валентина Ильича*) и готовили ужин, который вместе с нами поглощал и радист. Там прошло недели две и нам надоело «нахлебничество» радиста. Не сговариваясь, мы перестали с ним разговаривать. Нашу молчаливую забастовку радист выдержал три дня. Он догадался, почему мы молчим, и согласился готовить вечернюю еду, но с условием, что мы прекратим нашу забастовку. Консенсус был достигнут и мы спокойно проработали до конца сезона.

Наше полевое крылатое слово «заморочало» я не раз вспоминала петербургской зимой 2011 г., когда с самого раннего утра за окном сплошной стеной крупными хлопьями валил снег и дом напротив был едва виден.

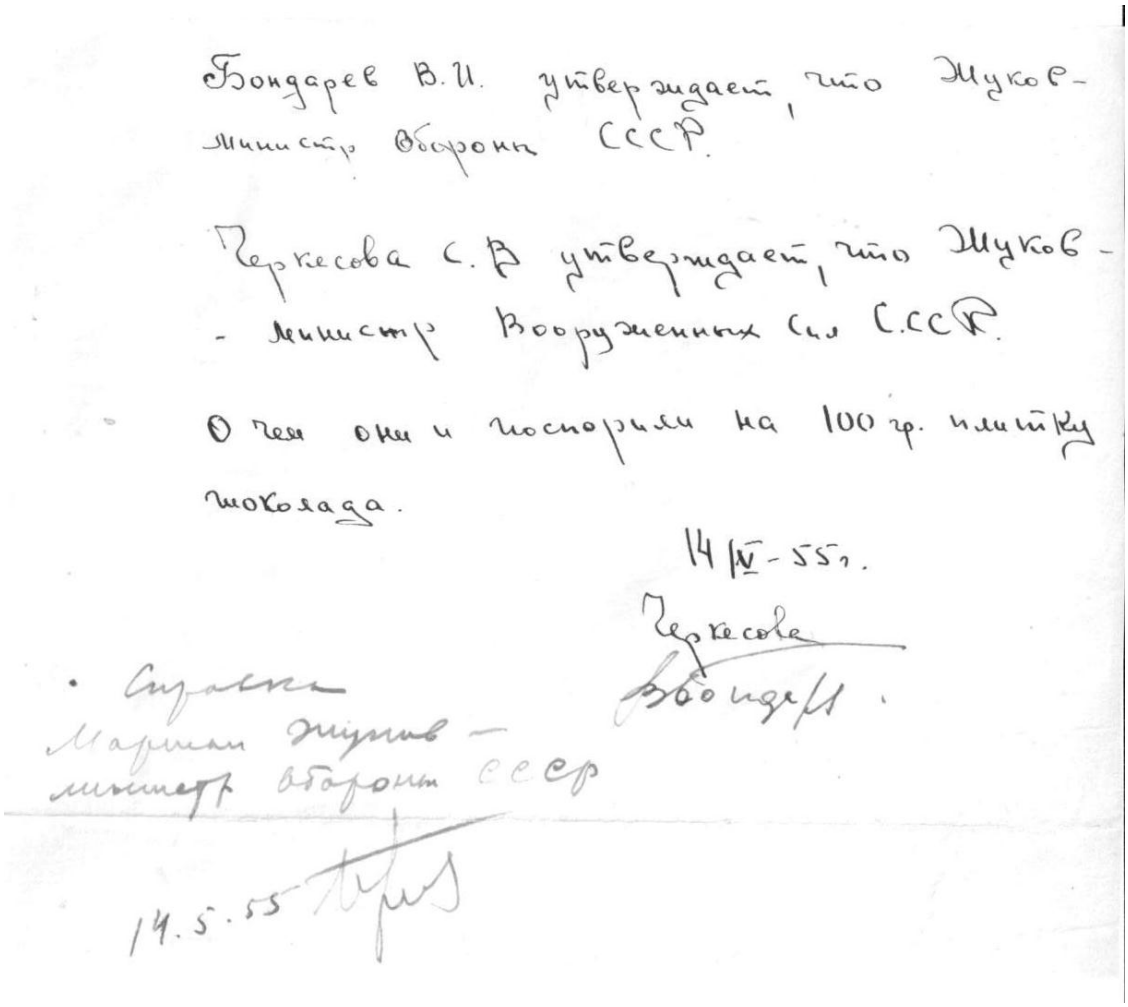
Спор

В конце 2009 г. перед очередным, надеюсь, для меня последним, переездом отдела стратиграфии из арендованного помещения на ул. 12-я Красноармейская, 12, дом 3 на Мойку 120 мне пришлось разбирать письменный стол *С.В.Черкесовой*, скоропостижно скончавшейся в 2007 г. Среди многочисленных бумаг: черновиков рукописей по стратиграфии и брахиоподам девона и заключений по результатам определения коллекций девонских брахиопод из различных районов Арктики, я обнаружила расписку о споре

между *В.И.Бондаревым* и *С.В.Черкесовой*. Факсимильнывй вариант этой расписки предлагается Вашему вниманию.

Мне показалось забавным не только то, о чём спорили в 1955 г. молодые специалисты НИИГА *В.И.Бондарев* и *С.В.Черкесова*, но и ставка этого спора – плитка шоколада (!)

Арбитром спора был *Б.С.Романович*. Обращение спорщиков к *Б.С.Романовичу* было неслучайным, по крайней мере, по двум причинам. В те годы *В.И.Бондарев* и *С.В.Черкесова* работали в Новоземельской экспедиции, главным геологом которой был *Б.С.Романович*, т.е. он был их непосредственным начальником (см. очерк «*Б.С.Романович* (1917-1982)» в кн. На пути к недрам Арктики, Антарктики и Мирового океана, вып.II, ч. I, 2006). Но основное в выборе арбитра заключалось всё-таки в том, что *Б.С.Романович* был участником и инвалидом ВОВ и, естественно, безошибочно знал, кем в 1955 г. был маршал *Жуков*.

Бондарев В.И. утверждает, что Жуков - министр обороны СССР.

Черкесова С.В утверждает, что Жуков - министр Вооруженных сил СССР.

О чем они и поспорили на 100 гр. плитку шоколада.

14/V-55 г.

Черкесова

Бондарев.

Спасск

Маршал Жуков - министр оборон СССР

14.5.55

РЕКАНТ П.В.

Как я перезимовал этим летом, или что случается, когда за организацию экспедиции берутся дилетанты

(NB. названия организаций слегка изменены, хотя по требованию прокуратуры это может быть исправлено)

Необходимость поехать в эту экспедицию возникла, как обычно и возникают подобные события, - вдруг. Вдруг в четверг после полудня до меня дозвонился мой старый знакомец *Саша Рудой* и сказал, что некая фирма, «Контур», СРОЧНО ищет геолога для инженерных работ на Земле Франца-Иосифа. Наших экспедиций в этом году не ожидалось, а просто сидеть в городе все лето скучно. Почему бы и нет, подумал я.

Я дозвонился до главного геолога «Контура», расспросил, что да как. Оказалось, что собирается огромная экспедиция на ЗФИ, дабы по указу самого *В.В.Путина* очистить северные рубежи нашей необъятной от тяжелого наследия советской военщины, а именно, военного хлама и бочек. «Денег отпущено много!» – все, что я смог понять. А вот понять, чем придется заниматься, оказалось гораздо сложнее, а полностью я это понял уже только после возвращения. Тогда же, в начале этого эпохального события, мне было сказано следующее: «Я пока не знаю точно, деньги пришли только неделю назад. Наши геологи отказались. Поедете на место, там разберетесь, работы меньше чем на месяц. Нужны два геолога на один остров».

Вот на этом месте мне надо было бы насторожиться, но я этого не услышал, а услышал длительную чехарду названий **Компаний** и компаний, которые организуют эту кампанию.

«…Эта вот Компания, мол, выиграла конкурс. Однако она никогда не работала в Арктике. Поэтому компания «МегаИнформ» является у нее подрядчиком на экологические работы, но не имеет лицензий на инженерку, и поэтому мы – «Контур» – у нее на субподряде. А вот эта Архангельская контора «Русская Арктика», про которую мы знаем только то, что во главе ее стоит некий *Роман*, берется за организацию вашего на острове существования и всю логистику. Вам совершенно не о чем беспокоиться…».

Самое интересное, что выезжать надо послезавтра - в субботу, ибо НЭС «Михаил Сомов» выходит из порта в понедельник. На мои робкие замечания, что судно в понедельник из порта не выходит никогда, было отвечено, что так обещала Архангельская фирма.

Памятуя наш героический дрейф на МБ «Шуе», я не очень доверяю заверениям о том, что вам нечего беспокоится и все для вас будет организовано Большим_Дядей_из_Москвы. Тем более, когда этот организатор сам остается на Большой Земле. Потому я начал задавать неудобные и неполиткорректные вопросы:

– *Роман*, а что у нас с питанием и оружием?

– С питанием и оружием у вас все хорошо! *Павел*, я же говорил, вам не о чем волноваться!

К слову сказать, с оружием у нас и, правда, было неплохо, то есть традиционно для Арктики – карабин и три ружья. Однако, кроме этого, было, так сказать, и ноу-хау от *Романа*: дополнительно для обороны от медведей нам было закуплено несколько газовых баллончиков типа «антидог» и несколько… рогаток. Я тоже сначала думал, что это шутка. Ан нет! Оказалось, *Роман* не шутит с безопасностью. Рогатками с металлическими шариками, по его уверению, можно очень эффективно отгонять медведей, не причинив ИМ никакого вреда!

– «А баллончик у вас должен быть у каждого в кармане, и я очень рекомендую потренироваться его быстро выхватывать, вот так (*Роман* продемонстрировал, как)!» Я даже притих, представив, как эти крутые парни, стоя нос к носу с медведем (а радиус действия баллончика 1-2 метра, да и то по ветру), ловким движением выхватывают баллончик и обращают медведя в бегство перцовым газом, а затем добивают его из рогатки в толстый медвежий зад. Но это было позже, а тогда я продолжил задавать плохие, неудобные вопросы:

К нам гости

– А как нас будут забрасывать?

– Забросят вас вертолетом с «Сомова», потом он пойдет дальше в Чукотское море.

– А когда и как нас заберут?

– Заберут вас пароходом в означенный срок.

Но я-то знаю, что любому судну неледового класса очень непросто подойти к острову Греэм-Бэлл и уж тем более без вертолета снять нас оттуда. Дело в том, что остров находится вблизи границы летнего распространения льдов и поэтому ветер постоянно гоняет эти ледяные поля вдоль острова. А западный его берег, где и будет наша база, представляет собой отличную воронку-льдоуловитель и очень легко забивается льдом.

– А почему нас не будут забирать вертолетом? - *Павел*, ну что вы так нервничаете, есть генеральный подрядчик, у него много денег, и им ТАМ в Москве виднее, как вас забирать. У них все ходы просчитаны и записаны. Может быть, к вам самолет прилетит.

– А куда он сядет, если прилетит? Там же полосы нет уже!

– *Павел* – вы паникер! Почему вы сразу о плохом думаете?

– Просто потому, что я немного работал в Арктике….

Согласившись, я быстренько нашел себе напарника - *Женю*, ничего, что парень еще только институт заканчивает, работать же будем вдвоем, я его обучу, подумал я.

В пятницу мы всей компанией прошли медкомиссию. Случилось и несколько сюрпризов. Я узнал, что, во-первых, едем мы на два острова – Гофмана и Греэм-Белл, и, следовательно, работать нам с *Женей* придется отдельно и, во-вторых, в Арктике из всей нашей команды мало кто был, а в море, кроме меня, не был никто. Вместо рюкзаков были закуплены хорошие, новые, дорогие, непромокаемые сумки через плечо. Рюкзаки были только у нас с *Женей* и у нескольких человек еще.

Далее пошла обычная экспедиционная рутина. Судно, конечно же, в понедельник из порта не вышло. И вообще судовые планы поменялись в корне и нас доставили на остров на 3 недели позже, чем планировалось. Мы времени зря не теряли. Женя проходил ускоренный курс инженерной геологии, я писал очередную статейку, мы отъедались и отсыпались впрок.

Судно, наконец, подошло к нашим островам. Высадились мы 27 июля и начали стоить базу. Все оказались рукастыми и умелыми мужиками, работа кипела и через 5-7 дней у нас уже была хорошая база с банькой. Начали работать.

Такая у нас получилась База. Теплая, с банькой, складом.

Но мысль о непонятной эвакуации меня не оставляла, тем более, что большую часть июля и августа ледовая обстановка была не просто сложной, а сложной **вообще** – лед от 8 до 10 баллов. Еще на «Сомове» я поговорил с капитаном о нашей призрачной эвакуации без вертолета. Он меня успокоил: «Ну, посидите до конца октября, а там мы на обратном пути вас снимем…». Я робко возразил, мол, у меня работа, университет, жена, дети, поувольняют ведь отовсюду, если буду на острове сидеть до конца октября.

«…А что вы хотите, с Греэм-Белла даже в советские времена только вертолетом и забирали, один из самых сложных островов по ледовой обстановке…»

Мы методично целый месяц докладывали по телефону *Роману* о ледовой обстановке. Выглядело это примерно так:

– *Роман*, Греэм-Бэлл на связи! Работаем. Все в порядке. Ледовая обстановка плохая, лед 9-10 баллов, толщина до 2 метров!

– Хорошо!

– *Роман*, почему не прорабатываются планы эвакуации вертолетом?

– Да не волнуйтесь вы, мы уже наняли судно «Мангазея» с опытным экипажем, они обещали вас снять.

– *Роман*, у нас лед 9-10 баллов! Какой ледовый класс у «Мангазеи»?

– Не волнуйтесь, мы делаем все возможное! Мы даже запросили ледовый прогноз в ААНИИ и они сообщают, что пролив Вилькицкого уже чист!

– *Роман*, пролив Вилькицкого – это совсем с другой стороны Карского моря! Мы на самом северо-западе, а Вилькицкого на самом юго-востоке.

...Долгое молчание в эфире....

– Хорошо мы уточним, но вам не о чем волноваться.

– *Роман*, у нас вся ледовая обстановка видна из окна базы, мы вам сами все расскажем! От берега и на расстоянии до 10-15 миль сплошные поля торосов, сюда даже ледокол не сунется, не то, что ваша «Мангазея».

– *Павел*, не волнуйтесь, мы делаем все возможное, ваша эвакуация произойдет в срок.

Конец связи и матюги по эту сторону микрофона.

Типичная ледовая обстановка на Греэм-Белле в августе. Убедить Романа, что судно и катер не смогут здесь работать, нам так и не удалось.

Так продолжалось примерно месяц. И, несмотря на всю эту информацию, «Мангазея» упорно шла нас эвакуировать. Мои вопросы, как же это будет сделано, как судно или катер сможет подойти к берегу, либо повисали в воздухе, и я опять обвинялся в паникерстве, либо *Роман* начинал говорить в духе чиновника, о том, что «… предпринимаются ВСЕ!!!! возможные меры для нашей эвакуации, задействованы все инстанции и вы не должны беспокоиться и паниковать».

Итак, «Мангазея» близилась. Мы, тем временем, заканчивали работы, начинали консервацию станции и постоянно мониторили ледовую обстановку. С нашей – западной - стороны острова лед продолжал стоять насмерть (10 баллов с торосами до самого горизонта), с восточной же стороны ледовая обстановка была несколько легче (от 3 до 6 баллов с большими разводьями). Но до этой точки эвакуации на восточном берегу было как минимум 7 км, полтонны груза, два человека, не способных таскать груз, несколько сумок через плечо вместо рюкзаков и один квадроцикл с прицепом на всех. Да и все равно, разумный капитан в такой лед катер на воду не спустит.

В одно прекрасное ранее утро 4 сентября в 3 часа утра у нас зазвонил телефон. *Роман* радостно сообщал:

«Мы уже почти подошли к мысу Аэросъемки (это 8 км от базы) с востока, не можете ли вы сейчас же выехать туда, чтобы посмотреть ледовую обстановку с берега и откорректировать наш подход?»

Конечно же, мы можем! Долой сон, начинается эвакуация! Через 20 минут мы с *Вадимом* уже были в седле и спешили на мыс Аэросъемки. Остальные начали неспешно консервировать базу – СУДНО ИДЕТ!

И, о, чудо! Лед от берега отогнало, мы увидели свободную воду от берега и до горизонта! Легкий морозец сковал всю грязь и квадроцикл летел с приличной скоростью. Я готов был простить *Романа* и признаться в своем паникерстве, некомпетентности и пр., и пр., ведь – СУДНО ИДЕТ!

Первые переговоры по радио и обмен информацией внушали уверенность. Судно уже было в пределах УКВ радиосвязи и обходило, как сказали, небольшое ледяное поле в поисках прохода. По нашим подсчетам, нам нужно было примерно 20 часов, чтобы всем собраться на мысу Аэросъемки. Тем не менее, была объявлена эвакуация, которая потом была названа – «Первой». Я остался на берегу для корректировки подхода «Мангазеи», *Вадим* же уехал на базу передать высочайший указ. Дело еще и в том, что спутниковый телефон и рация морского УКВ диапазона у нас были в единственных экземплярах и, увезя их с базы, мы остались без связи с последней. Карманные же УКВ рации переставали работать за первым же перегибом местности. Впоследствии это обстоятельство тоже добавляло нам адреналина в крови, ибо мы в общей сложности на группу намотали, наверное, 500 (пятьсот) км одиночных поездок по острову без связи. А по-другому было просто никак – квадроцикл тоже был один и мы старались даже не думать, что будет, если он закапризничает или просто захлебнется при форсировании одной из речек.

Итак, «Первая Эвакуация» началась. Я изо всех сил вглядывался в горизонт, ребята паковали груз и консервировали базу. Однако мы рано радовались. Лед ушел от берега и сплотился, образовав сплошное кольцо примерно в 10 милях от него. Через три часа поисков «Мангазея» по рации сообщила, что проход найти не может. А тем временем на мыс уже прибыло еще 2 человека и примерно 100 кг груза, база была законсервирована.

«Первая эвакуация» завершилась ничем. К 17 часам весь груз и все участники были возвращены восвояси, база расконсервирована, жизнь продолжалась. «Мангазея» пошла забирать остальные отряды на о. Гофмана, Земле Александры, Вильчека и далее, пообещав вернуться за нами на обратном пути.

Наблюдательный пункт в развалинах казармы во время «первой» эвакуации…

Вторая эвакуация началась так же - неожиданным звонком в 3 часа утра 11 сентября. *Роман* своим бодрым бойскаутским голосом сообщал, что они уже забрали все отряды, уже нашли проход во внешнем кольце льда и подходят к нашему острову с юго-запада, в районе озера Мелкого. Теперь до места эвакуации нам было всего-то 25 км по пляжу или пешком напрямки 20 верст через горки и овраги, непроходимые для квадроцикла.

Но все опять забыто! «Мангазея» опять подходит. *Роман* – герой, они пробились через внешнее кольцо полей. Через 40 минут мы с *Сергеем* и каким-то наспех уложенным грузом мчимся по прибрежной отмели к оз. Мелкое. 3,5 часа езды туда - обратно и *Миша* с грузом остается в точке «Ч» ожидать сбора всей группы и подхода судна. Всего же надо сделать 8 рейсов и, следовательно, *Михаилу* здесь сидеть примерно сутки…

Место, ставшее для нас потом родным: здесь мы просидели около 3 суток.

Надо сказать, что берег здесь не очень предназначен для длительного ожидания. Плавник редкий, сплошь крупные бревна и все очень мокрые, а посему горят плохо. Сам берег плоский и от ветра укрыться негде, ветер устойчиво дует свои 10 м/с. Снега мало, ни пещеру вырыть, ни иглу построить. Даже в песок не закопаться – мерзлота. А палатки в ЭТОЙ экспедиции не предусмотрены. Как я жалел, что не взял хотя бы контрабандой свою маленькую альпинистскую палатку, по крайней мере, можно было бы по 2-3 человека там укрываться. Холодно. Мы сообщаем об этом руководству, и *Роман* дает очередное ценнейшее указание. За достоверность слов я ручаюсь и готов подтвердить под присягой.

«Установите на берегу дизель-генератор и подключите к нему масляный радиатор, и грейтесь у него…» Я даже не смог это прокомментировать…

Но эвакуация не останавливается. Через 24 часа мы все собрались на месте. Двое ребят, чтобы сэкономить время, дошли пешком. *Миша* сидит на берегу уже сутки.

«Мангазея» продолжает искать проход. Сутки! Залезаем на гору, смотрим в бинокль, обмениваемся с ней информацией. У нас от берега до горизонта чистая вода, абсолютно чистая, видимость миллион на миллион, а у них в 30 милях от берега сплошной лед и туман.

В результате *Роман* дает отбой. Полный отбой, до конца октября... ***«Возвращайтесь базу зпт попытка эвакуировать вас провалилась тчк Мангазея уходит Архангельск тчк ждите ледокола смайл»***

Еще около суток у нас заняло возвращение на базу. Кто-то опять шел своим ходом весь путь. Кто-то мотался на квадроцикле. Кто-то расконсервировал базу.

Расконсервировали, затопили баньку, выпили спирту, отоспались. Мысленно я стал готовить оправдания своего отсутствия для университета, для института. Пришла шальная мысль, что, наверное, зря я лет эдак 15 назад послал телеграмму в институт с просьбой продлить отпуск в связи с тяжелой ледовой обстановкой…. у берегов Бразилии. Теперь придется расплачиваться. Я мысленно разбирал, как еще с пользой провести эти полтора месяца.

У нас была еще одна проблема: «официальная» - базовая - аптечка, аптечка, так сказать, «от заведения», была собрана отвратительно и просто неграмотно. Единственный курс антибиотика был давно использован, а в результате нашей с *Юр-Юрычем* покатушки на квадроцикле на дальнюю точку планшета у него было сломано 3 ребра (очень неудачно тряхнуло). Благодаря личным аптечкам мы еще как-то обходились, но так необходимого сейчас антибиотика (ну хоть какого-нибудь) уже не было, а почти все ампулы обезболивающего уже израсходованы. Все консультации по телефону с врачами и в Питере, и на погранзаставе Земли Александры заканчивались требованием быстренько показать его доктору... *Юрьич* держался молодцом, хотя именно для него все эти наши романтические прогулки по южному берегу СЛО были особенно травматичны и болезненны.

«Вторая эвакуация», задействована вся береговая инфраструктура

Спокойно пожить мы успели всего 2 дня. В 5 утра раздался звонок по спутниковому телефону. *Роман* опять радостным голосом сообщил, что Мангазея ПОДОШЛА К БЕРЕГУ И СПУСТИЛА КАТЕР!!! Теперь, правда, это уже в 32 км от базы. Но «бешеной собаке сто верст не крюк». Они ведь уже спустили катер!!!. 20 минут и мы втроем!!! на одном квадроцикле, сидя друг у друга на коленях с огромным количеством еще не распакованного с прошлой эвакуации груза, несемся навстречу катеру. Доехали мы за полтора часа, установив первый рекорд острова. На берегу нас и правда ждал катер, который забрал *Мишу* и *Сергея*. С *Романом* же договорились, что мы все должны быть здесь на берегу через 6 (!!!) часов, не позже, ибо капитан не гарантирует эвакуацию после этого срока, ровно столько надо катеру, чтобы дойти до судна и вернуться обратно. *Роман* повторил, что один рейс катера он гарантирует, а вот третьего рейса уже может и не быть. Я помчался с радостной вестью на базу, катер отвалил на судно.

Мы носились как бешеные, ставили рекорды по скоростной езде на квадроцикле и по количеству груза на нем; то расстояние, что мы преодолевали раньше за полтора часа, теперь пролетали за 45 минут. Наш квадрик выдержал все. Мы приехали в срок. Ледовая обстановка изменилась до 5-6 бального льда. Катера, естественно, не было.

Ну, а дальше все, как обычно. После нескольких часов ожидания мы узнали, что катер опять не могут спустить на воду, ибо проход во льдах закрылся. Прождав на берегу еще часов 8-10, мы получили команду опять возвращаться на базу и ОПЯТЬ ее расконсервировать. Все приличные слова у нас к тому времени уже закончились. *Роман* как-то даже попытался пошутить с нами, но получил в ответ грубую фразу, что, мол, не рекомендуется шутить с уставшими, голодными, злыми и вооруженными мужиками, сидящими на 81-ом градусе с.ш. на берегу Северного Ледовитого океана. *Роман* сразу умолк и шутить перестал. А за мной окончательно закрепилась репутация паникера, скандалиста, «и_вообще_с_ним_лучше_не_связываться». «Мангазея» теперь уже окончательно пошла в Архангельск. *Роман* что-то еще лепетал про **уникальную** ледовую обстановку, про ледоколы и вертолеты, которые неизбежно нас эвакуируют. Но я понимал, что все эти ледоколы еще даже не знают про наше существование. Было не очень весело. Мы прикидывали, что у нас с едой, топливом, медициной, кроме того, нас осталось на два человека меньше.

Теперь же мы уже привычно, медленно и совсем не торопясь возвращались на базу, объезжая остров по периметру. И вдруг с последней горки увидели, что здесь - у нас, здесь, под самым боком в заливе Матусевича, чистое море до самого горизонта. Ветер, что поджал лед к восточному берегу острова, отогнал его от западного!!! Звонок на «Мангазею» решил наши действия. Быстро сгоняв на разведку уже по этому берегу, мы выяснили, что залив Матусевича и пролив Моргана чисты и стали ждать, пока судно обогнет остров с другой стороны.

Приказ о завершении «третьей эвакуации» принят для исполнения. Невыразительная кучка в правом углу - ваш покорный слуга, который спокойно спит под тентом

Четвертая эвакуация была скучной и успешной. Еще бы, ни тебе героизЬма, ни тебе авантюризЬма, ни дальних бросков: точка эвакуации всего в 5 км от базы. Вышли на берег, сели в катер, добрались до судна и пошли домой.

Для общего понимания стиля организации этой экспедиции следует сказать, что на «Мангазее» в результате сбора всех экспедиций «Русской Арктики» собралось 42 человека вместо положенных по штатному расписанию 20. Заняты были все спальные и полуспальные места. Даже в каюте капитана (!) на диванчике жил *Роман*. Люди спали в столовой, в бывшем рефрижераторе, переоборудованном раскладушками в полу-люкс. И это не из-за форсмажорных обстоятельств, а просто потому, что часть экспедиции *Роман* должен был отправить самолетом с Нагурской, но «люди не захотели лететь…» и потому всех отправили судном. Так, видимо, дешевле. Мне как записному скандалисту и «и_вообще_с_ним_лучше_не_связываться» выделили одно из самых лучших мест на диванчике в каюте у старпома.

Самое страшное, это то, что количество спасательных средств на всех судах рассчитывается из его номинальной вместимости с двойным запасом потому, что при авариях никогда не удается спустить все средства спасения. Так было и на «Мангазее»: спассредства были рассчитаны на 20 номинальных человек, нас было 42. Это никого не взволновало, а те, кого это должно было взволновать, кому, собственно, не хватило бы мест на шлюпках и плотах,

просто не поняли этого. Все были рады, что мы идем домой. Странно, ведь у всех еще была на слуху трагедия с переворотом буровой вышки на Дальнем Востоке. Так вот и работает пресловутый русский «авось» и «… мы всегда так делаем, и ничего…». Я присмотрел для себя и друзей плотик понадежнее и решил, что, если что случится, буду спускать его сам, не дожидаясь команды с мостика. Это я умею.

«Русский авось» сработал и в этот раз, мы благополучно дошли до Архангельска и завершили наше поле. Но самое неприятное, это то, что *Роман* так и не понял, что такая организация экспедиции — авантюра чистой воды. И нам просто ОЧЕНЬ повезло. К сожалению, наша российская реальность такова, что сейчас в Арктику приходят не те компании, которые имеют опыт таких работ, а те, кто сидит поближе к бюджетному пирогу и вовремя успевает урвать кусок. А у нас все удивляются, почему это так увеличилось число аварий и техногенных катастроф…

Телеграмма

Каждый, кто выезжает в поле, знает, что официально он окажется в поле только тогда, когда отдел кадров (ОК) получит телеграмму определенного содержания: «приступили к выполнению полевых работ…. районный коэффициент» и т.д. Аналогичная, только обратная, ситуация с возвращением. Начальник отряда дает строго выверенную, скупую, политкорректную телеграмму в ОК, мол, полевые работы закончили, все в порядке, дата подпись. Телеграмма является официальным документом и потом проверяется налоговыми органами.

Именно такую телеграмму отправил и я по окончании нашего рейса в море Лаптевых, но попутно (ну, как же в поле без шуток) отправил своему начальнику-другу-корешу и давнему соратнику по всяким выходкам *Женьке Гусеву* вторую депешу «Работы закончили тчк все хорошо зпт имеем привес по 400 гр на одного геолога и 500 гр на одного буровика вскл».

И все бы хорошо, но первая телеграмма в отдел кадров куда-то пропала по пути, и за ее отсутствием туда пошла моя вторая депеша…

Естественно, что, как только я вернулся в институт, здоровый, бородатый, веселый, то в административном здании меня встречали оценивающие, на предмет привеса, взгляды и слова: «Привес, говоришь, ну-ну…». Но больше всего нашему привесу была не рада *Алла Николаевна* – наш начальник ОК, ибо именно ей пришлось эту депешу корректировать и пришивать, так сказать, к делу о наших полевых работах.

О том, как один почти кандидат наук с телефоном разговаривал

Это была весна 1998 года. Начиналась моя первая загранкомандировка прямо в США. Стоит напомнить, что в те времена мобильный телефон с его карточками предоплаты, пин-кодами и командами, вводимыми с клавиатуры, был еще редкостью и не вошел в нашу жизнь. Я про это просто еще не знал.

Случилось так, что весь перелет над Атлантикой я читал какой-то компьютерный журнал на тему технологий распознавания речи, про алгоритмы, команды и прочие технические вопросы. Я уяснил, что наши алгоритмы круче всех, вторыми идут американцы. И это вскоре сыграло со мной злую шутку.

Прилетели, обосновались на пароходе. Настало время позвонить домой. По совету бывалых я купил карточку предоплаты и пошел к ближайшему телефону-автомату.

Далее действовал строго по инструкции. Набрал телефон доступа. Приятный женский голос поздравил с тем, что использую именно их компанию и попросил ввести пин-код. Вот здесь-то у меня и щелкнуло в голове: прочитанная статья про алгоритмы распознавания голоса и про эти самые технологии. Я, прокашлявшись, начал вводить пин-код…. Голосом.

- Ван-три-ту-зыру-севен…

Приятный женской голос огорчил меня тем, что пин-код я ввел не верно. Да, думаю, совсем мой акцент для их алгоритмов чужд и не понятен. Быстро вспоминаю уроки английского, решаю, что южноамериканское произношение, впрочем, как и лондонский выговор, мне не по зубам, и я буду говорить по северо-американски. Коротко, внятно без изысков.

- Уан-сри-тю-зироу-севен…
- Your pin-code is incorrect, please try again….

Да, думаю, наши-то алгоритмы наверняка покруче будут, и рязанский говор и вологодский разберут, а эта, коза, видишь ты, капризничает.

Но «…ты же ГОРНЫЙ инженер, думай! ДУМАЙ!!!!». И я придумал, я все вспомнил!!!! Я вспомнил уроки английского в армейской учебке (бывает и такое) и я же помню, что американцы говорят не «Зиро» а «Оу»! Вот в чем дело, а у меня целых три нуля в пин-коде, вот девка эта и не может меня понять!!!

Проговорил еще раз. Опять неудача. Еще раз, опять полное непонимание. Я расстроился, подумав, что так, наверное, никогда не избавлюсь от вологодского акцента. Пришлось, как на войне, брать языка из местного населения. Языком оказался мой чернокожий брат. Сначала я немного сомневался, ведь у чернокожих тоже есть свой акцент, а вдруг американские технологии распознавания речи еще не столь совершенны и акцент типа «афроамериканец» еще не доступен. Но другого языка рядом не было. Я решил рискнуть:

«Помоги, друг, я со своим русским акцентом не могу ввести пин-код, эта девка в телефоне меня не понимает!»

Чернокожий брат очень выразительно на меня посмотрел и быстро ввел пин-код с клавиатуры…

Занавес! Мораль: иногда полезнее не читать, чем читать.

Байки от наших учителей *Жени Мусатова* и *Владимира Семеновича Зархидзе*

К *Жене Мусатову* и *Владимиру Семеновичу Зархидзе* я и *Женя Гусев* - молодые выпускники Горного – попали сразу после получения дипломов. Это были замечательные люди, которые не только научали нас понимать наше ремесло, но, что самое важное, учили нас жить в Геологии, думать и расти здесь. «Надо любить не себя в геологии, а геологию в себе…» любил повторять чьи-то слова *Женя*. *Женя* и *Владимир Семенович* очень много сделали для нашего роста, очень много тогда нам помогали и учили. Их советы и наставления во многом определили наши с *Женькой* пути, чем заниматься, как заниматься, а чем НЕ заниматься НИКОГДА!

Они оба ушли от нас в течение практически одного 2001-2002 года. Теперь мы уже сами доросли до имени-отчества, всяких званий и должностей. И сами пытаемся, теперь уже нашим ученикам, вернуть ту любовь, что дали нам в долг *Женя* и *Владимир Семенович*. Дали, а сами ушли от нас.

Оба они были людьми в высшей степени неунывающими и жизнерадостными. Как и в Библейские времена, процесс нашего обучения сопровождался поучительными, веселыми, а иногда и весьма «неполиткорректными» байками. Имена и фамилии людей мы уже и не помним, поэтому я буду всех называть условными именами. Если кто-то из старшего поколения сможет меня поправить, или уточнить детали, имена, я буду весьма рад.

Итак, байки от *Е.Е. Мусатова*.

А водка, а как же наша водка?

Хмурое утро ноябрьского понедельника. Застойные годы. Средний проспект Васильевского острова. Два научных сотрудника ВСЕГЕИ (допустим, *Александр* и *Михаил*) весьма потрепанной наружности и с отчетливым послевкусием вчерашней пьянки мрачно бредут от лабаза домой к одному из них. Одеты субъекты весьма характерно для людей, вышедших лишь для того, чтобы добрести до лабаза и вернуться обратно: старые вытянутые на коленях «треники» и какие-то олимпийки. В авоське, естественно, пара бутылок водки, необходимых для подавления «послевкусия» от вчерашнего.

Бредут молча и уныло, сберегая последние силы для поправки здоровья.

Вдруг прямо на перекрестке Среднего и 20-ой линии *Михаил* останавливается, поднимает на попутчика полный сарказма взгляд и спрашивает:

- А скажите мне, Александр, что ВЫ думаете по поводу Неореализма в Итальянском кинематографе?

Александр тоже остановился, мееедленно, очень медленно поднял тяжелый взгляд на собеседника и ответил:

- По-моему, это дерьмо!

Воцарилась долгая пауза. В ответ *Михаил* презрительно зыркнул в его сторону, сплюнул под ноги и зашагал прочь.

Александр же закричал ему вслед, воздымая вверх авоську с заветной влагой: - *Миша*, а водка, а как же наша водка?

Михаил, не оглядываясь, удалялся от собеседника.

Где мой пароход?

Дело было в конце 90-х в Мурманске, или точнее в МурмАнске, как говорят настоящие морские геологи. Научное судно «А» выходило в море. Сложность заключалась в том, что стоянка в порту после прошлого рейса была весьма короткой, и весь экипаж не успел еще хоть как-то протрезветь после захода. А, кроме того, судно выходило не из родной базы на левом берегу Кольского залива, а непосредственно из Мурманского порта, то есть с другого берега. Соответственно, и Баренцево море – цель экспедиции – находилось не как обычно, «из базы налево и до упора», а как раз наоборот – «направо».

Капитан судна, собрав на мостике и палубе всех, кто хоть как-то мог функционировать, «отвязал» пароход от стенки и вышел в море. На мостике остался один штурман, который по своей молодости был назначен «трезвым» и получил команду «…следовать привычным курсом по заливу зпт в море – не раньше вскл разбудить капитана тчк»

Спать капитану пришлось не долго. Скоро к нему в каюту прибежал штурман с вопросом:

-*Сергей Михалыч*! Впереди по курсу появился какой-то мост, мы под ним можем по высоте не пройти!

-*Саша*, брось валять дурака! Нет здесь никакого моста! Марш на мостик, не мешай спать!

Через какое-то время *Саша* опять образовался в каюте капитана с известием, что мост точно есть, вот он, рядом, и мы под ним точно не проходим.

Капитан, нецензурно удивившись этому мосту, поднимается на мостик и, правда, видит, мост. Прямо перед носом.

И тут до него начинает доходить, что пошли они не в сторону моря, а совсем наоборот вверх по Кольскому заливу. Капитан осознает невыполнимость сейчас задания выхода в море и принимает решение остановиться и переждать.

Я уже не помню, что рассказывал *Женя*. То ли судно было «чуть-чуть» пришвартовано к какому-то местному причалу, то ли, что более вероятно, «слегка» бросило якорь здесь же перед мостом. В общем, судно было остановлено, а экипаж поставлен на просушку. Ну, а поскольку город-герой

Мурм*А*нск вот он, совсем рядом, то капитан решил отбыть домой и решительно *О*тбыл.

Судно же из этого «слегка» пришвартованного-заякоренного положения отвязалось, или, может быть, прилив сорвал недостаточно вытравленный якорь, но суть в том, что судно продолжило свой путь по Кольскому заливу.

Капитан на следующее утро прибыв к месту стоянки и, не обнаружив там своего парохода, запаниковал. Позор! Капитан потерял судно! Судно погибло! Расстрел на месте! Позорное линчевание!...

Тогда им было принято единственно правильное решение – пойти в диспетчерскую порта и порасспрашивать там. Сказано – сделано.

– Барышни, а вот вчера из порта судно А выходило, вы от него вестей не получали, как оно, уже вышло из залива?

– Мы справок на даем!

– Ну, пожалуйста, мне очень надо!

– А вы, собственно, кто? Кем вы этому судну приходитесь?

– Да, понимаете ли, мне очень надо знать!

– Таких справок посторонним мы не даем!

– Да я ведь не совсем посторонний...

– А вы кто?

– Понимаете, я капитан этого судна

– !!!!!!!!!!!!!

Финал это байки вполне добр. Никого не расстреляли. Люди кругом оказались понимающие и сочувствующие. Судно же было обнаружено портовым буксиром, дрейфующим без ходовых огней в поюще-плящущем состоянии. Обнаружено, подцеплено и отшвартовано у стенки надежным образом. Капитан обрел свое судно, а экипаж своего капитана.

Евгений Евгениевич приводил еще какой-то поучительный вывод из всей этой истории, но его я забыл….

«…Это нам рано!»

Я даже не помню, про кого рассказывал *Женя*, может быть, и про себя, но, скорее всего, про кого-то из своих друзей. Один его друг, назовем его *Сергей*, по каким-то неизвестным мне причинам начал тренировать другого друга, допустим – *Сашу*, прыжкам в высоту. *Саше* предстояло выступить на городских межвузовских соревнованиях. Проблема была в том, что *Саша* никогда не прыгал в высоту и честно об этом *Сергея* предупреждал. Но *Сергей* был неумолим и убеждал и *Сашу*, и спорткафедру, что его тренерского таланта хватит на то, чтобы за месяц из *Саши* вырастить ну если не чемпиона, то уж призера соревнований точно.

- Да что там за соревнования-то будут, так, междусобойчик, – говорил *Саша*.

Однако, как это обычно и бывает в молодые студенческие годы, различные более важные и интересные дела (дружеские пирушки, посиделки и т.д.) не позволили друзьям потренироваться. Да что там говорить. Тренер ни разу не вывел будущего чемпиона на стадион. *Саша* роптал, *Сергей* его успокаивал.

Настал звездный час. День соревнований. Придя на стадион, *Саша* сразу сообразил, что соревнования совсем не так малы, как их представлял ему *Сергей*. Были там и полупрофессиональные спортсмены, и даже какая-то местная студенческая пресса, были, однако же, и откровенно начинающие. Душа ушла в пятки, но отступать было некуда - позади деканат, спорткафедра.

Соревнование начались с достаточно небольшой высоты. Новички прыгали, падали и потихоньку выбывали после трех неудачных попыток, середнячки уже разминались, ну, а настоящие спортсмены спокойно ждали, пока разбежится вся эта массовка и начнутся настоящие соревнованиях для избранных. *Саша* и *Сергей*, как заправские спортсмены, сидели в стороне и взирали на происходящее. Саша хотел начать прыгать в соответствующей его подготовке компании, но *Сергей* был неумолим.

– Не суетись, тут тактика! Эта высота для нас еще мала. Ждем! Это нам рано!

Высота для прыжков стала повыше, уже большинство новичков выбыло из соревнований, три раза сбив планку. В бой пошли середнячки. Профи сняли тренировочные костюмы и начали неспешно разминаться. *Сергей* был спокоен, *Саша* паниковал.

– Это нам рано! Сидим ждем! Стратегия!!!

Дело было еще и в том, что серьезные спортсмены прекрасно друг друга знают. И, собственно, интрига соревнования для них заключаются в решении вопроса, кто из нескольких известных персонажей сегодня победит. И вдруг в их компании появилась темная лошадка. Судя по уверенности тренера, он весьма неплохо подготовлен. Он даже еще не начал разминаться.

Тем временем соревнования шли своим чередом. Высоту уже ставили недостижимую для большей части середнячков. Профи, чтобы как следует разогреться перед настоящими соревнованиями, начали нехотя прыгать. *Сергей* был неумолим –

– Это нам рано!

Саша поник от ощущения предстоящего позора. Профи с неподдельным интересом посматривали на темную лошадку и гадали, в каком клубе эта звезда тренируется, кто этот молодой тренер. Пресса предчувствовала интригу и подбиралась поближе к новой звезде. Но тренер не разрешал брать интервью.

– Мы готовимся! Все после! Все после!

Высота для прыжков поднималась все выше. Все меньше спортсменов оставалось в секторе для прыжков. Вдруг *Сергей* скомандовал – ПОРА!

Саша едва успел снять тренировочный костюм. О разминке не было и речи. *Сергей* сразу выпихнул его вперед. Соревнования замерли. Пресса подготовилась. *Саша* разбежался и, зажмурившись, прыгнул. Планка осталась на месте – *Саша* пролетел под ней, даже не задев последнюю. Вздох изумления. Пресса несется к *Саше*. Тренер остается неумолим.

– Никаких интервью! Мы сегодня не в форме! Все в следующий раз. Занавес.

… Ну, рыжий, ну подставил! (Байка от *Владимира Семеновича)*

Все было как в сказке. «…было у *В.С.* три сына, младший рыжий был детина». Причем рыжим он был не только по окрасу шевелюры, но и, что самое главное, по его шустрой неуемной натуре. Потому и звали его в семье *Рыжий*. Сейчас-то он вырос, остепенился, работает в серьезной нефтяной компании, а вот тогда ….

Жили они тогда в Воркуте и в один прекрасный день классная руководительница *Рыжего* вызвала *В.С.* в школу. Учительница она была молодая и очень стеснительная. Краснея от смущения, она попросила *В.С.* не употреблять крепкие спиртные напитки при детях. Я, мол, понимаю, вы геологи, работаете на морозе, там холодно, надо как-то согреваться, но все-таки постарайтесь хотя бы не при детях.

– Да, что вы, *Марь-Иванна*! Я же совсем не пью никакой водки! Совсем. Никакой!

И это было чистой правдой, *В.С.* как настоящий грузин водкой не злоупотреблял, а предпочитал красное вино, да и то иногда.

– Странно, говорит *Марь-Иванна*, – а почему тогда ваш *Саша*, когда заходит с мороза в класс, так ручки потирает и говорит: «Эх, сейчас бы водочки выпить!»

– Ну, *Марь Иванна*! Мы люди глубоко интеллигентные, ну, не пью я водки!

На том разговор и закончился. Пока. Учителка *Владимира Семеновича* отпустила, но до конца, видать, не поверила.

Через несколько дней в Воркуту завезли Киндзмараули. Следует вспомнить, что тогда это был не просто дефицит, ДЕФИЦИТ вообще. *В.С.*, как истинный любитель вина был оповещен и потому успел в магазин. Однако успел, что называется, как был - без сумки, без авоськи с голыми руками. Поэтому взял он вина столько, сколько смог унести: две бутылки в карманы брюк, две в пальто, две в руках.

Радостный, он вышел из магазина и вдруг в ста метрах впереди увидел ту самую *Марь-Иванну*, с которой они недавно беседовали о вреде пьянства. Она шла ему навстречу. Деваться было некуда, сворачивать и прятать бутылки было поздно.

– Ну, *Рыжий*, ну, подставил! Здрасьте, *Марь Иванна*!

СИРОТКИН А.Н.

Вспоминая Чукотку

После четвёртого курса Горного института я проходил производственную практику на Чукотке, в одной из партий Восточно-Чукотской геологоразведочной экспедиции. Партия работала на севере полуострова, в районе между Иультином и Мысом Шмидта. За четыре месяца нашей работы Чукотка произвела на меня неизгладимое впечатление, и даже тридцать лет спустя мне вспоминается всё живо и в деталях: природа, геология, люди…

Из Ленинграда мы вылетели в самом конце мая. От Москвы до Магадана летели восемь часов без посадок. Резкая смена часовых поясов немножко сказалась на нашем самочувствии, но приём, оказанный нам в ПГО «Северовостокгеология», превзошёл все наши ожидания и вселил уверенность в великолепное близкое будущее. Заместитель гендиректора по кадрам пригласил нас к себе в кабинет, угощал кофе и чаем, расспрашивал о том, где мы учимся, как учимся, что нам интересно, чем желаем заниматься и где хотим работать. Узнав, что наша мечта – Чукотка, он воскликнул: «Отлично! Как раз здесь сейчас в командировке главный геолог ВЧГРЭ. Мы с ним этот вопрос обсудим». И уже через полчаса нас познакомили с молодым приветливым мужчиной, главным геологом экспедиции, который дал нам все необходимые наставления и рекомендации и сказал, куда и к кому мы должны обратиться по прибытии в экспедицию. А ещё через пару часов у нас на руках было направление на прохождение практики в ВЧГРЭ и авиабилеты до Эгвекинота.

Через два дня мы вылетели по маршруту Магадан – Анадырь – Эгвекинот. Мы – это я, моя жена и сокурсница *Надя* и студент-геофизик из Киева *Витька*. Будущее нам рисовалось в радужных красках, но суровая действительность хорошенько встряхнула нас уже в Анадыре. В салон самолёта вошли пограничники и стали проверять документы. Нас они в итоге задержали по причине нарушения режима погранзоны. Самолёт улетел в Эгвекинот, а мы остались в аэропорту Анадыря, в комнате пограничного наряда.

За столом сидел высокий молодой старшина-пограничник, вокруг него стояли другие пограничники: сержанты и рядовые, все – солдаты-срочники, как и их командир. Мы стояли перед ними и требовали справедливости, точнее, качали права. Нам с *Витькой*, вчерашним солдатам, казалось всё это оскорбительным спектаклем. На все наши доводы и причитания старшина, разглядывая наши бумаги, спокойно повторял: «Ребята, у вас есть разрешение на въезд в Магадан, разрешения на въезд в районы Чукотского округа у вас нет. Видимо, в вашем объединении не обратили на это внимания или забыли это сделать». И на вопрос – что же будет дальше? – пообещал отправить нас обратно в Магадан для оформления необходимых документов. А пока нас без документов и билетов отправили в зал ожидания, где мы должны были ждать решения нашей участи.

Зал был переполнен: на дворе начало лета и люди стремились на юг. Мы же стремились на север, но строгие ребята-пограничники нас не пускали. Время

шло, но судьба словно издевалась над нами. Мы с *Витькой* стали заводить друг друга: «Да мы сами сержанты, да мы и не такое видели, да эти мальчики ещё в детсад ходили, когда мы присягу принимали… Давай пойдём, ещё раз объясним им, кто мы такие…». И подбадривая друг друга, расправив наши зелёные штормовки, чтоб ромбик с эмблемой «МинГео СССР» был хорошо виден, мы опять оказались в той же комнате. Старшина сидел за тем же столом, а перед ним стояли двое мужчин в штормовках с таким же, как и у нас, ромбиком на рукаве. Из тяжёлого, нервного разговора мы поняли, что спецрейс из Владивостока везёт геологов и снаряжение «Дальквarцсамоцветов» в бухту Провидения. Самолёт сел в Анадыре на дозаправку, у них не оказалось разрешения на въезд в погранзону, и весь самолёт возвращают во Владивосток. Понурые и злые мужчины в сопровождении пограничников вышли из комнаты, а мы с *Витькой* приуныли: стало ясно, качать права бесполезно, что наше дело – труба! В это время старшина поднял голову от каких-то бумаг, увидел нас и закричал своим товарищам: «А студенты почему до сих пор здесь? Следующий рейс на Эгвекинот уходит через 10 минут. Документы им и живо их в самолёт! Да позвоните в Эгвекинот, чтобы их там встретили…».

И в тот же момент два пограничника подхватили нас, мы заскочили за *Надей* и рюкзаками, и мимо милиции, мимо служащих Аэрофлота, мимо ещё каких-то людей понеслись прямо на поле к самолёту. Трап уже отъезжал от АН-24; его вернули на место, и мы вместе с рюкзаками оказались в его салоне. Пассажиров было мало; мы прошли в хвост и упали в кресла, совершенно обалдевшие. При этом наша спутница всё время спрашивала: «А что случилось-то? А что случилось?». А ничего не случилось: просто в Эгвекиноте, как только открылась дверь самолёта, в салоне появился пограничник, прошёл прямиком к нам и предложил пройти с ним вместе с вещами. При этом остальных пассажиров он не только не проверял, а даже здоровался с ними за руку, как со старыми знакомыми. И уже у себя в комнате, сидя за столом, пограничник-ефрейтор стал объяснять нам, что мы нарушили и почему он нас задержал. На мой вопрос, не собирается ли он отправить нас обратно в Анадырь, он ответил отрицательно, но попросил утром явиться на заставу, где их командир оформит нам разрешение на пребывание в административных районах Чукотского округа.

Утром мы побывали на заставе, где спокойный и деловитый капитан быстро оформил нам все бумаги. Первое чукотское приключение благополучно закончилось.

Когда автобус привёз нас из аэропорта в Эгвекинот, то первые, кого мы встретили на улице, оказались две женщины-геолога. Они и повели нас в экспедицию. По дороге мы проходили мимо пятиэтажного здания, на котором была большая вывеска, составленная русскими буквами, но, видимо, по-чукотски. Само здание слегка подпрыгивало, и из него неслись звуки лихого танца. «А это наша гостиница, – объяснили нам женщины. – Сегодня открытие навигации, пришло первое судно с материка. Свежие овощи привезли. А это моряки гуляют!». Утром, перед походом на заставу, мы пошли в местную

столовую позавтракать. Народу было много, мы встали в очередь. На витрине увидели огромные тарелки с нарезкой аппетитной красной рыбы (цена – 20 коп.), а рядом маленькие тарелочки салата из свежей капусты (цена – 50 коп.). Набрав рыбы, наша компания расположилась за столиком и начала трапезничать. И вдруг *Надя* сказала: «Ребята, поглядите кругом…». Мы оглянулись: в большом зале столовой за всеми столиками люди лакомились свежей капустой, и только мы наворачивали рыбу. Сразу стало ясно, что здесь только мы втроём – приезжие.

Отряд, в который мы попали, проводил опережающую геохимическую съёмку на большой площади в районе рек Большой и Малый Чануан. Работа началась с разбивки опорных магистралей. Июль был жаркий, зловредничали комары, поэтому наш топограф *Валя Безруков* решил работать по ночам, а днём отдыхать. Маршрутили мы от лабаза к лабазу, т.е. с маршрутом переходили от одного места днёвки к другому. На каждом лабазе была палатка, кукули, примусы, продукты. Так мы отработали первую неделю, а потом случилось следующее. Однажды вечером наша группа вышла в маршрут. Было тепло: мы с *Валей* были в одних рубашках, а *Надя* и наш рабочий *Володя* одели лёгкие штормовки. Всю ночь мы тянули магистраль с одного хребтика на другой, выставляли створы профилей, и только следующим утром, когда уже начало припекать солнце, вышли к очередному лабазу. Хорошо позавтракав, мы забрались в палатку и прямо поверх кукулей завалились спать.

Проснулся я от холода. Выбрался наружу и обомлел: вся тундра была белая! Небо было затянуто непроглядной мглой и откуда-то сверху падали, не торопясь, крупные мохнатые снежинки. Но чувствовалось, что начинает задувать. Мои спутники, которые к этому времени тоже выползли из палатки, озадаченно молчали. К вечеру началась метель. Эту ночь мы провели в кукулях, где только и можно было согреться. Утро не принесло ожидаемых перемен, погода оставалась стабильно непригодной для жизни. К тому же взбунтовался наш рабочий. Заявив, что он не собирается здесь мёрзнуть, *Володя* натянул капюшон штормовки на голову, горло перетянул какой-то тряпкой, надел рукавицы-верхонки и ушёл на подбазу, до которой было вёрст десять. Остальные остались: нам с *Валькой* неохота было гулять по тундре в такую погоду в одних рубашках, а *Надя* – из солидарности с нами. Правда, перевернув всю палатку, мы нашли для неё брошенный кем-то в жару и ненужный тогда, но такой желанный сейчас свитер. И – голь на выдумки хитра – сделали в палатке печку. Для этого затащили в наше жилище бочку, в которой хранилось снаряжение, положили её набок, поставили туда два имеющихся примуса и включили их на полную. Теперь можно было сидеть вокруг бочки, прижавшись к ней спинами, и травить анекдоты. Так прошло три дня и три ночи.

Но вот в погоде наметились перемены: снег прекратился, ветер стих и сквозь тучки проглянуло солнце. Пора было прорываться к теплу. Но тут *Валька* заявил, что потеряно много времени, работа от этого пострадала, поэтому отсюда мы должны уходить маршрутом и тянуть очередную магистраль в сторону подбазы. Надо так надо: обвешавшись кольями, вешками

и мерными лентами, мы двинулись вперёд. Наверное, со стороны это было похоже на демонстрацию сумасшедших: по заснеженной долине по колено в снегу бегают из стороны в сторону, всё время приплясывая, размахивая руками и издавая громкие крики, странные субъекты в одних рубашках… Но всё окончилось на славу: к вечеру мы были у тёплой печки, и никто из нас не заболел и даже не закашлял.

И ещё одна история, связанная с *Валей Безруковым*. Улетая в поле, наш топограф оставил в посёлке жену на последнем месяце беременности. И вдруг приходит РД, что её забрали в роддом. *Валька* бросился к *Грачёву,* нашему начальнику, но *Алексей Фёдорович* сказал, что вертолёта нет и не ожидается. На следующее утро *Вальку* в лагере не нашли. Сначала думали, что он обиделся и решил в тундре побыть один; потом начали его искать; потом по радио стали осторожно опрашивать соседние партии, не видели ли они чего-нибудь странного. И нам сказали, что в одном лагере утром видели, как какой-то человек на большой скорости, почти бегом, пересёк долину и, не заходя к ним в лагерь, прямо через сопку двинул на юг. Стало понятно, что *Безруков* ушёл пешком в Эгвекинот. Делать было нечего, и *Грачёв* на следующий день по радио сообщил в экспедицию о ЧП. А позже мы узнали следующее. Получив такое РД, начальство спустило в отдел кадров распоряжение разобраться. На следующее утро женщины-кадровички пришли к *Безруковым* на квартиру и застали Вальку за завтраком. Меньше чем за трое суток он отмахал по полному бездорожью почти 300 (ТРИСТА!) километров! В тот же день его жена родила! *Валентин* встретил жену и ребёнка из роддома, привёз домой, наладил новый быт. А через несколько дней для него заказали вертолёт, чтобы отвезти обратно в поле, на работу.

Валька прибыл на базу отряда, обвешанный с головы до ног сумками, пакетами и бутылками. Учитывая режим сухого закона, который фактически был в отряде, его должны были бы встречать аплодисментами. Но встретили его по-разному: *Грачёв* угрюмо молчал, мужики в открытую матерились, мол, накрылась премия за поле по причине страшного нарушения ТБ. И только женщины буквально визжали от восторга. Они на руках вынесли *Вальку* из вертолёта, называли его героем и настоящим мужчиной, наперебой приглашали пить чай, а в столовой сажали на лучшее место и клали самый вкусный кусочек. Нам же беспрестанно ставили *Валю* в пример – вот каким должен быть мужчина, - доводя мужиков до белого каления.

Немного о нашем друге – студенте-киевлянине *Вите Кривороте*, бывшем танкисте. Он работал в паре с другим геофизиком, тоже *Виктором*. Они занимались гравиметрией и ходили в долгие многодневные маршруты. Выходили они из лагеря караваном: впереди *Витя-старший* с полевой сумкой и карабином за спиной; сзади *Витя-младший*, навьюченный прибором, продуктами, примусом, маленькой палаткой и двумя спальниками. Возвращались через несколько дней они в том же виде и порядке, только у *Вити-младшего* не было в рюкзаке продуктов и керосина. Все к этому привыкли, даже называли *Витьку* верблюдом. Но однажды случилось нечто:

караван возвращается в лагерь, и впереди идёт *Витя-младший* с карабином, а сзади со своей полевой сумкой тащится *Витя-старший*, навьюченный прибором, примусом, маленькой палаткой и двумя спальниками. Все открыли рты от удивления! Но удивления было ещё больше, когда в следующий маршрут они ушли в том же новом порядке: впереди налегке младший, сзади – навьюченный старший. Но никто не знал ответа этой загадки!

И только через полгода мы узнали тайну этой метаморфозы. На зимние каникулы к нам в Ленинград приехал *Виктор*. За столом стали вспоминать Чукотку, наших товарищей, весёлые и грустные ситуации. Когда коснулись этого случая, наш герой помялся, а потом всё рассказал. В своих многодневных маршрутах они ночевали в маленькой палатке-памирке, укладываясь в ней «валетом». Старший *Виктор* перед сном каждый раз брал карабин, загонял патрон в патронник и клал оружие между спальниками стволом в сторону головы *Вити-младшего*. На все протесты нашего приятеля старший невозмутимо отвечал, мол, не скули, не учи меня жить, да я здесь уже десять пар сапог сносил и т.д. И так продолжалось раз за разом, пока в одну «прекрасную» ночь карабин не выстрелил. *Витя* рассказывал: «Грохнуло над ухом так, что мозги выскочили наружу. В голове, кроме гула, казалось, ничего не осталось. Перед глазами разноцветные круги, как в калейдоскопе. Пытаюсь пошевелиться и не могу: решил, что я уже мёртвый. Потом оцепенение стало проходить, и я приподнялся. Первое, что увидел, это отвисшую челюсть и оловянные глаза коллеги. На его идиотский вопрос – *Витя*, ты живой? – ничего не ответил, а молча потянул карабин на себя, тут же его разрядил и выполз с ним из палатки. Пока на свежем воздухе я приходил в чувство, начальник сварганил завтрак, накормил меня, потом всё собрал, навьючил на себя и спросил, смогу ли я идти дальше. После этого мы до конца сезона так и ходили: я – с карабином, он – со всем прочим. И этот эпизод мы никогда не обсуждали, ни между собой, ни с кем-то другим. Но у меня сложилось впечатление, что он стал бояться карабина!».

По соседству с площадью наших работ располагалось крупное оловорудное месторождение Обзорное. Там работала большая группа геологов, буровиков, канавщиков и топографов. Топографы занимались созданием крупномасштабной основы под детальные работы и мотались по всей площади месторождения и соседним участкам. В силу обстоятельств мы с ними часто встречались и подружились. Особенно хорошо к нам, студентам, относился их рабочий *дядя Миша*: наш земляк, человек тихий и добрый, но с одним недостатком – зелёный змий. Бывший врач-рентгенолог в одной из ленинградских поликлиник, один раз совершив ошибку, покатился вниз, и мы познакомились с ним уже на Чукотке как с бичом. *Дядя Миша* жил в палатке с другим рабочим – *Вадимом*; крепким мужчиной лет 42-43, невысокого роста, всегда спокойным и молчаливым. Обычно, когда мы заходили к ним в лагерь, нас привечали в палатке у рабочих, где *дядя Миша* готовил чай и кофе, заставляя стол всевозможными яствами. *Вадим* тоже участвовал в трапезах, всегда сохраняя молчание. Один раз *дядя Миша* тихонько шепнул: «Вы с

Вадимом поосторожней. Он – убийца! Он за это 15 лет отсидел в тюрьме». Мы похолодели! Это сейчас убийцы не слезают с телеэкрана, их даже не судят и они спокойно гуляют среди нас. А тогда мы пребывали в шоке и поглядывали на *Вадима* с опаской.

В один вечер, уже ближе к концу сезона, мы были в гостях у топографов. Стол ломился от изысканных угощений, *дядя Миша* хлопотал вокруг нас и говорил безумолку. Мы пили чай и, в основном, слушали хозяина, иногда вставляя свои реплики. *Вадим* сидел рядом со мной на топчане, как всегда, храня молчание. Разбирая на столе баночки с джемами и коробки с печеньем, я увидел пятикопеечную монету, лежащую гербом кверху. Монеты в поле – это нонсенс, они здесь ни к чему! Слушая *дядю Мишу*, я машинально взял монету в руку и стал вертеть между пальцами. И вдруг я остолбенел! На лицевой стороне монеты было написано – «8 КОПЕЕК»! Я поморгал глазами – ничего не изменилось. Восьмикопеечная монета лежала у меня на ладони! Я растерянно огляделся и тут увидел хитрый взгляд *Вадим*а. Он прищурился, потом широко улыбнулся и тихо сказал: «Это ничего. Вот в следующий раз я сделаю монету – «МНОГО ДЕНЕГ». Он снова засмеялся, а я понял, по какой статье он 15 лет сидел в тюрьме.

Хочу сказать, что в то лето на Чукотке мы не часто видели местных животных. Как-то раз ночью в лагерь забралась росомаха и пыталась украсть баульник с рыбой: мы мельком видели её через окно палатки. Один раз были свидетелями прохода через долину гигантского стада колхозных оленей, наверное, до 2000 голов. А однажды утром из огромного кустарника, что был недалеко от нашей базы, вышла медведица с медвежатами. Правда, впечатление было не от медведей, а от разномастных собак, постоянно живущих в лагере. Они, видимо, ночевали в кустарнике, и при появлении медведей всей стаей устремились в лагерь, сбивая по дороге людей и прочие препятствия, и почему-то спрятались в большой палатке, служившей нам столовой. Наверное, они искренне считали, что уж столовую люди будут оборонять до последнего…

Именно с местными собаками и связана ещё одна трогательная история. Эти милые создания приветствовали нас в каждом лагере: у геологов, у топографов, у геофизиков. Но особенно много их было возле буровых. Псы были разномастные и разнокалиберные, но всегда приветливые, дружные и дисциплинированные, с какой-то своей внутренней иерархией. Существа совершенно не притязательные, они, как я понимаю, и зимовали в тундре, возле буровых или лагерей круглогодичных партий. Поэтому с полным основанием этих животных можно относить к местной фауне. В компаниях буровиков и геологов про некоторых псов рассказывали буквально легенды. Но то, что я сейчас расскажу, абсолютная правда.

Наш сезон подходил к концу. Дело шло к середине сентября, уже подмораживало, иногда сыпал редкий несмелый снежок. Мы с *Надей* работали вдвоём на участке реки Малый Чануан, проводя опробование участка,

примыкающего к месторождению Обзорное. В одно сентябрьское утро нас навестил начальник отряда *А.Ф.Грачёв* и распорядился по окончании работ на участке залабазировать лагерь, приготовить пробы к транспортировке и пешком выходить на базу. А до базового лагеря было около 20 км. Через несколько дней, закончив нашу работу и все необходимые мероприятия, мы двинулись в путь. А по дороге решили навестить наших друзей-топографов, попрощаться с *дядей Мишей*.

В лагере у топографов мы застали всех, кроме *дяди Миши*. Топографы рассказали нам печальную историю. На соседней буровой сломался дизель, и очень серьёзно сломался. Восстановить они его не смогли, и в тот момент ждали то ли запчасти, то ли новый двигатель. Вынужденный простой обернулся несколькими бидонами бражки, и дядя Миша оказался там. Как он узнал о бражке и как попал к буровикам, никто не знал. Но пропадал он там уже несколько дней. «Так что земляка не увидите», - посочувствовали нам топографы. Угостившись на дорожку чайком, мы двинулись вниз по речке, в сторону нашей базы.

Речка в это время года скорее напоминала ручей. Воды было немного: где по щиколотку, где чуть больше. Во многих местах её можно было перейти по камням, не замочив сапог. Мы так и шли: где по бережку, а где прыгая по валунам. Погода была облачная, прохладная, но воздух был совершенно прозрачным. Поэтому странное тёмное пятно, которое поднималось к нам навстречу по руслу реки, мы заметили издалека. Пятно было живое: оно всё время меняло форму, то увеличиваясь, то уменьшаясь, при этом, не торопясь, всё время приближалось к нам. Не понимая, что это такое, мы занервничали, но продолжали двигаться вниз по руслу. Когда же, наконец, мы сблизились и разглядели, кто идёт к нам навстречу, то изумлению нашему не было предела. Это был *дядя Миша* в окружении огромной своры собак!

Дядя Миша был никакой! Он был настолько пьян, что стоять на ногах он практически не мог. И собаки вели его домой в прямом смысле слова! Когда он в очередной раз падал в воду или на камни, они подскакивали, хватали зубами за ватник и вытаскивали из воды. Потом подставляли свои спины, чтобы он мог на них опереться и подняться. Когда на пути попадался песчаный участок, более-менее ровный, где ему идти было легче, они расступались, а на каменистом - грудились возле него, чтобы, падая, он мог ухватиться за них. И так шаг за шагом, метр за метром они поднимались вверх по речке. Когда мы, наконец, встретились, *дядя Миша* нас узнал. Ему было очень стыдно, особенно перед *Надей*, что он в таком виде, а услышав, что мы уходим и через несколько дней улетаем домой, он расчувствовался. Плача, он стал нас обнимать, говорить напутствия, передавать приветы родному городу и тут же просить прощения. А собаки в это время сидели кружком вокруг нас и, подняв морды, внимательно смотрели и слушали, будто понимали смысл этой трогательной сцены. Потом *дядя Миша* тяжело вздохнул, устало махнул рукой, развернулся и побрёл по направлению к своему лагерю. Собаки тут же его окружили, и этот своеобразный эскорт стал удаляться от нас, поминутно останавливаясь.

Мы ещё долго стояли на месте и глядели им вслед. Странная процессия удалялась, становясь всё меньше и меньше. Мы были спокойны за *дядю Мишу*, зная, что в эту ночь он будет спать у себя в палатке. И ещё мы говорили об этих удивительных бездомных собаках и об их потрясающей преданности и любви к человеку.

Ночные прогулки

Несколько лет назад мы летели на Шпицберген транзитом через Норвегию. В Осло наша группа делала пересадку на другой рейс, и нам пришлось ночевать в аэропорту. Деньги у нас были, и мы решили переночевать в местной гостинице. Заведение во всех отношениях солидное, удобное, утром кормят завтраком. К тому же располагается прямо в аэропорту: пять-семь минут пешей прогулки – и ты у стойки регистрации.

Мы с товарищем взяли номер на двоих. Красивый, большой, с вместительным тамбуром и со всеми удобствами, с видом на какой-то скверик – он нам, безусловно, понравился. После перелётов, пересадок, после таскания рюкзаков хотелось немного отдохнуть, вытянуть ноги, а главное – принять душ. Что мы с удовольствием и сделали. А так как время было позднее, гулять уже не хотелось, а обсудить прошедший день было необходимо, то после душа мы перед сном, для хороших сновидений исключительно, немного посидели, благо у нас было. Но всё было скромно, по-деловому, ведь мы люди серьёзные и помнили, что завтра очень рано вставать к нашему утреннему самолёту. Когда мы завалились спать, за окном уже была совершенная темень.

Проснулся я от громкого стука в дверь. В комнате было очень темно, а под одеялом тепло и уютно. Стук повторился. Я решил, что это кто-то из наших коллег, проснувшись пораньше, решил всех подстраховать и ходит по комнатам, будит нас к самолёту. «Да, спасибо, мы проснулись!» - крикнул я, потягиваясь под одеялом. Вставать не хотелось. Стук повторился, на этот раз более настойчиво. «Да встаём, встаём! – закричал я. – Спасибо!». А про себя подумал: «Вот зануды, мёртвого достанут…». Как бы услышав меня, в дверь забарабанили с новой силой. Вот теперь я полностью проснулся! Совершенно озверевший от таких услуг, я сбросил одеяло, готовясь сказать незваным коллегам всё, что я о них думаю. В полной темноте, на ощупь пройдя комнату, я вышел в тамбур. Здесь была абсолютная темнота, что называется, хоть глаз коли, но по громкому стуку, от которого всё тряслось, я определил, где находится входная дверь. Приготовив все слова глубокой благодарности, которые у меня успели накопиться, я нащупал дверную ручку, повернул её и резко открыл дверь. Яркий свет из гостиничного коридора ударил мне в глаза, и я невольно зажмурился. Когда же через несколько мгновений, привыкнув к свету, я открыл глаза, то картина, которую я увидел в коридоре, привела меня в шок.

Посреди коридора босиком и в одних трусах стоял мой товарищ, виновато вздыхая и переминаясь с ноги на ногу. «Ты это чего?» - единственная фраза, которую я смог произнести. И он стал объяснять. Оказывается, ночью он

захотел сходить в туалет, но в полной темноте не смог сориентироваться в незнакомом тамбуре и вместо двери в туалетную комнату нашёл дверь входную. Открыв её, он на мгновение ослеп от яркого света, но по инерции сделал шаг-другой вперёд. Дверь за спиной щёлкнула, и он, как и инженер Щукин, оказался в весьма пикантном положении. Правда, надо заметить, что в отличие от Щукина, он был в трусах. Стоя в пустом и длинном коридоре, он, по его словам, так растерялся, что сначала пошёл к администратору за запасным ключом. И только дойдя до лифта, он вспомнил, что в комнате преспокойно дрыхну я. Вернувшись к двери, он постучал, а когда понял, что я проснулся, но вставать пока не собираюсь, он начал барабанить изо всех сил. Рассказав всё это, он, наконец, стоя по-прежнему босиком в коридоре, почти крикнул: «Так ты пустишь меня в номер или нет?».

Я сделал шаг в сторону, пропуская его в комнату. Потом я добрался до своей постели и рухнул под одеяло. Спать я уже не мог: меня буквально трясло от смеха, а моя подушка была мокрая от слёз…

Рассказ о надёжном человеке

За много лет работы я видел много студентов-практикантов из разных учебных заведений, разных по степени подготовки, трудолюбию, своим предпочтениям. Но, скажу честно, сегодня лишь немногих могу вспомнить по имени и фамилии, и уж совсем редких ребят вспоминаю по-настоящему с удовольствием, как говорится, добрым словом. И даже трудно сказать, чем и почему эти ребята запомнились: здесь сыграли роль и их характеры, и те обстоятельства, в которых они проявились, и, наверно, моё личное отношение к человеку. Но одного парня, с которым я работал летом 1985 года, я помню очень хорошо, как помню и во всех подробностях тот давний уже сезон.

Я был молодым сотрудником Шпицбергенской партии, и это был мой первый самостоятельный сезон. Работали мы вдвоём: моим ассистентом и радистом был *Игорь Тукачёв*, курсант Ленинградского Арктического училища. Сибиряк из Тюменской области, который захотел стать моряком, он в том сезоне стал моим единственным и очень надёжным помощником. Парень, несмотря на молодость, во всех отношениях бывалый, великолепный охотник, знаток техники, на кораблях торгового флота ходивший уже в Штаты и Канаду, умевший всегда и везде найти себе полезное и интересное занятие.

Игорь знал и умел очень многое. Для моего старенького приёмника ВЭФ он рассчитал и соорудил антенный контур, и старичок, который до этого с трудом ловил «Маяк», вдруг неожиданно заговорил и запел на все лады. Разбирался он и в лодочных моторах, что нам очень пригодилось. Очень запомнился тугой татарский лук, который он сделал из оленьих рогов, и длинные стрелы с металлическими наконечниками. С этим луком *Игорь* ходил за куропатками, и не было случая, чтобы он промахнулся: за 70 шагов он спокойно попадал в картонную коробку, а его стрелы пробивали фанерный лист насквозь. Незаменимым помощником он был и в маршрутах: сильный, выносливый, отличный ходок, всё понимающий с первого слова. Но всё же

одна история, которая с нами произошла, показала его с совершенно неожиданной стороны, как человека смелого, хладнокровного и умного.

Уже наступил сентябрь, сезон шёл к завершению. Выпал первый снег, а у нас ещё не все участки были закрыты маршрутами. Приходилось торопиться. В тот день погода была пасмурная, но спокойная. Сплошная облачность была достаточно высокой, видимость вполне приличной, и мы решили сплавать на север от нашего лагеря, в район большого ледника Нордбреен. До него было 35 км, и по тихой воде мы добрались туда за час. Маршрут был самым обыкновенным, вверх вдоль борта ледника, а потом обратно. Когда мы к вечеру добрались до лодки, с севера уже потянул слабый ветерок, но море ещё было спокойным. Мы на дорожку перекусили, хлебнули чайку из термоса, долили в бак бензина и столкнули лодку на воду. Мотор завёлся сразу, и я взял направление на середину Вейде-фьорда.

Шквал ударил внезапно. Море взбугрилось, высокие и короткие волны набегали с севера, ударяя нам в корму. Пока я с удивлением оглядывался, не понимая, что произошло с морем, я потерял время для возвращения к берегу, и это была моя первая ошибка. Уже через десять минут мы были мокрые с головы до ног: волны спокойно накрывали нас, и ледяная вода текла за шиворот. Хуже всего было то, что теперь ветер и волны заставляли нас держать курс строго на юг, тогда как нам надо было идти вдоль берега на юг-юго-восток. И с каждой минутой спасительный берег удалялся от нас всё дальше и дальше, заставляя сердце сжиматься в неясной тревоге. Наша «Казанка» плясала на волнах, как скорлупка: иногда её вскидывало на гребень, и мы видели ширь кипящего моря; потом её кидало вниз, между волнами, и мы видели перед собой только белую морскую пену и серое небо над ней. Я сидел у мотора, замёрзшей рукой дёргая румпель и делая перегазовки, а *Игорь* сидел впереди, под стеклом, сохраняя полнейшее спокойствие.

Прошло минут сорок отчаянной борьбы, как море как будто бы начало успокаиваться. Я по неопытности решил, что всё страшное уже позади, шторм закончился, и дальше мы поедем спокойно. И это была моя вторая ошибка. Вместо того, чтобы воспользоваться ситуацией и выброситься на берег, я лишь скорректировал курс, чтобы плыть прямо к бухте, в которой был наш лагерь. Правда, по моей просьбе *Игорь* долил в бак бензин, что впоследствии нас выручило. Потому что через некоторое время шторм навалился на нас с ещё большей яростью.

Трудно передать словами, что мы тогда пережили. Трепало нас очень серьёзно, и я думал в тот момент только о моторе – не подведи, не заглохни! «Вихрь» работал как часы, он как чувствовал, что спасает не только нас, но и себя! Моя рука буквально примёрзла к румпелю: я постоянно рвал его в разные сторону, пытаясь удержать лодку поперёк волны. Холодная вода обрушивалась на нас со всех сторон: то в корму била огромная, догнавшая нас волна, окатывая нас кучами брызг и пеной, то наша лодка, соскальзывая вниз с очередной волны, врезалась носом в соседнюю, и тогда на нас обрушивался

сверху крупный солёный ливень. Насквозь мокрые, замёрзшие как сосульки, но не теряющие оптимизма, мы с *Игорем* всматривались в кипящее море, стараясь разглядеть нашу бухточку, наш спасительный берег.

Не могу с уверенностью сказать, доплыли ли мы сами, или волны нас просто донесли, но через полтора часа отчаянного плавания мы были перед входом в нашу бухту. Спасение и отдых были уже рядом, надо было только добраться до берега. Но беда была в том, что бухта открывалась на север, и волны сейчас перекатывались в ней с той же яростью, что и в открытом фьорде. К тому же в бухте были подводные камни, и надо было проскочить мимо них так, чтобы не разбить двигатель. Он хорошо в этот день поработал, и гробить его на пороге дома было просто нечестно.

Войдя в бухту, я примерно отметил для себя место, где должны быть камни, и решил пройти это место на вёслах, предварительно заглушив и подняв двигатель. Это была моя третья ошибка, самая роковая! Я дал команду *Игорю* сесть за вёсла, а сам, нажав кнопку «Стоп», стал поднимать и закреплять мотор. И тут я почувствовал, что лодку разворачивает вдоль волны: Игорь в одиночку не мог удержать её в нужном положении. Решив помочь парню, я встал в лодке в полный рост и сделал шаг к правому веслу. В этот момент большая волна ударила слева, лодку подбросило, и я полетел за борт.

Когда я вынырнул на поверхность, лодку несло мимо меня, и до неё было 5-6 метров. Я был полностью экипирован: застёгнутый ватник, под ним верблюжий свитер, болотные сапоги раскатаны на всю длину, да ещё лыжная шапочка на голове. Поэтому холодной воды я в первый момент не почувствовал, а вид лодки, проносящийся мимо, придал мне дополнительной энергии. Я рванул к ней сажёнками. Доплыв до лодки, я вцепился в такой высокий для меня в тот момент борт и попытался через него перелезть. Однако моя амуниция уже намокла, и поднять себя у меня сначала не получалось. Я болтался под бортом, а в голове билась мысль: «Где же *Игорь*, почему он мне не помогает? Неужели и его выбросило за борт?» Ветер и волны тем временем несли лодку к берегу. Наконец, собравшись с силами, я сумел подтянуться и животом лечь на борт. Внутри я увидел *Игоря*: всем своим небольшим телом он навалился на противоположный борт и тем самым удерживал лодку в равновесии. Минут через пять или семь нас вместе с лодкой выбросило на пляж.

Уже потом, сидя в палатке, потягивая горячий чай и разглядывая мокрое исподнее, висящее над печкой, я потихоньку осознал, что в тот вечер *Игорь* спас и меня, и себя. Если бы он бросился мне на помощь, стал вытаскивать меня из воды, мы бы перегрузили борт нашей «Казанки», и следующая волна просто перевернула бы её со всеми печальными для нас последствиями. Проплыть эту сотню метров мы бы уже не смогли! Было поразительно, что молодой парень в одно мгновение оценил смертельную для нас ситуацию и принял единственное верное решение! Я пил горячий чай, радовался за него и

за себя, поминутно кляня ветер, море, высокие широты и давая клятвы никогда больше не плавать на лодке.

Через три дня погода наладилась, море стихло, вышло солнце, стало тепло и красиво – и мы на нашей «Казанке» снова ушли в маршрут. Да, как молоды мы были…

Холодное лето 1987 года

Действительно, на моей памяти лето 1987 года было самым холодным их всех отработанных мною сезонов на Шпицбергене. В тот год работы проводились на севере архипелага, в районе полуострова Моссель, на участке с хрусталеносным проявлением. Так как участок располагался на совершенно ровном высокогорном плато, планом работ предусматривалось сначала разбить опорную топосеть. Именно с этой целью прилетела туда 1 июля группа из четырёх человек.

К нашему огорчению и вопреки нашим прогнозам, весна в том году сильно запоздала. Снега было так много, что ходить надо было, буквально проваливаясь по пояс. Обвешанные вешками, с теодолитом и мерной лентой наперевес, отмеривали мы километр за километром. Особенно сильно страдали мы от жажды: в маршруте пить хотелось очень сильно, а вся вода была под глубоким снегом, и достать её не было никакой возможности. В итоге наша работа сильно затянулась, и вместо десяти запланированных дней вышли целых четыре недели. Уже кончились сигареты, уже не было заварки и хлеба, но мы не унывали и даже придумали песню сами про себя. И напевали её на известный мотив *В.Высоцкого*.

Здесь вам не на юге, здесь климат иной,
Бушуют вьюги одна за другой,
А в Моссельдален туман сменяет туман.
И можно начальству ответить «нет»,
Но мы выбираем другой ответ –
Мы тоже болеем за наш производственный план.

И пусть говорят, что наш отряд
Здоровье здесь потратил зря,
Но лучше, чем от СПИДа и от желтух,
Загнуться на горке среди снегов,
Но прежде увидеть, что профиль готов,
А пламень задора в ребятах еще не потух.

Горбыль тяжеленный на шее несем,
Друг дружке в затылок тихонько бредем -
Картинка, как будто открыли красивый журнал.
Тут русских навалом, японцы есть,
Однажды норвежцев видели здесь,
Но негров и шерпов Шпицберген еще не видал.

Туманно во взоре, и сил уже нет.
В кальсоны и в шапку набился снег.
А профиль все дальше и дальше уходит в туман.
Надеемся только на Шурин наган:
Ведь если рухнем к его ногам,
То он пристрелит, не даст опозориться нам.

И каждый счастливчик, кого с нами нет,
Им всем посылаем большой привет.
Но ты, Сироткин, на них посуровей гляди!
Вот мы в вертолете, довольны всем.
И только немного сочувствуем тем,
Другим, у которых Сироткин еще впереди!

Последние строки этой песенки оказались пророческими. Лето наступило только в августе. Снег наконец сошёл, мы закончили разбивку профилей, и мои партнёры улетели в Баренцбург. Им на смену прислали трёх замечательных парней, студентов московских и ростовских ВУЗов. Именно с ними мне предстояло продолжить работу на участке. Однако ситуация снова стала развиваться не по плану.

Первую неделю августа стояла великолепная погода, но 8 августа начался дождь, который в тот же день перешёл в снег. И больше этот снег не заканчивался. Первые дни непогоды я успокаивал студентов рассказами о первом снеге и его недолговечности. Они мне верили и не верили, но их энтузиазм и оптимизм таяли с каждым новым днём снегопада. Через неделю я уже сам понял, что сезон накрылся белоснежной простыней. Дней через десять об этом поняли и на базе и сделали две попытки вывезти нас вертолётом. Обе попытки были неудачные: вертолёты не прошли к нам по причине непогоды и полного отсутствия видимости. К довершению наших несчастий у нас сникла рация: сели аккумуляторы, и теперь мы работали только на приём, а отвечали в режиме «Настройка» длинными и короткими нажатиями тангетки. В итоге было принято решение вывозить нас экспедиционным судном «Заря», для чего мы должны были добраться до берега. Нам назначили время и место рандеву.

До места встречи на берегу бухты Моссель было около 15 км. Проблема была в том, что надо было с нашего плато (высота 400-450 м) спуститься в долину Моссель по крутому и очень неприятному борту. Я рассчитал время движения по всему маршруту, мы залабазировали лагерь, взяв с собой самое необходимое, и на шестнадцатый день непрекращающегося снегопада вышли в путь. Все мои опасения и перестраховки оказались напрасны: плато было усеяно нашими вехами, и, ориентируясь по ним, мы быстро нашли спуск в долину и преодолели его, в целом, благополучно. Мальчишки держались молодцом, и мы без приключений добрались до моря. Но к месту рандеву мы пришли на четыре часа раньше назначенного срока.

Погода была отвратительная: холодный, сильный ветер, туман и снег с дождём. Нам, разгорячённым долгой ходьбой, сидеть в такую погоду на берегу моря было опрометчиво. Надо было где-то спрятаться, не то простуда и всякие воспаления нам будут обеспечены. Я знал, что в бухте Моссель есть два домика. Один в Полхейме, на севере, новый, тёплый, со многими удобствами и продуктами, но до него 12 км по болоту, да ещё надо форсировать речку Моссель, достаточно полноводную. Второй домик на мысе Бангенхук, на юге, старый, полуразваленный и пустой, но до него 4 км по хорошей сухой террасе. Я выбрал второй вариант, и мы понуро двинулись в новый путь. Здесь надо отметить, что к этому времени энтузиазма у моих спутников заметно поубавилось, и перспектива нового броска неизвестно к чему их явно не обрадовала.

Мы медленно двинулись в сторону домика. Через некоторое время я понял, что на этом отрезке пути мы потеряем слишком много времени, поэтому надо внести коррективы в наши планы. Я проинструктировал ребят, как идти к домику (море всё время должно быть справа – и уткнётесь прямо в домик), а сам быстро пошёл вперёд, чтобы приготовить это жильё к их приходу. Добравшись до хибарки, я вскрыл её, проверил печку (старая прогорелая во многих местах бочка с отвалившейся трубою), собрал кое-какие дровишки, достал спички. Скоро в печке весело затрещало, жизнь стала налаживаться. Я вышел из домика и огляделся: ребят не было видно. Я поднялся на пригорок и посмотрел на восток: видны были все подходы к мысу Бангенхук, но студентов нигде не было. Я задёргался. Поднялся ещё выше на пригорок и стал крутить головой в разные стороны. И вдруг увидел честную компанию: они дружно шли вдоль моря на юг, с каждым шагом удаляясь от домика. Видимо, подойдя к основанию мыса, они увидели море слева и, помня, что оно должно быть всегда справа, дружно повернули на 90° и пошагали в другом направлении. Я бегом бросился вдогонку. Когда я их догнал, они отошли от домика километра на полтора. Увидев меня за своей спиной, они обалдели, а узнав, что они прошли мимо домика и надо возвращаться назад, совсем пали духом. Пришлось забрать у них карабин, у кого-то рюкзак и чуть ли не пинками гнать их к домику. Но наконец-то мы добрались: в домике было тепло, сухо, не было этого жуткого ветра, и мы смогли перекусить своими бутербродами с горячим чаем.

Время до прихода судна ещё было, можно было отдохнуть. С дровами в домике было туго, зато на берегу мы нашли много пластиковых шаров-поплавков. Горели они жарко, но в домике стали летать крупные хлопья сажи. Мы договорились насчёт дежурства на мысу, чтобы не прозевать «Зарю», и легли спать. В тот момент мы ещё не знали, что «Заря» опаздывала на пять часов, и домик стал для нас спасением, иначе мы просто замёрзли бы. Но и увидеть корабль с берега на подходе к бухте, как я надеялся, в такую погоду мы не смогли. Когда очередной дежурный растолкал нас, мы узнали от него, что «Заря» стоит в бухте. Мы высыпали на свежий воздух.

Судно стояло на рейде, в паре километров от берега. Когда полосы тумана набегали на него, оно совершенно исчезало, но туман сносило порывами ветра,

и мы опять его видели. «Заря» через большие промежутки времени давала гулкие протяжные гудки – и мы поняли, что нас ищут. Сначала мы расстреляли весь запас ракет, который был у нас с собой. Но нас не увидели. Тогда мы вытащили из печки угли и с помощью пластиковых шаров и брёвен разложили громадный костёр. Всё напрасно, нас не видели! Мы в отчаянии стояли на берегу и не знали, что делать! И только позже мы узнали, что происходило на судне.

Опоздав к месту встречи на пять часов и не найдя нас в условленном месте, наши спасатели стали думать, что делать. На судне было два геолога: *Сергей Александрович Абакумов* и *Саша Тебеньков*. *Абакумов* сразу предположил, что парни (т.е. мы) на Бангенхуке, поскольку домик близко и дорога к нему хорошая. А *Тебеньков* уверял, что мы в Полхейме, приводя в качестве главного довода высокое качество домика и возможность там пожрать. Саша оказался более энергичен в проталкивании своей идеи, и катер с группой спасателей направился к Полхейму, лавируя в тумане между шхерами. Ни в домике, ни возле домика нас не оказалось. «Наверное, они ещё идут сюда, - предположил Тебеньков, - надо заехать сюда чуть позже». Через пару часов они опять приплыли туда и снова нас не нашли. Потом они сходили уже в который раз к оговорённому месту встречи, но нас нигде не было. В Баренцбург была дана радиограмма, что пропал отряд *Сироткина*. Там уже дали команду готовить вертолёты и специальную группу поисковиков. И всё это время *Абакумов* просил их сплавать к домику на Бангенхуке, чтобы проверить его предположение. Наконец, спасатели сдались, чертыхнулись и поплыли туда.

Когда катер высоким носом уткнулся в прибрежный песок, мы уже стояли на берегу, прямо у уреза воды, держа в руках карабин и всё своё имущество. Два дюжих матроса, нагнувшись с высокого борта, подхватывали нас по очереди за руки, за ватники, одним рывком поднимали вверх и спускали в трюм катера. А сверху на нас изобильно сыпались замысловатые матюги старпома, который командовал всей этой операцией. Мы же, сидя в тесном полутёмном трюме, наконец-то спокойно вздохнули: все напасти позади, можно и расслабиться.

На палубе «Зари» нас встретил боцман, брезгливо осмотрел и предложил пройти в баню. Когда в тесном предбаннике мы разделись и посмотрели друг на друга, нас всех четверых разобрал нервный смех: лица, шеи и кисти рук у нас были серо-чёрные от въевшейся сажи, а остальные части тел при тусклом свете электроламп отражались какой-то синеватой белизной. Контраст был настолько поразительный, что нас впору было сравнить с неграми, одетыми в белые исподники! Но горячие струи воды, ударившие из лейки душа, очень быстро ликвидировали все наши контрасты.

СОБОЛЕВСКАЯ Р.Ф.

Чудесное спасение

За мои многолетние (около 40) полевых сезонов случалось много ЧП. Вот об одном из них я и хочу поведать. Было это в 1971 году. Я тогда работала в геолого-съемочной партии под руководством *А.И.Самусина*, к сожалению, ныне покойного. Работа велась в Якутии, в районе хребта Полоусного. Меня с двумя рабочими на вездеходе завезли в верховья р. Хатыннах, по которой мы должны были спускаться на резиновой лодке (клипперботе), ведя съемку по берегам этой реки и делая маршруты вглубь территории, насколько это было возможно. Мы должны были спуститься по реке на 100 км и встретиться с остальными сотрудниками партии. На работу нам отводилось 20-25 дней (в зависимости от погоды). Рации у нас не было. Все снаряжение (палатки, спальные принадлежности, продукты и пр.) утром укладывалось в лодку, а вечером все разгружалось. Ставили лагерь, а лодка вытаскивалась на берег, подальше от воды, так как я по своему опыту знала, как быстро прибывает вода, когда идет дождь, или после него. Один из моих помощников, которого звали *Петр Иванович*, был пожилым человеком, а второй - *Володя* - был студентом института Лестгафта и уже имел звание мастера спорта по подводному плаванию. Мы его звали «пан спортсмен», так как после окончания рабочего дня он обычно или делал турник и подтягивался на нем много раз, или выполнял другие упражнения, чтобы не потерять спортивную форму (в хозяйственных работах он старался не принимать участия). Мои помощники были неопытными в полевых условиях и я им постоянно напоминала, чтобы они при погрузке все вещи закрывали палаткой и крепко перевязывали веревкой. Лодка, естественно, была сильно нагружена, и мы все сидели наверху: мои помощники на корме и носу, а я - посередине.

По мере того, как мы спускались по реке, скорость течения заметно возрастала и после очередного привала я снова напомнила рабочим, чтобы они увязывали груз как следует. На это они ответили: «*Римма Федоровна*, ну что Вы все время напоминаете нам об этом – все нормально». Но вот случилось непредвиденное. Перед нами появилась большая излучина реки, на которую и понесло нашу лодку с невероятной быстротой. На этой излучине высокая пойма, на которой росли лиственницы, была подмыта и лиственницы оказались в воде (их стволы просто лежали на воде, а корни еще были на берегу). Вот на эти лиственницы нас и понесло. Лодка ударилась об одну из них, и мы, как пушинки, слетели с лодки в воду. *Петр Иванович* уцепился за лиственницу, а меня понесло прямо под эти лиственницы и хотя я умела плавать, но при такой скорости воды делать это было просто невозможно. К тому же на мне был ватник, болотные сапоги, полевая сумка с дневником, картами и аэрофотоснимками, а на шее – фотоаппарат и барометр. И я поняла, что я просто гибну. И вдруг я слышу голос « пана спортсмена»: «*Римма Федоровна*, держись, я рядом»! Он каким-то образом подплыл ко мне и, схватив меня «за шкирку» (за воротник ватника), подтянул меня к лиственнице и помог за нее

уцепиться, а потом – и выбраться на берег. *Петр Иванович* к тому времени тоже выбрался на берег, а нашу лодку, естественно, унесло вниз по реке.

Выбравшись на берег, мы разложили костер (спички я всегда держала при себе в непроницаемом пакете), я вытащила из полевой сумки дневник, карты, аэрофотоснимки, открыла фотоаппарат, вылила из него воду (потом фотоаппарат снова стал работать) и стала сушить, в том числе и одежду. Немного пообсохнув, я сказала: «*Володя*, идите ищите лодку, где-нибудь ее прибьет к берегу». Он пошел, а спустя какое-то время вернулся и сказал, что лодку прибило к противоположному берегу примерно в трех км ниже по реке. Мы собрали вещи и пошли на поиски лодки. Когда мы ее увидели, то я опять сказала: «*Володя*, у нас нет другого выхода, как просить Вас переплыть реку и попытаться перевернуть лодку (она плавала вверх дном) и перебраться к нам». К счастью, он согласился и спустя какое-то время лодка была с нами. Хотя груз был хорошо увязан, потери все-таки были ощутимы. Мы потеряли оба весла, ружье, которое было всегда наверху (на случай встречи с гусями), лоток для шлихования, часть кухонной посуды, которую небрежно сунули под палатку после очередного привала, а также барометр. Отдохнув и переночевав, а также сделав самодельные весла, на следующий день мы продолжили нашу работу. Надо сказать, что после случившегося моим помощникам не приходилось напоминать, чтобы они как следует увязывали груз.

Мы благополучно добрались до места встречи с коллегами и, когда мы рассказали им о случившемся, то все в один голос благодарили «пана спортсмена» за мое спасение и за спасение нашей лодки. Без его помощи я действительно погибла бы.

1971 г. Хребет Полоусный, бас. р. Индигирка. Переправа через одну из многих речек – опасное мероприятие

1971 г. Свежее мясо в экспедиции – целое событие

1971 г. Геолог *А.А. Головлева* – в раздумье у поломанного вездехода

1971 г. Обед во время привала

1971 г. У начальника партии *А.И. Самусина* голова болит от многих забот (тут и гнейсы, и вездеходы…)

1971 г. Наш милый терпеливый начальник партии *Александр Иосифович Самусин* (ведь в партии было 4 женщины…)

1971 г. «Пан спортсмен» купается (мой спаситель)

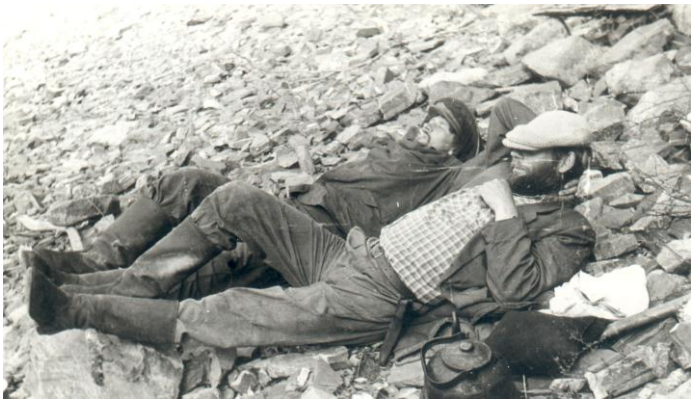
1971 г. Мои помощники после удачной охоты (накануне катастрофы)

1971 г. Я только позирую…, но гусей не убивала

1971 г. «Репортаж с петлей на шее». *Дима Жиляев* – один из трех водителей вездеходов

1974 г. Бассейн р. Колымы. Отдых после ланча. Литолог *В.И.Ковехов* (справа) и *Володя Староверов* (техник)

1978 г. Ручей Мирный
Слева направо: *Саша Пилясов*, его мама начальник партии *М.М.Орадовская*, техник *Женя Николаев*, литолог *А.Парыгин*, повар

1978 г. *М.М.Орадовская* - крупнейший знаток нижнего палеозоя Северо-Востока России

Июль 1986 г. Новая Земля Слева направо: *Г.Н.Ковалева, В.П.Матвеев, Р.Ф.*

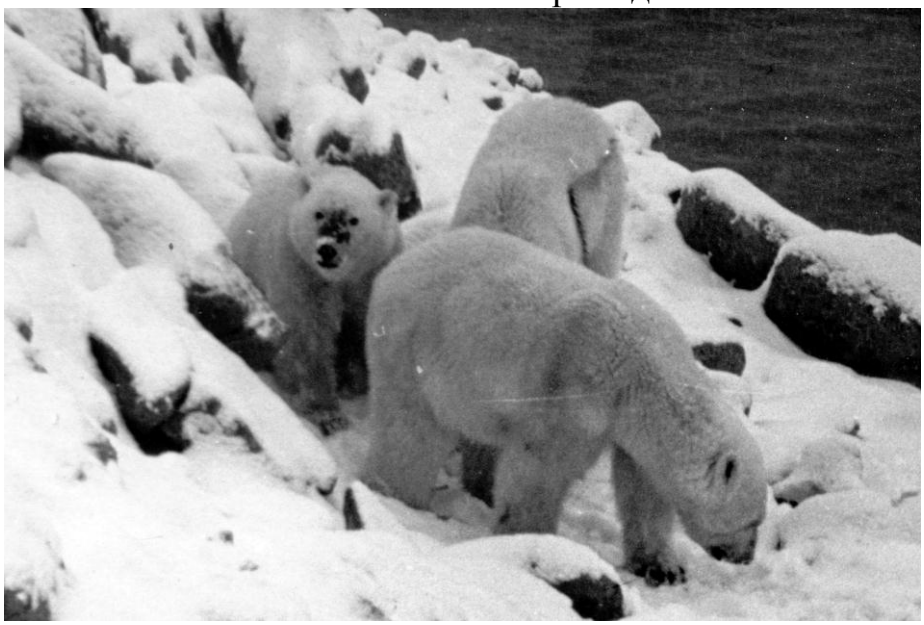
1986 г. Новая Земля. Очень удобное жилище-капша

1986 г. Новая Земля. р. Неблюйная *Р.Ф.* и рабочий *Володя*

1986 г. Новая Земля. Те же и рога дикого оленя

1986 г. Новая Земля, метеостанция на м. Желания

1986 г. Новая Земля. Самый север Новой Земли

1986 г. Новая Земля. Сборы в первый маршрут

1986 г. Новая Земля. *Г.Н.Ковалева* и *Володя* (рабочий)

1986 г. Новая Земля

Памятник гляциологу, упавшему в трещину

НЕМНОГО ГЕОЛОГИИ

1986 г. Новая Земля р. Неблюйная

1986 г. Новая Земля. Оползни в мурманцевской свите (O_2)

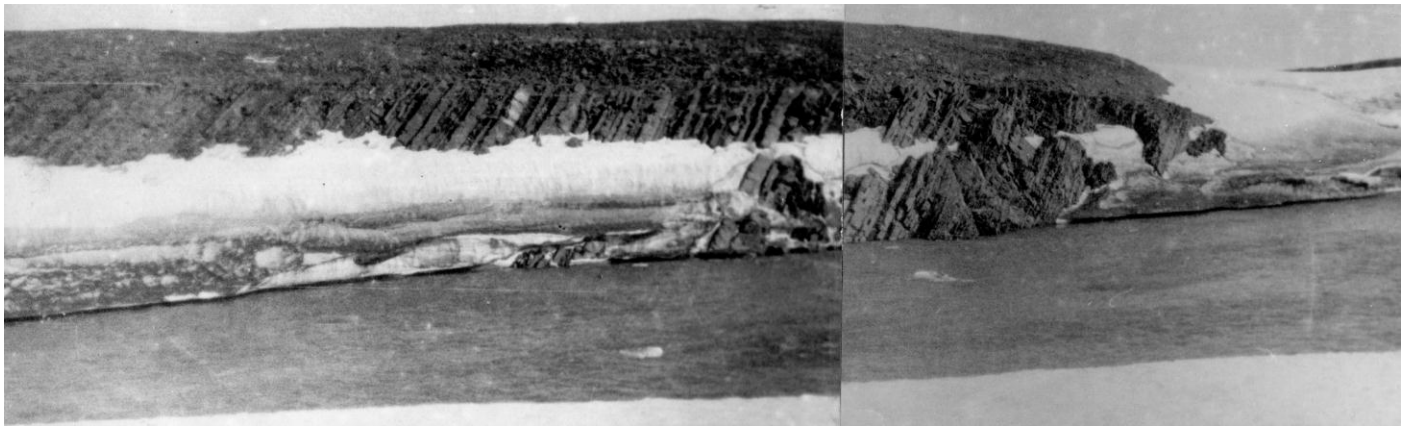
1986 г. Новая Земля. р. Обрывистый В.ордовик (кварцито-песчаники и сланцы)

1986 г. Новая Земля. р. Обрывистый. Ритмичное переслаивание алевролитов и песчаников мурманцевской свиты O_2

1986 г. Новая Земля.

1986 г. Новая Земля, р. Неблюйная. Мурманцевская свита (O_2)

1986 г. Новая Земля, руч. Обрывистый. Анненская свита

1986 г. Новая Земля. Наливкинская толща (S_2)

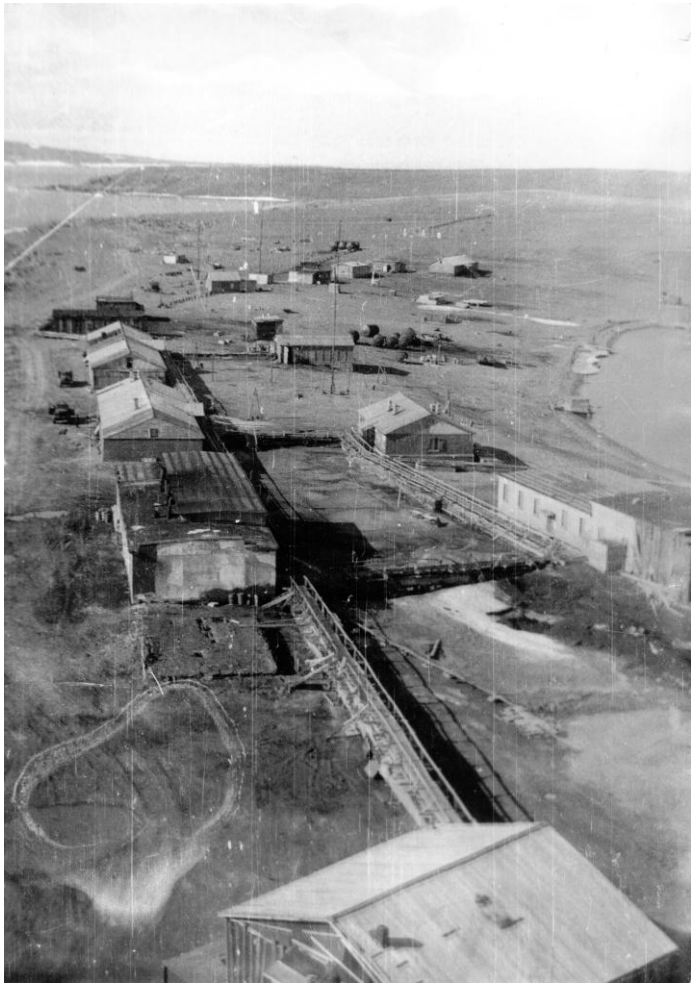
1988 г. Новая Земля. Слева направо: гляциогеолог *Корякин*, рабочий *Алексей Николаевич*, *Р.Ф.*, техник *Ал.Поляков*, геолог *Евг.Платонов*

1988 г. Новая Земля. Мыс Сахарова. *Р.Ф.*

21 сентября 1988 г. Новая Земля. Залив Русская Гавань. *Р.Ф.* и *Володя Ильин*

1988 г, сентябрь. Новая Земля. Бухта Русская Гавань

1988 г. Новая Земля. Мыс Сахарова.
Геолог *Евгений Платонов*

1972 г. о. Котельный. Безуспешная попытка развести костер. Радист *Володя Таран*

1972 г. о. Котельный. Конец полевого сезона

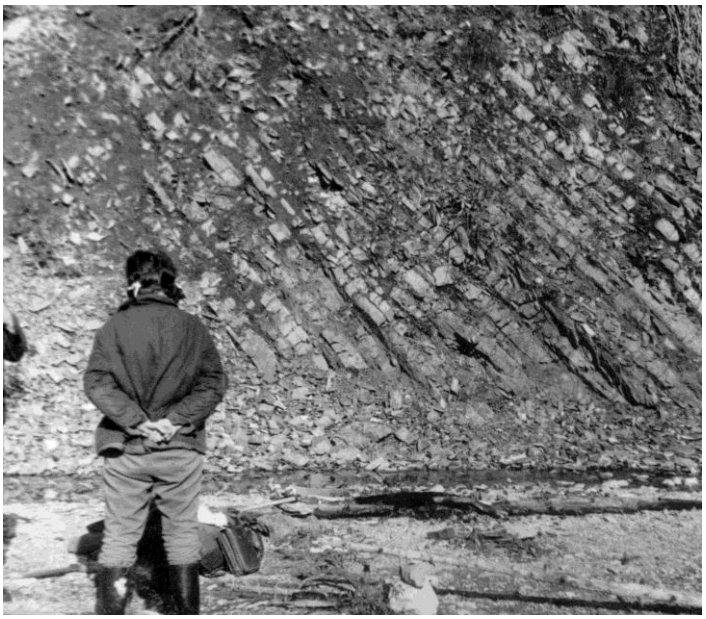
1972 г. о. Котельный. Отправляемся в поход. *М.К.Косько* «при параде» перед маршрутом

1972 г. о. Котельный. С бивнем мамонта
Слева направо: двое рабочих, геолог *В.Н.Зенков*, радист *В.Таран*

1967 г. бас. р. Омулевка. Здесь летом тоже бывает не очень жарко

1967 г. Раздумья о геологии

1967 г. Что природа натворила…, но *В.Ковехов* упорно ищет фауну

1967 г. бас. р. Колыма. Кажется, обед вкусным получился (впрочем, в поле всегда вкусно)

1967 г. Рога от убитого снежного барана

1967 г. бас. р. Колыма. Думы о геологии

1967 г. Бас. р.Колыма Оцениваю искусство стрижки коллег

1967 г. бас. р. Омулевка. Моя палатка

1984 г. Бас. р. Колыма

1984 г. Руч. Мирный (бас. р. Колыма)

Полевой лагерь участников XXVII Международного геологического конгресса

1984 г. *Р.Ф.* ведет экскурсию

1984 г. То же, ланч

1984 г. Те же

1963 г. Я любила не только лыжи, но и велосипед

1980 г. Кавголово. Я стартую

1970 г. Кавголово. Первенство по лыжам. *Р.Ф.* в ожидании старта.

1970 г. Кавголово. *Карцева Г.Н*. стартует

1970 г. Кавголово. *Соболевская Р.Ф*. финиширует

Якутия, 1951 г. Бас. р.Котуй. Мой первый полевой сезон после окончания университета

Якутия, 1951 г. Полярная сова

1957 г. Таймыр, август, р. Нижняя Таймыра. Снег, снег, лед…

1957 г. Таймыр. *Бондаренко Наталья Степановна* – покорительница Таймыра и мужчин

1957 г. Центральный Таймыр. *В.П. Орлов* и *Р.Ф. Соболевская*. Отдых во время маршрута

1957 г. Таймыр. р. Шренк. Вот так мы двигались на перекатах

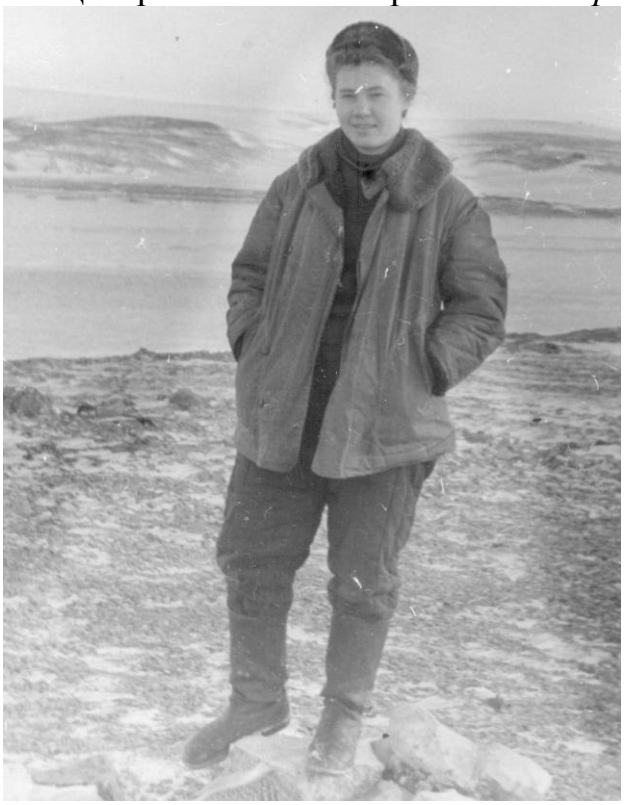
1958 г. Таймыр. Усть-Тарея. *Ю.Е.Погребицкий, Р.Ф.Соболевская*, рыба

25 июня 1958 г. Таймыр. Усть-Тарея. Во время ледохода по р. Пясине

1958 г. Центральный Таймыр. *Н.С.Бондаренко*

1957 г. *Н.С.Бондаренко*

Краса и гордость Таймыра – *Г.А.Ковалева*

1959 г. Здравствуй, поле!

1959 г. р. Траутсреттер. Собираемся в маршрут. Справа техник-радист *Володя Колопетко*

1959 г. Восточный Таймыр р. Траутсреттер Приятно все-таки найти кость мамонта!

1959 г. Сушу «лапти» - сапоги. Слева *Володя Захаров*

1959 г. Коллеги *В.И.Бондарев* (слева) и *Костя Колосков*

1959 г. *Соболевская Р.Ф. и В.И.Бондарев*

1960 г. Центральный Таймыр, бас. р. Ленивая. Иногда удавалось поймать гусенка руками

1960 г. Таймыр. В маршруте

1960 г. Таймыр. На последнем издыхании

1961 г. Восточный Таймыр, р. Коралловая. *Максим* (справа) и *Лева* – наши друзья летчики

1961 г. Таймыр. Мне грустно, мой милый друг, с тобой расставаться вдруг

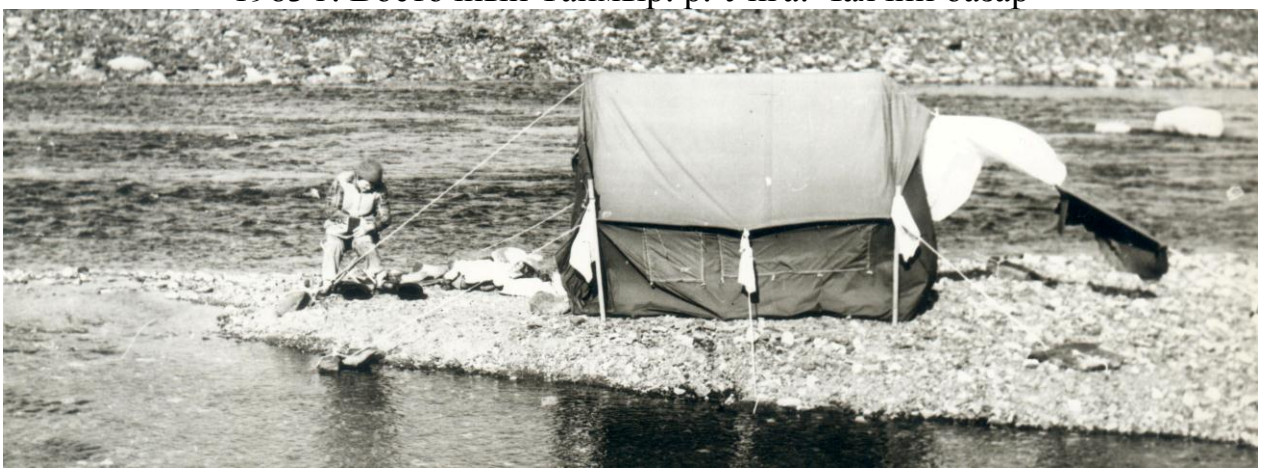
1975 г. Центральный Таймыр. Бас. р.Тарея. Красноярские геолои приехали нас перевозить. Крайний справа *Эдуард М. Красиков*, слева – *Ю.М.Мальцев*

1980 г. Таймыр. *С.А.Гулин* и *В.П.Орлов*

1983 г. Восточный Таймыр. р. Унга. Чаячий базар

1983 г. Восточный Таймыр. р. Унга. Наводнение. *Р.Ф.*

1983 г. Таймыр. Метеостанция на мысе Челюскин

1983 г. Таймыр. *А.И. Забияка*, *Р.Ф. Соболевская* и дети местных жителей

1983 г. Таймыр. Лагерь на берегу р. Широкая

1983 г. Таймыр. мыс Челюскин. Самая северная точка Евразии

1983 г. Таймыр. мыс Челюскин

1983 г. Таймыр. Вдали морж

1983 г. Таймыр. Морж близко

1983 г. Восточный Таймыр. Гурий Колчака. *Р.Ф.*

1985 г. Таймыр

Слева направо: рабочий *Алеша*, водитель, *Р.Ф.* и *Рогов Ю.Г.*

1985 г. Таймыр *Н.С.Малич* и *Р.Ф.*

1985 г. Таймыр

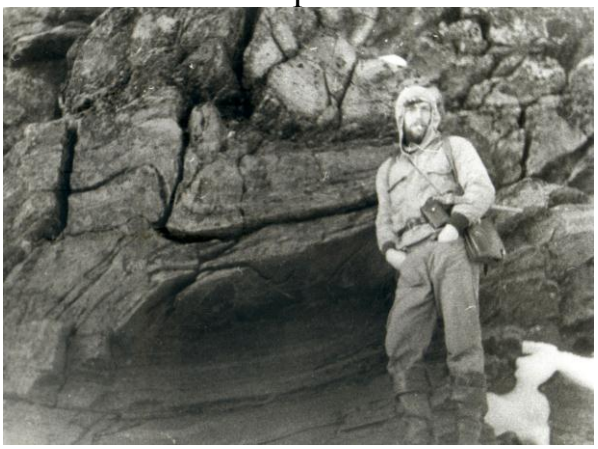
1987 г. Восточный Таймыр. *Р.Ф.* и *В.В.Беззубцев*

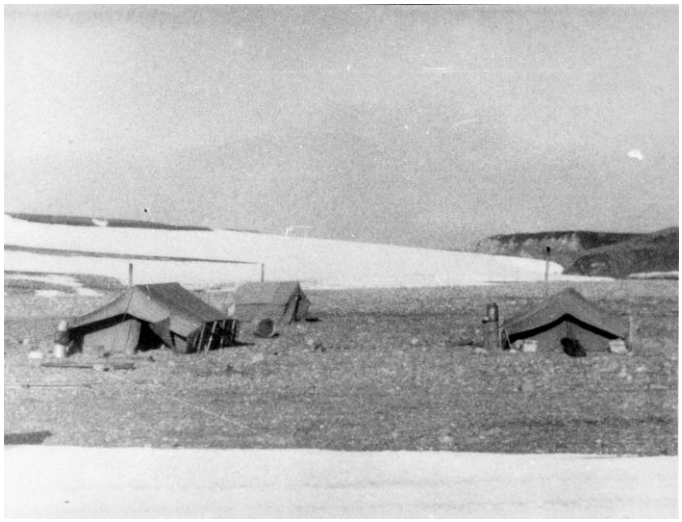
1987 г. Таймыр. *Р.Ф.Соболевская* и *Н.С. Малич* на фоне доломитовых скал колосовской свиты

1989 г. Таймыр. *В.Я.Кабаньков*. Нерешенные геологические проблемы

1989 г. Таймыр. *Вася Проскурнин* – наш младший коллега, а ныне – известный металлогенист

1989 г. Таймыр. Лагерь

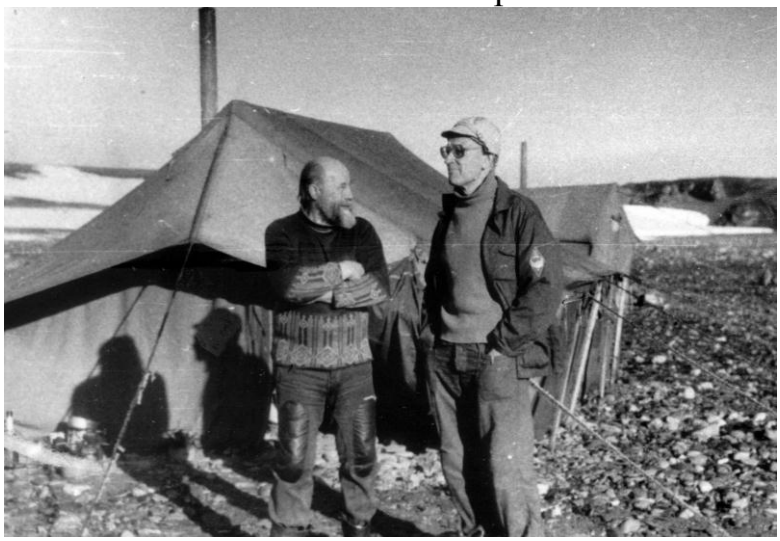
1989 г. Таймыр

1989 г. Таймыр. Слева направо: *В.И.Шкурский, Р.Ф., А.И.Забияка, В.Я.Кабаньков*

1989 г. Таймыр

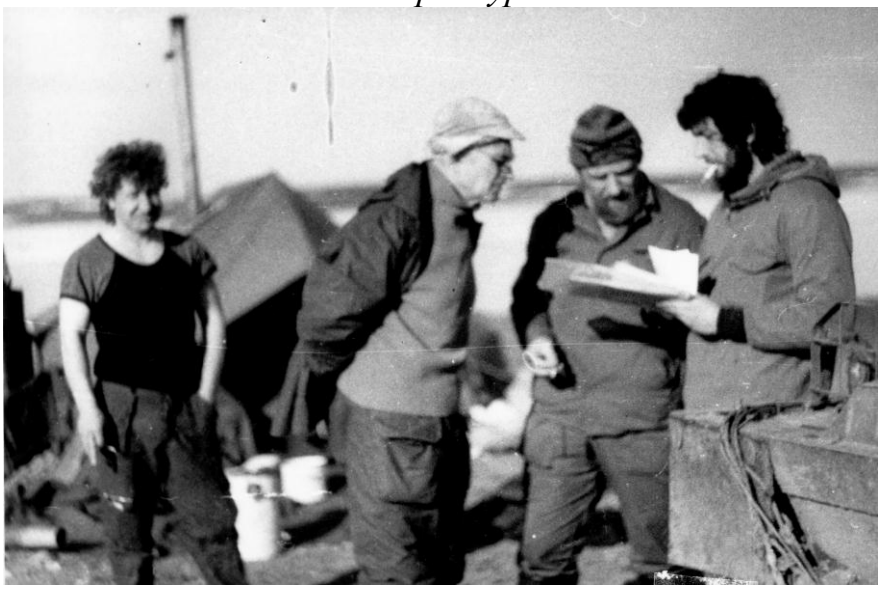
1989 г. Таймыр *В.И.Шкурский* и *В.Я.Кабаньков*

1989 г. Таймыр *Р.Ф.*

1989 г. Таймыр. Слева направо: водитель, геолог *Н.Киреева*, *Р.Ф., Ю.И.Захаров, В.Ф.Проскурин*

1989 г. Таймыр

1989 г. Восточный Таймыр. Домик-музей *И.Папанина*, который мы посетили по пути на мыс Челюскин

1989 г. Восточный Таймыр. Лагерь

1989 г. Таймыр. *Р.Ф.* и *В.Я.Кабаньков* перед маршрутом

1990 г., сентябрь. Восточный Таймыр. Лагерь на р. Унга

1997 г. Центальный Таймыр. Студент *Антоша* и геолог *В.Ю.Кузнецов*

1998 г. Таймыр. Р.Ф. с туристами

1998 г. Западный Таймыр. Геолог *В.Ю.Кузнецов* с бивнем мамонта, выкопанным на берегу р.Пясина

2004 г. Восточный Таймыр. р. Коралловая *В.Ф.Проскурнин*

о. Котельный, 1972 г., Наш съемочный отряд, руководимый *М.К.Косько*, перед первым маршрутом. Во втором ряду второй слева *М.К.Косько*, справа от него *Н.С.Бондаренко*

1952 г. Якутия. Мой второй полевой сезон. Олени отдыхают вблизи дымокура

1953 г. Якутия, бас. р. Котуй. Гусята были совсем ручными

1953 г. Якутия. Молодой олень (с рогов облезает шкура)

1953 г. Якутия, бас. р. Котуй. Богатый улов

«Пятый канал» просит об интервью

В рабочий день 1 сентября 2011 года по просьбе вдовы моего многолетнего друга *Артёма Юнова* я должен был встретить в аэропорту Пулково-2 рейс из Лондона, которым в Петербург прибывали невестка и внук *Артёма*, названный в его честь *Артёмом*. Рейс ДА0878, прибывающий по расписанию в 15:35, фактически прибыл в 15:21, в 16:00 мы были уже в такси, а в 16:50 под дождём я вышел из такси у станции метро «Проспект Просвещения» (на улицу Щербакова в районе Удельной мы из-за пробок ехали по КАДу) и около 17:30 был на рабочем месте. Здесь меня ждало полученное по E-mail'у приглашение от «5-го канала» прокомментировать только что заключенное между «Роснефтью» и американской компанией ЭКСОНМОБИЛ соглашение о совместной работе на лицензионных участках «Приновоземельской-1,2,3» в южной части Карского моря. Поскольку предложенное время встречи «сегодня в 17:00» уже истекло, решил встретиться с телевизионщиками «завтра в первой половине дня» на Мойке, 120 в каб.65, где висела прекрасная карта лицензионного состояния Баренцева и Карского морей с отлично выделяющимися (оранжевым) блоками «Приновоземельской-1,2,3». Осмотрев ее еще раз и удовлетворенный увиденным, позвонил автору приглашения – *Е.О.Калининой*, редактору программы «Главное».

Пятый канал - просим об интервью

Тема: Пятый канал - просим об интервью
От: "E.KALININA" <e.kalinina@5-tv.ru>
Дата: 01.09.2011 14:19
Кому: <onaimo@centurion.vniio.nw.ru>

Здравствуйте, уважаемый Олег Иванович!

Итоговая информационно-аналитическая программа «Главное» на Пятом канале очень просит Вас дать комментарий о богатствах Арктики в связи со сделкой, которую заключили Роснефть и ExxonMobil (на освоение арктического шельфа).
Мы очень просим Вас найти для нас время. Мы можем подъехать к Вам либо сегодня в 17.00, либо завтра в первой половине дня.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество,

С уважением,

Калинина Елена Олеговна
Редактор информационно-аналитической программы «Главное»
Пятый канал
5
197376, Санкт-Петербург, ул.Чапыгина, 6
Тел: +7 (812) 335 15 62
Моб: +7 (921) 964 50 16
e-mail: e.kalinina@5-tv.ru; http://www.5-tv.ru

– «Вы знаете, – ответила она, – мы решили всё подготовить сегодня и, поскольку Вас не застали, взяли интервью у специалиста из Горного института. Но мы будем иметь Вас ввиду… и т.д. и т.п.»

Я успокоил *Елену Олеговну*, что я – человек не публичный и переживу ускользнувшее счастье. Потом, сделав какие-то дела и поразмыслив еще немного (рабочий день уже кончился), позвонил *Татьяне Юрьевне Медведевой*, которая принимала E-mail и переживала за меня. Объяснил ситуацию с TV и спросил: – «Вы помните фильм «Бриллиантовая рука»? – Ну, так себе. – Так вот, там был эпизод, когда на глазах у *Никулина* милиционеры грузят в коляску мотоцикла смертельно пьяного человека, которого *Никулин* принимает за мертвого и говорит сопровождающему его таксисту-милиционеру: – «На его месте должен был быть я!» *Т.Ю.* неопределенно хмыкнула. – «Так вот, – продолжил я, – когда в воскресенье по 5-му каналу будет программа «Главное» с обсуждением сделки «Роснефть»-ЭКОНМОБИЛ и выступит геолог из Горного, я скажу своим домашним: «На его месте должен был быть я!»

P.S. И было воскресенье, и была программа «Главное», но репортаж о сделке получился невыразительным и мнение специалиста из Горного (без его явления народу) прозвучало как-то завуалированно. А у меня появилась мысль рассказать о случившемся в наших «Байках».

УСТРИЦКИЙ В.И.

Как начиналась геологическая съёмка в Арктике

Систематическая геологическая съёмка Арктики началась сразу после окончания Великой Отечественной войны. До этого велись лишь маршрутные исследования, да работала единственная крупная, с глубоким бурением, Нордвикская нефтеразведочная экспедиция.

Уже в 1947 г. было организовано несколько геолого-съёмочных экспедиций, одной из основных задач которых была геологическая съёмка и составление листов Геологической карты СССР масштаба 1:1000000, а для наиболее перспективных регионов – 1:200000. Объём работ существенно увеличился после создания в 1948 г. научно-исследовательского института геологии Арктики. Вскоре выяснилось, что, кроме геолого-съёмочных экспедиций, необходимо создание в рамках последних специализированных тематических партий, в основном, стратиграфических, которые и создавались по мере подготовки соответствующих специалистов.

Разворот работ в первые годы резко тормозился недостатком квалифицированных кадров. В наличии было не более двух десятков геологов, которые ещё до войны работали в геологическом отделе Арктического института и научно-исследовательском отделе Главного Геологического управления Главсевморпути (*В.М.Лазуркин, В.Н.Сакс, М.Г.Равич, Н.А.Гедройц, Ф.Г.Марков* и др.). Они и возглавили отделы вновь создаваемого института.

В связи с острым недостатком кадров, институту было дано право на внеочередное «получение» выпускников Ленинградского Горного института (напомним, что в те годы существовало распределение выпускников, часто получавших распределение совсем не туда, куда им хотелось). Если в 1947 г. в институт пришёл лишь *П.С.Воронов*, а в 1948 г. – *В.И.Устрицкий* и *А.М.Иванова*, то в 1949 г. – уже целая группа молодых специалистов (*И.С.Грамберг, З.З.Ронкина, В.Я.Кабаньков, Т.М.Пчелина*). Особенно многочисленной и сильной была группа выпускников 1953 г. (*Ю.Е.Погребицкий, В.И.Ушаков, И.М.Русаков, В.А.Милашев, В.А.Виноградов, Д.А.Вольнов* и др.). Все они уже через несколько лет стали начальниками или главными геологами экспедиций.

Работы института в первые годы были сосредоточены в центральном секторе Арктики, от Пай-Хоя до Верхоянья. Западный сектор был к тому времени изучен значительно лучше, и там уже много лет работал ряд геологических организаций и горнодобывающих предприятий (апатиты Кольского полуострова, нефть Ухты, Печорский угольный бассейн). Восточный сектор Арктики традиционно являлся вотчиной Дальстроя, допускавшего в свои владения «чужаков» весьма неохотно. Исключением являлась труднодоступная Корякия, съёмку которой вела Корякская экспедиция НИИГА.

Автор настоящих очерков с 1948 г. в течение пяти лет работал на Пай-Хое, сначала в качестве прораба, а с 1950 г. – начальником геолого-съёмочной партии. Об этих работах и будет идти речь.

Что такое Пай-Хой

Из всех регионов центральной Арктики Пай-Хой является наиболее доступным. На нём на побережье Карского моря располагаются два аэродрома, Амдерма и Усть-Кара; в первом из них есть морской порт. Летом, спасая от комаров, ненцы и коми пригоняют сюда стада оленей. В те годы таких стад было четыре и каждое насчитывало по 1,5-2 тысячи голов.

Собственно Пай-Хоем называется гряда высотой до 400 м, протягивающаяся через весь Югорский полуостров на 300 км и полого опускающаяся на северо-восток, к Карскому морю и на юго-запад, к долине реки Коротаиха. Этот пологий склон прорезан серией каньонов, глубиной до 20-25 м, великолепно обнаженных (фото 1-2) и позволяющих наблюдать все детали сложнейших дислокаций.

Лето, как правило, довольно тёплое, так что в маршрут можно было ходить в штормовке. Однако каждое лето Арктика напоминала о себе волнами холода. Так, в один из сезонов 20-22 июля разыгралась снежная пурга, и выпало сантиметров 20 снега, но через три дня от него не осталось и следа. Плоские водоразделы представляют собой типичную заболоченную тундру с обилием морошки, но в поймах рек, особенно на юге Пай-Хоя, растёт полярная ива высотой до 1-1,5 м, так что иногда можно было позволить себе роскошь в маршруте развести костерок и согреть чайку.

Поймы речек на короткое время превращаются в цветущий сад, по количеству цветов не уступающий лучшим лугам средней России, однако эта благодать продолжается очень недолго; все спешит отцвести до конца короткого полярного лета.

Живности на Пай-Хое летом было количество невероятное, хотя по разнообразию он и не может сравниться с центральной Россией. Нет того обилия воробьиных певчих птиц, из «мелочи» обильны лишь пуночки. Зато на радость геологам здесь обитают огромные стаи гусей. В разгар лета они линяют, теряют способность летать и служат великолепной добавкой к консервам (фото 3).

Количество песцов меняется от года к году и зависит от количества леммингов, которыми они питаются. (Этими же леммингами, в основном, кормятся и собаки оленеводов). Ведут себя песцы довольно нахально и регулярно пытаются что-нибудь стащить из палатки. Один из таких любителей поживы, оказавшийся между палаткой и скалой, на фото 4.

Водящиеся в изобилии зайцы, летом серые, совершенно не заметны. При рано наступающих морозах они линяют, становятся белыми и являются лёгкой добычей.

На вершинах высоток гнездятся огромные полярные белые совы (фото 5). При обилии леммингов птицы откладывают яйца в течение всего лета, поэтому в гнезде одновременно почти взрослые птицы и яйца. В одном гнезде я насчитал 14 штук птенцов и яиц.

У краёв каньонов гнездятся соколы – сапсаны. Во младенчестве белоснежные (фото 6), они очень быстро растут и превращаются в довольно грозных птиц (фото 7). Когда проходишь мимо гнезда, необходимо соблюдать осторожность, т.к. родители имеют обыкновение пикировать на тебя и довольно больно бить когтями по голове. Песцы и даже полярные совы предпочитают обходить и облетать гнёзда сапсанов стороной.

На бортах каньонов речек покрупнее, где в изобилии водятся хариусы, есть небольшие, гнёзд на 10-15 чаячьи базары – настоящее бедствие для геолога, т.к. чайки, в отличие от сапсанов, не бьют тебя, а ведут прицельное бомбометание, а пятна на одежде, на которую эти бомбы попадают, практически не отмываются.

Наиболее редкими, встречающимися лишь на скалистых берегах моря, являются гаги, вьющие гнёзда на краю береговых обрывов. На гнёздах они сидят настолько упорно, что позволяют снимать себя с 2-3 м (фото 8). Одну птицу я взял с гнезда руками, но, как только отпустил её, она снова села на гнездо.

Обзор животного мира необходимо закончить хариусами, в изобилии водившимися во всех больших и малых речках и являвшимися лакомым блюдом в варёном, жареном и копчёном виде (фото 9). Поскольку большинство речек Пай-Хоя зимой промерзает до дна, осенью хариусы уходят в большие реки – Кару и Коротаиху, а весной по большой воде поднимаются до самых верховьев речек и ручьёв, где их можно брать прямо руками (фото 10).

Первое моё знакомство с хариусами получилось довольно курьёзным. В Пайхойскую экспедицию я попал в последний момент. О хариусах я не знал почти ничего, но удочкой с леской 0,2 мм и крючками обзавёлся. Сразу после высадки из самолёта ПО-2 я занялся поисками обычной для России насадки – червей, что в условиях вечной мерзлоты оказалось делом нелёгким. (О том, что хариус хватает всё, что движется, включая блесны, я не подозревал). Обнаружив штуки три червяков, я отправился к ближайшему омуту и с двухметрового скального уступа закинул удочку. В ту же секунду последовала поклёвка и я вытащил полукилограммовую, потрясающе красивую рыбину, переливающуюся всеми цветами радуги, со спинным плавником, по высоте равным всему телу. Вторая поклёвка последовала столь же быстро, но рыбина оказалась значительно крупнее. От волнения забыв весь свой богатый рыбацкий опыт, я попробовал поднять её на воздух и вытащить на скалу. Результат оказался плачевным – леска лопнула у самой удочки. Я помчался к палатке, дрожащими руками привязал новую леску и вернулся на старое место. Поклёвка крупной рыбины последовала сразу, но, наученный горьким опытом, я вёл себя значительно осторожнее – слез со скалы, постепенно подвёл рыбину

к песчаному пляжу и уже руками выкинул её на сушу. За рыбиной из воды потянулась какая-то длинная водоросль. Взявши её в руки, я обнаружил, что это не водоросль, а моя леска, оборванная пять минут тому назад. Крючок крепко сидел в губе хариуса, что не помешало килограммовой рыбине немедленно схватить новую добычу. В последующие годы мне неоднократно приходилось ловить крупных хариусов с обрывками лесок и крючками в губе.

База экспедиции

База Пайхойской экспедиции располагалась в Воркуте – конечном пункте железной дороги, в 150-200 км от места работ. Центр города в то время (1948-53 гг.) состоял из трёх-четырёх коротких улиц, застроенных трёхэтажными каменными домами. Ранние постройки, поставленные прямо на вечной мерзлоте, часто бывали кривоваты, более поздние, поставленные на сваи, стояли нормально. Около центра располагалась крупнейшая угольная шахта.

Центр города окружало хаотическое скопление бараков и одноэтажных домишек, а ещё дальше от центра находилась серия лагерей. Обитатели последних, отсидевшие свой срок, выходили из лагеря, но не получали права уехать из Воркуты; они и составляли бо̀льшую часть населения этих лачуг. Не миновала эта участь и геологов, среди которых был и такой видный учёный как *Константин Генрихович Войновский-Кригер* – лучший в то время знаток геологии Полярного Урала. К счастью, он дожил до реабилитации и в дальнейшем жил в Алма-Ате, где я встречал его во время стратиграфического совещания.

Существовал в городе и музыкально-драматический театр. Увидев объявление о том, что там идёт опера «Севильский цирюльник», мы решили посмотреть, что же это такое. В довольно большом зале (человек на 400), с ложами по бокам, пол напоминал морские волны с амплитудой до 50-70 см (вечная мерзлота!). В оркестровой яме сидел оркестр в количестве 15-20 музыкантов. Был в наличии и дирижёр.

Моё скептическое настроение исчезло сразу с первыми звуками увертюры, а когда зазвучали голоса, я забыл, что действие происходит в Воркуте, а не в Ленинграде. Позже узнал, что все исполнители прибыли в Воркуту из лучших оперных театров страны (Минск, Одесса, Саратов и т.д.). Часть из них, отсидевшая свой срок, жила в упоминавшихся выше бараках, другая под конвоем возвращалась в лагеря. Не мудрено, что, получив возможность хоть ненадолго приобщиться к искусству, артисты выдавали всё, что могли!

База экспедиции располагалась на окраине города, непосредственно около аэродрома. Последний представлял собой грунтовую поляну, постепенно удлинявшуюся по мере того, как с развитием авиации менялись прилетавшие самолёты. Если сначала это были только ПО-2, а затем АН-2, то в дальнейшем появились ЛИ-2, а с появлением воздушной линии Москва–Воркута – ИЛ-12, а затем и ИЛ-14.

Сама база представляла собой новенький сборный домик и два больших сарая для имущества. Штат базы состоял из двух человек – начальника экспедиции *Р.П.Могендовича* – бывшего капитана КГБ (комитета государственной безопасности), подробно охарактеризованного в предыдущем выпуске «Баек», и завхоза *И.Н.Чернышева*. Ни бухгалтера, ни рабочих в штате не было. При случавшихся авралах привлекались рабочие аэропорта, мечтавшие о том, чтобы авралы случались почаще, т.к. расплата производилась дефицитным в Воркуте спиртом.

Пайхойская экспедиция никогда не была большой. На протяжении всех пяти лет существования она состояла из двух небольших партий, которые вели съёмку масштаба 1:200000. В каждой из партий было от 5 до 8 человек, не считая оленеводов. Начальниками партий вначале были *Е.Я.Радин и Б.Я.Осадчев*, а позже – *Ю.Н.Кулаков* и *В.И.Устрицкий*. В 1948-49 гг. работы начинались на восточном Пай-Хое, в 150 км от Воркуты и 250-280 км от Усть-Кары. В дальнейшем партии разошлись. Моя перешла на запад Пай-Хоя, а *Ю.Н.Кулакова* – на восток, в Зауралье. Удаление от базы существенно затруднило работы.

Транспорт

От транспорта в геологии почти всегда зависит успех работы, а с ним часто бывали сложности, особенно в первые годы работы, когда единственным транспортным средством был самолёт ПО-2. (О вездеходах мы в то время только слышали). Такой самолётик брал на борт либо двух человек, либо одного человека и до 100 кг груза. Никаких раций на борту не было, поэтому по инструкции им полагалось лететь парой. Для заброски партии в район работ приходилось делать 4-6 двойных рейсов. На самолётах летали, в основном, опытные лётчики, прошедшие школу войны и имевшие право самостоятельно подбирать место посадки (обычно песчаные косы на реках). Они нас здорово выручали, как правило, находя площадки в центре района съёмки.

При порывистом ветре болтало их изрядно. Особенно тяжело приходилось мне, получившему контузию на фронте. В любой полёт приходилось запасаться пакетами, а после посадки некоторое время ползать на четвереньках.

Не обходилось и без «ЧП». В первый год моей самостоятельной работы часть партии на двух ПО-2 благополучно высадили на большую песчаную косу на реке. К вечеру пошёл дождь, который лил два дня, и половину косы залило водой. Прилетевшие после этого ПО-2 покрутились, но всё же решили садиться. Первый опытный лётчик сел благополучно, а второй, стремясь сесть в самом начале косы, зацепился за воду, спикировал и перевернулся. Я обмер от ужаса, но лётчик вылез из опрокинувшегося самолёта как ни в чём не бывало, даже без синяков. Пилоты улетели на одном самолёте, а через два дня, когда дождь кончился и вода спала, прилетели снова на двух самолётах с техником. Опрокинувшийся самолёт перевернули, поставили на колёса, заменили сломанный винт, подчинили крылья и он благополучно улетел в Воркуту.

На следующий год мы с молодым геологом полетели (каждый на персональном самолёте!) подбирать место для высадки всей партии. В Воркуте погода была приличная, но Пай-Хой встретил нас сплошной облачностью, цепляющейся за высотки. В этих условиях самолёты потеряли друг друга. Мой лётчик, следуя инструкции, развернулся и привёз меня обратно, на базу, в Воркуту. А через два часа вернулся второй самолёт, и лётчик доложил, что, не найдя подходящей косы (большая вода), высадил геолога на вершине горки. Он предупредил нас, что еще раз на эту горку, на острые камни садиться не будет даже под угрозой увольнения.

Я начал срочно соображать, что у геолога есть. Палатка и спальный мешок есть, а вот примус, керосин и спички были в моём самолёте (никто же не ожидал, что нас не высадят вместе). А без огня в тундре скверно! Надо организовывать спасательную «экспедицию». Пилоты говорят, что могут высадить меня на площадке, находящейся на прошлогоднем планшете съёмки, а это в 45 км от места высадки геолога. Соглашаюсь немедленно и на следующий день, когда погода улучшилась, нас с коллектором здесь высаживают (коллектор – *Л.М.Марморштейн,* – ныне преуспевающий глава фирмы в США!) и мы трогаемся в путь, имея примус, керосин и лёгкую палаточку. За сутки мы добираемся до нужного места… и обнаруживаем, что старались мы зря, т.к. геолога пригрели оказавшиеся рядом оленеводы. А через неделю, когда спала вода, самолётики сделали ещё по два рейса и можно было начинать работу.

Значительно легче стало в последние два года работы, когда появились самолёты АН-2. Как и ПО-2, они не требовали специально подготовленных площадок и могли садиться на песчаные косы и галечные террасы. Но, в отличие от ПО-2, они могли сразу забрать партию со всем грузом (фото 11).

Внутри региона транспортом служили оленьи упряжки. С оленеводским совхозом заключались договоры, и нам на сезон выделялось 60-100 ездовых оленей. 4-6 оленей запрягались в ряд и по тундре тащили с приличной скоростью нарты (фото 12). Упряжка была сделана очень остроумно. Через всю шестёрку на уровне груди пропускалась скользящая кожаная шлея. Как только какой-либо олень начинал тянуть слабее, он неизбежно отставал на полметра. Это сразу было видно, и лодырь получал наказание в виде основательного тычка в зад длинным дрыном – хореем.

Вместе с оленями «арендовались» и два-три пастуха, которых иногда сопровождала и семья. Жили они в просторном конусовидном, с отверстием для дыма наверху, чуме. Остов из высоких жердей обтягивался брезентом, который зимой заменялся оленьими шкурами.

Бригады оленеводов менялись из года в год. В памяти особенно остался один, казавшийся мне почти стариком, хотя было ему лет 40. Инвалид войны, без трёх пальцев на левой руке, на фронте он был снайпером и лишился пальцев в поединке со снайпером немецким.

То, как с оленями управлялись оленеводы, вызывало у меня неподдельное изумление и восхищение. Однажды мы с оленеводом выехали на высоту, на склоне которой паслось стадо в 1500 голов. Посмотрев некоторое время на него, оленевод неожиданно произнёс: «Однако одиннадцати оленей не хватает. Наверное, ушли в долину речки» (до речки километра три). Пряча улыбку, я не стал возражать, и мы поехали к речке. Поднявшись на высотку, откуда видна долина, обнаружили группу оленей. Я пересчитал – их было одиннадцать! Как это возможно, не знаю. По-моему, перед этим меркнут все иллюзионные фокусы!

Оленеводы довольно хорошо разбирались в топографических картах. Перед полевым сезоном оговаривались срок и место, куда и когда должны были прибыть олени. К месту высадки партии они прибывали точно, а вот по времени… К 1 июля – началу полевого сезона – они не пришли ни разу! Рекордным было опоздание в 1951 г., когда олени пришли 15 августа, 250 км они шли полтора месяца! А 5 сентября по договорённости за нами должны были прилететь самолёты! Съёмка всего региона была сделана «на горбу».

Был организован своеобразный конвейер. Всей партией перетаскивали лагерь (фото 13). Потом мы с геологом ходили в маршруты, а техник и рабочий таскали образцы в базовый лагерь, куда должны были прилететь самолёты; оттуда несли продукты. За сезон я похудел на 5 кг и к концу его мог соревноваться по скорости передвижения с любым оленем!

Не считая за грех месячное опоздание, оленеводы в то же время были безукоризненно честными, и в трудные минуты на них всегда можно было положиться. Примеры тому приведены ниже.

Раций в партиях не было. В начале работ, в первые два года, пока партии работали километрах в 30-80 от Усть-Кары, раз в месяц 2-3 нарты отправлялись туда за продуктами и давали радиограмму о выполнении плана. Позже, когда работы сместились далеко от Усть-Кары, партии выбрасывались самолётом в регион со всеми запасами продовольствия, рассчитанными на весь сезон, т.е. на 2-2,5 месяца, и работали вполне автономно. К концу сезона, в обусловленный срок, они должны были прибыть на то место, где были высажены в начале лета, и ждать самолётов для вывоза на базу.

На базе у начальника экспедиции оставался примерный план передвижения по региону съёмки. В первый год моей самостоятельной работы *Р.П.Могендович* решил «новичку» помочь и послал подвернувшийся АН-2 ко мне с продовольствием. Мой лагерь они нашли, но подходящей для посадки площадки не было, и они сбросили продукты с самолёта прямо у лагеря. Результат был плачевный (фото 14). Эффект от падения мешка с мукой был очень похож на взрыв небольшой авиабомбы! Больше такие попытки снабдить нас продуктами не повторялись, но почту (газеты и письма) мы однажды неожиданно получили. Как-то на центральном Пай-Хое днём над нашими палатками на бреющем полёте несколько раз (туда и обратно) промчался огромный по тем временам самолёт (это был только что появившийся ИЛ-12).

Самолёт улетел, а через час к палаткам галопом примчалась оленья упряжка, и незнакомый оленевод торжественно провозгласил: «Начальник, тебе почта!». Это, действительно, оказались письма и свежие газеты! Уже после окончания сезона я узнал, что *Р.П.Могендович* уговорил экипаж рейсового (!) самолета Москва-Амдерма «по пути» сбросить нам почту, указав примерное место, где мы должны быть. Не заметив наши зелёные палаточки на фоне зелёной травы, лётчики сбросили почту у первого, какой увидели, чума. И через час почта была у меня. Пришлось гонцу налить порядочную стопочку!

Сами полевые работы заключались, как и обычно, в детальном осмотре и описании хорошо обнаженных каньонов рек, отборе образцов пород и менее детальном осмотре слабо обнаженных водоразделов. В этом отношении они ничем не отличались от работ во всех других регионах Арктики, поэтому ниже я остановлюсь лишь на случаях необычных, нарушающих размеренную, привычную полевую жизнь и работу.

Смерть геолога

1952 г. Наученный горьким опытом предыдущих лет, когда оленеводы прибывали к условленному месту с месячным опозданием, я отправил в Усть-Кару, откуда должны были прибыть олени, геолога, чтобы ускорить их движение и привести в условленное место. Несколько раньше намеченного срока, благо весна была ранняя, вся партия одним рейсом самолета АН-2 прибыла на место. Погода была прекрасная, и я довольно быстро обследовал ближайшие окрестности, а оленей всё нет и нет. По опыту предыдущего года палатку, спальные мешки и немного продуктов – на горб и перетащили лагерь километров на 8. На косе, куда нас высадили, оставили на шесте большое белое полотнище и записку с указанием, где мы.

Через несколько дней в лагере неожиданно появляется геолог, который шёл с оленеводами.

- А где олени?

- Я их оставил в 10 км. Не могу я больше с ними. У них одно слово «Олень устал». Сказали, что завтра придут.

Ни завтра, ни послезавтра олени не пришли. Огорчённый, я предложил парню пройти по знакомой дорожке и привести оленеводов. Утром он ушёл, а к вечеру пришли оленеводы со всем стадом, но без геолога. Когда он не появился и к утру, стало ясно, что что-то случилось и четыре упряжки оленей (три оленевода и я) отправились на поиски. Долго искать не пришлось – в 3 км от лагеря, на прямой дорожке от предыдущей стоянки мы нашли труп. Парень только что перешёл ручей (голенища сапог подняты) и лежал на склоне. Никаких повреждений нет, что случилось, – непонятно. Положение хреновое. Ближайшая радиостанция и аэропорт в Амдерме, за 100 км. Я пришёл к бригадиру оленеводов и сказал, что надо отвезти труп, составленный акт и радиограмму начальству в Амдерму. Он молча кивнул головой, и через час две лучших упряжки оленей были готовы. Как я узнал позже, он «по пути» нашёл

«чужое» стадо оленей, сменил там упряжки и за сутки (!) добрался до Амдермы! В тот же день прилетел спецрейс АН-2 и тело было доставлено в Воркуту. Врачебная комиссия, которой обстоятельства смерти не сообщались, дала неожиданное заключение – смерть от отравления угарным газом – случай наиболее частый в воркутских шахтах, но невероятный в тундре! Не более понятным стало и заключение повторно созданной комиссии – смерть от переохлаждения (в тундре в те дни было +20ºС!). Наконец, лишь третья (!) комиссия пришла к правдоподобному выводу о том, что смерть – следствие паралича сердечной деятельности.

Страшная находка

1948 г. – первый год моей работы на Пай-Хое. Лагерь у подножья Уральского хребта, и мне предстоит маршрут на гору Константинов Камень – самую северную гору Урала высотой около 500 м. Поднимаюсь по склону, записываю всё, что вижу по пути в полевую книжку, добираюсь до вершины и замираю от восторга (ведь это – двадцатилетний мальчишка, впервые попавший в горы!). На юг уходит цепь постепенно поднимающихся к югу заснеженных вершин, а на север – обрыв и плоская низкая тундра; на горизонте видна Байдарацкая губа Карского моря. Налюбовавшись этой картиной, возвращаюсь в лагерь.

Вечером из маршрута возвращается другой геолог, который ходил на те же самые горные пики высотой до 1000 м, которыми я любовался с Константинова Камня, и сделал там необычную, к геологии не имеющую отношения находку. На склоне самой высокой горы, в 100 м ниже вершины он нашёл вытаивающий из снежника кусок дюраля и … несколько бумажек с грифом «секретно»!

На следующий день почти вся партия, кроме меня (я доделывал Константинов Камень) полезла на гору, где была сделана страшная находка, и метрах в 50-70 ниже вершины они нашли обломки самолёта ЛИ-2 и останки людей.

Когда о находке сообщили в Воркуту, оттуда прибыла целая экспедиция. Оказалось, что зимой 1942 г., во время войны, в Москву на совещание собирали начальников полярных станций со всей Арктики. Самолет, на котором они летели из Диксона в Усть-Кару, дав радиограмму: «Иду на посадку через 15 минут», исчез без следа. По-видимому, из-за ошибки штурмана, он в облаках врезался в вершину самой высокой, единственной на десятки вёрст вокруг горы.

Полярной ночью искать самолёт было невозможно. Зима была снежная и остатки самолета не смогли найти и следующим летом. Так они там и лежали, пока на них не наткнулись геологи.

Наш «Ледовый поход»

1951 г. Закончив съёмку, мы к обусловленному сроку ждали самолёта на хорошо знакомой лётчику косе. Осень была ранняя и уже в начале сентября на талую землю легло сантиметров 15-20 снега.

В обусловленный срок появился самолёт. Однако это был не АН-2, а уже подзабытый нами маленький ПО-2. Лётчик привёз нам кучу вкусных вещей и записку от начальника экспедиции *Р.П.Могендовича*, примерно такого содержания: «У *Ю.Н.Кулакова* на Ямале сложилась очень сложная ситуация, поэтому я вынужден направить самолёт АН-2 туда. Самолетов в Воркуте нет. Сообщите, не сможете ли Вы самостоятельно на оленях добраться до Воркуты (очень прошу)». С *Р.П.Могендовичем* у меня были прекрасные товарищеские отношения и я понимал, что без крайней нужды он просить не будет. Но… до Воркуты 200 км, лежит снег. Оленеводам нужно не в Воркуту, а в Усть-Кару, это крюк километров 250. Отправив самолетом единственную в партии женщину, я пришёл к оленеводам и прочёл им записку. К моему изумлению, они даже не колебались («надо – значит надо»). И мы отправились в самый трудный в моей геологической практике поход. Большую часть пути пришлось идти пешком, т.к. нарты перегружены. Лежит 15-20 см снега, под ним незамёрзшее болото. Для лагеря выбирали места повыше, из ближайшей долинки приносим и расстилаем ивняк, на который кидаем оленьи шкуры и спальные мешки. Но ивняк – это не еловые лапы, от воды спасает мало; в результате всё мокрое. Бр-р-р! Да и рацион наш разнообразием не отличается, т.к. продукты подходят к концу (спасибо оленеводам, иногда подкидывают оленины).

Так бредём 10 дней. Когда до Воркуты остаётся километров 30, т.е. два дня хода, я обнаруживаю, что натёр ногу, она распухла и идти не могу (это случилось первый и последний раз в жизни).

Оленевод запрягает шестёрку самых сильных оленей, и мы за шесть часов добираемся до базы в Воркуте, благо, немного подморозило и нарты идут легче. Вхожу в помещение базы и именно в эту минуту чувствую, что нарыв на ноге лопнул и я снова стал человеком!

Нас с оленеводом накормили, напоили не только чаем и уложили спать. А через несколько часов мы были разбужены неожиданной стрельбой на прилегающем аэродроме. Оказалось, что сделав последний 30-ти километровый переход, партия прибыла в Воркуту и прямо со всеми оленями по лётному полю, мимо стоящих самолётов ИЛ-12 добралась до базы. *Р.П.Могендович*, вспомнив хорошо известный по «Хождению по мукам» *А.Н.Толстого* ледяной поход корниловских добровольцев от Ростова до Краснодара, назвал наш переход малым ледовым походом.

Осень на Пай-Хое

1950 г. Кроме геологической съёмки, мне по плану необходимо осмотреть проявления марганца на соседнем планшете на р. Силова и дать заключение, нужно ли там ставить разведочные работы. Предполагалось, что по окончании съёмки я на оленях заеду в Усть-Кару, пополню запасы продуктов, дам радиограмму на базу и поеду на Силову. Однако, всё пошло не так.

Я задержался со съёмкой (первый год самостоятельной работы; естественно, хотелось сделать её хорошо). Заезд в Кару – это 100-120 км пути

туда и обратно, а на дворе уже начало сентября. А тут ещё появилась возможность переправить в Усть-Кару радиограмму с оленеводом из другого совхоза и сообщить, что я задерживаюсь в поле. Правда, продуктов на четыре-пять дней, но я сосчитал, что больше мне на Силове и не нужно.

Прибыв туда, я быстро понял, что ограничиться просто отбором образцов не получится. Для объективной картины нужно примитивное, но бороздовое опробование. Это дело не трёх-четырёх дней, а продукты кончаются!

Выход нашёлся неожиданно. В регионе оказалось невероятное, никогда мною не виданное количество зайцев. Обязанности в партии распределились быстро. Двое рабочих били борозды, техник документировал, я вечером принимал работу, а утром ставил задачу и уходил… стрелять зайцев с малокалиберной винтовкой. Зайцы к тому времени уже полиняли и стали белыми. Днём они залегали на бортах каньонов и на фоне чёрных пород были видны метров за 300. В результате я за 2-4 часа охоты добывал 5-6 штук. К тому времени из продуктов у нас оставались только сахар, чай и немного муки. В результате меню в течение недели было довольно однообразным: на примусе варилось ведро зайчатины, а когда она бывала готова, туда высыпалась кружка муки. Однообразно, но сытно.

Первую неделю стояла прекрасная тёплая погода, потом похолодало резко. При ясном небе и полном безветрии температура упала сначала до -10º, а затем и до -20ºС! Мешки из собачьих шкур у нас были тёплые, но залезать в них при такой температуре – бр-р-р! Залезашь в одежде, в мешке постепенно раздеваешься и оставляешь одежду в мешке. Утром в мешке же её одеваешь и сразу же – в меховую куртку. Если учесть, что дров нет и развести костерок невозможно, было очень неуютно! Но никто не получил даже насморка.

Окончив работу, направились в Усть-Кару. По пути предстояло форсировать реку Кара – довольно большую, шириной метров 70-100. Подошли к реке и обнаружили, что на ней у берегов 10-20-ти метровые полосы молодого тонкого льда и только посередине – чистая вода. Ни на оленях, ни на клипперботе не перебраться.

Оленеводы разъехались вверх и вниз по течению реки и один из них, вернувшись, сказал, что он нашёл место для переправы километрах в 15 выше по реке. Оказалось, что здесь молодой лёд только у нашего берега, а у противоположного его нет. Оленеводы хореями – длинными шестами, которыми погоняют оленей, разломали лёд у нашего берега и на клипперботе перебрались на другой берег, прихватив с собой конец тонкого шнура, другой конец которого остался на нашем берегу. В дальнейшем по этому шнуру туда и обратно курсировал клиппербот. За день удалось перебросить всё наше снаряжение. А после этого загнали в реку всё оленье стадо (голов 60-70), которое благополучно переплыло реку (это в 20-градусный мороз). А на следующий день по заболоченной, покрытой льдом, как по катку, тундре мы за 6-8 часов преодолели 40 км и прибыли в Усть-Кару. А уже на следующий день

вместо ожидавшихся ПО-2 впервые прилетел АН-2, забрал всю партию и доставил её в Воркуту.

Бывает и такое!

Несостоявшееся открытие

1952 г. На юго-западном Пай-Хое в основании высокого обрыва, сложенного мореной, нахожу выход плотных глин с массой хорошо сохранившихся двустворок. Очень похоже на мезозой, которого здесь ещё никто не видел.

В Ленинграде приношу двустворки на определение довольно известной женщине – палеонтологу. Первая реакция: «Ой, какая необычная фауна! Я сразу определить не могу, зайдите через недельку».

Захожу через недельку и получаю список фауны и заключение о возрасте – нижняя юра. К тому времени я уже знал, что нижняя юра – время максимальной регрессии и морских отложений этого возраста поблизости нет. Рисуя в уме различные палеогеографические картины и держа фауну в руках, иду по коридору к своему кабинету и встречаю *С.Троицкого* – специалиста по четвертичным отложениям.

- Что призадумался, *Виталий*?

- Да вот, получил заключение очень интересное. Первая находка фауны нижней юры в регионе. Думаю, откуда же тут море.

- А ну, покажи-ка фауну… Да какая же это нижняя юра? Это же шаблонная нижнечетвертичная фауна!

- Ну вот же у меня заключение!

- Ну, не веришь мне, пойдём к *В.Н.Саксу*, благо стоим у его кабинета! (*В.Н.Сакс* в то время был лучшим знатоком мезокайнозоя Арктики).

Заходим. *В.Н.* одевает очки, внимательно рассматривает ракушки и, вздохнув, смущенно говорит: «*Серёжа*, конечно, прав, это типичная нижнечетвертичная фауна».

- А что же мне делать с заключением?!

- Забыть! Бывает и на старуху проруха!

Так моё открытие и не состоялось. А ведь могло бы, не попадись мне *С.Троицкий*!

Как я «закрыл» альпийскую складчатость на Пай-Хое

Ешё с тридцатых годов на восточном Пай-Хое, в окрестностях Карской губы были обнаружены оригинальные туфобрекчии с размером обломков пород в них до 1 м. Они долгое время считались результатом фреатического взрыва вулкана, возраст оставался не вполне ясным (сейчас установлено, что это результат падения крупного метеорита).

В 1938 г. геолог, впоследствии видный профессор, обнаружил на р. Сла-Яха в туфобрекчии пласт угля, мощностью 35 см, падающий под углом 50º, и расположенные рядом морские отложения сантонского яруса. На этом основании он предположил, что дислокации мезозоя обусловлены альпийской складчатостью. Данные были настолько убедительными, что вошли в ряд сводных работ *Н.С.Шатского* и др.

В 1950 г., первом году моей самостоятельной работы, обнажение мезозойских пород (а оно было и остаётся единственным выходом мезозоя на Пай-Хое) оказалось на моём планшете съёмки. Придя к нему, я обнаружил, что на первый взгляд здесь всё так, как и было описано предшественником. Смущало меня, однако, положение пласта угля в туфобрекчии – не самом подходящем месте для углеобразования.

На следующий день я попросил рабочего расчистить пласт угля, а сам занялся сбором иноцерамов в почти не слоистых сантонских отложениях. Сразу же бросилось в глаза, что крупные, до 12 см иноцерамы залегают в породе совершенно горизонтально (в отличие от угля). Пока я это осмысливал, раздался крик рабочего: «*Виталий Иванович*, уголь кончился!». Прибежав туда, я обнаружил, что уголь действительно кончился, т.к. представлял собой глыбу, попавшую в туфобрекчию, как и весь остальной обломочный материал, сверху, при осаждении материала, выброшенного при падении метеорита.

С тех пор упоминаний об альпийской складчатости на Пай-Хое в литературе не было.

Фото 1. Каньон р. Хей-Яга на юго-западном склоне Пай-Хоя

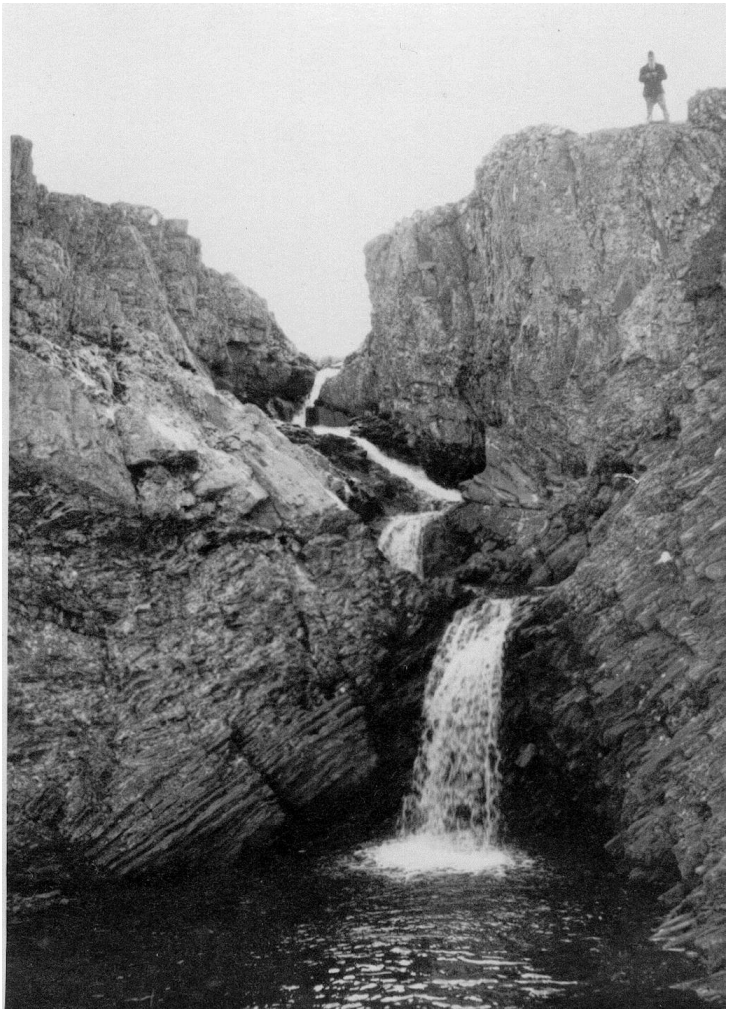

Фото 2.Водопад на притоке р. Хей-Яга

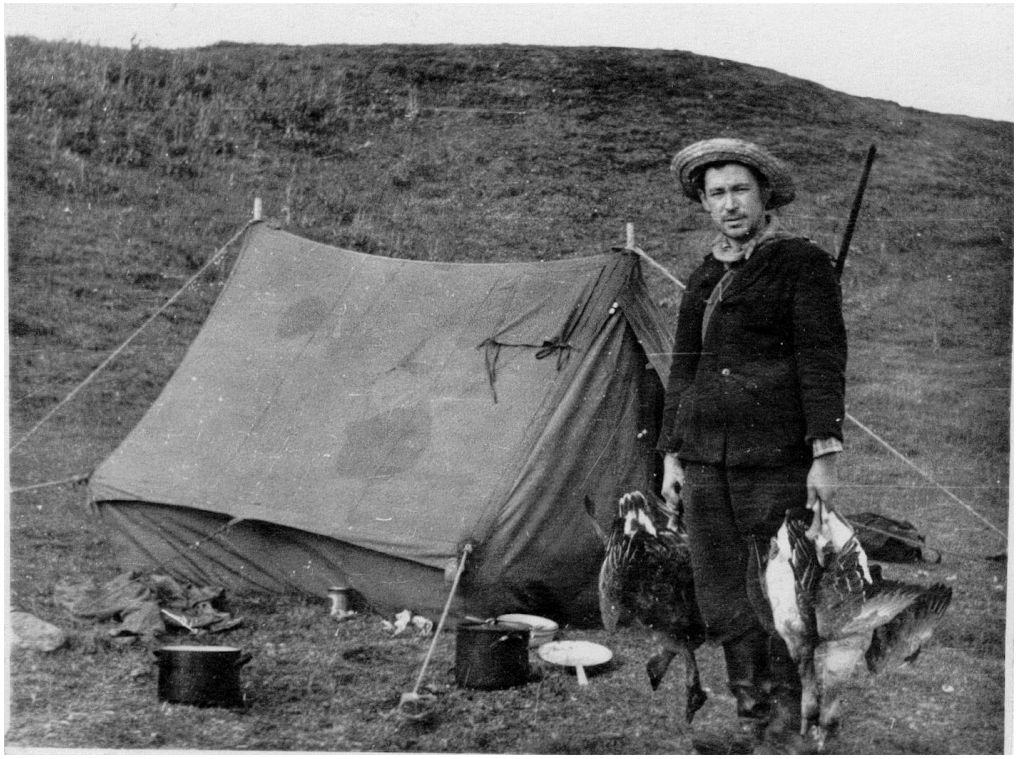

Фото 3. После удачной охоты

Фото 4. Молодой песец пришёл к палатке в надежде поживиться

Фото 5. Вот такая птичка! Эта ещё не умеет летать

Фото 6. Птенцы сокола – сапсана в гнезде

Фото 7. Почти взрослый сокол – птица, уже довольно грозная

Фото 8. Гага на гнезде. Я взял её в руки, но, как только отпустил, она снова села на гнездо

Фото 9.Вялятся хариусы

Фото 10. Хариусы в ручье

Насколько же чиста вода!

Фото 10. Впервые нас высадил АН-2. Пилоты ушли ловить хариусов. *Г.П.Сосипатрова* готовит обед

Фото 12. Готовы в маршрут!

Фото 13. Олени опять не пришли, переносим лагерь

Фото 14. А ведь это был ящик сливочного масла!

Необычная находка

Полярная станция на Таймырском озере существовала давно, однако первые геологи, *В.А.Вакар* и *Л.А.Чайка,* добрались сюда только в 1946 г. Трагическая история этого времени блестяще описана *Л.А.Чайкой* («Байки и были», вып. 2, 2010), здесь только один смешной эпизод.

Весной зимовщики решили отремонтировать баню, которая топилась по-чёрному. Разобрали каменку, выкинули старые камни и сложили из новых. Проходя мимо бани, *В.А.Вакар* заинтересовался камнями, из которых была сложена старая каменка (геолог же, не может пройти мимо!).

Один из камней его заинтересовал, и он поднял его. Камень диаметром сантиметров 12-15 оказался почему-то очень тяжелым. *Вакар* отмыл его и ахнул – перед ним было чистое самородное серебро (!). Образец представлял собой половину более крупного камня. На свежем изломе было видно, что это известняк с очень густой сетью прожилков серебра. Со всех остальных сторон камень был покрыт серебряной рубашкой – слоем чистого серебра, толщиной 1-1,5 см.

Никаких известняков вблизи полярной станции не было, ближайшие выходы этих пород находились километрах в 40-50, но и там никто из геологов серебра не видел.

Эта находка так и осталась единственной на Таймыре. Она долго лежала в сейфе у директора НИИГА *Б.В.Ткаченко*, который мне её и показывал. Дальнейшую судьбу образца не знаю.

Первые барды НИИГА

В научно-исследовательском институте геологии Арктики (НИИГА) стихоплетством занималась бо̀льшая часть сотрудников. Видимо, к этому располагала арктическая экзотика и романтика полевых работ (а «в поле» в те годы выезжало три четверти сотрудников института). Не удивительно, что из института вышли два профессиональных поэта: *А.М.Городницкий* и *О.А.Тарутин*.

Примечательно, что их лучшие вещи, открывшие им дорогу в литературу, были написаны тогда, когда оба ещё работали в институте. *О.Тарутин* вообще после ухода из института печатался очень мало и без успеха. *А.Городницкий* небольшим тиражом выпустил несколько сборников стихов, но широко известными, как его ранние стихи и песни, они не стали. На его творческих вечерах, на которых я бывал неоднократно, а ещё больше видел по телевизору, публика вежливо, но весьма сдержанно аплодировала его новым вещам, но неизменно требовала исполнения «Перекатов», «Не матерись», «Кожаных курток», «У Геркулесовых столбов» и других ранних стихов, написанных в экспедициях.

В настоящем очерке речь пойдёт о стихах трёх совершенно разных, но талантливых людей, к сожалению, давно ушедших из жизни: *Н.Н.Самсонова, В.И.Захарова* и *И.С.Грамберга*.

Н.Н.Самсонов

Николай Николаевич Самсонов был талантливейшим геофизиком – первым лауреатом Сталинской премии в институте. Он был оригинальнейшим человеком, всегда имевшим своё мнение по любым вопросам, включая политику партии. Его острые критические высказывания, естественно, не прошли «незамеченными». Он был арестован, несколько лет перемещался из тюрьмы в сумасшедший дом и обратно и умер в безвестности.

Стихов специально Н.Н. не писал вообще. Однако в дружеских беседах (а нас объединяло увлечение шахматами, которые он брал в руки редко, но играл блестяще и, несмотря на мой первый разряд, поколачивал меня изрядно) посреди разговора, он вдруг по обсуждаемой теме без раздумья выдавал четверостишие, приводившее в восторг окружающих. Это и позволяет включить его в список бардов.

К сожалению, ни я, ни он никогда не записывали эти творения, и из них в памяти сохранились лишь два в пересказе *И.С.Грамберга*, которому они очень нравились.

1948 г. *Н.Н.Самсонов*, а вместе с ним и *И.С.Грамберг*, только что поступивший в институт, прилетают в Нордвикскую экспедицию – первую нефтеразведочную экспедицию в Арктике. Аэродром, на который садятся обычные для того времени самолёты – ЛИ-2, – на косе, посёлок – в двух километрах на террасе.

Самолёт встречают несколько человек. Один из них представляется: «Зам. начальника экспедиции *Маломуд*». Второй – «Начальник транспортного отдела *Маломуд*».

- Братья?
- Братья!
- (С улыбкой) Вас тут двое, или ещё есть?
- Нет, двое.
- Ну, поехали в посёлок.
- (С некоторым смущением) Понимаете, вездеход, на котором мы приехали, подломался, придётся идти пешком.

С такой же неизменной улыбкой:

- Я с Нордвиком знаком едва,
Сужу о нём не строго:
Здесь Маломудов только два,
Но …удаков здесь много!

Пошли!

***

Идёт заседание техсовета экспедиции. Заседание в самой большой комнате, с 4-5 рядами стульев и столом председателя. Поскольку посёлок невелик и электричество получает от автономного дизеля, перебои бывают довольно часто. На этот случай у председателя на столе керосиновая лампа и свечи.

Слушается отчёт геолога *И.М.Мигая* по итогам работ на востоке Таймыра. Как и полагается, слушают доклад *Мигая* и начинается обсуждение. В этот момент гаснет свет и зал погружается в темноту. Поскольку это явление не представляло редкости, в президиуме зажигается лампа и прения продолжаются. Все выступающие дружно ругают *Мигая*. И план недовыполняет, и фауна не собрана, и разрезы плохо описаны, и пласты угля не опробованы и т.д. и т.п.

В этот момент вспыхивает электрический свет. Все, естественно, поворачиваются посмотреть на критикуемого *Мигая*, сидящего на последнем ряду и видят картину: *Мигай* мирно спит, свесив голову на грудь. Рядом сидит улыбающийся *Н.Н.Самсонов*, а на шее спящего *Мигая* висит лист бумаги, на котором крупно написано:

Я тихо сплю
И мирно дышу,
Меня <u>все бьют</u>,(в оригинале было короче и выразительнее)
А я не слышу.

<u>В.И.Захаров</u>

Владимир Иванович Захаров с 1948 по 1968 г. был бессменным зам. директора НИИГА по общим вопросам (а фактически – по хозяйству). Он руководил восстановлением здания НИИГА на Мойке 120 и строительством лабораторного корпуса в самые сложные послевоенные годы. Несмотря на отсутствие высшего образования, был человеком удивительно остроумным, умевшим видеть смешное в самых, казалось бы, не смешных ситуациях, о чём говорит хотя бы публикация в первом сборнике «Баек» рассказа о том, как кандидаты за грибами ездили. Ни один праздничный вечер (а они в НИИГА тех лет устраивались регулярно) не проходил без дуэта *В.И.Захарова* и *Ю.Н.Кулакова*, исполнявших «захаровские» злободневные куплеты под «кулаковскую» гитару. Одна из таких песенок и предлагается читателю; она написана к пятидесятилетию зам. директора по науке *М.Г.Равича*:

У меня в сердце боль –
Были кудри, как смоль,
Их осталось очень мало,
Видно, съела кудри моль.
У меня в сердце грусть.
Если глубже заглянуть,

Оттого, что потому что
Молодости не вернуть.
Я хожу, я брожу,
В перспективу я гляжу,
Утешительного мало
В перспективе нахожу.
Что судьба мне сулит,
Ишиас или колит,
Или может геморроем
Невзначай повеселит?
В нас огонь не погас,
Хоть уже не первый класс.
С грустью я гляжу на ножки –
Не про нас тот ананас.
Не впадай, друг мой, в транс -
У тебя есть в жизни шанс –
Куроводство, пчеловодство,
И пасьянс, и преферанс.
А впрочем, наплевать,
Не стоит горевать.
Я про беду мою
Потом подумаю.
Сегодня же, друзья,
Как прежде, молод я
(Пусть не физически –
Психологически).

***

В 1972 г. *И.С.Грамбергу* исполнилось 50 лет и тогда же ему был предложен пост генерального директора вновь образованного научно-исследовательского научно-производственного объединения «Севморгео». По этому поводу *В.И.Захаров* за юбилейным столом вручил *Игорю Сергеевичу* статуэтку коня, сопроводив её следующими стихами:

Прими в подарок от меня
Коня, задравшего копыта!
А в позе этого коня
Мысль философская сокрыта: -
Устав от скачек, от погонь
Он поднял вверх свои четыре…
Не поступай, как этот конь,
Держись на двух в подлунном мире,
Когда ж тебе высокий пост
Москвою будет вдруг предложен,
Не поджимай в испуге хвост
И не отбрыкивайся тоже!

Я дам ещё один совет –
/Хоть он, быть может, и избитый/,
Ты не откидывай копыта
По крайней мере, до ста лет!!!

И.С.Грамберг

Игорь Сергеевич Грамберг – многолетний директор НИИГА – НПО «Севморгео» - ВНИИОкеангеология писал стихи всю жизнь. Как правило, это были строчки, полные свойственного автору юмора. Писал И.С. необыкновенно быстро, часто выдавал экспромты, почти не задумываясь.

В процессе работы над кандидатской диссертацией и написания реферата ему пришла в голову мысль: «А почему бы не написать его стихотворный вариант?». И за два дня такой вариант объёмом 16 стр. был написан! К сожалению, на защите диссертации он не фигурировал и в дальнейшем потерялся.

Когда И.С. стал директором НИИГА, а затем генеральным директором НПО «Севморгео», времени на написание стихов у него почти не оставалось, и он писал, в основном, смешные поздравления друзьям – юбилярам. В связи с этим и бо̀льшая часть приводимых в сборнике стихов относится к 1946-1960 гг.

***

1946 г. После третьего курса четыре студента попадают на практику в Северную Карелию, в экспедицию, занимающуюся поисками пегматитов. Четыре студента – это *И.С.Грамберг*, *Петя Строна* (в дальнейшем – зав. кафедрой полезных ископаемых Ленинградского Горного института), *Володя Доливо-Добровольский* (в дальнейшем – зав. кафедрой петрографии того же института) и *я*. Возникшая тогда дружба сохранилась на десятки лет, до конца жизни первых трёх.

Как обычно, выезд в поле затягивался, и тогда я услышал от *И.С.* первое стихотворение:

Мы живём в довольстве
И почти что в холе,
Лишь нету продовольствия,
Да не пускают в поле.
Лишь Петя наш покой смутил
Однажды без возврата
Когда внезапно предложил
Создать очаг разврата.
Но создать очаг без Евы –
Трудная задача.
Подвернулась только б дева –
Вот была б удача.

И удача липнет к Пете –
Двери отворяются;
Краше всех других на свете
Дева появляется.
Игорь с Витей рады.
Во всём ей угождают,
Поют ей серенады,
Блинами угощают.
Петя ей бросает
Свой могучий взгляд,
Дева понимает –
Хода нет назад.
Быстро соглашается
С Петей в лес пойти,
А друзья ругаются –
(«Чёрт его дери!»)

(В оригинале ругательство было несколько более крепким).

***

1952 г. Мы с *И.С.* и *Василием Яковлевичем Кабаньковым* – аспиранты Арктического института. Вместе с нами в аспирантуре девушка *Надя* (фамилию не помню). Тема её диссертации – «Перекаты реки Лены» (по Лене речными пароходами шла и идёт бо̀льшая часть снабжения Якутии).

На лекции по основам диалектического материализма я сижу между *Надей* и *Игорем*. *Надя* передаёт лист бумаги. Читаю.

Пропадаю я, ребята,
С диссертацией своей –
Хватит темы «Перекаты»…
До конца печальных дней.

Сдерживаясь, чтобы не смеяться в самый неподходящий момент, передаю записку *Игорю*. Через три минуты записка передаётся обратно со следующей припиской:

Знаешь, Надя, «Перекаты» -
Приотличнейшая тема.
Если платится зарплата –
Перекаты – не проблема.
С получением зарплаты
Выпей крепче, и в итоге
Ты любые перекаты
Повстречаешь по дороге.

***

Кончается аспирантура и идёт работа над диссертацией...

Уж ветер от акации
Приносит аромат,
А я над диссертацией
Просиживаю зад.
И тянутся дни нудные,
Пока среди воды
Найдёшь две мысли скудные –
Чужих потуг следы.
Найдя же мысль толковую –
Хватай, твоя по праву.
Придай ей только новую
Словесную оправу.

***

Как и большинство сотрудников НИИГА в 60-70 гг., *И.С.* почти каждый год отправлялся на полевые работы. Четыре полевых сезона он провёл на Таймыре. Написанные в это время вирши стали песнями, без которых не обходилось ни одно дружеское застолье.

Кушать любил помногу,
Диван пролежал до дыр.
Эта прямая дорога
Меня привела на Таймыр.
Ем я гусей и уток,
Рано ложусь я спать.
Только за трое суток
Никак не могу по ка-ка-ка…
Как ни смешно и обидно
Мне изгаляться тут,
Всё ж из палатки видно,
И надо идти в маршрут.
Вот впереди обнажение.
Надо к нему идтить.
Только такое движение
Может мне навредить.
Зачем на вершину топать,
Словно портянка, преть,
Ежели её в бинокль
Можно и так рассмотреть.
Тру себе только ноги я,
Да времечко рву у сна.
Эта вся геология
Мне уж давно ясна.

К случившемуся в это время юбилею *Ф.Г.Маркова* – одного из первых исследователей геологии Таймыра – было добавлено и спето на торжественном заседании ещё четверостишие:

Зачем нам бродить, как медведям,
Сапоги протирать до дыр,
Ежели сам Марков Федя
Уже изучил Таймыр.

Иногда в палатке рождались и вещи лирические:

Не поймёшь, то ли ночь, то ли день,
И простор не охватишь взглядом.
Неотступная, словно тень,
Ты со мною шагаешь рядом.

Я иду, и твоя нога
Отпечаталась легким следом;
Видно, крепко вчера пурга
Обвенчала нас белым снегом.

Скоро месяц, как только она,
Только путь без конца и начала.
Оттого ли в глазах печаль,
Или, может быть, ты устала?

Надоел моховой ковёр,
Утомили крутые склоны.
Или, может быть, до сих пор
Часто снятся родные клёны.

Ленинградские острова,
Уходящие стрелкой в море,
Стерегущая их Нева,
Крылья яхт в голубом просторе.

Вот опять потеплел твой взгляд
И шаги словно твёрже стали.
Я бы сам повидать их рад,
Только ждут нас другие дали.

Очень часто И.С. писал эпиграммы; две из них сохранились в памяти.

В 50-60 годах в НИИГА работал геолог *А.А.Межвилк*. Хороший геолог, нач.партии, он был человеком удивительно невезучим, и приказы с выговорами и другими взысканиями появлялись довольно часто. Однажды на доске приказов рядом с очередным выговором *А.А.Межвилку* появилось четверостишие:

Проштрафился опять Межвилк
И клизма уж готова.
Куда же ставить?
То ли меж вилк,
Толь меж чего-нибудь другого?

Бывали иногда эпиграммы и довольно суровые.

В.Д.Д.

Ворчун, крикун и забияка,
Он темы тянет, не тая.
Все знают – этот дядя бяка,
И бяка очень крупная.

Одной из самых сильных черт *И.С.Грамберга* было великолепно развитое чувство самоиронии, чему свидетельство ода на собственное пятидесятилетие, которая была зачитана на юбилейной пирушке.

Как справиться мне с юбилейной ношей?
Не ведал я, что уж такой хороший,
И что умён, и даже даровит,
Да что уж там, считай что знаменит!
Я надуваюсь быстро, как индюк.
И думаю – возможно, это лесть.
Но, видимо, во мне чего-то есть…
Уже давно отброшены сомненья,
И полон я к себе такого уваженья,
Что люди кажутся мне меньше комара.
Теперь я жду, чтоб все кричали мне «УРА»!!!
Теперь нужна мне слов гремучих туча
И ясно мне – я всех умней и лучше…
Вот руки ищут управленья пульт.
Ой, ой, друзья, родился новый культ!
Да, похвальбы для человека, словно нож!
Ведь знаю я, что вовсе не хорош,
Что возбудим и вспыльчив без причины.
Что легкомыслен, как и все мужчины.
В науке ничего не совершил,
Трудился, как и все, и, как и все, шалил…
Я жизнь люблю, открою вам секрет.
Мне было девятнадцать лет,
Она меня два раза покидала,
Но я ловил её и начинал сначала.
Ровесников терять я очень рано начал.
Я знаю, пятьдесят – огромная удача.
Но жаден человек, и нужно ль говорить,
Что я готов ещё немножечко пожить…
Уж повидал я разных юбилеев,
И всё-таки сижу, друзья, и млею,
Речей обычных слушаю поток…
И к горлу подбирается комок.
Грудь разрывается от чувств и от любви…

И поднимается давление в крови.
Душа моя охвачена пожаром.
Бог мой! Не умереть бы от удара!
Крепись, ворчу себе я, старый пень,
Тебе бы продержаться только день.
А там закружится жизнь по орбите снова –
Наслушаешься кой-чего другого…
Уж будешь жить, от критики потея,
До своего другого юбилея.
Товарищи! Друзья! Я благодарен вам.
Сказать бы мог, что всё для вас отдам,
Или сильней того загнуть что-либо,
Но говорю обычное «СПАСИБО»!
И заверенья не сочтите лестью –
Работать в НИИГА я для себя считаю честью.

Последний бой (записки солдата)

О Великой Отечественной войне опубликованы тысячи томов воспоминаний. Бо̀льшая их часть написана генералами или офицерами и относится ко второй половине войны, когда мы победоносно двигались на запад. Однако и в это время бывали тяжелейшие моменты, об одном из которых и будет настоящий рассказ. Всё изложено так, как оно представлялось тогда мне, рядовому солдату, которому лишь после окончания войны стало понятно значение тех боёв, о которых пойдёт речь.

***

После кратковременного пребывания на Ленинградском и Северо-Западном фронтах, 1943 г. встречаю в посёлке Дегтярка – старом Демидовском заводе на Урале. Я уже ефрейтор, первый номер (т.е. наводчик) расчёта станкового пулемёта «Максим». (Кто не знает, что это такое, могут получить представление о нём по рекламе знаменитого фильма «Чапаев», где Чапай с Петькой отстреливаются от наступающих белогвардейцев). Дивизия в Дегтярке формируется, в основном, из пограничников и солдат внутренних войск НКВД, с начала войны ещё не нюхавших пороха и рвущихся на фронт. Но кончаются уже бои в Сталинграде, взяты Курск и Харьков, последний оставлен снова, а мы все изучаем уставы и мат.часть да ползаем, атакуя учебные доты и дзоты. Наконец, 24 февраля – тревога, погрузка в эшелон и мы едем, вернее, летим без остановок на запад. Едем в товарных вагонах – теплушках. По бокам – двухярусные нары, в середине – печка с запасом дров, в углу, в полу – дырка для естественных нужд.

За сутки долетаем до Москвы, поворачиваем на юг и 26-го утром прибываем в Елец. Все пути и тупики забиты порожняком – разгружается масса войск, колонны которых движутся на запад, к линии фронта. Строимся в колонну и движемся туда же и мы. Отличная погода, минус 3-4º, накатанная

дорога, пулемёты на санках катятся легко, полевая кухня при нас, кормят два раза в день – жизнь прекрасна!

Ночуем в сёлах. Располагаемся по 20-25 человек в доме, на полу, по двое (одна шинель вместо перины, другая – вместо одеяла). Всё бы ничего, но уже после первой ночёвки начинаем почёсываться – появились вши, которые в дальнейшем будут размножаться в геометрической прогрессии и отравлять жизнь изрядно.

Позади старинный город Ливны без каких бы то ни было следов войны. Очередной ночлег намечен на станции Поныри. Приходим туда и обнаруживаем, что на станции нет ни одного целого дома – здесь были упорные бои и разрушено всё. Впервые проводим ночь на свежем воздухе, у костра. Видимо, учитывая сложность ситуации, нам в первый (и в последний!) раз выдают по 50 г спирта.

Выходим из Понырей и начинается пурга, да какая! Читая описание метели у Пушкина, я всегда улыбался: «Умеет же присочинить классик, богатое у него воображение». Теперь мы узнали, что такое метель в степи. Дорогу заносит моментально. На буграх снега нет, а в ложбинах его метров до двух! Распорядок движения обычный: 55 минут марша – 5 минут привал. На привале разворачиваешь пулемёт и ложишься за него. Через пять минут встаёшь – вместо пулемёта – сугроб!

Несмотря на пургу, пехота медленно, но движется вперёд, а вот всё, что на колёсах, – встало намертво. Встали артиллерия, штабы, санбат и, самое главное для солдат, – кухни. Когда, выбиваясь из сил, мы доползали до очередного села, нас встречала только варёная картошка, которая, по-видимому, экспроприировалась у местных жителей (естественно, без соли; соль – самый драгоценный продукт).

На подходе к одному из сёл, на склоне (а сёла всегда в долине, у воды) увидели какие-то бугорки. Подойдя ближе, обнаружили, что это с полсотни трупов красноармейцев, атаковавших село. По словам местных жителей, бой был три дня тому назад. Немцы атаку отбили, но два дня тому назад ушли без боя.

Наконец, на третий день пурга кончилась. Засияло солнышко, температура поднялась до 6-8º тепла, потекли ручейки и, новая беда – мы же в валенках, ноги мокрые и не высушишь.

К полудню спустились в какой-то овраг, и нам сказали, что пришли на фронт. Какой фронт? Тишина, никакой стрельбы, никаких окопов, никаких немцев. Объяснили, что немцы примерно в километре на высотке, за которой в ложбине хутора Ржавчик и Муравчик. Перед высоткой – чистая степь, видимо, была пашня – нейтральная полоса.

Выясняется, что топографических карт у нас нет. Они либо секретны и находятся в штабе дивизии, которая где-то сзади, либо их на этот район нет вообще, т.к. никто не знал, где займут оборону отступавшие до сих пор почти

без боёв немцы. (Уже позже я узнал, что мы находились на крайнем западе выступа фронта, который позже стал называться Орловско-Курской дугой).

Из расположенного поблизости дубового леса притаскиваем веток, чтобы не спать на снегу и соорудить хотя бы небольшой костёр. Время от времени в небе появляются одиночные немецкие «Юнкерсы», но на нас внимания не обращают, наших самолётов не видно. На обед выдают по две картофелины.

Ночью две пехотные роты куда-то уходят. Почти по всему фронту слышится довольно интенсивная стрельба и почти постоянно висят ракеты. К утру возвращаются уходившие роты и всё снова смолкает, слышатся лишь редкие разрывы немецких мин.

Днём снова выдают порядочно варёной картошки, но, по-прежнему, без соли, и лезет в рот она с трудом.

Под вечер около нашего командира пулемётной роты собираются все офицеры батальона. Я оказываюсь рядом и слышу, что ночью намечается наступление. Предполагается, что второй батальон нашего полка наступает в километре левее нас, занимает Ржавчик и наступает далее на Муравчик. Наш третий батальон входит в освобождённый Ржавчик и готовится к отражению возможных немецких контратак.

С вечера батальон в полной боевой готовности ждёт приказа. Почти всю ночь в направлении Ржавчика слышна интенсивная стрельба и висят ракеты. К рассвету всё стихает, а ещё через некоторое время прибегает связной и докладывает: «Второй батальон Ржавчик занял, нашему батальону приказано закрепиться в нём».

Команда: «Вперёд!». Батальон выскакивает из оврага и бежит по полю к высотке, за которой расположен Ржавчик. Ночью подморозило, и по насту бежать легко, но с пулемётами, хоть и на санках, мы немного отстаём от стрелков с винтовками.

Спускаемся в ложбину перед высоткой, поднимаемся по склону и … натыкаемся на стрелковые роты, лежащие на снегу, – на высотке немцы! Готовим пулемёты, но немцев не видно, они на противоположном склоне. Время от времени из-за гребня высоты на секунду появляется голова немца с автоматом, даёт короткую очередь и исчезает так быстро, что поймать её в прицел невозможно. (Как я узнал позже, уже в госпитале, второй батальон в начале ночи Ржавчик занял, но уже через час был выбит из хутора немецкой контратакой с танками. Посланный к нам связной проплутал в темноте почти всю ночь и сообщил нам о взятии Ржавчика только утром. Никаких радиостанций в батальонах, естественно, не было).

Лежание на противоположных склонах высотки продолжалось несколько минут, после чего за немцами послышался гул моторов – танки! Раздаётся команда комбата: «Бронебойщики, вперёд!» Пригнувшись, два солдата с бронебойным ружьём бегут вперёд. Не успевают они пробежать и 50 м, как навстречу им из-за бугра летит ручная граната с длинной ручкой. Почему-то

кажется, что она летит очень медленно, почти плывёт по воздуху. Негромкий взрыв, один из бронебойщиков падает, второй, петляя, бежит обратно. У нас в батальоне ни одной гранаты нет.

Слышится новая команда: «Батальону отходить, пулемётчикам прикрыть отход!». Пехотные роты срываются с места и бегут под горку в ложбину, из которой только что поднимались. Заметив это, оживились немцы. Прямо передо мной, в 100 метрах, появляется цепь, человек 8-10 автоматчиков. Прицеливаюсь и, как учили, даю длинную очередь с рассеиванием. Цепь исчезает. Так и не знаю, попал я в кого-нибудь или автоматчики просто легли, услышав близкий свист пуль.

Оглядываюсь назад и вижу, что пехотные роты бегут уже метрах в 500-600 от нас. Минуту спустя из-за бугра появляется башня танка, совсем небольшая, с маленькой, кажущейся почти игрушечной пушкой. Из-за танка выскакивает автоматчик, стучит по броне и рукой показывает на мой пулемёт. Вижу, как медленно поворачивается ствол пушки, направляясь на меня. Вжимаюсь в снег. Грохот разрыва, и на несколько секунд теряю сознание.

Очнулся. Лежу на спине, на мне лежит пулемёт. Щитом ударило по переносице, из носа струйкой течёт кровь. Залита шея и грудь, но из осколков только один маленький попал в руку, пробив кожу (ношу его под кожей до сих пор).

Вижу снова силуэты немецких автоматчиков. Поворачиваю пулемёт – кожух пробит, короб расколот, пулемёт не работает. Другого оружия нет. Вскакиваем со своим вторым номером *Власовым* и бежим в лощину. *Власов* немного впереди.

Сзади слышится рычание танка и пулемётная очередь. Власов падает без движения. Я замираю. Чувствую сильнейший удар в бедро. Боли почти нет, но впечатление такое, что ногу оторвало.

В лощину спускаются немецкие автоматчики. Один из них подходит ко мне. «Auf! Komm!». Вспоминаю школьный немецкий: «Ich kann nicht».

Немец поднял автомат. Закрываю глаза. Открываю – никого нет. Автоматчики уходят на свою возвышенность, уводя двоих ребят из нашей роты.

Подползаю к *Власову*. Пуля попала ему в затылок и вышла в лоб. Ни капли крови, только мелкие осколочки кости на снегу.

Оглядываюсь, вижу в ложбине десятка полтора тел. В одном месте замечаю какое-то движение. Ползу туда, там двое раненых, потом подползают ещё двое. У одного из них находится острый нож. Срезаем с трупов часть одежды и перевязываем друг друга как можем. (Перевязочных индивидуальных пакетов нет). Четверо очень тяжёлые и передвигаться практически не могут. Я отделался легче всех. Кость не задета, но из-за потери крови могу только ползать.

Сообща решаем, что мне нужно попытаться доползти до своих и сообщить о раненых в ложбине. Выползать днём в 200 м от немецкой передовой бессмысленно – убьют. Значит, надо дождаться темноты. Сбиваемся в кучку, согревая друг друга и укрываясь шинелями, снятыми с трупов. К вечеру двое умирают, и нас остаётся трое. Наконец, темнеет. Выползаю из ложбины и ползу по плоской степи. К рассвету дополз до начала спуска в лощину, где по моим представлениям должна быть наша передовая. На склоне обнаруживаю труп. Подползаю – это *Власов*! Ночью я сделал петлю и приполз к тому же месту, откуда выполз! Ползу к ребятам, которых оставил, – оба замёрзли, я один…

Понимаю, что снова ждать темноты нельзя, – замёрзну. При свете дня выползаю из ложбины в 200 м от немцев и ползу из последних сил. Как ни удивительно, по мне – ни одного выстрела. Километр до нашей передовой ползу целый день и к вечеру приползаю прямо в расположение своего батальона, который готовится к очередному ночному наступлению. (Позднее, уже в госпитале, узнал, что из этого наступления мало кто вернулся.).

Ребята подхватывают меня и я сразу же куда-то проваливаюсь. Очнулся от того, что мне в рот вливают теплое молоко. Как меня довезли (донесли?) до села в 4 км от передовой, не имею понятия. Лежу в хате на полу, на соломе вместе с двумя десятками раненых. На мне чужая шинель, говорят, что моя так была залита кровью, что её выкинули на снег. Почему-то зверски болят ступни ног, но всем не до них.

Дороги после метели ещё не расчищены и медсанбат где-то застрял. Два хирурга и несколько фельдшеров и медсестёр, узнав о наплыве раненых, пришли пешком, привезя на санках что могли из медикаментов, и приняли в селе более 500 (!) раненых. Хирург уже сутки не отходил от операционного стола – двух больших обеденных столов, накрытых клеёнкой. Стерилизация инструментов – в больших чугунах в русской печи. Подсобный персонал – местные жители, они же – наши кормильцы, за последнюю неделю впервые я сыт.

На следующий день появляются первые машины (дорогу расчистили!), а ещё через день вместе с двумя десятками раненых оказываюсь в кузове полуторки, и мы едем в тыл. Навстречу попадается небольшая колонна наших танков, идущих к фронту. В воздухе то и дело появляются одиночные «Юнкерсы», наших самолётов не видно.

К вечеру приезжаем в Курск. Фронтовой госпиталь в четырёхэтажной школе забит битком. В классах на полу, на соломе лежат в своём грязном завшивевшем обмундировании по 20- 40 человек. Но все сыты, что уже здорово! Ночью школа вздрагивает от взрывов – немцы бомбят, в основном, железнодорожную станцию. (Позже узнал, что в это время железная дорога Касторная-Курск была единственной, по которой шло почти всё снабжение того участка фронта, который позже стал называться Орловско-Курской дугой).

Утром ведут (уже с помощью могу идти сам) в перевязочную, меняют наклейки на ранах. Жалуюсь на то, что не чувствую ног. Впервые дней за 10

снимают с меня валенки и медсестру рвёт от резкого запаха гниющего мяса. Пальцы на ногах чёрные. Хирург смотрит на них и говорит, что они отморожены и нужно ампутировать. Берёт похожие на клещи большие щипцы и тянет к себе мою ногу. Я инстинктивно дёргаю её к себе и кричу: «Что же вы живого человека так, без наркоза, резать собираетесь?». Хирург хладнокровно отвечает: «А я только живых и режу, мёртвых я только на практике резал. А ты не бойся, пальцы у тебя уже мёртвые и больно не будет». Я с изумлением смотрю, как мои пальцы один за другим летят в тазик на полу. Кончив работу, хирург замечает: «Ну вот и всё, а ты боялся! У тебя на одной ноге ещё полмизинца на память осталось». Тщательно промывает ноги, забинтовывает и я, так же с помощью, ковыляю в свою «палату» - класс.

Через день нас снова грузят на полуторки и везут на вокзал. Здесь в санпропускнике отбирают одежду и сбривают всё, что можно сбрить. Затем два здоровых санитара тщательнейшим образом моют каждого и доставляют в вагон. Это не теплушка, а настоящий пассажирский вагон с чистейшим бельём на полках! В вагонах топят, тепло, и ты впервые за столько времени в одном белье. Светит солнце, всё тает, весна на улице и на душе.

Состав заполняется, и во второй половине дня двигается в путь, на Касторную. Километрах в 1,5-2 от Касторной на насыпи, откуда хорошо видна станция, останавливаемся и видим… С севера, со стороны Орла летит девятка немецких бомбардировщиков. Летят клином, в строгом строю. Вокруг вспыхивают облачка от разрывов зенитных снарядов, но строй не нарушается. До нас доносится грохот разрывов, над Касторной поднимаются столбы дыма, девятка улетает на юг, на Харьков. Наших самолётов не видно.

Сутки стоим, ждём, пока приведут в порядок железнодорожные пути на станции. От здания вокзала стоят только стены. Один из путей залит горелым сахаром, который ломами и пешнями добывают местные жители. В стороне небольшой базарчик. Порция варёной картошки без соли – 50 руб., стакан соли – 500 руб. С базарчика кто-то из ходячих раненых приносит мешочек великолепных лимонов и угощает нас. Цена, как у раков из известного эстрадного номера: 3 рубля маленькие, 5 рублей – большие. Каждый завёрнут в отдельную фирменную бумажку со штампом «Мессина». Оказалось, что Касторная была главной базой снабжения итальянских войск на Восточном фронте, и когда итальянцы драпали, то им, естественно, было не до лимонов.

После этого начались странствия по различным госпиталям (Рязань, Чимкент, Боровое в Казахстане). Меня держали в госпиталях год, до тех пор, пока не была снята блокада Ленинграда и я получил возможность туда вернуться.

***

P.S. В госпиталях я, как любой в то время, начинал чтение газет со сводок Совинформбюро, особенно интересуясь событиями на том участке фронта, где мне пришлось воевать. Отгремели жестокие бои на Орловско-Курской дуге и началось наше общее наступление. Сводки начинались всегда с перечня

освобождённых городов, перечисления уничтоженных танков и самолётов и заканчивались показаниями пленных немцев, рассказывающих, как тяжело им приходилось на фронте. В конце лета в этом разделе я обнаружил рассказ фельдфебеля, взятого в плен в августе и рассказавшего, что его часть весной и летом обороняла памятные мне хутора Ржавчик и Муравчик. Выяснилось, что мы с ходу, силами одной пехоты, без пушек, миномётов и танков, пытались взять подготовленный рубеж немецкой обороны, на который они отошли после того, как оставили Курск и который удерживали 6 месяцев, с начала февраля до августа. В сводках в дальнейшем в списках отличившихся в победных операциях частей изредка встречал армию под командованием генерал-лейтенанта *Романенко*, куда входила наша дивизия. Упоминание о самой дивизии, которой командовал генерал-майор *Головко*, не встречал. По-видимому, она была переформирована и получила другого комдива.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ В НАЧАЛЕ ЕГО ПУТИ

Мало кто из нынешних сотрудников института ВНИИОкеангеология знает, насколько значимым, едва ли не самым главным, был в институте в начале 1950-х отдел экспедиций во главе с *Ф.И.Леонтьевым* (позднее *Р.П.Магендовичем*).

Это была пора завершения геологической съемки масштаба 1:1 000 000 и выборочной, в наиболее перспективных на все виды полезных ископаемых районах, геологической съемки масштаба 1:200 000. Арктические районы в начале 50^{x} (и до 60^{x} годов) находились ближе к первой задаче. При этом особо следует отметить, что в сферу деятельности НИИГА входили и арктические архипелаги с их неизбежной труднодоступностью – Новая Земля, Новосибирские острова, Северная Земля, часть из которых до этого была (хоть частично) освещена в ранних работах таких патриархов геологии, как *Н.Н.Урванцев*.

Отдел экспедиций, чьими ответственными и непосредственными исполнителями являлись все начальники экспедиций, обеспечивал весьма трудное в то время дело – доставку к месту работ, создание экспедиционных баз, обеспечение наземным (главным образом, оленьим) транспортом. Обычно (с учетом сложностей с авиаперевозками) это требовало много времени, что нередко приводило к весновочному периоду многих сотрудников полевых партий. Подчинялся отдел главному инженеру института – *В.И.Захарову* и директору *Б.В.Ткаченко*. Именно они определяли сроки отправки партий и виды транспорта к месту полевых работ, а также обеспечивали радиосвязь, которая в НИИГА всегда отличалась высокой надежностью. Следует отметить, что в ту пору начальниками экспедиций были опытные хозяйственники, геологи–профессионалы сменили их значительно позже. Как к месту не перечислить хотя бы некоторых из них – *Носов, Кузнецов, Лециус*, *Р.П.Магендович* и др. Все это были полярники* первой волны, хорошо знающие Арктику и проблемы организации геологических работ. Должен отметить, что они же отвечали за участие в работах многочисленных сотрудников научных отделов, составляющих научно-исследовательскую часть института, о которой будет сказано ниже. И надо отметить, с запоздалой признательностью, отдел очень хорошо справлялся со всей этой многотрудной работой.

Помимо экспедиций, занимающихся геологической съемкой, институт состоял из ряда профильных научных отделов, главными из которых были: 1) отдел стратиграфии во главе с *Н.А.Шведовым* и его сменившим на долгие годы *В.И.Бондаревым*, 2) отдел угля во главе с *А.И.Гусевым*, 3) отдел металлогении во главе с *М.Ф.Лобановым*, 4) отдел, отвечающий за выпуск и издание

*О полярнике *Р.П.Магендовиче* подробнее в рассказе *В.И.Устрицкого* «Два начальника экспедиции» в «БАЙКАХ и БЫЛЯХ – 2» 2010 г.[Ред.]

геологических карт масштаба 1:1 000 000, а позднее – 1:200 000 во главе с *Ф.Г.Марковым*, 5) отдел нефти во главе с *Н.А.Гедройцем* (позднее - *И.С.Грамбергом*), 6) отдел Антарктиды.

Особого упоминания заслуживает весьма квалифицированный отдел геофизических исследований во главе с *Р.М.Деменицкой,* который первым в отечественной геологии начал изучать прилегающие к материку шельфовые пространства Арктики. К слову сказать, Р.*М.Деменицкую* считают прародительницей («мамой», как ее называют) нынешней Полярной морской геологоразведочной экспедиции, ведущей многопрофильные работы в Антарктиде и Мировом океане и ставшей государственным предприятием мирового уровня. Это ли не лучшая память о *Раисе Михайловне* – безусловно талантливом организаторе целой научной школы.

Необходимо отметить еще два очень важных отдела - отдел картографии во главе с *Р.П.Васильевым* и большой по численности отдел лабораторных исследований пород и руд. В связи с последним не могу не вспомнить об одном из тех людей, чьими стараниями создавался НИИГА. Долгие годы на разных должностях (от заведующего сектором до заведующего отделом лабораторных исследований) работал *В.М.Лазуркин*, первый поднявший вопрос о целесообразности создания Института геологии Арктики (на базе отдела, входившего тогда в Арктический научно-исследовательский институт (АНИИ) Главсевморпути). Интересующихся могу адресовать к весьма подробному описанию его стараний, написанных сыном-геологом*. Путь этот был очень не прост. Если бы не трагические обстоятельства, связанные с семьей, я допускаю, что первым директором НИИГА мог быть *Виктор Михайлович Лазуркин*, человек безупречной культуры и немалого практического опыта в Арктике. Хорошо зная *Виктора Михайловича* по работе в Секции Ученого Совета по твердым полезным ископаемым, я всегда глубоко ценил его мнение по тому или иному обсуждаемому вопросу. Даже руководя отделом, скажем так, «не совсем своего профиля», *Виктор Михайлович*, как я неоднократно слышал, никогда никому не мешал, но всегда всем помогал.

Координация работ «молодого» института возглавлялась директором и ученым секретарем. Позднее в этой роли в ранге заместителя директора по научной работе выступал *М.Г.Равич*. Об этом, безусловно ярком человеке, будет сказано ниже. Велись ли работы более детальные? Велись. Так, первые данные о нефтеносности были получены *Т.Н.Емельянцевым. Е.М.Эпштейном* были разведаны (с подсчетом запасов) месторождения флогопита в Гулинском регионе, впервые пролившие свет на возможность комплексного оруденения, коим в максимальной степени обладает Томторская провинция. Более того, по ряду направлений инициатором поисковых, а нередко и поисково-разведочных работ являлось само Министерство геологии (позднее - и охраны недр). Так,

**Виктор Михайлович Лазуркин* – основатель и организатор Научно-исследовательского института геологии Арктики (к 100-летию со дня рождения 1910-1992). – Геолого-геофизические характеристики литосферы Арктическогорегиона./Тр. ВНИИОкеангеологии, Т. 218, вып. 7 – СПб., ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С.Грамберга», 2010. С. 190-207

были квалифицированно проведены работы на пьезокварц на Новой Земле Лоскутовым, *А.Маловым* на ртуть на Западном Таймыре, позже – на оптический флюорит на г.Белой под руководством *В.А.Черепанова*. К этому же надо добавить и детализационные работы на дальних флангах Норильской никеленосной провинции, нередко требовавшей таких организационных форм как Курейская экспедиция.

Одним словом, оценке перспектив арктических районов на те или иные виды полезных ископаемых уделялось, на мой взгляд, должное внимание.

Особенностью НИИГА 1950^{x} - начала 1970^{x} лет была теснейшая связь вышеупомянутых научных отделов с ведущимися производственными работами. Эта уникальная особенность института по возможности сохраняется и в наши дни, хотя и в более «затрудненном» варианте. Причина, на мой взгляд, проста – ликвидация Министерства геологии, как штаба отрасли, с четкими задачами последовательного изучения недр от решения главных задач – стратиграфии, тектоники, магматизма и - уже на этой базе – организации поисковых и разведочных работ. Применительно к обширным и в целом труднодоступным регионам Арктики это особенно важно. Позволю себе высказать свое мнение: блестящая эпоха *Козловского, Зубарева, Перваго, Крючкова, Ковалевича* – то есть эпоха, при которой на базе последовательного изучения территории страны оценивались ее перспективы на все виды полезных ископаемых и вводились в строй после разведки наиболее значимые из них – канула, и теперь мы имеем…то, что имеем. К слову сказать, первые находки значимых полиметаллических руд были сделаны *В.А.Вакаром* и *Л.А.Чайкой* еще на заре изучения Таймыра – ныне одной из крупнейших провинций с многопрофильной минерагенией.

Посудите сами – где ныне последовательно-комплексное изучение Арктики? Да и насколько она интересна? Даже с ее несомненными перспективами в отношении месторождений нефти и газа, не говоря уже о ряде крупных месторождений твердых полезных ископаемых, в том числе и резко дефицитных. Давайте вспомним еще раз НИИГА 1950 - 1970 годов – где и в чем мы были первыми?

1) О геофизических исследованиях шельфа я уже упомянул и уверен, что притязания нашей страны в части «расширения» арктического шельфа (проблема ВГКШ) без этих работ были бы вряд ли столь обоснованы.

2) Первыми мы были в Антарктиде, представляя отечественную геологическую школу. Менялся состав, но первыми были наши геологи (*П.С.Воронов* и другие специалисты, составлявшие основной костяк экспедиций). И не случайно этому направлению уделял большое внимание, в том числе и личным участием в экспедиционных работах, *М.Г.Равич*.

3) Несомненно, много было сделано в арктических регионах страны по всем направлениям – от решения главных вопросов стратиграфии, тектоники, магматизма до создания под руководством *М.Ф.Лобанова* первой металлогенической карты Арктики. Сейчас она дополнена новыми

перспективными районами – но она была первой. Пожалуй, уже тогда зародилась мысль у многих геологов-нефтяников о выдающихся перспективах шельфов арктических морей на месторождения нефти и газа, ныне уже доказанных. И тут как не вспомнить добрым словом *И.С.Грамберга*, отстоявшего отдел нефтегазоносности, ныне главный, даже в пору увлечения руководителей управления морских работ проблемой твердых полезных ископаемых Мирового океана, включая шельфы.

В 1972 году на базе уже действующих (первой была организованная в Норильске еще в конце 1960[x] Арктическая, а также Мурманской и Тихоокеанской) экспедиций, было создано крупное научно-производственное объединение «Севморгео», руководство которым было поручено *И.С.Грамбергу*, ставшему к этому времени лидером «морского» нефтяного направления и целеустремленно им занимавшемуся.. Что характерно для этого, в целом, непростого, переломного этапа? Ушел с должности директор НИИГА Б.В.Ткаченко – бессменный руководитель института на протяжении 24 лет. Старый полярник и мудрый человек, создавший в институте, ведущем в Арктике одновременно научно-исследовательские и производственные работы, исключительно прочную, по существу, неразрывную связь научных и производственных коллективов. Он умел при всей своей демократичности пользоваться правом главы института, если требовали обстоятельства.

Ушел из жизни *М.Г.Равич* – безусловно, талантливый геолог и не менее талантливый организатор научно-исследовательского процесса института, прекрасно знающий всех ответственных исполнителей тем, их личные качества и творческие возможности. Говоря об уходе *Б.В.Ткаченко* и *М.Г.Равича*, уместно вспомнить других ярких представителей старшего поколения, оставивших нам – полярникам следующего поколения - любовь к делу и к Арктике. Необходимо начать с *Н.Н.Урванцева* – легенды института, не только геолога – первопроходца Таймыра и архипелага Северная Земля, но и первооткрывателя Норильска. Мне довелось ряд лет работать с *Николаем Николаевичем* и я до сей поры поражаюсь его общегеологической эрудиции, простоте объяснений, а главное – редкой человеческой обаятельности и в полевых условиях, и в институтском общении. И это несмотря на все трагические (по другому не скажешь) обстоятельства его долгого жизненного пути. Нельзя не вспомнить о сравнительно недолго работавшем в институте в качестве заместителя директора по научной работе *В.Н.Саксе* (уехавшем позднее в Новосибирский центр Академии Наук), создавшем совместно с *З.З.Ронкиной* и *Н.И.Шульгиной* считающиеся до сих пор непревзойденными работы по мезозойским отложениям Арктики. Как не вспомнить также *Ф.Г.Маркова*, заведующего «листопрокатным цехом» института, с его требовательностью к доказательной базе листов государственной геологической съемки масштабов 1:1 000 000 и 1:200 000, как правило, проходивших в редакционных советах ВСЕГЕИ без особых замечаний.

Особо мне хочется добрым словом помянуть *Григория Лазаревича Вазбуцкого*, оказавшего на меня – геолога-поисковика - самое сильное влияние

своей требовательностью к фактам и выводам. Будучи высококлассным разведчиком-рудником (месторождение Хапчеранга тому пример), он был еще и блестящим ученым, чему доказательством служат результаты его гониометрических исследований минералов, опубликованные в «Записках Минералогического общества». Более строгого члена комиссии по приемке полевых материалов и окончательных отчетов трудно было представить.

Были ли неудачи в деятельности НИИГА? На мой взгляд, были. Одним из наиболее крупных упущений считаю, что мы могли стать первооткрывателями алмазной кимберлитовой Якутской провинции. Могли, но не стали. Первый кимберлит был найден в полевых коллекциях *К.Забурдина*. Ближе всего к его диагностике был *В.А.Черепанов*, но наши лейб-петрографы – *М.Г.Равич* и *М.И.Рабкин* - проявили осторожность, и по праву первооткрывателем стала сотрудница ВСЕГЕИ – *Л.Попугаева*. Не повезло нам и с открытием наиболее крупной промышленной алмазоносной россыпи – опробование по большой воде не дало результатов.

Зато несомненной удачей были работы в Антарктиде во главе с прекрасным организатором и геологом *Д.С.Соловьевым*, который в ААНИИ пользовался безусловным авторитетом. После его кончины долгие годы отдел возглавлял *Г.Э.Грикуров*, один из авторов геологической карты мира по разделу «Антарктида».

Возвращаясь к главному вкладу НИИГА, следует указать прежде всего изучение Арктики во всех ее главных характеристиках: стратиграфии, тектонике и полезных ископаемых, что укладывалось в принципы подхода Министерства геологии СССР.

Пользуясь тем, что этот очерк является воспоминанием об институте в начальный период его жизни, позволю себе отступление о вкладе в становление и развитие НИИГА выпускников Горного института послевоенного периода. Первыми были *З.З.Ронкина, Т.М.Пчелина, В.Я.Кабаньков, В.И.Устрицкий* и многолетний генеральный директор ВНИИОкеангеологии – *И.С.Грамберг*. Все они являются активными полевыми исследователями начального периода освоения Арктики. Особо следует остановиться на примере *В.И.Устрицкого*. Будучи высококлассным стратиграфом, он в течение ряда лет в своей нынешней ипостаси - консультанта отдела нефтегазоносности Арктики и Мирового океана - свой огромный опыт изучения Арктики главным образом использует в углубленном анализе результатов сейсморазведочных работ, как основы для выделения новых перспективных акваторий, в частности, таких, как северные шельфы Карского и Баренцева морей. Что касается *И.С.Грамберга*, то он проводил полевые исследования на Таймыре и Верхоянье. Главным предметом изучения *И.С.Грамберга* были отложения перми. Поэтому я не могу согласиться с промелькнувшей в очерке памяти *Игоря Сергеевича* фразе о его «кабинетности». Он, как мне кажется, превосходил своих воспреемников по всем параметрам, в частности, в подборе ближайших сотрудников. Наиболее ярко это проявилось в назначении *В.Л.Иванова* на должность (после

М.Г.Равича) заместителя директора по научной работе, который на полтора десятка лет снял с плеч *Игоря Сергеевича* многие заботы, поскольку с ним все заведующие отделов могли решать большинство возникающих вопросов. Немаловажным для объединения «Севморгео» являлось еще и то, что во главе новой по существу организации встал выдающийся ученый. Даже для меня, далекого от нефтяной геологии поисковика-рудника, назначение во главу новой организации *И.С.Грамберга* было очевидным и единственно правильным.

В этот начальный этап деятельности созданного объединения могло усложнить дело неизбежное стремление вновь организованных экспедиций к самостоятельности. Так всегда было, и в нашем случае тоже, но к серьезным потерям это не привело. Многопрофильная Мурманская и Полярная экспедиции стали, к общему удовлетворению, лидерами новых работ. Главным геологом «Севморгео» был назначен *Б.Х.Егиазаров*, за плечами которого в конце 40^{х} была выполненная геологическая съемка масштаба 1:1 000 000 архипелага Северная Земля, а также работы в Корякском нагорье. Человек по натуре очень активный, с немалым административным опытом, он внес более чем существенный вклад в расширение задач «Севморгео». Можно сказать, что именно по его инициативе были начаты, с подключением Полярной экспедиции, работы в Мировом океане с одновременным созданием в Институте соответствующего отдела и с более чем удачным назначением на эту должность *С.И.Андреева*, последовательно решавшего две главные задачи океанского рудогенеза – железо-марганцевых конкреций и глубоководных полиметаллических руд. В работы по железо-марганцевым конкрециям огромный вклад внесла жена и единомышленник *Сергея Ивановича – Лидия Ивановна Аникеева*.

Ныне обе проблемы из класса будущих перешли в класс реально решаемых, являясь (кроме работ в Антарктиде, пожалуй) главным направлением деятельности этой самостоятельной, в ранге «Федерального государственного унитарного научно-производственного предприятия» (ФГУНПП «ПМГРЭ») экспедиции, оснащенной судами и всеми видами оборудования для проведения геологических работ. Еще одним не менее существенным вкладом *Б.Х.Егиазарова*, как главного геолога «Севморгео», была организация отдела по оценке прилегающего шельфа на россыпи твердых полезных ископаемых (золото, олово, алмазы). Со свойственной ему энергичностью *Борис Христофорович* организовал отдел, состоящий из сотрудников разных направлений: чисто россыпного (*В.В.Жуков* и его группа), металлогении (*В.И.Ушаков и А.М.Иванова*); специалистов, хорошо знающих Северо-Западный регион (*О.В.Суздальский*); знатоков кайнозоя и проблем геоморфологии (*А.П.Пуминов и Л.Я.Пинчук*), и, наконец, специалистов, знающих отдельные регионы, а также знакомых с состоянием морского россыпеобразования (*С.М.Прохорова, А.И.Айнемер*). Головной организацией этого нового направления вначале был институт ВНИИМОРГЕО (г. Рига), но с 1975 г. такие функции были возложены на «Севморгео», а развитие и состояние

направления стало предметом обсуждения в Госплане СССР. Надо сказать, что как человек со стратегическим складом мышления *Игорь Сергеевич* понимал, что будущее рациональное освоение минерально-сырьевого потенциала шельфа возможно только на основе достоверной оценки ресурсов и промышленных запасов всех видов полезных ископаемых. Как было принято тогда, общие координационные планы составлялись в «Севморгео» с участием всех соисполнителей, включая экспедиции и институты Академии Наук. В течение 20 лет были сформированы основы практически нового направления – шельфового рудогенеза – от общей теории россыпеобразования до таксономии россыпных объектов разных рангов и методов оценки их ресурсов и запасов. В итоге на шельфе и островах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского была подготовлена новая ресурсная база золота и олова с запасами, доступными сегодня и на ближайшее будущее.

Я не первый раз хочу подчеркнуть важную особенность *Игоря Сергеевича* – умение видеть все комплексно. Тому доказательством его внимание к нашему направлению, которое было вне круга его интересов, но как директор он интересовался главными результатами.

Учитывая загруженность *Б.Х.Егиазарова*, с 1975 по 2000 г. я был назначен зав. отделом твердых полезных ископаемых шельфа и одновременно руководителем проблемы. Следует коснуться еще одной стороны, характерной для всего отдела, – его близкой связи с Арктической (ныне Полярной) экспедицией как общей задачей – оценкой россыпного класса месторождений, так и безусловно взаимоуважительными отношениями. Надо отметить, что коллективом отдела создано 11 монографий (от общих закономерностей по миру применительно к морскому россыпеобразованию до конкретных методик оценки ресурсов и запасов тех или иных полезных ископаемых) при открытом обсуждении результатов с экспедициями и при постоянном участии наших сотрудников в полевых работах.

Более того, начальник Полярной экспедиции *В.Д.Крюков* и я были, по существу, редакторами итоговой работы по арктическим островам*, позволившей в совокупности оценить масштабы твердых полезных ископаемых с более чем активным участием 1ой Горнорудной компании под патронажем *Б.М.Зубарева*, бывшего первого заместителя *Е.А.Козловского* (тогда Министра геологии СССР), считающего также целесообразным вовлечение в освоение, наряду с месторождениями нефти, полиметаллических руд арх. Новая Земля, открытых Полярной экспедицией, что еще раз подтверждает прозорливость *И.С.Грамберга* в отношении необходимости комплексной оценки Арктики и островов. Следует подчеркнуть, что книга по островам посвящена первым сотрудникам НИИГА, отдавшим изучению этих выступов основания шельфовых областей многие годы жизни.

* Твердые полезные ископаемые архипелагов и островов арктической континентальной окраины Евразии. – СПб, ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С.Грамберга», 2010, 336 с.

Еще раз об умении *Игоря Сергеевича* находить нужных людей для руководящих должностей. После ухода *Игоря Сергеевича* «в большую администрацию» на пост зав. отделом нефти и газа был назначен *В.Н.Соколов* (1972-1978 г.г.), а затем *Д.С.Сороков* (1979-1986 г.г.) и *М.Л.Верба* (1986-1992 г.г.). Когда в 1992 г. возникла вакансия руководителя отдела, *Игорь Сергеевич* рискнул пригласить на эту должность «варяга» - геолога-нефтяника *О.И.Супруненко* из ВНИГРИ. Истекшие 20 лет успешной работы отдела подтвердили правильность нелегко, по-видимому, давшегося *Игорю Сергеевичу* решения.

В 1995 году за научное обоснование и открытие крупной сырьевой базы нефтяной и газовой промышленности на шельфе Западной Арктики Игорю Сергеевичу в составе группы ученых и работников производства была присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники, а в 2011 г. решением Исполкома Российского геологического общества в честь инициатора и выдающегося организатора отечественной морской геологоразведки была утверждена медаль «Геолог *Игорь Грамберг*».

В 1981 г. решением ГКНТ и Мингео СССР Институт геологии Арктики был преобразован во Всесоюзный (ныне Всероссийский) научно-исследовательский институт геологии и минеральных ресурсов Мирового океана, что явилось официальным закреплением сложившегося положения. В своем новом качестве институт во главе с *И.С.Грамбергом* сумел создать себе доброе имя, по существу, продолжая близкие отношения с Мурманской и Полярной экспедициями, продолжая исследования и в Арктике, в ее шельфовом обрамлении, и в Мировом океане. Как когда-то, к одному из юбилеев уже достаточно долгой истории института остроумно выразился *В.Л.Иванов* – «морской ход был изначально заложен для НИИГА». Трудно сказать, что явилось причиной: то ли близость к ААНИИ, то ли сама Арктика, обрамляющая арктические моря, но факт есть факт – мы стали институтом Мирового океана. Дальнейшее зависит от нас.

Приближаясь к завершению воспоминаний о становлении института, начиная с НИИГА, волей – неволей анализируешь неминуемые изменения в коллективе. Конечно, в таком предвзятом анализе есть много личного – все-таки срок работы в институте приближается к 60 годам. И тем не менее НИИГА отличался не только на редкость человечной обстановкой – это был уникальный научно-производственный коллектив, где можно было у высококлассных специалистов получить любую консультацию.

В НИИГА было принято обсуждать результаты тематических работ (особенно наиболее важных) на заседаниях Ученого Совета, и они были весьма посещаемые. Все правильно – молодые геологи выбранной специальности учились у старших. Я уже не говорю о благотворности (в том числе и творческой) такого профессионального образования. А знаний не только профессиональных, но и организационно-административных, в определенной степени нехватало многим. Но тем, кто, обладая другими достоинствами, мог

быстро восполнить этот дефицит, дорога была открыта. И, наверное, не случайно, а закономерно первым начальником экспедиции из нашего выпуска 1953 г. стал *Ю.Е.Погребицкий*, обладавший многими качествами лидера.

И последнее. Сейчас нередко слышишь из уст дирекции, попросту говоря, о дефиците готовых ответственных исполнителей тем. Слов нет – такого в НИИГА не бывало. Конечно, сказывается (по моему убеждению) излишнее право Федерального агенства по недропользованию давать или не давать те или иные ассигнования на проекты и предложения от институтов и организаций нашего профиля. Но это, наверное, и неизбежно при наступившей жизни.

Жизнь скоротечна, старшее поколение ушло или резко редеет. Сложившиеся геологи-исследователи действительно редки, но проблемы Арктики и продолжающихся работ в Мировом океане остаются. Кому решать? Смею надеяться на быстрый рост молодых (и чуть старше) специалистов и на достаточную мудрость Федерального агентства по недропользованию. Не могу не высказать свое профессиональное мнение по поводу «верхней» структуры - Министерства природных ресурсов и экологии РФ. Ознакомившись с официальным документом о его структуре, обязанностях и полномочиях, я пришел к выводу, что он является попыткой «объять необъятное». Даже при уменьшенных размерах нынешней Российской Федерации считал и считаю, что ушедшее в прошлое Министерство геологии (даже с добавкой и «охраны недр») было оптимальным для нашей страны. Задачи были определены на основе последовательных по детальности работ оценки и подготовки к освоению всего спектра нужных полезных ископаемых. Это в равной мере касается и наших главных задач – минерально-сырьевых ресурсов континентального шельфа и Мирового океана, которые превращаются для геологической службы в объекты промышленного освоения. При этом нельзя не учитывать большую международную конкурентность, чему доказательством является история закрепления за нашей страной одного из наиболее перспективных полигонов скопления железо-марганцевых конкреций.

Завершая воспоминания, мне хочется хоть кратко коснуться моих друзей – однокашников по Горному институту (выпуск 1953 г.), которые внесли существенный вклад в изучение геологического строения и полезных ископаемых арктических регионов, будучи вторым и наиболее многочисленным отрядом геологов после геологов первого призыва - «отцов-основателей». Во избежание дружеских привязанностей перечислю по алфавиту.

1. ***Бондарев Валентин Ильич***, по моему мнению, рекордсмен по руководящей должности заведующего (более 40 лет) отделом стратиграфии (ныне сектор в отделе *О.И.Супруненко*).

Поступил в НИИГА в 1953 году. Работал в Новоземельской геолого-съёмочной экспедиции. В 1953 году участвовал в геологической съёмке м-ба 1: 1 000 000 на севере Новой Земли. В 1954 году проводил геологическую съёмку м-ба 1:200 000 на юго-востоке Новой Земли. В 1955 году проводил

геологическую съёмку м-ба 1:200 000 в средней части Новой Земли и к северу от пролива Маточкин Шар. В 1956-1957 годах проводил доизучение геологического строения и подготовил к изданию госгеолкарты м-ба 1: 200000 в пределах двух листов на юго-востоке Новой Земли. С этого времени началась специализация по стратиграфии и фауне брахиопод ордовика Новой Земли и впоследствии Западной и Центральной Арктики. В 1958 году по этой проблеме проводил работы на о. Вайгач и севере Пай-Хоя. В результате чего была разработана схема стратиграфии ордовика этого района, проведено районирование и намечены основные черты палеогеографии ордовика. На базе этих материалов была подготовлена диссертация на соискание учёной степени кандидата геолого-минералогических наук и в 1965 году защищена на Учёном Совете во ВНИГРИ.

В 1958-1961 годах проводил полевые работы на Таймыре, где изучал ордовикские отложения. В начале 60-х годов вернулся в западные районы Советской Арктики. В 1964-1965 годах составлял опорный разрез ордовика по берегам пролива Югорский Шар на северном Пай-Хое и юге о. Вайгач.

В 1966 году занял должность заведующего отделом стратиграфии в НИИГА-ВНИИОкеангеологии, которую занимает по настоящее время. Научные интересы в это время сосредоточиваются, в основном, на геологии и стратиграфии Новой Земли. В начале 70-х годов начал проводить работы по изучению геологии узловых районов Новой Земли. Изучал геологию и стратиграфию в районе губы Грибовой (на севере Южного острова Новой Земли), в районе губы Сульменёвой, губы Машигина, Русской гавани, м. Сахарова, северо-востока Новой Земли. Эти работы, помимо уточнения геологии опорных районов, привели к формулированию концепции блокового строения региона Новой Земли, которая использовалась при проведении групповой геологической съёмки на Новой Земле в 70-90 годах.

Помимо исследований на Новой Земле, в 80-90 годах участвовал в совместных советско-канадских работах по Северу, где руководил разделом по стратиграфии со стороны СССР.

В 90-е годы с российской стороны руководил совместной норвежско-российской программой по изучению Арктики.

Автор более 100 научных работ. Награждён двумя знаками «Отличник разведки недр», «Почётный разведчик недр», «Заслуженный геолог России». Награждён рядом памятных медалей Российской Федерации.

Выполненные отделом стратиграфии работы дали основание провести качественную геологическую съемку масштаба 1:200 000 Арктической экспедиции, выделившей ряд структурно-металлогенических зон, в том числе Матшарскую, несущую промышленно значимые полиметаллические руды.

2. ***Виноградов Владислав Александрович*** поступил на работу в НИИГА в 1953 г. С 1954 г. работал начальником партии Восточно-Таймырской экспедиции (главный геолог *Злобин М.Н.*). В настоящее время является

ведущим научным сотрудником отдела геологического картирования шельфа и обобщает материалы по целому ряду направлений: сейсмоакустика и сейсморазведка, магниторазведка, донное опробование шельфа Восточно-Арктических морей. Работа *Виноградова Владислава Александровича*, с первых лет проведения геологических съемок м-ба 1:200000 и 1:1000000, была нацелена на выявление полезных ископаемых, что выразилось в открытии крупных скоплений пирротиновых руд с примесью меди, никеля и кобальта на Восточном Таймыре, проявлений россыпного золота в пермских отложениях Оленекского поднятия Сибирской платформы, редких земель и горного хрусталя в Северном Верхоянье. В завершение этого периода он составляет и редактирует листы Государственной геологической карты СССР м-ба 1:1000000 и 1:200000.

Практическая направленность деятельности *В.А.Виноградова* продолжается и в процессе научных разработок тектоники мезозойских прогибов северного обрамления Сибирской платформы, геологического строения и полезных ископаемых Северного Верхоянья.

Эти исследования были использованы Якутским геологическим управлением при оценке ресурсов углеводородного сырья и твердых полезных ископаемых территории республики и юлучили там весьма высокую оценку. *В.А.Виноградов* был одним из первых геологов НИИГА, взявшихся за проблему геологического строения шельфа арктических морей. Первым результатом в этом направлении явилась монография с соавторами «Тектоника Восточно-Арктического шельфа СССР» (1974), послужившая основой для оценки углеводородного потенциала данного региона.

Как главный геолог ПМГРЭ *В.А.Виноградов* обеспечивал планирование и геологическую эффективность всех геолого-геофизических работ экспедиции на шельфах арктических морей и Берингова моря, в Антарктике и Мировом океане и принимал в них непосредственное участие.

В 1983 г. он в качестве заместителя начальника рейса осуществлял геологическое руководство успешно проведенными работами на железо-марганцевые конкреции в Центральной котловине Индийского океана. Участвовал в работе 35 Советской Антарктической экспедиции, где внес существенный вклад в решение проблемы золотоносности района геологической базы «Союз» в Восточной Антарктиде.

В соответствии со своей научной специализацией он уделял особое внимание региональным работам в восточном секторе Арктики, в частности, в море Лаптевых, на Новосибирских островах и в глубоководных впадинах Северного Ледовитого океана в связи с проблемой внешней границы континентального шельфа.

Выполненные им геологические исследования на 6 островах Новосибирского архипелага, составляют весомый вклад в современное знание геологии этого региона. Является редактором серии листов Государственной карты СССР м-ба 1:200000 по Новосибирским островам.

В настоящее время он работает по проблеме создания Государственной геологической карты России м-ба 1:1000000. Им разработана Лаптево-Сибироморская серийная легенда и составлены четыре сдвоенных листа Госгеолкарты м-ба 1:1000000 на Восточно-Сибирское и Чукотское моря до границы с шельфом США. Листы Госгеолкарты увязаны с данными глубоких буровых скважин и сейсмических профилей на пограничном с Россией Чукотском шельфе США. В результате определены области развития потенциально нефтегазоносных комплексов осадочного чехла и их структура. Это вносит весомый вклад в оценку ресурсов углеводородного сырья Восточно-Арктического шельфа России.

На основе материалов листов составлен участок Восточно-Арктического шельфа в последней Геологической карте Российской Федерации м-ба 1:2500000 издания 2004 г.

Подготовлено более 80 научных трудов, из которых 60 опубликовано.

За свою производственную и научную деятельность *В.А.Виноградов* отмечен ведомственными наградами: знак «Отличник разведки недр» (1980), звание «Почетный разведчик недр» (1987), Заслуженный геолог РФ (2008).

3. ***Вольнов Дмитрий Александрович*** (1923 – 1996 гг.)

Дмитрий Александрович Вольнов родился 20 сентября 1923 года в Петрограде в семье коренных петербуржцев.

В 1941 г. *Дмитрий Александрович* окончил 9 классов и с началом Великой Отечественной войны был эвакуирован с семьей в Татарскую АССР в город Камское Устье. Там он поступил работать масленщиком на электростанцию, а в феврале 1942 г. был призван в армию. В бою севернее Сталинграда был ранен, потом лечился в госпитале в г. Казани. Из госпиталя был направлен в Московское пулеметно-минометное училище. Окончив училище, *Дмитрий Александрович* участвовал в боях под г. Рославлем Смоленской области, где в сентябре 1943 г. был ранен вторично. После излечения в армейском госпитале служил командиром орудийного расчета в зенитном артиллерийском полку. День Победы *Дмитрий Александрович* встретил на берегу р. Одер около г. Франкфурта. Был награжден орденом Красной Звезды.

После демобилизации в 1947 г. закончил в Ленинграде 10-й класс вечерней школы и в 1948 г. поступил в Ленинградский горный институт, в котором получил специальность горного инженера-геолога. В августе 1953 г. по распределению пришел работать в Научно-исследовательский институт геологии Арктики, с которым и была связана вся его дальнейшая трудовая жизнь. Работал геологом на Таймыре, затем в восточной части Арктики, включая побережье и острова.

В 1955 г. Дмитрием Александровичем была выполнена геологическая съемка масштаба 1:1 000 000 в северной части о. Котельного. В 1956 г. *Д.А.Вольнов и Д.С.Сороков* блестяще выполнили миллионную геологическую съемку о. Беннетта, причем детальность съемки превосходила кондиции

масштаба. Работа на Новосибирских островах, изученность которых до того времени не достигала даже регионального этапа исследования, не только принесла им удовлетворение и была прекрасной профессиональной школой, но и сдружила их.

Дмитрий Александрович проводил среднемасштабную геологическую съемку на Лено-Анабарском междуречье, работал геологом, начальником отряда, главным геологом и начальником Ленской экспедиции. В 1966 г. Дмитрий Александрович возглавил научно-исследовательские работы по оценке перспектив нефтегазоносности Северо-Востока Якутской АССР, а затем был избран старшим научным сотрудником и провел цикл таких же работ на шельфе Восточно-Сибирского моря. В 1971 году, осуществляя стратегию изучения и оценки энергетического потенциала Восточно-Арктического шельфа СССР, руководство института решило выполнить среднемасштабную геологическую съемку Новосибирских островов. Встал вопрос об организации базы на полярной станции Темп на о. Котельный. Решать эту задачу нужно было быстро, так как съемка по плану должна была начаться в 1972 г., а это предопределяло перегон вездеходов по льду на Котельный, заброс горючего, строительство базы, взаимодействие с Чокурдахским авиаотрядом и многое другое, что обычно сопутствует развороту больших работ, особенно в Арктике.

Решить весь комплекс этих задач мог только профессионал – опытный геолог, незаурядный организатор, хорошо знавший специфику Арктики и хорошо разбиравшийся в людях.

Вопрос о том, кто справится с этой задачей, директором института И.С. Грамбергом был решен однозначной кандидатурой – *Дмитрия Александровича Вольнова*. Кандидатура *Д.А.Вольнова* была одобрена и утверждена. С 1972 г. начинался цикл тематических НИР, в которых *Дмитрий Александрович* участвовал как ответственный исполнитель. *Дмитрий Александрович* сам возглавил группу сотрудников экспедиции для перегона вездеходов с материка на о. Котельный по льду Восточно-Сибирского моря. Обеспеченные транспортом исследования прошли успешно.

В 1976 г. *Д.А.Вольнов* был переведен в Норильскую экспедицию, где работал главным геологом до 1984 г., когда по состоянию здоровья был вынужден выйти на пенсию.

В дальнейшем по возвращении в Ленинград *Дмитрий Александрович* стал вновь работать во ВНИИОкеангеологии научным сотрудником и возглавил работы по составлению листа S-53-55 Государственной геологической карты Российской Федерации масштаба 1:1 000 000 (новая серия) – Новосибирские острова.

Дмитрий Александрович Вольнов был талантливым ученым, внесшим большой вклад в дело изучения геологии Арктики. С ним легко и интересно было работать. Он автор и соавтор свыше 70 научных работ, в том числе и первой прогнозной оценки углеводородных ресурсов арктических шельфов, проведенной в 1969 г. им в составе авторского коллектива под руководством

И.С.Грамберга. Его теплое отношение к семье – матери, жене *Луизе Ивановне*, дочерям *Оксане и Евгении* - всегда отмечали все его товарищи.

4. ***Ершов Юрий Петрович*** поступил на работу в НИИГА 1953 г. Он одним из первых был направлен по линии Министерства геологии СССР сначала в Албанию, а затем в Монгольскую Народную Республику, где проработал 4 года. Руководил вместе с *Бондаревым В.И.* поисковыми работами, преимущественно на флюорит, на юге арх. Новая Земля. Последние годы работал в лаборатории новых методов выявления и извлечения углеводородов, которой руководил *Марморштейн Л.М.*

5. ***Марморштейн Леонид Миронович*** поступил на работу в НИИГА в 1953 г. Он окончил Горный институт по двум специальностям: геофизические методы и геологическое картирование. Первые годы работал в Енисейской экспедиции и в это же время защитил диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук по прикладной геофизике. Главным делом жизни считал создание лаборатории щелевых методов, повышающих нефтеотдачу промысловых скважин. Метод был опробован в ряде нефтяных промысловых районов. Тем не менее лаборатория была закрыта. *Леонид Миронович* переехал в США, полагая, что американцы к своим ресурсам относятся более заинтересованно. К сожалению, особого успеха его методика не имела*.

6. ***Михайлов Юрий Андреевич.*** По узкой специализации – литолог. В качестве литолога работал на Новой Земле, занимался отложениями ордовика, силура, перми. В качестве литолога же, правда, нефтяного направления, был в Республике Бангладеш, вместе с *Т.М.Пчелиной и Н.И.Шульгиной* работал на Земле Франца-Иосифа. К сожалению, очень рано скончался.

7. ***Милашев Владимир Аркадьевич*** непрерывно работает в НИИГА-ВНИИОкеангеология с 1953 г. по настоящее время; участвовал в экспедициях в главнейшие алмазоносные районы Сибири и Европейской части России. В 1961 г. защитил кандидатскую, а в 1967 г. - докторскую диссертации.

Признанный специалист в области геологии месторождений алмазов. Циклы его фундаментальных теоретических работ охватывают весь круг вопросов геологии, прогнозирования и генезиса коренных месторождений алмазов. Результаты исследований, помимо теоретического, имеют большое прикладное значение, внедрены в практику геологоразведочных работ и признаны изобретениями. Широко известны работы по петрологии и физико-химическим условиям образования кимберлитов, позволившие определить главнейшие факторы алмазоносности этих пород и установить математическую зависимость между химическим составом кимберлитов, весовым содержанием и качеством алмазов в них. Исследования связи кимберлитового вулканизма с эволюцией верхней мантии, динамических процессов и энергетической

* 02 октября 2012 г., как и около года назад, отлично выглядящий в свои 82 года *Леонид Миронович* посетил с дружеским визитом отдел нефтегазоносности Арктики и Мирового океана и между делом сообщил, что его метод широко востребован как в США, так и на просторах нашей Родины (в частности, в Удмуртии) (ред.)

направленности образования кимберлитов позволили опубликовать прогноз о местонахождении и перспективах алмазоносности 10 новых провинций, 3 из которых позднее были обнаружены (Бразильская, Русская, Австралийская).

В последующие годы успешно развивает созданные им новые направления в геологии коренных месторождений алмазов по структурам, сравнительному анализу кимберлитовых полей Якутской и Русской алмазоносных провинций, энергетики образования алмазных месторождений. Теоретические разработки и основанные на них методы локального прогноза проверены и подтверждены на практике, позволяя в несколько раз сократить затраты средств и времени на открытие и предварительную оценку каждого нового алмазного месторождения.

Автор около сотни статей и 22 научных монографий, часть из которых переведена за рубежом. Наиболее известны из них; «Петрохимия кимберлитов Якутии и факторы их алмазоносности» (1965), «Структуры кимберлитовых полей» (1974), «Кимберлиты и глубинная геология» (1990), «Сравнительный анализ кимберлитовых полей Якутской и Русской провинций» (2000), «Геология кимберлитов» (2010) и др.

В.А.Милашев является членом нескольких Ученых Советов, в качестве эксперта по поискам и оценке перспектив алмазоносности работал в Сирийской Арабской Республике.

Награжден медалями «В память 250-летия Ленинграда» (1958 г.), «Жителю блокадного Ленинграда» (1989 г,), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (2005 г.) и др.

Имеет звания «Почетный разведчик недр» (2003 г.) и «Заслуженный геолог РФ» (2008 г.), лауреат премии им. А.П.Карпинского (2012 г.) за разработку теории и комплекса из 10 практических методов по прогнозированию и оценке алмазоносности кимберлитовых провинций, полей и диатрем.

8. ***Погребицкий Юлиан Евгеньевич*** **(1930-2006 гг.)** Один из наиболее талантливых выпускников нашей группы, что особенно ярко проявилось при присуждении ему докторской степени по результатам защиты кандидатской диссертации и избрании его в 1991 г.членом-корреспондентом РАН по отделению океанологии, физики атмосферы и географии.

В 26 лет *Юлиан Евгеньевич* стал начальником Таймырской экспедиции, создав там удивительный работоспособный и творческий коллектив.

В 1971 г. вышла в свет монография *Ю.Е.Погребицкого* «Палеотектонический Анализ Таймырской складчатой системы» — выдающееся научное исследование, не имеющее аналогов в отечественной, да и пожалуй, в мировой геологической литературе. В те годы после работ известных полярных исследователей *Н.Н.Урванцева, В.А.Вакара, И.П.Атласова* Таймыр рассматривался как полициклическое складчатое сооружение, в строении которого участвуют докембрийские, каледонские и герцинские структуры. На основании глубокого и оригинального палеотектонического

анализа *Юлиан Евгеньевич* показал, что ни байкалид, ни каледонид, ни герцинид в Таймырской складчатой системе нет. Эта система образовалась в результате позднепалеозойско-триасовой активизации древней Северо-Азиатской платформы, преобразовавшей ее фундамент и чехол в складчатое основание молодой платформы. Рассматривая связи Таймыра с сопредельными структурами, *Юлиан Евгеньевич* пришел к заключению, что процессы негеосинклинального омоложения древних платформ широко развиты на востоке Евразии и связаны с развитием Тихоокеанского подвижного пояса. Отметим, что монография *Юлиана Евгеньевича* постоянно цитируется и несомненно имеет огромное значение при интерпретации современных геолого-геофизических материалов по глубоководной части Северного Ледовитого океана и воссоздании его эволюции.

В 1976 г. вышла в свет еще одна выдающаяся работа *Юлиана Евгеньевича* «Геодинамическая система Северного Ледовитого океана», в которой было показано, что этот океан является частью длительно (с поздней перми) развивающейся Арктической геодепрессии, образованной в результате гравитационной сегментации Земли в условиях расширяющейся планеты. Эта работа стала тектонической основой крупных исследований по различной тематике, проводившихся в НИИГА—ВНИИОкеангеологии.

В 1978 г. большим коллективом геологов и геофизиков НИИГА под общим руководством и редакцией *Ю.Е.Погребицкого* была составлена тектоническая карта Северного Ледовитого океана и обрамляющих территорий в масштабе 1:2500 000. На этой карте впервые в практике отечественных и зарубежных исследований геоструктуры океана, шельфа и прибрежной суши показаны как компоненты единой геодинамической системы материк-океан.

Следует сказать, что *Юлиан Евгеньевич* был непревзойденным мастером воплощения своих тектонических идей и концепций в картографические материалы. Авторские макеты карт скрупулезно вычерчивались на ватмане им или высококвалифицированными картографами при его постоянном присутствии, тщательно подбиралась цветовая гамма карт и вся система условных обозначений. Рассматриваемая тектоническая карта поражает тщательностью отрисовки всех деталей. К сожалению, она (как и ряд других карт *Юлиана Евгеньевича*) осталась неопубликованной и сохранилась только в фондах нашего института.

Большим событием в отечественной геологии стал выход в 1984 г. под редакцией *И.С.Грамберга и Ю.Е.Погребицкого* IX тома фундаментального издания «Геологическое строение СССР» - «Моря Советской Арктики», где *Юлиан Евгеньевич* был автором наиболее важных разделов. На основе выявленных закономерностей структурно-вещественной эволюции материковой окраины Евразии - части Арктической геодепрессии, контролирующей развитие рассматриваемого региона, были составлены минерагенические схемы для акваторий морей и островов арктического шельфа.

В 1981 г. после преобразования НИИГА во ВНИИОкеангеологию *Ю.Е.Погребицкий* был назначен заведующим отделом геологии и геофизики Мирового океана. Как крупный ученый-тектонист он понимал, что для создания общей концепции тектоногенеза Земли необходимо систематическое изучение геологии океанов. Им была разработана уникальная научная программа-проект «Океанские геотраверсы - унифицированная система геолого-геофизических наблюдений для изучения региональной геологии Мирового океана». По этой программе был проведен весь запланированный комплекс исследований на Анголо-Бразильском геотраверсе и большая часть работ на Канаро-Багамском геотраверсе. В результате были получены новые фундаментальные данные о строении, эволюции и минерагении литосферы Южной Атлантики, которые были доложены *Юлианом Евгеньевичем* на 31 сессии Международного геологического конгресса в Рио-де-Жанейро.

К сожалению, проект «Океанские геотраверсы» не был реализован в полном объеме в связи с распадом СССР и прекращением финансирования. Представляется, что подобный геотраверс, пересекший основные морфоструктуры Северного Ледовитого океана, снял бы многие дискуссионные вопросы его происхождения.

В продолжение цикла исследований по изучению геологии Атлантического океана, начатого на геотраверсах, *Ю.Е.Погребицким* была составлена оригинальная тектоническая карта Атлантического сегмента Земли масштаба 1:5000 000, также оставшаяся, к сожалению, неопубликованной.

Ю.Е.Погребицкий как ученый-тектонист мирового уровня принимал участие во многих международных проектах - составлении тектонической карты Европы масштаба 1:2500 000, тектонической карты Мира (Арктический бассейн), неоднократно выступал с докладами на международных геологических конгрессах. Он являлся вице-президентом Комиссии по международной геологической тектонической карте Мира.

Последние полтора десятилетия *Юлиан Евгеньевич* занимался вопросами глубинного строения и эволюции литосферы Северного Ледовитого океана в рамках государственной программы научного обоснования положения внешней границы континентального шельфа (ВГКШ) России в Арктике. Здесь он выступал в качестве главного интерпретатора уникальных натурных экспериментов, проводившихся ВНИИОкеангеологией и Полярной экспедицией в Арктическом бассейне. Именно выводы *Юлиана Евгеньевича* об эпиконтинентальном происхождении поднятий Амеразийского бассейна Северного Ледовитого океана послужили научной основой при подготовке Заявки России по положению ВГКШ в Арктике, поданной в 2001 г. в Комиссию ООН.

Юлиан Евгеньевич всегда уделял исключительное внимание анализу рельефа как наиболее чуткого и объективного показателя геологических процессов. Не случайно он вместе с *И.С.Грамбергом* был организатором и научным руководителем работ по составлению батиметрической карты

Северного Ледовитого океана масштаба 1:5000 000. За эту фундаментальную работу в 2003 г. он вместе с группой коллег был удостоен премии правительства РФ в области науки и техники.

Много сил и энергии *Юлиан Евгеньевич* отдавал воспитанию молодой смены геологов, став в 1991 г. профессором и заведующим кафедрой Санкт-Петербургского горного института. Он был прекрасным оратором, продолжателем традиций этого института, всегда славившегося высочайшим профессиональным уровнем преподавательского состава. *Юлиан Евгеньевич* читал курсы «Геотектоника и геодинамика» и «Неотектоника» и старался при этом привлечь наиболее талантливых студентов к работе в геологии, Он всеми силами способствовал переходу их после окончания института во ВНИИОкеангеологию. В нашем институте *Юлиан Евгеньевич* являлся научным руководителем для многих нынешних докторов и кандидатов наук.

В заключение позволю себе процитировать многолетнего зам. директора ВНИИОкеангеологии *В.Л.Иванова*: «Понятно, что имя *Ю.Е.Погребицкого* входит в узкий список самых выдающихся ученых, работавших когда-либо в НИИГА-ВНИИОкеангеологии... Однако, по одному параметру Ю.Е.Погребицкий бесспорно превосходит любого и из предшественников, и из современников. Этот параметр – востребованность».

9**. *Рогозов Юрий Григорьевич*.** Исключительно интересный человек, многократный чемпион СССР по академической гребле, участник зарубежных регат. Он пришел в НИИГА уже кандидатом геолого-минералогических наук. Дальнейшая профессиональная жизнь связана с арх. Северная Земля в составе Норильской экспедиции, с п-овом Шмидта. Одним из первых намыл шлиховое золото на арх. Северная Земля, тем самым став предтечей золотопоисковых работ Норильской и Арктической экспедиций, особенно успешно проявив себя в южных долинах острова Большевик.

10. ***Русаков Игорь Михайлович*** **(1927-1977 г.г.)**

Участник Великой Отечественной войны, танкист. Награжден орденами и медалями за победу над фашистской Германией.

Сын известного геолога-рудника *Русакова М.П.* Районы работ в Арктике – Алазейское поднятие и Корякское нагорье. В первом районе обоснованно сформулировал дискуссионные вопросы о строении Алазейского плато, во втором – Корякском нагорье – был постоянным оппонентом руководителя экспедиции *Б.Х.Егиазарова*. Итогом геологической съемки по Северо-Востоку СССР является ликвидация срединного Колымского массива на месте истинного развития эвгеосинклинальной зоны, отраженная в отчете *Шимараева В.Н., Русакова И.М., Виноградова В.А.,* повлиявшем на нынешнее понимание магматизма и связанного с ним оруденения.

[От редактора. К лапидарной характеристике автора очерка уместно добавить без всяких комментариев «избранные места» из воспоминаний более молодого коллеги *Игоря Михайловича*, характеризующих его как человека и исследователя.

«Среди немалого числа самобытных людей, работавших в НИИГА в 50-70-х годах прошлого века, *Игорь Михайлович Русаков* занимал одно из наиболее заметных мест...

В отношенниях с друзьями очень внимательный, обладавший большим душевным теплом и удивительным обаянием, в отношениях с противниками и оппонентами он был бескомпромиссным и очень памятливым. Не будет преувеличением сказать, что работа для *И.М.Русакова* стояла на первом месте. У него всегда было много идей, которые он «проигрывал» в поисках наилучших решений. Делал он это неторопливо, со вкусом, неоднократно проверяя себя. Тексты *Игорь Михайлович* обычно писал карандашом, очень мелким убористым почерком. Когда он их редактировал - никогда не зачеркивал написанного, а стирал те слова, которыми был недоволен, и писал на их месте все заново. Работал очень фундаментально, но не спеша...

Свойством его ума была ясность мышления, умение логично изложить факты и последовательно доказать выдвинутый тезис. В ходе полемики, а споры по стратиграфии, тектонике и истории развития Корякии бывали предельно горячими, *И.М.Русаков* одерживал красивые убедительные победы над оппонентами. Среди последних обычно оказывались начальник Корякской экспедиции *Б.Х.Егиазаров* и начальник партии *О.П.Дундо*.

Защиты отчетов по Корякии проходили живо, при большом стечении заинтересованных слушателей, и *Игорь Михайлович* всегда был в центре событий. Предлагал интересные соображения по тектонике и истории геологического строения, демонстрируя широкую эрудицию и глубокие знания обсуждаемого вопроса.»][*]

11. ***Ушаков Вадим Иванович.***[**] Один из немногих, кто остался верен поисковой специальности. Началось это еще у *Л.И.Красного*, когда пришлось руководить поисковыми работами. Хорошо знаком с проблемой ртутного оруденения Таймыра. Много лет занимался проблемой никеля, руководя Курейской экспедицией, а после работы в Монголии занимаясь рудами Талнаха и распределением в них платиноидов. Наиболее успешной в поисковом отношении была работа в Монгольской Народной Республике, где открыто крупнейшее в Азии месторождение Эрдэнет, построены ГОК и одноименный город при нем. После возвращения работал начальником Приморской экспедиции и осуществлял научное руководство поисковыми работами на

[*] *Андреев С.И. Русаков И.М.* (1927-1977). – На пути к недрам Арктики, Антарктики и Мирового океана. Выпуск II, часть 2. – СПб., ВНИИОкеангеология, 2007, с. 115-118.

[**] Перечень славных выпускников ЛГИ 1953 года – геологов НИИГА-ВНИИОкеангеологии был бы неполным без автора воспоминаний, и по моей просьбе он скромно написал о себе, а я дополнил эту самохарактеристику перечнем наград *В.И.Ушакова* [ред.]

шельфах Арктической экспедиции. Одновременно был руководителем проблемы твердых полезных ископаемых арктических архипелагов и островов. К чести отдела, в «камеральный» период выпущено 11 монографий, что является достойным вкладом отдела ТПИ.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», знаками «Отличник разведки недр», «Почетный разведчик недр», почетный геолог Монгольской Народной Республики (1964 г.), Заслуженный геолог Российской Федерации (1996 г.) и др.

Вместо заключения

Сегодня почти во всех основных отделах института еще работают геологи «первых призывов», пришедшие в институт в конце 40-х-начале 50-х, увы, уже прошлого века. Честь и искренняя благодарность им, пожелания крепкого здоровья и, одновременно, надежда на то, что окружающие их более молодые исследователи сумеют перенять у ветеранов не только их знания, но и преданность Геологии, способность любить Геологию в себе, а не себя в Геологии.

ХАРИТОНОВА Л.Я.

Письмо в прошлое

Здравствуйте, дорогой *Вадим Арпадович*[*]!

Наконец-то вошла на сайт своей почты после долгих попыток вспомнить пароль почтового ящика. В свое оправдание хочу заметить, что вспоминаю я Вас в этой жизни гораздо чаще, чем откликаюсь на Ваши позывные. Все Ваши послания прочитать, конечно, невозможно, но с некоторыми, интересующими меня, ознакомилась. Прочитала послание о Земле Санникова. Мне было смешно читать Вашу просьбу, относящуюся к Вашим бывшим коллегам: «Ребята, старые песочники, работающие до сих пор в НИИГА - *Лёша Пискарёв* (тьфу ты, профессор *Пискарёв-Васильев*), или *Боря Ким*, или *Дима Лазуркин,* или кто там ещё живой - сделайте Божецкую милость, доплетитесь в фонды (или попросите сходить туда вашу сотрудницу, молодую и симпатическую девочку) и посмотрите, нет ли там под моей фамилией этих статей». Уверяю Вас, что никто из них это делать не будет, несмотря на теплое отношение к Вам, потому что куча других проблем, а эта просьба – с их точки зрения, чудачество ребенка. К тому же фонды института хранят только отчеты, а изданные ваши публикации на эту тему могут быть в библиотеке НИИГА.

В 1978 году мы *с Сережей Раевским* под вашим чутким руководством работали на теме, возглавляемой *Михаилом Константиновичем Косько* по Восточно-Сибирскому морю. Вы упорно в силу своей увлеченности все рабочее и нерабочее время уделяли проблеме существования Земли Санникова в прошлом (по геофизическим данным). Мы с *Сережей* посмеивались, так как отчет горел, а Вы, как и многие наши далекие предки, грезили Землей Санникова. Тот факт, что Вы передали впоследствии эти материалы для публикации в какой-то журнал, прошел, очевидно, мимо меня. Помню только точно, что некоторые материалы по Земле Санникова Вы отдали *В.С.Зархидзе*. Меня в свои дела Вы не посвящали, так как считали, что мне это не интересно - я в то время вила «свое гнездышко». После Вашего отъезда я интересовалась у *Владимира Семеновича* этой «Землей» в связи с тем фактом, что доказательства ее существования основаны Вами на базе геофизических данных, что меня очень интересовало, а также с тем, что на экранах шел одноименный фильм. Мне этот фильм очень нравился, так как жажда открытий во мне в ту пору еще была жива. Странно, почему Вы вместе с текстом не взяли с собой иллюстрации к нему? Еще несколько раз обращалась я к *В.С.Зархидзе* со своей просьбой, но ему все время было некогда отыскать в своих бумажных завалах папку с материалами о мираже, увиденном Толем... А жаль! «…призрачно все в этом мире бушующем…»

Недавно разменяла 60. Страшно подумать! Как быстро пролетели годы! Когда приближалось 50, я задумала сделать альбом фотографий «Моя

[*] В.А.Литинский, геофизик, б.сотрудник НИИГА-ВНИИОкеанологии, ныне гражданин США. См. его воспоминания «Отважные дрейфуньи» в этом сборнике.

Арктика». До сих пор идея живет, а альбом находится в процессе создания. В этот раз пересмотрела все фотографии моих экспедиций на Север, вспомнила Котельный, Чокурдах…, наш чудный молодой гравиметрический отряд во главе с Вами!

Всем рассказываю, что были настоящие мужчины в наше время. Вы вытащили меня из бухгалтерии НИИГА, куда я попала совершенно случайно. А начинала я свою трудовую деятельность в лаборатории геофизики, возглавляемой *А.М.Городницким*, куда меня привел *Додин Давид Абрамович*, которому я очень благодарна, так как в НИИГА я приобрела родной дом и друзей на долгие годы. Я работала техником, на подхвате у великих, в моем понимании, геофизиков. А вечерами училась в Горном институте на кафедре геофизики. Работала я усердно от звонка до звонка (тогда это была норма), к тому же, не имела вредных привычек. Лаборатория располагалась на первом этаже переходного корпуса в комнате №6. В то время в ней работали и Вы (так же усердно). Здесь мы с Вами и познакомились. Безоблачное время продолжалось недолго. Оказалось, меня взяли на место временно ушедшего писать дипломную работу *Каминского Валерия Дмитриевича*. Он успешно защитил диплом и вернулся под крылышко *Александра Михайловича Городницкого*, где мне уже места не было. Кто бы мог тогда подумать, чем закончится эта рокировка! Приютила меня бухгалтерия, в которой я так же усердно отработала два года.

Но боги не покинули меня! Вы вспомнили обо мне (очевидно, моя усидчивость произвела на вас впечатление) и пригласили меня работать в отдел нефти и газа на тему *Дмитрия Александровича Вольнова*, куда чуть ранее перешли работать сами. Я сразу поняла, что Вы очень увлекающийся человек. Однажды Вы развернули передо мной карту восточно-арктического шельфа СССР и спросили: «*Любочка*, где бы вы хотели побывать и поработать? Не стесняйтесь!» Я ткнула пальцем на Новосибирские острова. И это свершилось! Как настоящий мужчина Вы выполнили свое обещание. Не знаю уж, что этому способствовало, Ваша инициатива и согласие *Д.А.Вольнова*, или звезды расположились на небе удачно, но я оказалась в Чокурдахе на Индигирке, а затем на о. Котельный. А было это в 1976 году. После защиты диплома, в мае, я уехала отдыхать по молодежной путевке на море по маршруту Тбилиси - Сочи. Вы в это время с *Сережей Раевским* готовились в экспедицию на о. Котельный. Задачей наших будущих исследований было проведение гравиметрических измерений вдоль двух профилей на о.Котельный на участке, не охваченном гравиметрической съемкой. Попутно предполагалось изучение плотностей пород в массивном их залегании методом Неттелтона. При подготовке к работам эталонировались приборы, подбирались кадры и.т.д. Нашли повара-студента из ЛИТМО, красивого молодца из Таджикистана (полукровка, экзотическая личность). Звали его *Александр*. Я многие детали уже забыла. На полевые работы мы выехали в конце июня. До Чокурдаха добрались быстро. А потом... Жили на базе в течение двух недель вместе с геологами во главе с *Д.А.Вольновым*, ждали Полярного извозчика ЛИ-2, который доставил бы нас на

о. Котельный. Чтобы не терять времени даром, Вы решили нас обучить премудростям работы с теодолитом. Вы придумали тренировочные теодолитные маршруты по окрестностям Чокурдаха. Причем тренировались практически ежедневно, целый рабочий день в любую погоду (снег, дождь, сильный ветер), а вечерами в четыре руки, ноги и т.д. считали всякие невязки, поправки…, теодолитные ходы. Повар *Саша* также был привлечен, осваивал работу на приборе и был записатором. Но были и выходные. Основное занятие у меня - это вязка кофточки и магазин, в котором можно было купить дефицитную мелочевку, в частности, бюстгалтеры по копейке! Потом в сопровождении *Сережи Раевского* и *Саши* Вы любили ходить на Чокурдахскую помойку, на которой можно было найти Все!, что душе угодно. Мне она напоминала магазин-склад под открытым небом. Вы приобрели там штанишки (оптом 100 шт.), болотные сапожки и т.д. Самое ценное приобретение было у *Саши*-повара. Он нашел шикарный казан! С этой минуты мы стали ждать таджикского плова! Часто ходили любоваться Индигиркой. Мы все-таки дождались полярного извозчика ЛИ-2 и вскоре приземлились в а/порту поселка Темп на о. Котельный, где базировалась Восточно-Сибирская экспедиция НИИГА, которой руководил *В.Л. Иванов*. Оттуда все разъезжались по своим маршрутам. Мы тоже снарядились. Нам дали вездеход, вездеходчика (тоже молодого) и в составе пяти человек: *Вы, Сережа, я*, повар и вездеходчик на полусломанном вездеходе (списанном у военных) мы двинулись в путь изучать Арктику. В памяти запомнилось несколько эпизодов нашей трудовой деятельности на о. Котельный. Долго искали место для стоянки лагеря. Вам приглянулось место в долине какой-то небольшой речки. Сережа осторожно заметил, что это не самое хорошее место для стоянки, так как если пойдет дождик, то долина заполнится водой. На это вы ответили, что такое бывает раз в 100 лет! Развернули лагерь. Повар приступил к приготовлению долгожданного плова! Мы готовились к предстоящей работе. Стал накрапывать мелкий дождик. Вас это не смутило. *Сережа* опять предложил сменить место стоянки. Но Вы как-то отшутились. Вода в палатке прибывала. Мы с *Сережей* надели болотные сапожки. Плов шквырчал. Вы расслабились, затянули песню… «на Магадан, на Магадан…», а вода прибывала... Глянули в палаточное окошко: вездеход затопило по самые гусеницы. А мы весело кушали плов, а Вы все пели «на Магадан, на Магадан». Уровень воды в палатке поднимался и, наконец, песня оборвалась… Мы стали перебазироваться на сухое место. Хочется отметить, что мы работали денно и ночно без отдыха. Рыбу не ловили, в карты не играли. Я только умудрялась читать по ночам урывками привезенного с собой из Ленинграда Достоевского «Идиот». Работали в любую погоду: и в снег, и в дождь, и в ветер! При каждом выезде в маршрут в такую погоду Вы мне гарантировали безопасность! *Д.А.Вольнов* нас все время опекал. Подбрасывал нам что-нибудь вкусненькое, например, масло, чтоб любовь не гасла, вкусную рыбку, которую ловил *Очаповский*. По вечерам работа продолжалась: считали точность измерений. Чтобы увеличить ее, измерение на точке делали тремя приборами, один из которых все время показывал «лажу», снижая при этом точность, но Вы не

хотели в это верить. И однажды…. В одном из маршрутов, переходя с точки на точку, табуреточка, на которую устанавливали гравиметр, при ходьбе раскачалась и тихонько ударила о стенку одного из приборов. Такие точечные удары для гравиметра смертельны. Это произошло случайно. Воцарилась тишина, в которой Сережа произнес сакраментальную фразу, тогда шокировавшую меня: «П…ц подкрался незаметно…». К счастью, это оказался некондиционный прибор. После этого случая стали работать двумя приборами и с точностью проблем не стало.

Хочу Вам заметить, дорогой *Вадим Арпадович*, что о каждом дне нашего пребывания на о. Котельный можно написать рассказ! Курьезов было море! Как известно, на Новосибирских островах много мамонтовой кости. Но для домашнего интерьера вы заинтересовались сбором берцовой кости мамонта. Она крупная. Для ее перевозки вездеход был переоборудован. При помощи брезента и фанеры подняли борта вездехода, увеличив его вместимость. Теперь в свободное от работы время мальчики собирали хорошо сохранившуюся берцу и укладывали ее на дно вездехода. При этом наши посадочные места все время поднимались вверх под крышу. На одной из стоянок лагеря к нам примкнул чудный пес, крупная лайка. Откуда она взялась за многие км от жилья? Мы назвали его Приша. Он поначалу очень хромал, видно, бежал по следу долго и подушечки лап о гальку стоптал. Все его очень полюбили, но он привязался больше всего к повару *Саше*.

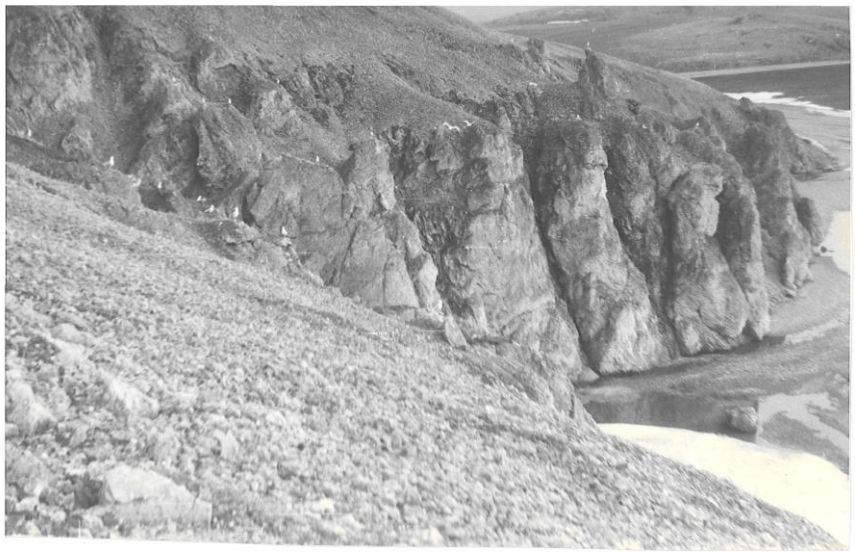
В своем повествовании приближаюсь к финишу. Врезался в память еще один эпизод. По приемнику Вы узнали, что умер Великий Мао. В честь этого организовали салют! Истратили все красные ракеты! Эпилог. Работаем. Уже выпал снег. *Вольнов* требует заканчивания работ и наше возвращение на базу. Все отряды уже в Темпе. Ожидают самолета для вывоза экспедиции на Большую Землю! А мы еще шастаем по тундре. Вездеход загружен берцой мамонта. Мы с *Сережей* и *Сашей* под крышей, а собака сверху нас. Подъезжаем к Темпу. Впереди перед нами водное препятствие – лагуна, которая впадает в море Лаптевых. При меньшем количестве воды вездеход свободно преодолевал это препятствие, но уровень поднялся, а наш вездеходчик на неплавающем вездеходе, не задумываясь, плюхнулся в воду, забыв при этом, очевидно, «не знаешь броду, не лезь в воду». Изумленная встречающая публика с интересом смотрела на происходящее. А вездеход тем временем стал неуправляем и его потихоньку стало сносить в море! Началось самое смешное! *ВЫ* стали подавать сигнал о помощи зелеными ракетами (красных не было, все ушли на радость по случаю кончины Мао). Связь почему-то не работала. При этом в связи с возвращением нас на базу Вы зачем-то просили нас петь патриотические песни. Через окошко мы видели, что база и изумленная встречающая публика проплывают мимо! Руководство во главе с *Д.А.Вольновым* экстренно стало организовывать спасение. Но все трактористы были уже «кривые», так как ждали самолета лететь в Чокурдах. Наконец, нашли самого трезвого и он на тракторе, зная где мелко, вытянул нас на берег! Потом начались сборы домой: укладывание приборов, «берцы» и т.д., но это

уже другая история. Вот на первый раз пока и все. Я вспоминаю обо всем и обо всех, с кем мне довелось общаться и работать, с большой теплотой. И благодарю бога и Вас с *Дмитрием Александровичем Вольновым* за встречу с кусочком Арктики – островом Котельный, на котором я побывала! Помню, благодарю, хотя и редко откликаюсь, целую. *Люба (Любочка)*

Санкт-Петербург, 23 декабря 2011 года

пос. Чокурдах, лето 1976 г.
После Сочи север краше. В ожидании полярного извозчика для переброски к месту работ (о. Котельный). На берегу реки Индигирки «Счастливая мулатка».

Столбовые горы о. Котельный, лето 1976 г.
«Оказывается, это планета Земля».

о. Котельный, лето 1976 г Трио отважных исследователей Арктики, лагерь геофизиков у грота под скалой в долине р. Безымянная. Слева направо: повар *Саша* со своим другом чудным псом Пришей, *Харитонова Л.Я., Раевский С.С.*

Пос. Чокурдах, вдали порт на реке Индигирке. Возвращение со знаменитой Чокурдахской помойки, где можно было найти все, что мог пожелать простой советский геофизик. Слева направо: *С.С. Раевский*, повар *Саша*, наш любимый начальник *Литинский Вадим Арпадович.*

О. Котельный, лето 1976 г. Гравиметрические наблюдения на точке.
Я и *Сережа Раевский* «В поисках счастья …»

О. Котельный, лето 1976 г. «Широка страна моя родная...». Возвращение с работы тружеников – геофизиков *Раевского С.С.* и *Харитоновой Л.Я.*

О. Котельный, лето 1976 г. Уютный лагерь геофизиков в долине р. Безымянная. Вид сверху, со скалы, нависшей над лагерем

О. Котельный, лето 1976, долина какой-то речки (до недавнего времени сухой), приютившей исследователей «силы притяжения Земли». После маленького, но длительного дождика. Наша железная лошадка чуть не утонула

Последний Полярный извозчик ЛИ-2

Вылет с о. Котельный, осень 1976 г. Последний Полярный извозчик ЛИ-2. Погрузка образцов и снаряжения. Слева направо: *Раевский С.С., Харитонова Л.Я., Саша* (повар), озабоченный начальник (спина) *Литинский В.А*., рабочие.

Пос. Чокурдах, лето 1976 г. На тренировочном маршруте по освоению теодолита. Комариные муки.
Раевский С.С.,
Харитонова Л.Я.

О. Котельный, 1976 г. Берег моря Лаптевых. Плавник – дрова и ископаемые дары прошлого. Бивень и берцовая кость мамонта в руках отважных исследователей Арктики. *С.С. Раевский* (в центре) и *Саша* (повар).

О. Котельный, база экспедиции. Вблизи вольера по приюту полярных сов, устроенному *Виктором Николаевичем Зенковым*. «Укращение строптивых» (полярной совы и…). Все те же.

ШАНУРЕНКО Н.К.

Северные полигоны

В первые годы жизни в НИИГА после окончания института в 1956 г. мне пришлось «в поле» совмещать свои обязанности геолога с работой взрывника, т.к. последних постоянно не хватало, а иногда не было вообще. Это дополняло естественные должностные обязанности ответственного за горно-взрывные работы, иллюстрируя известное – «сам и жнец, и на дуде игрец». Я взрывал в 1956 г. у о. Диксон и на о. Моржово, в 1957 г. – в Игарском районе, в 1958 г. – на карском побережье Таймыра, в 1958-60 гг. у оз. Таймыр. От этой сферы моей деятельности, помимо «тягомотины» забот о различных оформлениях документов и разрешений, организации перевозок, хранения ВМ и т.д., трат времени на собственно взрывные работы и специфики щекочущих чувств при ликвидации отказов, в памяти остались несколько ярких событий.

1956 год. Наш отряд Таймырской экспедиции исследует молибденоносные скарны на скалистом островке Моржово в Пясинском заливе. Это здесь в дни «приплытий» *Ю.Е.Погребицкого* можно было видеть картины типа «Бессмертный гарнизон»: над сурово-тихим свинцовым морем «*папа Коля*» (*Н.Г.Горбунов*) играет на банджо, под обрывами слушают зачарованные тюлени, а на скалах застыли притаившиеся фигуры в ватниках, ощетинившиеся ружьями и парабеллумом *Юлиана Евгеньевича*. Но я отвлёкся. А в обычные дни мы с рабочими занимаемся проходкой траншей и канав и опробованием, я заряжаю, взрываю и иногда щекочу всем нервы, ликвидируя нередкие, увы, отказы. «И каждый вечер в час назначенный» *Гаррик* (*Г.Э.Грикуров*) уходит в одиночестве документировать. Но однажды вечером отдых лагеря был прерван взрывом. Кто? Где? *Гаррик*! Рекордный забег до участка, и вот он. Смущённый моим видом (всё-таки чувствовал свою вину, змей!), он сказал: «У меня сломались карандаши, а я забыл нож и подумал, что у тебя всегда с собой бритва для нарезки бикфордова шнура. И решил быстрей тебя позвать!»

Лето 1957 г. – начало деятельности Игарской экспедиции НИИГА – будущей ЦАГРЭ (Центрально-Арктической геолого-разведочной экспедиции НИИГА, далее Севморгео и затем ВСЕГЕИ). В составе поисковой партии, изучавшей интрузии рудоносных мафитов в Игарском районе правобережья Енисея, работали 2 горнопроходческих отряда. Отряд *И.Н.Горяинова* работал в 20-25 км от нашего (*Игорь Николаевич Горяинов* пришёл тогда в НИИГА, отработав пару лет за границей, после окончания Горного института). И всё было как обычно, но однажды у нас вдруг появляется рабочий-посыльный от *Горяинова*. Он говорит, что у них подорвались 2 человека и отдаёт мне записку *Игоря*, где тот пишет примерно следующее: «*Коля!* Не волнуйся, всё обойдётся, всё в порядке…» И всё! А парнишка, дабы ещё больше успокоить, бубнит, что, мол, ничего страшного не произошло, это, дескать, взорвались не наши люди. И так далее, и так же бестолково. Этот условно *Вася* (не помню, как его звали) был странным парнем – рабочим местного найма. Молчаливый, отчасти косноязычный, видимо, не очень развитый и «подхватно-услужливый», он

обычно использовался «хоз-ауп-деятелями», а посему, наверное, при каждой оказии передавал «приветы работникам конторы». В общем, ничего путного выяснить у него не удалось, и только после сумасшедшего пути и встречи с *Игорем* всё разъяснилось и стало ясно, что есть они – «незримые оберегатели и заступники». Потому что осколки от взорвавшейся коробки с детонаторами (и взрывчатка была недалеко) поранили только поверхностно кожу у одного вблизи глаз, а у второго – на бедре у причинного места. По словам *Игоря*, будоражить эфир не стоило, а написать и объяснить мне случившееся толковее, конечно, было нужно, но…! И всё было понятно, закончилось счастливо и стало хорошо!

В 1958 г. из-за «взрывных дел» мы чуть было не сорвали полевые работы по вскрытию и опробованию бериллиеносных пегматитов экспедицией *Л.А.Чайки* на севере Центрального Таймыра (Берулинское пегматитовое поле на побережье Карского моря, там же – самый северный лагерь ЗК). С громадным трудом лишь в июле мне удалось после долгих хождений оформить в Красноярске документы на проведение взрывных работ, получение, перевозку и хранение ВМ (в т.ч. документы «охранников») и т.д. Затем Норильск, взрывчатка, Диксон, полёты из Диксона самолётом на Бирули и сбросы аммонита, а далее «затык» - мне нужно с детонаторами лететь самому и только вертолётом, т.к. в районе работ нет посадочных площадок, наконец, добываем вертолёт, но опять снежная круговерть. В тот год на Таймыре (и не только) практически не было лета, а снеговой покров почти не сошёл, а с августа всё завьюжило снова. И вот расклад: съёмочные группы со скрипом, но почти заканчивают работы, практическая группа сидит на жилах пегматитов с мешками аммонита, а в Диксоне я со взрывателями и прочим барахлом цепляюсь за вертолёт, ожидая, когда его отнимут, либо дадут добро на вылет. Наконец, вылет. Летим. Экипаж, дополнительная горючка, пара ящиков аммонита и я с вещичками, заверивший пилотов в отсутствии детонаторов (но положение безвыходное – и они в сумке). Летим, курим, а снег идёт и ничего не видно, ибо внизу всё тундра, горы и море в снегу. А приборы в этом чуде техники того времени не способны чётко фиксировать высоту, и без ориентиров архиплохо, посему летуны не выдерживают и садятся в Эклипсе, где был военный пункт и старая посадочная площадка (запасный аэродром под присмотром одного гражданского служащего). Дальше всё чётко и без лишних слов: «хранитель аэродрома» открывает почему-то припрятанную у него бочку селёдки, летуны достают антифризный спирт, подходят два печальных (сдвинутых по фазе?!) лейтенанта и мы двое суток коротаем пургу под всяческие воспоминания, долгие неоднократные сентенции «хранителя» о якобы виновности Хрущёва в уходе от него жены (отсюда или на материке?) и полупросьбы-требования летунов ко мне – вызвать самолёт, который будет лететь впереди, фиксируя горизонт. Но всё кончается, и удачно совместилось улучшение погоды, завершение выпивки и протрезвление пилотов. А буквально через час с небольшим я выгрузился в Бирулях, получил от *Л.А.Чайки* «полувтык» (возможно, частично и заслуженный) за долговременную эпопею и

опасения в возможности выполнения программы горнопроходческих, документационных и опробовательских работ. И проводил его в Диксон, откуда он должен был перегнать прибывающие морем вездеходы. Затем был месяц почти круглосуточных трудов на телах пегматитов: проходчики «долбили» траншеи, я взрывал, и мы с *Л.Махлеевым* документировали. Отдыхали в палатках, где *Т.Н.Рыбалкин* кормил нас отколотыми от замороженных глыб и растопленными щами (у него почему-то всегда заканчивались спички, примуса гасли, а драгоценная иголка для чистки горелок была одна). Наконец, всё было выполнено, и мы вернулись к Бирулинскому лагерю. К этому времени сюда из Диксона на двух новых вездеходах добрался *Л.А.Чайка*, и началась новая эпопея – спасение полярной станции на острове, оставшейся без топлива (корабли не прошли), и подготовка аэродрома для вылета. Склад угля древнего завоза находился на островке в десятке километров от Полярной станции. Мы сделали на двух вездеходах две «ездки», каждая продолжительностью 1-1,5 суток. Пришлось прорываться через торосы, взрывать покрышку и уголь, набивать его в мешки и так транспортировать. А после каждого рейса – горячая еда со спиртом и несколькочасовой отдых. Тогда я впервые попробовал мясо полярного медведя, искавшего пищи и приключений на станции. Котлеты были неплохи, но суп не пошёл даже «с голодухи» и под спирт, ибо добровольная повариха очень хотела ублажить нас, бедненьких, наваристо-жирненьким варевом. В общем, вскоре станция могла зимовать и работать, а у нас осталась проблема с вывозом! Хорошо, что в пришедшую морозную зиму распогодило и нам аврально удалось расчистить временную взлётную полосу – и принять на неё самолёт! Наконец, мы летим! 5 ноября, как обычно, столицы для приёма самолётов закрыты, но нашим пилотам каким-то чудом удалось получить разрешение на прилёт в Питер и в ноябрьские праздники мы были уже дома!

В завершение рассказов о подрывной деятельности моей. Вспоминается анекдотичный случай сезона 1959 года. Все партии Таймырской экспедиции *Ю.Е.Погребицкого* в сентябре завершили работы и начали полевую камералку на Полярной станции бухты Ожидания (оз. Таймыр). Мы с *Г.П.Явшицем* окончили работы на участках рудопроявлений группы Гном на речке Белоснежка – всем так хотелось, чтобы их было семь, уничтожили остатки ВМ, и, забрав два ящика аммонита, поплыли к станции, коварно замышляя удивить и порадовать всех салютом. Вблизи станции есть маленький островок-скала, на вершину которой мы с трудом всё втащили, отмотали максимум шнура, благословясь запалили и отчалили. Взрыв был весьма впечатляющим и по громкости, и по количеству обломков. Но никто не появился на берегу, а мы были без взрывного эффекта, но всё же нормально-радостно встречены лишь в доме, где никто даже не услышал ничего необычного. Однако в том, что есть справедливость, мы убедились уже через сутки, когда в доме со страшным грохотом взорвались сразу несколько банок сэкономленной сгущёнки, которую наши сладкоежки-гурманы заботливо варили на плите. И забыли! При этом больше всего пострадали потолки и верхние нары, а моя карта, лежавшая на столе, осталась целёхонька, т.к. все бомбы упали рядом!

Былое и думы

Будучи нередко буквально «затапливаемыми» потоками негативной информации о творимых нарушениях и безобразиях, причём в ситуациях, когда суть ясна, истина очевидна, но зло не только совершено, но чаще и не наказано, мы видим, что при больших, радикальных и часто позитивных изменениях в нашей жизни и отношениях очень многое в этом плане остаётся почти неизменным. И особенно – обычность и привычность того, что на любом месте, в любой момент и любой ситуации (даже по мелочам и при очевидности) могут возникнуть неожиданные сложности и неразрешимости. Которые могут привести к большим трудностям и даже к трагедии, или же так же неожиданно «лопнуть». И признание как бы неизбежности этого, и ожидание таких невзгод очень прочно укоренилось в сознании людей – в их отношении к действительности и поведении.

Весьма «поучительные» события такого характера произошли и в моей семье, усложнив многое. В 1973 году после пятилетней работы в Алжире мы возвратились домой. Точнее – вернулись сначала жена с дочкой, а я задержался на 3 месяца. Получаю от неё письмо, что с новым паспортом (она меняла, ибо закончился срок действия старого) её не прописывают, из нашей квартиры мы выписаны, из очереди в жилищном кооперативе исключены, а ей, естественно, не устроиться на работу. Причина всего: Министерство геологии, пролонгировав мой контракт на работу в АНДР, не продлило бронирование моей жилплощади в Ленинграде. И все службы исключили нас тотчас и повсеместно! Думая, что это мелочь, которую можно быстро исправить, но с «притихшей эйфорией» возврата на Родину, я появился в Союзе. В НИИГА меня не уволили (ибо я был откомандирован на работу), но все хождения по инстанциям на районном и городском уровнях были безрезультатны. Мы как на чужбине (или хуже!) – заявления даже не рассматриваются, то, что я родился в Ленинграде и блокадник, тогда никого не интересовало, а что интересовало их – мне было неясно. Стандартный ответ (в лучшем случае) – «Когда будет бумага из Москвы, что они виноваты, а не Вы – начнём разговаривать и разбираться». Но в Министерстве мне категорически отказались давать такого типа документ. «Неужели ты думаешь, что они признают свою вину», - говорили мне сочувствовавшие. А мне была ясна глупость происходящего в казавшейся придуманной ситуации, но не понимал я тогда важнейших российских принципов: «без бумажки – ты букашка», «не подмажешь – не поедешь» и др. Почему-то мысль о «отблагодарении радетеля» даже не возникла и почему-то никто не подсказал этого. Смог ли бы я – не знаю, но, наверное, да. Вернувшись с очередным фиаско из Москвы, я бегал по юристам, пока в центральной адвокатской консультации на Невском мне вальяжно-раскормленный адвокат не заявил, что всё сделано правильно, законно и в Ленинграде нам нет места. Вероятно, и он ждал начала иных разговоров, но я ушёл, едва удержавшись от…

Нас окончательно выкинули из подошедшей очереди на кооперативную квартиру.

И в это время невзгод, общих переживаний, нереальной глупости и безысходности ситуации кто-то отправил меня в Большой дом к милицейскому начальнику на приём. Кто был этот благодетель – не знаем (только что пытались с женой восстановить в памяти и не смогли). Но это был невероятный случай, когда один миг решил всё. Визит занял считаные минуты и был немногословным. Прочитав моё очередное заявление и отодвинув кучку накопившихся бумажек, Начальник (фамилии тоже не помню) написал одно слово – «прописать» и расписался. Больше не потребовалось ничего – незамедлительно пошла цепь восстановлений в правах, единственное – нам подыскивали уже другую кооперативную квартиру, т.к. старая очередь ушла.

Кому же была нужна эта бессмысленная чехарда, возникшая буквально на пустом месте из-за нерадивости одного чиновничка, породившая кучу хлопот, ненужных бумагомарания и трат времени и буквально захлопнутая росчерком пера большого начальника?! А ведь и он мог решить (или не решить) всё по-другому, будучи, например, не в духе!

Неисповедимо многое на Руси! И многое, увы, творится по-прежнему, хотя, может быть, и «в новом разливе». В общем, C’est la vie! – а как это по-русски?

ЭРЛИХ Э.Н.

Легенды Томтора

(к истории открытия)

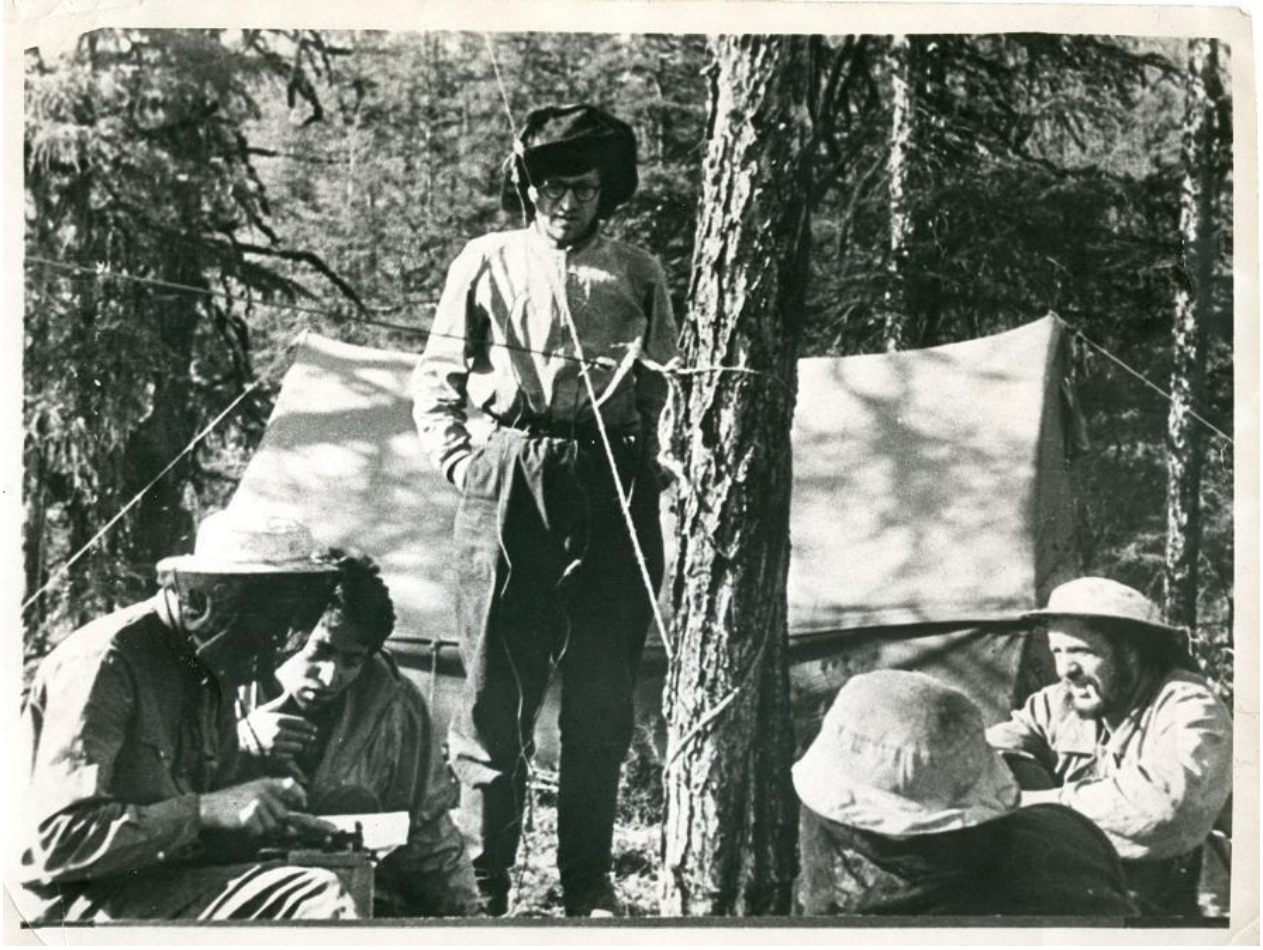
Тема настоящей заметки – история открытия массива Томтор и прогноза связанного с ним оруденения. Сегодня это уже действительно история, которую невозможно обойти стороной. По любым меркам открытие Томтора - одно из крупнейших достижений организации, что было прямо отмечено в сборнике, посвященном 50-летию НИИГА-ВНИИОкеангеологии[*].

Чтобы оценить масштаб открытия, достаточно взглянуть на представленные к защите в ВКЗ запасы только одного из участков Томтора – Буранного. Общие подтвержденные запасы ниобиевого пятиоксида составляют 73 636 миллионов тонн, при среднем содержании 8.2%. Для сравнения среднее содержание его в крупнейшем мировом месторождении Араша (Бразилия) составляет 2.5%. Содержание суммы редкоземельных элементов (RRE) в рудах Буранного составляет 153 766 миллионов тонн, с содержанием окиси лантана 15% и 0.8% иттрия. К этому надо добавить огромные содержания такого высокоценного компонента как скандий. По всем данным Буранный является крупнейшим в мире месторождением скандиево-редкоземельных-иттриевых-ниобиевых руд. Особенность руд Томтора состоит в исключительно высоких содержаниях рудных компонентов. По существу, это – не нуждающиеся в обогащении природные концентраты. Исходя из современных потребностей в перечисленных компонентах, можно считать, что месторождение будет покрывать мировые потребности в них в течение более 100 лет. Необходимые начальные вложения будут окуплены в течение всего 3-6 лет. С деталями можно ознакомиться в статье *А.В.Толстова* и его соавторов[†]. Открытие такого масштаба является законной гордостью свершившей его организации, и любые юбилейные сборники не могут обойтись без материалов о нем.

Вся история открытия Томтора укладывается во временной интервал, отраженный двумя фотографиями. На первой я в 1959 году «даю месячный план» в экспедицию и сообщаю по рации, что мы нашли крупнейший в мире массив ультраосновных-щелочных пород, названный нами Томтором; на второй – к концу 90-х тайгу прорезали просеки вдоль буровых профилей, на которых стоят готовые к бурению станки. Это завершающий этап разведки участка Буранный - свидетельство того, что мы сделали свое дело и передали эстафету разведчикам.

[*] НИИГА – ВНИИОкеангеология 50 лет научного поиска. – СПб., ВНИИОкеангеология, 1998, 127 с.

[†] *Толстов А.В., Коноплев А.Д., Кузьмин В.И.* 2011, Особенности формирования уникального редкометалльного месторождения Томтор и оценки его освоения. Разведка и охрана недр, № 6, стр. 20-26.

1959 год. Эпоха геологической съемки масштаба 1:200000. «Даём план!» Заодно сообщаем об обнаружении крупнейшего массива ультраосновных-щелочных пород, который мы назвали Томтор. Второй слева присел рядом с радистом – автор. Стоит – геолог партии *В.И.Степаненко*.

Фото *Е.Н.Каменева*

Конец 90-х годов. Тайгу прорезали просеки буровых профилей. По ним проведено бурение, в результате подсчитаны запасы руды.

Фото из архива А.*В.Толстова*

История открытия Томтора в очерченный интервал времени была драматичной.

Вроде бы отошли в прошлое времена, когда обсуждался вопрос, кому принадлежит заслуга открытия Томтора. В 1992 году в журнале «Природа» была опубликована статья, утверждающая, что *С.М.Кравченко* предсказал наличие здесь гигантских запасов ниобиевых руд и вообще был первооткрывателем массива. К слову сказать, *Свет Моисеевич* был на Томторе дважды мельком, только чтобы ознакомиться с керном скважин[*].

Теперь главный вопрос не в том, кем был найден Томтор, а как это было сделано и почему. Ответы на эти вопросы менялись с течением времени. В уже упомянутом сборнике к 50-летию НИИГА события представали примерно такими, какими они и были на самом деле.

В своих воспоминаниях *Л.Л.Степанов*[†] тщательно перечисляет заслуги всех, кто работал в партии: буровики бурили, водители вели вездеходы и тракторы, геофизики рубили магистрали и профиля и проводили наземную магнитную съемку, все мы вместе строили базовый лагерь на высокой террасе Уджи, который простоял много больше положенного срока. Но ведь, в конце концов, это происходит в любой геологической партии почти каждый полевой сезон. Все это правда и именно благодаря этому мы выстояли. Сам *Лев Львович Степанов*, начальник партии, был, безусловно, ключом к тому, что партия вообще смогла хоть что-либо сделать. Это он организовывал транспортировку и строительство базы на Удже. На нем лежала организация снабжения партии всем необходимым и, наконец, ежедневное руководство сложными комплексными работами, включавшими и геофизику, и бурение, и горные работы. Общее отношение *Льва* к людям можно определить как «патернализм». Он все время чувствовал себя отцом-командиром по отношению ко всем и всему. Классическим выражением этого отношения была его традиционная радиограмма: «Работайте, ребятки, работайте спокойно. Я о вас помню». В прямом переводе это обычно означало: «Спирт (и вообще, все, что необходимо) будет прислан».

В вопросы геологического строения он не вмешивался, считая, что результат придет в итоге серии правильно выполненных технических операций. Эволюция идей в ходе исследования Томтора в деталях рассмотрена в моей статье, опубликованной в журнале «Звезда»[‡].

Открытие Томтора - это вопрос оценки основных черт его геологического строения. Оценки эти резко менялись с течением времени. Одно оставалось неизменным при этом – признание огромных размеров массива. Вначале это было приравнивание Томтора к Хибинам. Сходство пород внешней, нефелин-сиенитовой, зоны массива с породами Хибинского массива настолько

[*] *Кравченко С.М., Беляков А. И.* Новичок среди гигантов. Природа, 1992, № 4, стр. 50-55.
[†] *Степанов Л.Л.* Полярники пишут сами (юбилейные воспоминания), поясвященные 40-летию ПМГРЭ, СПб, Ломоносов, 2002
[‡] *Эрлих Э.Н.* Найти месторождение. Звезда, 2006, № 12.

бросалось в глаза, что для этих пород прямо использовалось название рисчоррит, по имени одной из гор Хибинского массива. Вопрос состоял в том, какова природа этих нефелиновых сиенитов – принадлежат ли они к группе агпаитовых или миаскитовых нефелиновых сиенитов. От ответа на этот вопрос зависела оценка рудоносности массива. В случае агпаитовой природы пород с большой вероятностью можно было ожидать наличия месторождений хибинского типа – апатитовых и редкоземельных. На втором этапе в центре внимания стал вопрос о природе центрального ядра массива. По данным аэромагнитной съемки, оно было немагнитным и по результатам бурения здесь были развиты карбонатиты. Признание карбонатитовой природы ядра Томтора означало, что мы имеем дело с крупнейшим карбонатитовым массивом мира. Признав это, можно было смело прогнозировать огромные масштабы оруденения на массиве. По обоим вопросам моя оценка вкорне расходилась с мнением *Л.С.Егорова* - крупнейшего в Институте специалиста по ультраосновным-щелочным породам. Он считал, что нефелиновые сиениты Томтора принадлежат к миаскитовой группе. Удивляло, что исследователь, мужественно отстаивавший магматическую природу карбонатитов, не мог допустить уникальность их размеров на Томторе. Но Природа полна неожиданностей и не всегда совпадает с нашими представлениями.

Именно преодоление себя и признание всей необычности Томтора и дало возможность уверенно прогрозировать его рудоносность (как тип оруденения, так и его размеры). Первым успехом на этом пути было обнаружение дайкообразных тел, сложенных сплошными магнетитами. Это было месторождение железных руд типа знаменитой шведской Кируны. Конечно, небольшое месторождение железных руд в условиях арктических районов никакого интереса не представляло, но оно давало ключ к тому, какие породы слагают ядро массива. Было почти очевидно, что оно сложено чем-то необычным. Судя по геофизическим данным, материал ядра Томтора был не магнитен и легок. Всего вероятнее, что такая отрицательная аномалия поля силы тяжести и отсутствие магнитных аномалий могли быть связано только с карбонатитами. Несмотря на огромное впечатление, которое производили «чушки» керна чистого магнетита, для меня куда важнее были участки керна, сложенные карбонат-магнетитовыми агрегатами со слюдой и апатитом. Эта комбинация минералов подтверждала, что чистый магнетит является указателем наличия магнетит-апатитовых руд типа известных в Котуй-Маймечинской провинции. Состав прожилков, секущих магнетит, также подтверждал, что в центральной части массива мы должны ожидать карбонатиты. Но если так, то мы имели дело с самым большим карбонатитовым массивом мира! Так что зря *Л.Л.Степанов* в своих воспоминаниях говорит, что нам все было непонятно и что «партия гудела», якобы потеряв ориентировку. Если бы это было так, меня надо было бы немедленно уволить за профессиональное несоответствие должности. И, при самых хороших отношениях между нами, *Лев* не поколебался бы сделать это. Вот это предсказание карбонатитовой природы ядра легло в основу моего доклада

заказчику – Амакинской экспедиции – о результатах бурения в ходе первого полевого сезона на Томторе.

Этот поворот – находка карбонатитового ядра массива, ожидавшийся мной еще по результатам первого года и позднее подтвержденный в следующем сезоне, заставил в корне пересмотреть концепцию направления поисков. Если до того все надежды на результаты поисковых работ связывались с месторождениями, ассоциирующимися с нефелиновыми сиенитами (хибинский тип!), то теперь все было нацелено на подтверждение рудоносности карбонатитов центрального ядра.

С Томтором связана и еще одна легенда, рассказанная мне *А.В.Толстовым*. В период разведки геологи Эбеляхской партии нашли незадокументированный керн наиболее богатых руд. Благодаря этому предсказанное месторождение не было подтверждено (то есть пропущено нами!). Это связано со слабой стороной наших работ на Томторе: мы практически не знали редкоземельных минералов, особенно в формах, характерных для кор выветривания. *Г.И.Поршнев*, документировавший керн, не знал, как выглядят редкоземельные минералы, особенно в условиях коры выветривания, и сливные черные прослои редкоземельных минералов в керне попросту списал как пермские угли. Рудные интервалы не были опробованы по той же причине, по которой *Герман* попросту выбрасывал любые спорные факты. Это небрежение к «сомнительным» деталям едва не свело на нет все усилия первых лет по открытию Томтора. *Герман Иванович* включен (посмертно!) в списки первооткрывателей Томтора по должности, как главный геолог договорной партии НИИГА с 1976 года. Эпизод с керном - лучший пример того, как осторожность и безразличие в совокупности приводят к пропуску месторождений.

В уже цитированной выше статье *Л.Л.Степанов* писал, что я в последние недели перед инсультом буквально надоел всем идеей о том, что после нас здесь встанет город. Это – истинная правда, но не вся. В больнице в Тикси в постинсультном бреду я рассказывал медсёстрам, что мы нашли огромное месторождение. Они поддразнивали меня и, как мне рассказывали позже, между нами шёл диалог:

- Что же будут делать с этим месторождением?
- Разрабатывать! И вывозить.
- Что вывозить?
- Г…о, конечно, что же ещё. Но сначала брикетировать, у нас и фабрика есть. На нашей фабричке ни одной забастовочки!
- Куда вывозить?
- В Западный Берлин!
- На чём?
- На танкерах!
- Откуда?
- Из вашего Тикси.

Все весело смеялись…

Оба сюжета – мечта о светлых городах, которые вырастут по следам работ геологов, и идея о вывозе именно в Западный Берлин - в точности соответствуют идеологическому пойлу, которым нас пичкали. Они и отразились в постинсультном бреду.

Совершенно новый поворот в обсуждении истории открытия Томтора связан с серией работ, основным автором которых является *Д.А.Додин*. Наиболее полная из них опубликована в журнале Литосфера[*]. История Томтора лишь деталь этой статьи. Но в точности по *Л.Л.Степанову*, авторам важно упомянуть всех вообще работавших в этом районе, вне зависимости от роли в открытии минерализации; такое перечисление ведёт к необоснованному пересмотру истинной картины открытия. Они цитируют все опубликованные на эту тему работы, но при этом выпадает главное - чем же необычен Томтор. Ни слова нет об открытии (фактически предсказании) присутствия в его ядре крупнейшего в мире карбонатитового тела, с которым и связано уникальное по размерам редкометалльное и редкоземельное оруденение. Более того, ставится знак равенства между открытием Томтора к обнаружением второго в Уджинском районе крупного массива нефелин-содержащих пород Богдо, на котором карбонатитов нет вообще. Отношение к вопросам первооткрывательства резко изменяется, когда они переходят к рассмотрению другого крупнейшего месторождения – Талнаха, в изучении района принимал участие *Д.А.Додин*. Тут прямо-таки поражает отсутствие даже самого имени общепризнанного первооткрывателя *Г.Д.Маслова*. Зато в статье появляется взятая из отчета 1959 года схема ореола рудоносных долеритов и роговиков, составленная *Д.А.Додиным* и *В.С.Голубковым* в районе будущих месторождений Талнаха и Октябрьского. Она должна свидетельствовать, что Талнах и другие месторождения этой группы были предсказаны ее авторами. Но на этом все и окончилось. Открытие месторождения могло произойти, только если бы авторы схемы поставили на карту свою профессиональную репутацию, что было сделано в отношении Томтора. Если же схема осталась известной лишь рецензентам отчета, то ни о каком открытии говорить не приходится. Талнах в итоге был попросту пропущен и открыт несколько лет спустя. Автор прогноза, *Г.Д.Маслов*, был отстранен от работы по разведке месторождения, вычеркнут из списков, награжденных, а автор схемы ореола валунов, *Д.А.Додин*, стал председателем комитета «Платина России». Но это уже не относится к теме данной заметки.

[*] Додин Д.А., Иванов В.Л., Каминский В.Д., 2008, Российская Арктика – крупная минерально-сырьевая база страны (к 60-летию НИИГА-ВНИИОкеангеологии). Литосфера, №4, стр. 76-92

ИЗ ФОТОАРХИВА ОТДЕЛА НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИКИ И МИРОВОГО ОКЕАНА – ОНАИМО

К 75-летию О.И.Супруненко

Среда 30 мая 2012 №96 | Коммерсантъ

Сегодня исполняется 75 лет
заслуженному геологу России,
доктору геол.-мин. наук, профессору СПбГУ,
заместителю директора по научной работе
ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С. Грамберга»

Олегу Ивановичу СУПРУНЕНКО

Дорогой Олег Иванович, от имени геологов и геофизиков нашего института примите искренние поздравления с Вашим юбилеем! Желаем здоровья, энергии и оптимизма, новых деловых свершений на трудном пути изучения российского шельфа, благополучия Вам и Вашим близким!

Коллектив отдела нефтегазоносности Арктики и Мирового океана – «Зенит-Чемпион!»

Васильева О., Трухалев А.И., Еремина Е.Г., Волошина О., Гололобов Ю.Н. (Севморгео), Карпова С., Тугарова М.А., Лазуркин Д.В., Ким Б.И., Скворцов Е.Г., Аветисов Г.П., Устрицкий В.И., Стоянов С.Ф., Устинов Н.В., Харитонова Л.Я., Столбов Н.М., Гончаров А.В., Кораго Е.А.

Харитонова Л.Я., Столбов Н.М., Гончаров А.В., Супруненко О.И., Потанина Л.П.

Еремина Е.Г., Медведева Т.Ю.

Президенту СССР Горбачеву

Президенту СССР
товарищу Горбачеву М.С.

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Среди природных богатств нашей Родины одним из важнейших является минеральное сырье, общая ценность разведанных запасов которого оценивается в 7,6 триллиона рублей. Созданный на этой основе минерально-сырьевой комплекс аккумулирует треть производственных фондов промышленности, пятую часть трудовых ресурсов, обеспечивает более половины валютных поступлений страны.

Вместе с тем, состояние сырьевой базы страны вызывает серьезную озабоченность. Сокращается обеспечение полезными ископаемыми ряда крупных горнодобывающих комплексов (алмазодобывающих предприятий Сибири, медеплавильных заводов Казахстана и Урала, вольфрамовых рудников Средней Азии и Приморья). Из-за истощения сырьевой базы падает добыча нефти в Урало-Поволжье, на Украине и в Белоруссии. Около 60 процентов золотодобывающих предприятий имеют сырьевую обеспеченность менее 10 лет, почти два десятка видов минерального сырья (бокситы, олово, молибден, вольфрам, титан, цирконий и др.) ввозятся из-за границы.

До сих пор не завершено геологическое картирование территории страны. Геологическая карта масштаба 1:1000000 составлена на три четверти территории СССР, съемками масштаба 1:50000 покрыта третья часть страны.

Формируемые на этом фоне предложения о необходимости значительного сокращения в 1991 году затрат на геологоразведочные работы не соответствуют объективным потребностям экономики и в случае их реализации будут иметь долгосрочные негативные последствия на параметры и структуру минерально-сырьевой базы страны.

Другая опасность грозит единой геологической службе страны со стороны сил, намеренных расчленить ее по территориальному признаку.

Мы полностью разделяем Ваше мнение о том,что тенденции к сепаратизму, стремление отгородиться друг от друга способны лишь еще более осложнить экономическое положение республик и страны в целом.

Учитывая стратегическое значение минерально-сырьевых ресурсов, неравномерность их размещения на территории страны, а также несовпадение геологических и административных границ, считаем целесообразным создать союзно-республиканский орган управления геологоразведочными работами и охраной недр.

В отдельных развитых странах в последние годы осуществляются специальные целевые программы по рациональному обеспечению сырьевыми ресурсами и топливом. Так, например, в США в 1980 году был принят закон о национальной политике, исследованиях и разработках в области минерального сырья, а с 1982 года реализуется национальная программа по данному вопросу. Координируют её подотчетные Конгрессу Геологическая служба и Горное Бюро Министерства внутренних дел США, которые контролируют направления и объемы геологоразведочных работ, производство, импорт, экспорт, резервирование и потребление всех основных видов минерального сырья. На основе информации рудников, металлургических заводов, предприятий повторного цикла, таможенной службы и основных пользователей, а также зарубежных источников составляются обзоры собственного и мирового производства более чем ста видов сырья и материалов, оцениваются перспективы их добычи, потребления и источники покрытия до 2000 года.

Испытывая тревогу за состояние и дальнейшее развитие минерально-сырьевой базы страны, судьбу единой геологической службы, полагали бы необходимым привлечь Ваше внимание к этим проблемам и просим:

- рассмотреть на Президентском Совете вопрос о национальной политике СССР в области геологии, разведки и охраны недр;

- поручить Совету Министров СССР совместно с АН СССР, Мингео СССР и другими заинтересованными организациями подготовку для рассмотрения в Верховном Совете СССР специальной программы обеспечения экономики топливом и минеральным сырьем;

- включить в Союзный договор раздел "Минерально-сырьевая база страны", в котором в краткой форме изложить делегируемые республиками права и обязанности Центра в области геологии, минерального сырья и охраны недр;

- принять исчерпывающие меры для решения социальных вопросов коллективов геологоразведчиков в условиях перехода к рыночным отношениям и защите их от безработицы.

Рациональное сочетание интересов Союза ССР и союзных республик в вопросах развития минерально-сырьевой базы и охраны недр, видимо, целесообразно закрепить в договорной форме на уровне отрасли.

Мы вынуждены обратиться к Вам, как к Президенту страны, с просьбой взять под контроль процессы текущей и долгосрочной политики в хорошо известной нам области геологической науки и геологоразведочного производства.

С уважением

Народный депутат СССР, академик А.Л.Яншин

Академики М.И. Агошков

И.С.Грамберг

В.С.Сурков

Председателю Думы Рыбкину

Председателю
Федерального Собрания
(Думы) России
И.П.Рыбкину

Глубокоуважаемый Иван Петрович,

К Вам обращается группа академиков-геологов Российской Академии наук с глубокой озабоченностью судьбой минерально-сырьевой базы страны и развитием геологического изучения России, вызванными отсутствием финансирования геологоразведочных работ.

Объем геологических исследований, связанных с укреплением минерально-сырьевой базы страны, изучением геологического строения и эволюции земной коры, исследованием шельфа России, сократился за последние три года более, чем в два раза.

Впервые в 1993 году добыча практически всех видов полезных ископаемых не была скомпенсирована приростом запасов, а сырьевая база полезных ископаемых уже приближается к опасной степени выработанности. Такую ситуацию следует рассматривать как крайне критическую, представляющую серьезную опасность для всей промышленности России.

Правительством России для обеспечения стабильности геологоразведочных работ был принят ряд постановлений, которые не были выполнены. Одним из них (№ 1359 от 30.12.93) обоснованно предусматривалось финансирование геологоразведочных работ федерального значения из республиканского бюджета, как. это принято во всех развитых странах мира.

Однако, в представленном проекте бюджета Российской Федерации на 1994 год ассигнования на эти работы не предусмотрены.

Для обеспечения геологического изучения территории России и развития ее минерально-сырьевой базы просим предусмотреть в бюджете Российской Федерации на 1994 год ассигнования в объеме, необходимом для финансирования геологоразведочных работ федерального значения.

И.С. Грамберг
Н.Л. Добрецов
В.И. Мариков
А.Э. Конторович
Н.П. Лаверов
Б.С. Соколов
В.С. Сурков
А.Д. Чеглов
И.Л. Яншин

31 марта 1994 года

Председателю
Совета Федерации Российской Федерации
С.М.Миронову

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

Обращаемся к Вам как к нашему бывшему коллеге по государственной геологической службе. Создалось критическое положение с проведением научно-исследовательских и геологоразведочных работ на континентальном шельфе России и в Мировом океане, направленных на реализацию Морской Доктрины России, федеральных целевых программ. Выполнение таких работ научными и производственными организациями Министерства природных ресурсов Российской Федерации срывается в связи с полным отсутствием финансирования. Начиная с января 2002 года, не выплачивается зарплата, несмотря на то, что в бюджете на 2002 г. на геологоразведочные работы предусмотрено 7,3 млрд.руб. Начинается распад трудовых коллективов, ввиду неясных перспектив, уходят наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего, молодые. Фактически происходит необъявленное, тихое удушение государственной геологической службы.

Если такая служба стране не нужна, то законы цивилизованного государства предполагают следующий порядок действий: объявить о предстоящей ликвидации геологической службы, подготовить финансовую базу для ликвидации, осуществить расформирование службы. Однако до принятия такого решения следует просчитать его экономические и социальные последствия. Вы, как профессионал, по-видимому, согласитесь с нами, что уже через несколько лет после ликвидации государственной геологической службы Россия столкнется с проблемой исчерпанности подготовленных высокоэффективных запасов важнейших видов полезных ископаемых. На неизбежное же восстановление службы в будущем потребуется многократно больше усилий и средств, чем на поддержание ее функционирования.

Член-корреспондент
Российской Академии Наук,
доктор геолого-минералогических наук,
профессор Ю.Е.Погребицкий
Дом. адрес: 190060 СПб, наб. Крюкова канала, 14, кв. 2, тел. 114-01-45

Доктор геолого-минералогических наук,
профессор О.И.Супруненко
Дом. адрес: 198095 СПб, ул. Балтийская, 2/14, кв. 73, тел. 186-54-63

Весна 2002 г.

Губернатору
г.Санкт-Петербурга
В.А.Яковлеву

Глубокоуважаемый Владимир Анатольевич!

Вынуждены привлечь Ваше внимание к вопросу невыплаты с начала 2002 г. заработной платы работникам государственной геологической службы, количество которых в нашем городе достаточно велико. Хотя Законом о федеральном бюджете на 2002 г. предусмотрено 7,3 млрд.руб. на финансирование службы, фактические невыплаты зарплаты федеральным ведомством – Министерством природных ресурсов РФ – ~~приводят к отсутствию налоговых поступлений в бюджет Санкт-Петербурга~~ * и создают излишнюю социальную напряженность в коллективах геологических организаций города. и приводят к их экономической несостоятельности

Просим употребить Ваше влияние для скорейшего разрешения возникшей ситуации.

Член-корреспондент
Российской Академии Наук,
доктор геолого-минералогических наук, зав. отделом Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов
профессор С.-Петербургского горного института Ю.Е.Погребицкий
Дом. адрес: 190060 СПб, наб. Крюкова канала, 14, кв. 2, тел. 114-01-45

Доктор геолого-минералогических наук, зав.отделом Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов Мирового океана МПР (ВНИИ Океангеология),
профессор, зав. кафедрой С.-Петербургского государственного университета О.И.Супруненко
Дом. адрес: 198095 СПб, ул. Балтийская, 2/14, кв. 73, тел. 186-54-63

* Здесь и далее правка Ю.Е.Погребицкого

Осуществлённая мечта

Статья М. Г. РАВИЧА, главного геолога Таймырской экспедиции, кандидата геолого-минералогических наук

ДЕСЯТЬ лет назад, весной 1937 года в Ленинградском Дворце пионеров работали научные кружки. Пионер Вольфрам Токарев тщательно готовил доклад о хибинских апатитах и принёс на занятия минералы Кольского полуострова. Тихий, не по летам серьёзный, его товарищ Леонид Чайка помогал своему другу: рисовал карты, вместе с ним собирал образцы для геологической коллекции и не меньше его волновался, как пройдёт доклад.

Я был тогда руководителем этого кружка. Вскоре мне пришлось расстаться с ребятами, так как летом 1937 года я отплыл в Арктику в составе Таймырской экспедиции Арктического института. Лёня и Вольфрам мечтали поехать вместе со мной, но это были только мечты — впереди ещё оставалось несколько лет школьной учёбы. Ребята провожали меня и обещали обязательно стать геологами.

Отгремели бои Великой Отечественной войны. Токарев и Чайка — студенты Ленинградского Горного института — снова вернулись учиться. И вот в 1946 году осуществилась их давнишняя мечта. Они плыли в августе 1946 года на ледокольном пароходе «Дежнев» по Карскому морю в составе Таймырской комплексной экспедиции, куда были зачислены как практиканты.

В начале сентября корабль доставил нас в Таймырскую губу.

Лёня Чайка с геологом Вакаром отправились по реке Нижней Таймыре на Таймырское озеро. Через три дня они достигли бухты Ожидания и здесь основали свою базу. Далее геологи на катере поплыли по неизведанному озеру и продвигались на восток, пока им не преградил путь молодой лёд. Это было в середине сентября.

Геологи, упорно преодолевая препятствия, первые проникли на южные склоны хребта Бырранга. С гор брали начало многочисленные речки. На некоторых из них побывал Лёня Чайка. Он давал рекам имена зверей — коренных обитателей восточного Таймыра. На реке Волчьей Лёня, размахивая рюкзаком и молотком, отбивался от свирепых полярных волков. На реке Оленьей он вместе с нашими промышленниками убил оленя.

Лёня изучал горные породы и минералы, собирал образцы и вместе с геологом проникал в тайны земных недр. В предгорьях Бырранга они нашли уголь и минералы, содержащие железо, медь и никель, количество которых будет определено в лабораториях, после чего выяснится их значение.

Вольфрам Токарев вместе с другой партией геологов и топографов пересек Таймырскую губу и высадился на полуострове Короля Оскара. Наши кунгасы, на которых мы перевозили вездеходы, резали уже молодой ледок, и однажды мы на несколько часов, путь на другой берег был бы отрезан.

На вездеходах мы достигли Гафиртфиорда (залива). В глубине фиорда обнаружили устье неизвестной реки, названной нами Ленинградской рекой. Вольфрам не попал на новую реку. В это время он работал в горле фиорда, где были обнаружены интереснейшие геологические отложения. Там ему посчастливилось принять участие в охоте на белого медведя, который спал на кромке льда. Нам нехватало свежего мяса, бесконечные консервы надоели, и свежее мясо было надёжным средством предохранения от цынги.

В конце октября мы вернулись на свои исходные базы. Геологи готовились к отлёту в Ленинград. Тяжёлые условия зимы 1946—47 года сорвали наш своевременный от'езд в Ленинград. Оставшись на зимовку, Токарев и Чайка настойчиво занимались минералогией и английским языком, участвовали в общих работах зимовки: кололи лёд, ездили собирать топливо — плавник.

Незаметно прошла полярная ночь. Длилась она три месяца. В середине февраля на горизонте показался краешек солнца. Токарев и Чайка вернулись в Ленинград продолжать учёбу в Горном институте.

Так два мальчика-участника пионерского кружка геологов-туристов стали исследователями - полярниками и, несомненно, станут горными инженерами.

Ленинские искры
17 мая 1947 г.

И.С.Грамберг. Международный форум «Топливно-энергетический форум России» г. Санкт-Петербург, Михайловский манеж, 1-5 апреля 2002 г.

И.С.Грамберг и О.И.Супруненко

Супруненко О.И., Устинов Н.В., Павлов А.В., Еремина Е.Г., Грамберг И.С., Медведева Т.Ю., Суслова В.В.